

П. Н. ПАВЛОВ

ПУШНОЙ ПРОМЫСЕЛ
В СИБИРИ XVII В.

Министерство просвещения РСФСР
КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ

П. Н. ПАВЛОВ

**ПУШНОЙ ПРОМЫСЕЛ
В СИБИРИ XVII В.**

Красноярск
1972

Рекомендовано в качестве учебного пособия редакционно-издательским советом института.

Настоящая книга представляет собой учебное пособие, предназначенное для преподавателей и студентов исторических факультетов, углубленно изучающих историю Сибири в спецкурсах и спецсеминарах. Она и написана на основе спецкурсов, читаемых автором в течение ряда лет в Красноярском пединституте. В то же время это самостоятельное оригинальное исследование по истории пушного промысла в Сибири периода ее начального освоения русскими.

В работе рассматривается широкий круг вопросов: состояние пушной охоты в дорусской Сибири; место пушнины в торговле и финансах страны; природные запасы ценных зверей и естественные возможности промысла; техническая и экономическая организация промысловой охоты и возможность самостоятельного мелкого промысла; место пушного промысла среди других отраслей хозяйства Сибири.

Книга насыщена конкретными количественными показателями, сведенными в таблицы, которые могут быть использованы в качестве источника.

Ответственный редактор А. Н. ФАЛАЛЕЕВ.

ВВЕДЕНИЕ

1. Пушной промысел и промысловая колонизация Сибири XVII в. в исторической литературе

Нет необходимости доказывать значение специального изучения пушного промысла в Сибири времени ее начального освоения русскими. Стремительное продвижение сотен и тысяч русских промышленников в Восточной Сибири (добыча пушнины приблизилась к высшему для феодальной эпохи уровню уже во второй четверти XVII в., когда только еще возникали гнезда земледельческих слобод и деревень и лишь в немногих городах появились ремесленные посады) не могло не оказать заметного влияния на темпы присоединения края к России и на характер русской колонизации Сибири, особенно ее восточных районов, в целом. Торговля сибирской пушниной, находившей спрос на русских и зарубежных рынках, упрочивала экономические связи Сибири с Европейской Россией, способствовала накоплению крупных купеческих капиталов. Сибирские меха были важным источником государственного бюджета. Не случайно сибирская пушнина издавна находила отражение в литературе.

В дореволюционное время едва ли не все, кто в той или иной связи касался прошлого Сибири, непременно писали и о пушнине, однако чаще всего мимоходом, без анализа и нередко даже без привлечения источников. В советской историографии Сибири XVII в., особенно на современном этапе ее развития, появились отдельные глубокие исследования пушного промысла или некоторых его аспектов, но они не обобщены в масштабах всего края. Продолжают преобладать попутные упоминания о сибирской пушнине. Порождая ошибочное представление об изученности темы, они создают впечатление о пушном промысле тоже как о попутном, побочном занятии.

Несоответствие места пушного промысла в экономике Сибири XVII в. и места, отводимого ему в литературе, свидетельствует не только о слабой изученности пушного промысла, но и о недостаточном внимании к имеющимся о нем работам. Поэтому нужен хотя бы самый беглый обзор литературы.

Историография пушного промысла — тема специального исследования. Настоящий обзор имеет целью проследить лишь главные линии в изучении пушного промысла или в отношении к нему, а также к промысловой колонизации Сибири XVII в., и там, где этого еще не сделано, отметить важнейшие вехи. Поскольку этот обзор дается в качестве введения к конкретному исследованию, в нем не только не анализируются, но даже не упоминаются многие труды советских историков, содержащие фактический материал и отдельные, подчас весьма ценные, выводы, потому что они учитываются в соответствующих разделах предлагаемой работы; в то же время называются некоторые сочинения дореволюционных авторов, не имеющие отношения к историографии, не представляющие для раскрытия темы ценности и не используемые в дальнейшем, но ярко отражающие состояние изученности проблемы в определенное время.

Предлагаемая книга представляет собой первую часть работы автора о русском пушном промысле в Сибири XVII в.¹ В ней рассматриваются экономические проблемы промысла. Вопросы правительственной политики, территориального и социального происхождения промышленников, формирования промыслового населения и социальных отношений на промысле будут предметом книги о промышленных людях в Сибири.² Историографический обзор удобнее по теме в целом.

* * *

О характере промысловой колонизации высказывались как историки-профессионалы, так и представители разных течений общественной мысли, но специально о пушном промысле стали писать поздно. Блестящий расцвет соболиного промысла не нашел отражения в исторической литературе того времени. В исторических повестях первой половины XVII в. вопросы хозяйственного освоения Сибири совсем не затрагиваются. В ря-

¹ Пушной промысел нерусского населения здесь рассматривается лишь попутно, только с целью оттенить промысловую деятельность русских. Он нуждается в специальном изучении.

² Выход книги предполагается в 1973 г.

ду отдельных замечаний о природных возможностях края дается лишь перечень зверей, шкурки которых идут «на одеяние и на украшение разное».³ В «Истории Сибирской» С. У. Ремезова, написанной в конце XVII в., пушнина упоминается только в связи со сбором ясака Ермаком.⁴ Это естественно, потому что в отмеченных трудах изложение доводится до присоединения Сибири к России. Мало конкретных сведений о промысле и у тех авторов, которые описывали современную им Сибирь.

В «Описании Сибири», написанном, по предположению А. И. Андреева, в 80-х годах XVII в. подьячим Посольского приказа Никифором Венюковым, дважды бывшим в Сибири проездом в Китай,⁵ кратко сообщается о ясаке, о занятиях русских земледелием, промыслом и торговлей с бухарцами, калмыками и китайцами, отмечается, что промышленные люди в Прибайкалье «с промыслу своего в казну государскую пошлину дают костью рыбиною и всяким зверем десятину».⁶ Интереснее наблюдения Н. Спафария, который в 1675—1678 гг. совершил путешествие в Китай через Сибирь в качестве русского посла. Н. Спафарий отмечает, что между Енисеем и Леной по притокам Нижней Тунгуски и Подкаменной Тунгуски «множество соболей промышляют», что много «непромышленных и еще непроезданных» мест в Приамурье. На верхних притоках Ангары он заметил зимовья промышленных людей «возле речек», также «вокруг Байкала живут по рекам в зимовьях промышленные люди». Любопытно название «промышленных казачков», которые имели в тех местах зимовья и промышляли соболей.⁷ Эти сведения Н. Спафария о постоянном русском промысловом населении, мимо которых до недавнего времени проходили историки, заслуживают полного доверия и подтверждаются другими источниками. Так же точны его оценки качества соболей по районам.⁸ Но с еще большим вниманием он относился к сибирскому земледелию. Отмечая встреченные им на пути города, остроги или большие деревни, он непременно характеризовал местное земледелие. По-видимому, на этом ос-

³ Сибирские летописи. СПб., 1907, стр. 109, 178.

⁴ Там же, стр. 333.

⁵ А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири, вып. 1, М.-Л., 1960, стр. 69, 71, 160.

⁶ Описание новых земель, сиречь Сибирского царства. В кн.: А. Титов. Сибирь в XVII веке. М., 1890, стр. 74, 78, 85, 87—88. См. также Сибирские летописи, стр. 381 и др.

⁷ Николай Милеску Спафарий. Сибирь и Китай. Кишинев, 1960, стр. 71—72, 115, 85, 101, 102.

⁸ Там же, стр. 115, 119

новании В. Г. Мирзоев полагает, что основой развития сибирской экономики Н. Спафарий считал не добычу пушнины, а развитие земледелия, которому он придавал решающее значение в закреплении края за Россией⁹. Однако надо учитывать, что Н. Спафарий, как и Н. Венюков, посетил Сибирь в то время, когда соболиный промысел был накануне кризиса, а земледелие находилось на подъеме и приближалось к такому уровню, когда оно в недалеком будущем могло обеспечить Сибирь собственным хлебом, но еще не обеспечивало, и это не могло не занимать людей наблюдательных, которые видели ближайшую перспективу.

Широтой взглядов на Сибирь отличался Ю. Крижанич. Хотя его труды, изданные в России только в XIX в., не оказали непосредственного влияния на русскую историографию Сибири, они заслуживают внимания. Юрий Крижанич, несмотря на то, что долго жил в Сибири (в 1661 г. он был сослан в Тобольск, где провел 15 лет), не увлекался мелкими подробностями. В его сочинениях почти нет конкретных данных о сибирской экономике, но, по определению В. Г. Мирзоева, Ю. Крижанич впервые в сибирской да и вообще в историографии поднимает вопрос о развитии производительных сил Сибири.¹⁰ Он выделил в Сибири ландшафтные зоны («климаты») с преимущественным занятием населения пушным промыслом, земледелием и скотоводством. Полоса «первого климата», северного, не пригодная для земледелия, за исключением юга Восточной Сибири, отнесенного сюда Ю. Крижаничем, и средняя полоса, от Верхотурья до Енисейска («второй климат»), где мало соболей, должны были заселяться соответственно охотниками-промысловиками и земледельцами.¹¹ Это не учитывается и теперь некоторыми сторонниками исключительной роли крестьян в заселении и освоении Сибири, забывающими, что в широчайшей полосе «первого климата» крестьянам нечего было делать. В книге под названием «Политика» Ю. Крижанич, определяя роль Сибири в экономике России, говорит, что Сибирь полезна России торговлей с калмыками и бухарцами, мангазейским промыслом, понимая под ним главным образом морской зверовой промысел, железнорудной промышлен-

ностью и меновой торговлей («без пенязь») сукном, платьем, солью, житом в обмен на пушнину с местным населением.¹² Здесь не случайно нет ни земледелия, ни русского пушного промысла: первое не приносило непосредственной «корысти» государству, а второй во времена Крижанича был в упадке. О педущем значении этих отраслей в хозяйстве первых двух «климатов» Сибири он высказался достаточно определенно. Любопытно замечание Ю. Крижанича о ненужности беспредельного расширения владений России на востоке ради пушнины («корзённой казны») и предпочтительности мирных отношений с соседями.¹³ В. Г. Мирзоев раскрывает это положение как призыв Ю. Крижанича к развитию русской и сибирской экономики вглубь, по пути поднятия производительных сил, и выступление против ее развития вширь.¹⁴ Конечно, у Крижанича здесь только туманный намек, но и в современной сибиреведческой литературе постановка вопроса о положительных и отрицательных последствиях освоения окраин редка.¹⁵

В XVII в. рассматривали Сибирь либо до, либо после развитого соболиного промысла. Не привлек этот период пристального внимания и в официальной историографии XVIII в.

Г. Ф. Миллер в большом труде по истории Сибири, написанном на основе громадного архивного материала, в значительной мере им самим выявленного и собранного (он был активным участником Сибирской экспедиции 1733—1743 гг.), хозяйственной деятельности русских касался попутно.¹⁶ Он и не ставил перед собой такой задачи, сосредоточив основное внимание на вопросах присоединения Сибири, которые он освещал с официальных позиций. Приняв вслед за И. Г. Гмелиным разделение Сибири на Западную и Восточную с границей по Енисею¹⁷, Г. Ф. Миллер не пытался характеризовать эконо-

¹² Юрий Крижанич. Политика. М., 1965, стр. 389, 417. См. также В. Г. Мирзоев. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII века, стр. 174.

¹³ См. П. Безсонов. Русское государство в половине XVII века. М., 1859, стр. 107, 122.

¹⁴ В. Г. Мирзоев. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII века, стр. 184.

¹⁵ М. М. Громыко. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск, 1965, стр. 4—5.

¹⁶ Содержательная его работа «Описание о торгах сибирских» относится к XVIII в. (Г. Ф. Миллер. Описание о торгах сибирских. СПб., 1756).

¹⁷ Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. 2. М.—Л., 1941, стр. 64.

⁹ В. Г. Мирзоев. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII века. М., 1960, стр. 148—149.

¹⁰ Там же, стр. 174.

¹¹ (Ю. Крижанич). История о Сибири. В кн.: А. Титов. Сибирь в XVII веке, стр. 168—174.

мико-географические различия между ними. Промысловое движение ему казалось второстепенным делом, подчиненным государственным задачам. Изобилие мехов, писал он, весьма содействовало дальнейшему распространению русской власти в Сибири, так как привлекало множество людей из России, которые приезжали не только ради выгодной торговли, но и для охоты на ценных пушных зверей. Партии промышленных людей, заходившие в отдаленные места, снабжали воевод ценными сведениями, добровольно помогали отрядам служилых людей. «Один за другим шли они постоянно все дальше и дальше вглубь страны». ¹⁸ Его положение о землепроходческой роли промышленников позднее прочно вошло в историческую литературу, но он не увидел еще самостоятельной роли промышленников. Больше того, говоря о постоянном их движении, он изображает промысловую колонизацию как кратковременное явление, совпадающее с моментом присоединения той или иной территории к России.

Почти одновременно с Г. Ф. Миллером, но противоположную точку зрения на характер колонизации Сибири отстаивал М. В. Ломоносов. В работе о северном морском пути он первый в историографии высказывал мысль, что освоение путей на восток Ледовитым океаном было результатом «неутомимых трудов нашего народа», что присоединение Сибири («приращение на восток Российской державы») было произведено «больше частными поисками, нежели государственными силами», а именно: казаками, оставшимися и размножившимися после Ермака, и поморскими жителями, что российские промышленники старались «большие поиски чинить к востоку, а особливо для моржовой кости». ¹⁹ И хотя эта работа впервые была напечатана только в середине XIX в. ²⁰, взгляды великого ученого на народ как главную силу в присоединении и освоении Сибири не остались не замеченными его последователями ²¹.

Последователи Г. Ф. Миллера пошли от него назад. И. Э. Фишер, пересказывая в своей «Сибирской истории» Г. Ф. Миллера, интерпретировал факты несколько иначе. Он

¹⁸ Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. 1. М.—Л., 1937, стр. 301.

¹⁹ М. В. Ломоносов. Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию. Полн. собр. соч., т. 6. М.—Л., 1952, стр. 448.

²⁰ См. М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 602.

²¹ В. Г. Мирзоев. Историография Сибири (XVIII век). Кемерово, 1963, стр. 216—217.

называет промышленных людей бродягами, которые шли из многих провинций в Сибирь, «как на готовую добычу». Разведкой отдаленных мест они оказали государству пользу, но не померной ловлей зверей опустошили многие земли и причинили «ненаградимый вред» ²². Соединив положение Миллера о непрерывном движении промышленников с его сообщением о богатстве Амурской земли соболями, ²³ И. Э. Фишер добавил собственное рассуждение об отступлении диких зверей под натиском промышленников: «Сей вред был бы не столь велик, когда бы они с южных стран Сибири начали свой промысел; ибо тогда дикие звери ушли бы на север; а понеже они начали с северных стран, то звери разбежались на юг на реку Амур, в земли Китайского Хана...» ²⁴.

Несмотря на схоластичность этого рассуждения и опровергающие его материалы ²⁵, схема движения промышленников за отступающими зверями оказалась особенно популярной и живучей в литературе, самой различной по содержанию и направленности. Без всякого изменения переписал это у Фишера в «Историческом описании российской коммерции» М. Д. Чулков ²⁶, который «в известной степени отразил в своих исторических трудах взгляды нарождавшейся русской буржуазии». ²⁷ То же самое сделал, чуть изменив редакцию, чиновник

²² И. Э. Фишер. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774, стр. 195.

²³ Г. Ф. Миллер. Описание о торгах сибирских. СПб., 1756, стр. 82.

²⁴ И. Э. Фишер. Сибирская история, стр. 195.

²⁵ Г. Ф. Миллер задолго до опубликования «Сибирской истории» И. Э. Фишера показал, что качество собольего меха «от востока к западу хуже» (Г. Ф. Миллер. Описание о торгах сибирских, стр. 80), чего не могло быть при перемещении зверей. Позднее была опубликована под авторством И. Яхонтова работа С. П. Крашенинникова о витимском соболином промысле (И. Яхонтов. О соболином промысле. «Новые ежемесячные сочинения», ч. 58. Апрель, 1791, СПб., стр. 22—62), в которой соболи изображаются вполне оседлыми животными. Аргументированно опровергал положение об отступлении оседлых по природе зверей бывший иркутский вице-губернатор Н. В. Семивский (Н. В. Семивский. Новейшие любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири. СПб., 1817, стр. 84—85). Автором этого сочинения в действительности был губернский землемер А. И. Лосев (См. В. Г. Мирзоев. Историография Сибири (Домарксистский период). М., 1970, стр. 137).

²⁶ М. Д. Чулков. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах, т. III, кн. 1. М., 1785, стр. 40—41.

²⁷ Очерки истории исторической науки в СССР, т. 1. М., 1955, стр. 208.

М. Н. Баккаревич в «Статистическом обозрении Сибири». ²⁸ Образ промышленника, гнавшегося за отстающими зверями, попадая на страницы работ, не имеющих прямого отношения к истории, получал новые оттенки: у автора «Поездки к Ледовитому морю» Ф. Белявского, например, звери уже «толпами уходили в уединенную страну южных берегов Амура», ²⁹ по словам сибирского писателя-краеведа Н. С. Щукина, описывавшего пушной промысел в Восточной Сибири середины XIX в., русские в XVII в. шли за соболем «по пятам». ³⁰ В плену предвзятой схемы оказался известный зоолог Л. П. Сабанеев, который в специальной работе о соболе утверждал, что переселения соболей крайне редки и имеют характер случайности, но эту же книгу начал привычным трафаретом: «теснимый наплывом русского населения соболь мало-помалу удалялся к востоку». ³¹ Во второй половине XIX и в XX в. мнимая погоня промышленника за ухотившим зверем нашла отражение в работе А. П. Шапова об историко-географическом распределении русского народонаселения ³², в обобщающем труде В. И. Огородникова, ³³ в статье Л. Бахрушина об исторических судьбах соболя ³⁴ и попутно в других работах, обычно без ссылок на предшественников. Так брошенная Миллером мимоходом фраза о постоянном движении промышленников, принятая в литературе в вольной обработке Фишера, часто повторяемая, приобрела значение своеобразной аксиомы. Этот историографический парадокс объясняется почти полной неизученностью пушного промысла не только во времена Г. Ф. Миллера, но и в XIX и начале XX в. Н. М. Карамзин, сделав в примечании выписку из найденного им в «Делах польских» документа о наложении ясака на Западную Сибирь, без всякого сомнения перенес ее содержание в основной текст: «Около 1586 г. Сибирь доставляла в казну 200 000 соболей, 10 000 лисиц черных и 500 000 бе-

²⁸ М. Н. Баккаревич. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1810, стр. 48—49.

²⁹ Ф. Белявский. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833, стр. 180.

³⁰ Н. С. Щукин. Зверинные промыслы в Восточной Сибири. «Журн. мин. внутр. дел», 1847, ч. 19, № 9, стр. 410.

³¹ Л. П. Сабанеев. Соль и соболиный промысел. М., 1875, стр. 20—21, 45, 2.

³² А. П. Шапов. Соч., т. 2. СПб., 1906, стр. 286—287, 288.

³³ В. И. Огородников. Очерк истории Сибири до начала XIX столетия, ч. II, вып. 1. Владивосток, 1924, стр. 4.

³⁴ Л. Бахрушин. Исторические судьбы соболя. «Вестник знания». 1928, № 13, стр. 675.

лок, кроме бобров и горностаев». ³⁵ Почти одновременно малоизвестный современник Н. М. Карамзина, Н. В. Семивский в столичном же издании утверждал без ссылок на источники, что в XVII в. «по несколько только сороков соболей и по весьма малому количеству прочих зверей» доставлялось из Сибири в Европейскую Россию «единственно для царских фамилий и знатнейших вельмож». ³⁶ Между тем в 1586 г., когда даже самая западная окраина Сибири не была еще прочно закреплена за Россией, в царскую казну поступило едва ли много больше сотой доли указанного Н. М. Карамзиным количества мехов, а в XVII в., в годы расцвета соболиного промысла, только в казну поступало свыше тысячи сороков, а всего в Европейскую Россию доставлялось до 5 тыс. сороков, чуть не в тысячу раз больше, чем казалось Н. В. Семивскому.

В первой половине XIX в., отмечает В. Г. Мирзоев, представители дворянско-официального направления в историографии Сибири занялись не столько развитием, сколько консервацией выраженных учеными XVIII в. идей. ³⁷ Они не только не привлекли нового архивного материала, ³⁸ но не пытались по-новому интерпретировать и то, что было введено в научный оборот Г. Ф. Миллером. Такую попытку сделал П. А. Словцов, которого современные исследователи причис-

³⁵ Н. М. Карамзин. История государства Российского, кн. III. СПб., 1843, т. 10, стр. 14, 17. С полной доверчивостью эти данные в конце XIX в. повторил историк В. К. Андриевич (В. К. Андриевич. История Сибири, ч. I. СПб., 1889, стр. 168) и в середине XX в. географ Н. И. Михайлов (Н. И. Михайлов. Сибирь. Физико-географический очерк. М., 1956, стр. 52). Менее фантастические, но тоже нереальные (завышенные) данные о посылке в 1595 г. императору пушнины на 44720 руб. по московской оценке в начале XX в. не критически приводит Г. В. Вернадский (Г. В. Вернадский. Против солнца. Распространение русского государства к востоку. «Русская мысль», 1914, № 1. М. и Пг., стр. 63).

³⁶ Н. В. Семивский. Указ. соч., стр. 86—87.

³⁷ В. Г. Мирзоев. Историография Сибири. 1-я половина XIX века. Кемерово, 1965, стр. 12.

³⁸ По истории Сибири XIX в., особенно в работах сибирских чиновников, в «губернской историографии», относимой В. Г. Мирзоевым к разряду источников, не представляющих историографического интереса (В. Г. Мирзоев. Историография Сибири. 1-я половина XIX века, стр. 42), содержится интересный свежий материал, но исторические экскурсы этих авторов ничего заслуживающего внимания не представляют.

ляют к объективно прогрессивному буржуазному направлению.³⁹

П. А. Словцов, располагая незначительным дополнительным (по сравнению с работами Г. Ф. Миллера) материалом, приводит, хотя и отрывочные и не вполне точные, но все же близкие к действительным количественные показатели, в том числе о торговле пушниной в XVII в.⁴⁰ Он шире официальных предшественников смотрел на задачи хозяйственного освоения Сибири. П. А. Словцов повторил вслед за Г. Ф. Миллером, что «промышленность звериная» заманила Россию в Сибирь, что вольница промышленников почти всегда была впереди и соединялась с казаками для совместных действий, а «возобладание Сибирью» было «творением царским», но отрицательные, по его мнению, последствия промыслового движения он, в отличие от И. Э. Фишера и других, усматривал не в истреблении пушных зверей, а в отвлечении от металлургии русских переселенцев, «как бы заранее отуманенных глянцами Сибирских бобров и соболей».⁴¹ Он тонко подметил или угадал, что «металлургическое... неведение» «послужило торгашам прекрасным случаем к обогащению».⁴² Купцы действительно наживались за счет высоких цен на привозные товары, однако дороговизна привозных товаров и создавала условия для зарождения местной промышленности. Не только П. А. Словцов, но и несколько поколений историков после него не замечали сибирской промышленности в XVII в. и тем более связи неэквивалентной торговли привозными товарами с ее развитием.

Если историки дворянско-официального направления не пошли дальше Миллера, то высказанные Ломоносовым демократические идеи объективно нашли дальнейшее развитие в трудах Радищева, декабристов, Герцена.

А. Н. Радищев посвятил истории Сибири специальную работу.⁴³ Его интерес к прошлому края не случаен. За долгие годы сибирской ссылки (1791—1797) он глубоко изучил современное ему состояние Сибири, высказал интересные соображения о ее географическом районировании с учетом природ-

ных, экономических и этнических факторов,⁴⁴ о занятиях населения, в частности, о пушном промысле и торговле,⁴⁵ и т. п. А. Н. Радищев не располагал достаточным архивным материалом для конкретно-исторического исследования, да и цели такой не преследовал. Опираясь на известную фактическую основу, он дал этим фактам совершенно иное, чем в официальной историографии, толкование. Он последовательно отстаивал концепцию решающей роли народа. В «Сокращенном повествовании о приобретении Сибири» Радищев, как бы отталкиваясь от Ломоносова, писал, что «присоединение Сибири к Российскому владению был плод усилия частных людей, корыстолюбием вождаемых». Под частными людьми он понимал не «одного Ермака с товарищами», но и «всех участвовавших в произведенных после его завоеваниях Сибири, даже до самых Америки».⁴⁶ Ошибочно считая княжескую власть не способной даже закрепить успехи своих подданных (великие князья «малое могли дать подкрепление») и идеализируя Новгородскую феодальную республику, А. Н. Радищев преувеличивал в колонизации роль богатых новгородцев, которые, по его мнению, с падением «вольности» устремились за Урал.⁴⁷ Он не увидел еще неоднородности новгородской колонизации европейского Севера, двух взаимодействующих сил — правительственной, феодальной, и народной, промысловой и крестьянской, не заметил, что московское правительство унаследовало политику боярского Новгорода, внося в нее лишь тактические изменения, недооценил правительственную колонизацию Сибири. Но он увидел то, что искал — самостоятельную народную колонизацию. И в этом его великая заслуга.

Из декабристов больше других специально занимался историей Сибири Г. С. Батеньков, единственный среди них уроженец Сибири.⁴⁸ В работе «Общий взгляд на Сибирь» он первый подал мысль об исследовательской роли землепроходцев, которые были и первыми «землеописателями края».⁴⁹ Г. С. Батеньков обратил внимание на огромное значение речных путей не только как транспортных артерий, но и для изучения гео-

³⁹ В. Г. Мирзоев. Историография Сибири. 1-я половина XIX века, стр. 96; З. Н. Трусова. Общественно-политические взгляды

П. А. Словцова. Автореферат канд. дисс. Новосибирск, 1969, стр. 3.

⁴⁰ П. А. Словцов. Историческое обозрение Сибири, кн. 1. Изд. 2-е, СПб., 1886, стр. 168.

⁴¹ П. А. Словцов. Указ. соч., стр. 3, 6—7, XIX—XX, 2, 89.

⁴² Там же, стр. 89.

⁴³ А. Н. Радищев. Сокращенное повествование о приобретении Сибири. Полн. собр. соч., т. 2. М.—Л., 1941, стр. 145—163.

⁴⁴ А. Н. Радищев. Избранные сочинения, 1949, стр. 535.

⁴⁵ А. Н. Радищев. Избранные сочинения, стр. 536, 547, 578; Полн. собр. соч., т. 2, стр. 9 и след.

⁴⁶ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 146.

⁴⁷ Там же, стр. 146, 148.

⁴⁸ А. П. Бородавкин, Г. П. Шатрова. Декабрист Г. С. Батеньков. Томск, 1960, стр. 5.

⁴⁹ Г. С. Батеньков. Общий взгляд на Сибирь. «Сын отечества», СПб., 1823, ч. 83, № 2, стр. 54.

графии Сибири⁵⁰, подчеркивал преимущественно мирный характер присоединения Сибири, по традиции называя его завоеванием, и, приводя конкретные данные по XVIII в., оспаривал мнение о сокращении численности «коренных жителей». ⁵¹ Он заметил не только притягательную силу «звериных промыслов», но увидел и внутренние причины переселений в Сибирь: «смутные времена в отечестве нашем, расколы и тому подобные причины были поводом к переселениям на восток». Из переселенцев одни оседали «на богатых холмах Урала», к которому он относит Туринск, Тюмень и Тобольск, где были «все удобства для жизни обильной и покойной», «предприимчивые пускались далее», а правительство «позволяло, поощряло и даже назначало переселения». ⁵² Здесь в неотчетливой форме высказана мысль о самостоятельном земледельческом и промысловом движении в Сибирь, о раннем географическом размежевании земледелия и пушного промысла и об активном участии государства в колонизации Сибири. Все эти положения, высказанные в теоретическом плане, много позднее были подтверждены конкретным материалом.

А. И. Герцен, не занимаясь специально историей Сибири, из ее прошлого взял главное, самое яркое, поэтому сузил проблему колонизации Сибири, подчеркивая ее исключительно народный характер. Оценку современного ему правительства как «мертвящего», делающего «все насилем, все палкой», не умеющего сообщить Сибири жизненный толчок, ⁵³ он в принципе справедливо переносил и на государство времени первоначального освоения Сибири, но не учитывал при этом, что в то время определенное прогрессивное значение имела и насильственная колонизация края. Этим он сближал свою позицию с А. Н. Радищевым. Однако А. И. Герцен иначе раскрывал содержание понятия народ, выдвигая на первый план не промысловую, а земледельческую, мужицкую колонизацию: «горсть казаков и несколько сот бездомных мужиков перешли на свой страх океаны льда и снега, и везде, где оседали усталые кучки в мерзлых степях, забытых природой, закипала жизнь, поля покрывались нивами и стадами, и это от Перми до Тихого океана» ⁵⁴.

⁵⁰ Г. С. Батеньков. Общий взгляд на Сибирь. «Сын отечества», СПб, 1823, ч. 83, № 2, стр. 55.

⁵¹ Там же, ч. 84, № 10, стр. 110, 111, 116.

⁵² Там же, стр. 116—117.

⁵³ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. 8. М., 1956, стр. 256.

⁵⁴ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. 14. М., 1958, стр. 12—13.

К концу феодальной эпохи представители не только официального но и нарождавшегося буржуазного направления, считая государство решающей силой в освоении Сибири, в оценке промыслового движения дальше признания за промышленниками роли разведчиков не пошли. Представители демократического направления решительно утверждали, что присоединение и освоение Сибири было делом народа, выдвигая на первый план промысловую (Радищев) или земледельческую (Герцен) колонизацию. Г. С. Батеньков близко подошел к признанию самостоятельной промысловой, вольной земледельческой и правительственной колонизации.

* * *

В эпоху капитализма, в связи с массовым переселением в Сибирь крестьян, в центре внимания историков-сибиреведов стала проблема колонизации, правда, по преимуществу крестьянской и поздней. Этому способствовала теоретическая разработка вопросов колонизации в общих трудах по истории России, в особенности в работах С. М. Соловьева и В. О. Ключевского, которые придавали ей общегосударственное значение.

С. М. Соловьев еще в 50-х годах Сибирь рассматривал как продолжение Восточно-Европейской равнины. Распространение русских владений в Сибири, по его мнению, «дает лучшее объяснение тому, как распространялись русские владения и по сю сторону Уральского хребта». Он употребляет современное понятие колонизации как заселение страны, а не завоевание государства государством. Государству при этом, в соответствии с его общей концепцией исторического процесса, он отводит в колонизации организующую роль: «князья наши преимущественно заботятся о построении городов, о населении пустынных пространств...» ⁵⁵. В. О. Ключевский еще больше подчеркивал значение колонизации. «История России, — писал он, — есть история страны, которая колонизируется». Народные передвижения он берет в основу периодизации русской истории, а для нового времени расширение государственной территории «до пределов русского народонаселения» он считал одним из главных факторов. ⁵⁶ В отличие от С. М. Соловьева, В. О. Ключевский колонизацию считал в основе народной.

⁵⁵ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 1. СПб., изд. «Обществ. польза», стр. 11.

⁵⁶ В. О. Ключевский. Соч., т. 1. М., 1956, стр. 31, 32; т. 3. М., 1957, стр. 6—7.

Во второй половине XIX в. в сибирской историографии дворянско-официальное направление выродилось и завершилось «незамысловатой компиляцией» Андриевича.⁵⁷ В. К. Андриевич восстановил схему Миллера в первоначальном варианте без «отступающих зверей», но еще больше упростил ее. Безостановочное движение промышленников на восток, в результате которого, по его мнению, наиболее людными местностями Сибири всегда оказывались крайние восточные ее окраины, он объяснял стесняющими действиями правительства.⁵⁸

Некоторые идеи представителей демократического направления нашли дальнейшее развитие в работах А. П. Шапова и Н. М. Ядринцева.

А. П. Шапов подчеркивал решающую роль народа в освоении Сибири,⁵⁹ высоко ценил исследовательскую деятельность землепроходцев, называя их отписки самым любопытным и интересным чтением, где много сведений по географии, флоре, минералам, животному царству. Правда, со свойственной ему противоречивостью он тут же отмечал будто бы обнаружившуюся тогда умственную импотенцию русского народа.⁶⁰ А. П. Шапов придавал большое значение массовому добровольному и самовольному переселению крестьян из нехлебородных мест в Сибирь⁶¹ и одновременному промысловому движению, однако XVII в. назвал периодом «бродячей звероловческой колонизации».⁶² Интересны многочисленные его высказывания о смешении русского и аборигенного населения, но выводы о формировании в Сибири особой русской народности⁶³, принятые в смягченном виде областниками, неприемлемы.

Еще более противоречивы представления о колонизации Сибири Н. М. Ядринцева, одного из родоначальников областнической концепции истории Сибири, окончательно сформировавшейся в 70 — начале 80-х годов XIX в. Н. М. Ядринцев, наиболее демократически настроенный областник, в книге «Си-

⁵⁷ С. В. Бахрушин. Научные труды. т. III, ч. 1, стр. 63.

⁵⁸ В. К. Андриевич. История Сибири, ч. 1. СПб., 1889, стр. 148.

⁵⁹ А. П. Шапов. Что такое рабочий народ в Сибири? Собр. соч. Дополнительный том к изд. 1905—1908 гг. Иркутск, 1937, стр. 316.

⁶⁰ А. П. Шапов. Историко-географические заметки о Сибири. Собр. соч., дополнит. том, стр. 179, 181—190, 195.

⁶¹ А. П. Шапов. Историко-географическое распределение русского народонаселения. Соч., т. 2. СПб., 1906, стр. 195, 220.

⁶² А. П. Шапов. Сибирское общество до Сперанского. Соч., т. 3. СПб., 1908, стр. 647.

⁶³ А. П. Шапов. Историко-географические и этнологические заметки о сибирском населении. Собр. соч., дополнит. том, стр. 140.

бирь как колония», вышедшей первым изданием в 1882 и вторым в 1892 г.,⁶⁴ высказал мысль о Сибири как продукте по преимуществу вольнонародной колонизации, которую впоследствии государство утилизировало и регламентировало, однако в этой же работе, в согласии с традиционной схемой, утверждал, что «народ в Сибири под влиянием поисков за богатствами преобразился в бродячих и кочующих авантюристов, так что государству и правительству впоследствии предстояло много труда и усилий прикрепить его к месту».⁶⁵ Он более отчетливо, чем Г. С. Батеньков, сформулировал положение о трех потоках колонизации Сибири, но несколько сдвинул их хронологически: «Вслед за военной и казенною колонизациею следует промышленная, торговая и вольнонародная колонизация», еще резче: «Сибирь пережила уже несколько культур: звероловную, земледельческую, золотопромысленную и торговую».⁶⁶ Стремление Н. М. Ядринцева показать самостоятельность народных масс, особенно в ранней истории Сибири, антитеза «вольнонародного» и «крепостного» начал, пишет М. Б. Шейнфельд, составляли сильную сторону концепции. «Вместе с тем демократические идеи передовой исторической науки оказались уже в областничестве 70—80-х годов ослабленными, искаженными и частично подавленными либеральными чертами и «областнической тенденцией».⁶⁷ Другой причиной слабости позиций Н. М. Ядринцева было отсутствие необходимой аргументации, узость источниковедческой базы. Умозрительные схемы уже тогда не отвечали потребностям времени.

Первым к профессиональному изучению почти нетронутого громадного архивного фонда Сибирского приказа, к которому Г. Ф. Миллер не имел доступа, обратился П. Н. Бучинский, предполагавший написать историю Сибири от начала ее «завоевания» до середины XVIII в.⁶⁸ и успел написать историю 11 из 20 сибирских уездов от времени их образования до 1645 г. Территориальная и хронологическая ограниченность и поверхностный подход к источникам (по выражению С. В. Бах-

⁶⁴ Н. М. Ядринцев. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Изд. 2-е, СПб., 1892.

⁶⁵ Там же, стр. 180, 328.

⁶⁶ Там же, стр. 109, 196.

⁶⁷ М. Б. Шейнфельд. Проблемы истории Сибири в областничестве начала XX в. «Из истории Сибири», вып. 3. Красноярск, 1970, стр. 70.

⁶⁸ П. Н. Бучинский. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889, стр. 1.

рушина, он скользнул по документам»⁶⁹ не позволили П. Н. Бучинскому сделать глубоких теоретических обобщений, но некоторые обобщения вытекают из приведенного им фактического материала. В западносибирских уездах, где мало было дорогих зверей, он не обнаружил русского профессионального промысла, охотой там занимались местные жители и русские крестьяне и посадские.⁷⁰ В Мангазейском уезде почти не было земледелия. Не Сибирь вообще, а Мангазея, «золотое дно, своего рода Калифорния» манила промышленников.⁷¹ Одним из стимулов движения промышленников, которых он несколько идеализировал, П. Н. Бучинский называл «жажду к знаниям», считал несправедливым обвинение, что «будто эти передвижения русских людей в Сибири неизбежно сопровождались грабежами и даже истреблением инородцев». Освоение Сибири он называл «подвигами русских людей», перед которыми бледнеют предприятия «разных Кортесов и Пизарров» в Америке.⁷² Приведенные П. Н. Бучинским данные о таможенных десятинных сборах в Мангазейском уезде с 1626 по 1646 г.⁷³ свидетельствуют о непрерывности русского пушного промысла и объективно колеблют традиционное представление о постоянном движении промышленников на восток.

Из-за описательности и отсутствия теоретических обобщений исследования П. Н. Бучинского не поднялись над уровнем современных ему работ по истории Сибири, не стали крупной вехой в историографии. Большой фактический материал, несистематизированный, приведенный отрывочно и не обогащенный идеями, не оказал заметного влияния на современную ему историографию Сибири. Уже в начале XX в. П. М. Головачев справедливо писал: «Плуг историка-профессионала провел до сих пор лишь редкие и неглубокие борозды на поле изучения прошлого Закаменной России».⁷⁴ Глубокой борозды не оставил и сам Головачев.

П. М. Головачев считал заселение Сибири результатом совместного действия двух сил — государственной и вольно-

⁶⁹ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 69.

⁷⁰ П. Н. Бучинский. Заселение Сибири и быт первых ее насельников, стр. 257.

⁷¹ П. Н. Бучинский. К истории Сибири. Мангазея и Мангазейский уезд (1601—1645). «Записки Харьковского ун-ва», кн. 1. Харьков 1893, стр. 33.

⁷² Там же, стр. 51, 92, 93.

⁷³ Там же, стр. 81.

⁷⁴ П. М. Головачев. Ближайшие задачи исторического изучения Сибири. «Журн. мин. народн. просв.», 1902, № 9, стр. 49.

народной, но правительство, в его изображении в заселении Сибири «выполняло роль своеобразного архитектора, а народ — плотника, строителя».⁷⁵ Промысловую колонизацию он оценивал резко отрицательно, относил ее к испанскому, грабительскому типу и противопоставлял ей крестьянскую, как трудовую и прогрессивную.⁷⁶ Не заметил самостоятельной роли промысловой колонизации Н. Н. Козьмин — один из наиболее видных историков областнического направления. Промысловое движение он считал поверхностным: «промышленные и торговые люди скользнули по тайге и тундре».⁷⁷ Несколько упрощенно Н. Н. Козьмин изображал деятельность в Сибири воевод, называя их не администраторами, а главными приказчиками, обязанностью которых было выполнение наказа «сыскать государю прибыль», в обеспечение которой правительство заботилось и о заведении пашни.⁷⁸

Попытку выявить соотношение частной торгово-промысловой и правительственной деятельности предпринял Г. В. Вернадский. Он различал в колонизации Сибири две волны, дополняющие одна другую: охотничье-промысловую и земледельческую,⁷⁹ взаимодействия их не касался. «Мягкую рухлядь» считал тем магнитом, который притягивал к себе людей и руководил как свободным движением населения, так и деятельностью государства.⁸⁰ Г. В. Вернадский дает характеристику промысловых ватаг, сравнивает порядок дележа добычи по наям с порядком алеутских предприятий XVIII в. и северных промысловых артелей XVII—XVIII вв., говорит о взаимодействии служилых и торгово-промышленных людей, о слабости перегородок между ними.⁸¹ Но автор стирает различия между государством и промышленниками, слишком сближает непо-

⁷⁵ М. Б. Шейнфельд. Указ. соч., стр. 90.

⁷⁶ П. М. Головачев. Очерк заселения Сибири в XVI и XVII столетиях. СПб., 1906, стр. 43.

⁷⁷ Н. Н. Козьмин. Очерки прошлого и настоящего Сибири. СПб., 1910, стр. 31.

⁷⁸ Н. Н. Козьмин. Очерки прошлого и настоящего Сибири, стр. 16; он же. Заселение русскими Сибири в Московскую эпоху. Красноярск, 1917, стр. 17.

⁷⁹ Г. В. Вернадский. Против солнца. Распространение русского государства к востоку. «Русская мысль», 1914, № 1. М. и Пг., стр. 57; он же. Государевы служилые и промышленные люди в Восточной Сибири XVII века. «Журн. мин. народн. просв.», ч. 56., Пг. 1915, стр. 332.

⁸⁰ Г. В. Вернадский. Государевы служилые и промышленные люди в Восточной Сибири XVII века, стр. 333.

⁸¹ Там же, стр. 332—333, 335—336, 338—341, 351—352.

средственную охоту и ясачный сбор, называя последний хозяйственной эксплуатацией, а служилых людей — хозяйственными приказчиками и покрученниками в предприятиях государственной казны.⁸² Поэтому он и не выделяет самостоятельной государственной колонизации Сибири, объединяя ее с охотничье-промысловой. Переходной формой государственного и частного типов сообщества он считал предприятия Строгановых и Хабарова.⁸³ Г. В. Вернадский даже в специальной работе о промышленных людях не пытался проанализировать социальные отношения на промысле, иллюстрируя бесплодие буржуазной исторической науки.

Мысль Н. Н. Фирсова о параллельном народном промысловом и правительственном движении в Сибирь, в котором правительственное часто опережалось народным,⁸⁴ ничем не подтверждена и не получила отклика в литературе.

Буржуазная историография капиталистической эпохи не обогатила представления о промысловой колонизации Сибири XVII в. новыми идеями, не расширила сколько-нибудь значительно источниковедческую основу. Не были заметно развиты идеи сформировавшегося в феодальную эпоху демократического направления. Забывалась высказанная М. В. Ломоносовым и развиваемая А. Н. Радищевым мысль о народном характере промыслового движения. Н. М. Ядринцев промысловую колонизацию уже противопоставлял крестьянской как народной.

Пушнину в той или иной связи по-прежнему упоминали все исследователи, которые хотя бы бегло касались истории Сибири XVII в. Это порождает иллюзию об изученности пушного дела уже в дореволюционное время. В действительности, как видно из краткого обзора, не было предпринято ни одной серьезной попытки специального конкретного исследования сибирского пушного промысла, поэтому различные мнения о характере промысловой колонизации не имели силы убедительности. Советским историкам предстояло эту работу начинать заново.

⁸² Г. В. Вернадский. Государевы служилые и промышленные люди в Восточной Сибири XVII века, стр. 333.

⁸³ Там же, стр. 342.

⁸⁴ Н. Н. Фирсов. Чтения по истории Сибири, вып. 1. Изд. 2-е. М., 1920, стр. 11.

* * *

В дореволюционной историографии Сибири XVII в. марксистское направление не сформировалось. Историки-марксисты занимались более поздними периодами. И в послеоктябрьской историографии Сибири марксистское направление не сразу заняло ведущее место. Работы В. И. Огородникова, по определению С. В. Бахрушина, подводят итог научной разработке истории Сибири историками досоветского периода.⁸⁵

В. И. Огородников в процессе работы менял представление о колонизации Сибири. Сначала он изображал колонизацию сплошным потоком, организуемым государством, и считал, что она «носила ярко выраженный завоевательный и фискально-промышленный характер»,⁸⁶ но потом отказался от этого ошибочного положения и более отчетливо, чем Н. М. Ядринцев, выделил помимо правительственной деятельности еще два самостоятельных по побудительным мотивам потока: движение промышленников и движение крестьян.⁸⁷ Это положение он также не аргументировал.

Первый этап в разработке проблемы в послеоктябрьский период и вообще первый этап в сибирской историографии, этап становления марксистского направления в изучении истории Сибири XVII в. связан с именем С. В. Бахрушина.⁸⁸ Разработка вопросов промысловой колонизации Сибири XVII в. была предпринята С. В. Бахрушиным в 20-е годы XX в., еще до того, как в целом в стране произошел перелом в процессе утверждения марксистско-ленинской концепции в изучении феодальной эпохи, относимый историками к концу 20-х началу 30-х годов.⁸⁹

Работы С. В. Бахрушина явились переломным моментом в изучении колонизации Сибири и в методологическом и в методическом отношении.⁹⁰ В отличие от В. И. Огородникова

⁸⁵ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 71.

⁸⁶ В. И. Огородников. Очерк истории Сибири до начала XIX столетия, ч. 1. Введение. Иркутск, 1920, стр. 6.

⁸⁷ В. И. Огородников. Очерк истории Сибири до начала XIX столетия, ч. II, вып. 1. Владивосток, 1924, стр. 6—7.

⁸⁸ В. И. Шунков. Труды С. В. Бахрушина по истории Сибири. В. кн.: С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1. М., 1955, стр. 7.

⁸⁹ Л. В. Данилова. Становление марксистского направления в советской историографии эпохи феодализма. «Исторические записки», 1965, кн. 76, стр. 74, 113.

⁹⁰ А. Н. Копылов, А. П. Окладников. С. В. Бахрушин как историк Сибири. «Бахрушинские чтения 1966 г.», вып. 1. Новосибирск, 1968, стр. 7.

он сам всесторонне и детально исследовал важнейшие проблемы сибирской истории. Введение в научный оборот огромного и прекрасно обработанного архивного материала, исследования по источниковедению, историографии, исторической географии позволили С. В. Бахрушину, успешно переходившему на марксистско-ленинские позиции, сказать новое слово в истории народов Сибири и в истории русской колонизации Сибири.

Работы С. В. Бахрушина отличаются небывалым до него сочетанием исключительной конкретности исследования с широкими обобщениями. Он еще не пользовался методом сплошных статистических подсчетов. Это и не по силам было даже очень талантливому исследователю, который первым глубоко проник в толщу архивных пластов. С. В. Бахрушин изучал историю Сибири по отдельным аспектам, событиям и личностям, отбирая наиболее типичные и удачные в источниковедческом отношении примеры. Его работы, часто небольшие по объему, были своеобразными оазисами в историографии Сибири XVII в. Располагались они неравномерно, плотнее всего в промысловом Мангазейском уезде. Не все из задуманного С. В. Бахрушин успел осуществить. Наибольший вклад, наряду с изучением народов Сибири, он внес в исследование промысловой колонизации.

Придавая большое значение промысловому освоению Сибири, С. В. Бахрушин детально проследил старинные связи России с Зауральем, с исключительной точностью исследовал пути и способы движения в Сибирь. Колонизацию Сибири конца XVI и XVII в. С. В. Бахрушин подразделяет в организационном плане на государственную и частную, в хозяйственном — на промысловую и земледельческую, считая торговые и промышленные (промысловые) интересы одним из главных факторов, вызвавших присоединение сибирской территории. Он отмечает неодинаковую роль государства и частных предпринимателей на разных этапах промысловой колонизации, но первое место всегда отдает промышленникам.⁹¹ Однако частную промысловую колонизацию он понимал несколько однобоко, считая ее (в известной мере это относится и к земледельческой колонизации) делом главным образом крупных предпринимателей.⁹² С. В. Бахрушин хорошо знал о движении в Сибирь рядовых поморских охотников-промышленни-

⁹¹ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 72—136, 142—143, ч. 2, стр. 260—261.

⁹² С. В. Бахрушин. Научные труды, т. II. М., 1954, стр. 226.

ков, называя это движение стихийным, различал «промышленников и предпринимателей», но добычу самостоятельных мелких промышленников считал ничтожной. Полемизируя с предшественниками, он утверждал, что «промышленное движение на восток было гораздо более организованным, чем принято думать». Организаторами были крупные торговые люди, а мелкие промышленники, по его мнению, чаще всего занимались на промыслах к богатым предпринимателям или брали у них деньги в долг.⁹³

С. В. Бахрушин первый обратился к исследованию социальных отношений в пушном промысле. Он считал, что предприниматели с покрученниками представляли в сибирском промысле капиталистические отношения, опутанные кабалой.⁹⁴ Обоснованное в статье «Покрута на соболиных промыслах XVII в.» положение о крупном промысловом предпринимательстве, о его большой (но не абсолютной, как он считал, и даже не решающей) роли в промысловом освоении Сибири во многом остается непревзойденным и в настоящее время. Однако его характеристика мелких промышленников только как землепроходцев⁹⁵ неприемлема. Фактический материал, содержащийся в работах С. В. Бахрушина, особенно в статье «Мангазейская мирская община в XVII в.»,⁹⁶ не укладывается полностью в его схему. Рядовые промышленники, достаточно прочно связанные с определенным районом промыслов, представляли в годы «смуты» внушительную силу. В последующих работах исследователь признал более существенную роль рядовых промышленников: «не служилые люди освоили Якутский край, а... толпы русских промышленников»,⁹⁷ но это положение не было раскрыто.

Основные положения о промысловой деятельности русских в Сибири С. В. Бахрушин обосновал еще в 20-е годы. В последующее время он по существу не выдвинул новых идей, ограничиваясь уточнением и конкретизацией прежних, причем в ряде случаев пошел назад от них. Так, если в статье 1925 г. о покруте на соболином промысле он лишь предположительно считал, что на основе покруты снаряжались не только экспе-

⁹³ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 136, 141, 142, 198, 334.

⁹⁴ Там же, стр. 201, 204, 205.

⁹⁵ Там же, стр. 142, 149.

⁹⁶ Там же, стр. 297—330.

⁹⁷ Якутия в XVII веке. Сб. под ред. С. В. Бахрушина и С. А. Токарева. Якутск, 1953, стр. 332.

диции Хабарова, Ф. Алексеева и С. Дежнева, Ю. Селиверстова и другие, подобные им, но и поход Ермака, то в статье 1941 г. о военно-промышленных экспедициях это ошибочное положение высказано уже с полной уверенностью, хотя дополнительные аргументы автор не привел. Он склонен был считать, сближаясь с позицией Г. В. Вернадского, что в качестве предпринимателей выступали совместно и частные лица и казна⁹⁸, однако предпринимательская деятельность казны была очень ограниченной и велась на иной основе. Называя позднее покруту феодальным наймом⁹⁹, С. В. Бахрушин, если не отказался от прежнего ее определения, то ушел от решения вопроса. В 30—40-е годы С. В. Бахрушин продолжал серьезно заниматься историей народов Сибири и особенно проблемами общероссийской истории, лишь изредка и чаще только попутно касался вопросов хозяйственной деятельности населения Сибири. И вообще 30-е первая половина 40-х годов были временем застоя в изучении русского населения Сибири XVII в., что обусловлено односторонней отрицательной оценкой присоединения Сибири, резким свертыванием краеведческой работы, ослаблением интереса к периферийным темам и другими причинами.

Оценивая вклад С. В. Бахрушина в изучение пушного промысла и промысловой колонизации, надо иметь в виду, что у него практически не было непосредственных предшественников. И хотя начинающему все заново невозможно было не только решить, но и поставить некоторые важные вопросы, промысловая деятельность оказалась представленной в историографии выпуклее других отраслей хозяйственной деятельности русских в Сибири.

Следующий этап в советской историографии Сибири XVII в. и в первую очередь в изучении колонизации связан с именем другого выдающегося ученого — В. И. Шункова, который «разработал, по существу, новую, основанную на творческом применении марксистско-ленинской методологии концепцию социально-экономического развития Сибири эпохи феодализма»¹⁰⁰. Этот этап начался в послевоенные годы, мно-

⁹⁸ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 210; он же. Военно-промышленные экспедиции торговых людей в Сибири в XVII веке. «Исторические записки», 1941, кн. 10, стр. 178—179.

⁹⁹ Якутия в XVII веке, стр. 346.

¹⁰⁰ А. П. Окладников, О. Н. Вилков. Виктор Иванович Шунков — человек, учитель и организатор науки и библиотечного дела. «Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода». Новосибирск, 1971, стр. 14.

го лет спустя после окончательной победы марксистско-ленинского направления в исторической науке, когда достигнуты были большие успехи в изучении социально-экономической истории России, особенно истории крестьянства — основной производительной силы феодального общества. Особенностью начала этого этапа и было исключительное внимание ученых к сибирскому земледелию и крестьянству. Другой существенной особенностью этого этапа по сравнению с предыдущим было активное включение в сибирскую тематику большой группы высококвалифицированных историков. Если С. В. Бахрушин и не был в одиночестве, крупных монографических исследований других авторов по истории русского населения феодальной Сибири не было, да и работы С. В. Бахрушина по большей части были рассеяны по разным изданиям и только в 50-е годы собраны и изданы вместе. С 40-х годов по истории Сибири, в первую очередь по истории крестьянской колонизации, стали выходить одно за другим серьезные монографические исследования. Третьей особенностью был переход к сплошному изучению архивного материала по избранной проблеме, накоплению сопоставимых количественных показателей, что позволило убедительно решить самые важные основные и некоторые попутные вопросы.

В. И. Шунков, отмечая выдающиеся заслуги и слабые места сибиреведческих работ С. В. Бахрушина, справедливо упрекал его за чрезмерное преувеличение значения торгово-промышленной струи в русской колонизации, за недооценку роли централизованного феодального государства в присоединении и роли русского народа в деле развития производительных сил Сибири, при этом В. И. Шунков отождествлял народ с крестьянством¹⁰¹. В. И. Шунков первый в историографии дал классовое определение трех потоков колонизации Сибири конца XVI—XVII вв.: правительственного (феодального), народного (крестьянского) и торгово-промышленного, буржуазное классовое содержание которого вытекает из противопоставления правительственному феодальному и народному крестьянскому. Как С. В. Бахрушин в 20—40-х годах не заметил самостоятельной крестьянской струи в русской колонизации, так В. И. Шунков в 50-х годах не видел еще в промысловом освоении Сибири самостоятельной роли рядовых охотников, принадлежавших, как и крестьяне, к народу.

В. И. Шунков намечает место каждого потока в присоединении

¹⁰¹ В. И. Шунков. Труды С. В. Бахрушина по истории Сибири, стр. 8.

нении и первичном освоении Сибири: первыми пришли служилые, промышленные и торговые люди. Они, опережая друг друга, определили направление движения. С конца XVI в. начинается прилив в Сибирь волны крестьянского переселения, которая уже в XVII в. достигает серьезного размаха, преимущественно для Западной Сибири¹⁰². В дальнейшем он развивает эти положения, отмечая, что в отношении Верхотурско-Тобольского, Томского, Кузнецкого и Енисейского районов наличие сильной струи вольной крестьянской колонизации делает неправдоподобной трактовку колонизации Сибири XVII в. как военной или военно-промысловой, но дальше на восток, на Лену крестьяне приходили в качестве промышленных людей¹⁰³. Здесь еще два новых момента: 1) отказ от общей схемы для всей Сибири (подобные высказывания в дореволюционной литературе убедительно не аргументировались) и признание большой самостоятельной роли вольной крестьянской колонизации только для Западной Сибири, 2) признание за промышленными людьми роли резерва для формирования крестьянства Заенисейской Сибири, а также название восточных районов промысловыми¹⁰⁴. Эти положения были подтверждены и уточнены для Западной Сибири З. Я. Бояршиновой и А. А. Преображенским, для бассейнов Илама и Лены — В. Н. Шерстобоевым и Ф. Г. Сафроновым, для Енисейского края — В. А. Александровым и А. Н. Копыловым. Последние пришли к выводу, что и в Енисейский уезд многие крестьяне приходили в качестве промышленных людей¹⁰⁵.

¹⁰² В. И. Шунков. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII веков. М., 1946, стр. 5.

¹⁰³ В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М., 1956, стр. 109, 172—173.

¹⁰⁴ Там же, стр. 162—163.

¹⁰⁵ З. Я. Бояршинова. Западная Сибирь накануне присоединения к России. Сельскохозяйственное освоение Западной Сибири русскими в феодальную эпоху. Доклад, обобщающий содержание научных трудов, представленных на соискание ученой степени доктора исторических наук (вместо автореферата). Томск, 1967, стр. 53 и след.; А. А. Преображенский. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII вв. (Очерки социально-экономической истории). Автореферат докт. дисс. М., 1969, стр. 18—22; В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня, т. 1. Иркутск, 1949, стр. 113, 231; Ф. Г. Сафронов. Крестьянская колонизация бассейнов Лены и Илама в XVII веке. Якутск, 1956, стр. 55; он же. Русские крестьяне в Якутии (XVII — начало XX вв.). Якутск, 1961, стр. 35; В. А. Александров. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в. М., 1964, стр. 42; А. Н. Копылов. Русские на Енисее в XVII в. Новосибирск, 1965, стр. 47.

Историки выяснили в общем плане значение пушной торговли для связи Сибири со складывавшимся всероссийским рынком, влияние пушного промысла на географическое размещение сибирского земледелия в XVII в., роль промышленников в качестве наемной рабочей силы в сельском хозяйстве и потребителей товарного хлеба, выдающиеся заслуги промышленников-землепроходцев в открытии и изучении Сибири, однако непосредственное их участие в колонизации, заселение ими в качестве промышленников Сибири, значение пушного промысла в экономике края в работах по истории земледелия, естественно, оставались в тени. Меткое название В. А. Александровым исследования В. И. Шункова «целеустремленным»¹⁰⁶ вполне можно отнести к большинству работ этого этапа. В историографии образовалась диспропорция в изучении отдельных отраслей, что вело к неправильному представлению о их действительном соотношении. В то время как было выявлено число крестьян и других земледельцев, размеры засеваемых площадей, урожайность, валовой сбор и хлебные цены в отдельных районах и в общесибирских масштабах, не только не были известны количественные показатели русского пушного промысла, но, правда, как крайний случай, высказывалось даже сомнение в его существовании¹⁰⁷. В 1949 г. В. Н. Шерстобоев в монографии, написанной на локальном материале, утверждал, что на развитие сибирской земледельческой экономики соболиный и вообще пушной промысел не оказал никакого влияния, что сельскохозяйственное освоение было стержнем экономического развития Сибири¹⁰⁸. И хотя это сразу же вызвало возражения¹⁰⁹, преувеличение значения крестьянской колонизации проявлялось и позднее¹¹⁰.

В изучении русского населения Сибири XVII в. вторая по-

¹⁰⁶ В. А. Александров. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в., стр. 6.

¹⁰⁷ В. В. Покишишевский считал, что пушной промысел русского населения в XVII в. мог осуществляться лишь в самых незначительных масштабах, скорее в виде исключения. См. В. В. Покишишевский. Заселение Сибири (Историко-географические очерки). Иркутск, 1951, стр. 59—60.

¹⁰⁸ В. Н. Шерстобоев. Указ. соч., стр. 591, 3.

¹⁰⁹ В. В. Покишишевский в рецензии на указанную книгу В. Н. Шерстобоева возражал против распространения этого положения на всю Сибирь. См.: «Вопросы географии», сб. 20. М., 1950, стр. 307.

¹¹⁰ См. об этом: В. Г. Мирзоев. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII века, стр. 53.

ловина 40-х — 50-е годы были временем почти монопольного господства земледельческой тематики. Едва ли не единственной в то время специальной работой о пушной торговле и промысле была диссертация И. И. Селиверстова, автореферат которой опубликован в 1952 г.¹¹¹

И. И. Селиверстов, ограничив свое исследование хронологически и территориально, удачно выбрал время и место — Якутию 40—60-х годов XVII в., наиболее богатый тогда район соболиного промысла. Он широко использовал материалы Центрального государственного архива древних актов и Архива Ленинградского отделения Института истории АН СССР, что позволило ему привести обильные количественные данные о ясачных поступлениях и русской добыче пушнины, о численности промышленников и торговцев и т. п. Уже это могло бы привлечь к исследованию внимание, однако И. И. Селиверстов, рассматривая торговлю и промыслы «в связи с формированием всероссийского рынка»¹¹², не придал количественным показателям существенного значения или не мог найти рациональную методику отбора и систематизации данных, поэтому они в его работе оказались непоставимыми: многочисленные примеры добычи русского промысла и ясачного сбора по зимовьям относятся к разным годам. Эти данные не позволяют проследить динамику промысла и используются автором иллюстративно. Он сам обещает приводимый фактический материал, делая на его основе противоречивые выводы: в одном случае «ватаги наемных покрученников» были «непосредственными добытчиками» пушнины, а в другом — «промышленные люди и покрученники» являлись основными добытчиками пушнины¹¹³, или: основным поставщиком и продавцом перекупной пушнины был «русский промышленный человек, занимающийся самостоятельным охотничьим промыслом на себя». ¹¹⁴ Не увенчалась успехом попытка И. И. Селиверстова разобраться в социальных отношениях на промысле. Он правильно поставил задачу расшифровки терминов «торговые» и «промышленные» люди, но не нашел для этого нужного критерия. «Торговых» он подразделил на торговых людей (к ним почему-то отнес толь-

¹¹¹ И. И. Селиверстов. Торговля и промыслы русских в Якутии в 40—60-х годах XVII века. Канд. дисс., ф. ГПБ им. В. И. Ленина, 6. г.; он же. Торговля и промыслы русских в Якутии в 40—60 гг. XVII в. Автореферат. Л., 1952.

¹¹² И. С. Селиверстов. Указ. соч., автореферат, стр. 5.

¹¹³ Там же, стр. 11, 13.

¹¹⁴ И. И. Селиверстов. Указ. соч., диссертация, стр. 152.

ко представителей привилегированных корпораций) и посадских людей Поморья, а «промышленных», которые, по его мнению, происходили из крестьян и были однородны по социальному составу, но различались по имущественному положению, разделил на своеужинников и складчиков.¹¹⁵ Между тем и торговые и промышленные люди происходили как из крестьян, так и из посадских, промышленные люди были далеко не однородны в социальном отношении, а промышленники-складчики чаще всего и назывались своеужинниками¹¹⁶. И. И. Селиверстов, в отличие от С. В. Бахрушина, который покрученников, наряду со своеужинниками, относил к промышленным людям,¹¹⁷ правильно считает покрученников особой социальной группой, но, определяя покруту как феодальную категорию¹¹⁸, пошел от С. В. Бахрушина не вперед, а назад.

Работа И. И. Селиверстова не стала определенной вехой в изучении сибирского пушного промысла, осталась незамеченной, хотя при более широком изучении экономических проблем ранней истории русской Сибири могла бы принести несомненную пользу.

В 60-е годы происходит решительное расширение тематики исследований и обращение к комплексному изучению экономики Сибири. Первым после С. В. Бахрушина к промысловой колонизации Сибири XVII в. (преимущественно на материалах Енисейского края) на этой основе обратился В. А. Александров, опубликовавший ряд статей¹¹⁹, большинство из ко-

¹¹⁵ И. И. Селиверстов. Указ. соч., автореферат, стр. 7—8, диссертация, стр. 81—85.

¹¹⁶ Ужиной чаще всего называли запас продовольствия и промысловое снаряжение промышленника. Своужинниками называли промышленников, имевших собственную ужину или несколько ужин.

¹¹⁷ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 200.

¹¹⁸ И. И. Селиверстов. Указ. соч., автореферат, стр. 9.

¹¹⁹ В. А. Александров. Русское население Мангазейско-Турханского края в XVII — начале XVIII века. «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», вып. 35. М., 1960; он же. Начало хозяйственного освоения и присоединения к России северной части Енисейского края. «Сибирь XVII—XVIII вв.» Сб. Новосибирск, 1962; он же. Происхождение русского населения Енисейского края в XVII в. «Сибирский этнографический сборник», IV. М., 1962; он же. Роль крупного купечества в организации пушных промыслов и пушной торговли на Енисее в XVII в. «Исторические записки», 1962, кн. 71; он же. Русские промышленники в Якутии до образования Якутского воеводства (1641). «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». Сб. статей к 70-летию М. Н. Тихомирова. М., 1963.

торых вошло в его книгу «Русское население Сибири XVII—начала XVIII в.», а также в книгу «Россия на дальневосточных рубежах»¹²⁰.

В. А. Александров впервые с сибирской историографии научно поставил вопрос о превращении русских промышленников в органическую часть сибирского населения. Он отказался от господствовавшего в исторической литературе двести лет представления о непрерывном движении русских промышленников в Сибирь, выявил потомственные связи многих промышленных людей с определенными местностями, признавая и стремление многих промышленников в силу «прямой экономической необходимости» в новые богатые соболев районы. Он вводит понятие постоянного, хотя и не осевшего в определенных пунктах населения¹²¹. В. А. Александров не решил вопроса о степени подвижности промышленников в Сибирь, но обоснование уже самого факта наличия постоянного русского промыслового населения делает совершенно неприемлемым определение промышленников как «пестрой толпы случайных гостей» (С. В. Бахрушин)¹²², «пестрой толпы искателей наживы» (В. И. Шунков).¹²³

В. А. Александров исследовал самый процесс формирования постоянного русского промыслового населения Мангазейского уезда, но начало его относит только к середине XVII в.; завершение — к первой четверти XVIII в.¹²⁴ На севере Якутии это проследил И. С. Гурвич.¹²⁵ И хотя здесь в деталях далеко еще не все ясно и не все верно, совершенно очевидно, что определение торгово-промышленной колонизации как классово однородной, только как предпринимательской не соответствует действительности. В. А. Александров движение массы промышленников в Сибирь называет народным.¹²⁶

¹²⁰ В. А. Александров. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969.

¹²¹ В. А. Александров. Русское население Сибири в XVII—начале XVIII в., стр. 61—62, 218—219, 281.

¹²² С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 302.

¹²³ В. И. Шунков. В. кн.: Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955, стр. 849.

¹²⁴ В. А. Александров. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в., стр. 60, 63, 65, 66, 69—77.

¹²⁵ И. С. Гурвич. Русские на северо-востоке Сибири в XVII в. «Сибирский этнографический сборник», т. V. М., 1963, стр. 80, 85—86, 90.

¹²⁶ В. А. Александров. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в., стр. 78, 81.

В. А. Александров рассматривает пушной промысел как одну из основных отраслей русского населения Сибири, связывая его развитие с успехами земледелия,¹²⁷ выявляет место собольего промысла в Енисейском крае, определяет численность промышленников, добычу соболей русского и ясачного промысла. Эти систематизированные сопоставимые данные используются в обобщающих работах.

Исследуя специально крупное торговое и промысловое предпринимательство, В. А. Александров, располагая большим и хорошо обработанным материалом, пришел к выводу, что торговых людей и промышленников, представлявших собой предпринимателей, было «очень немного», но им вместе с покрученниками в Енисейском уезде в 30-е годы XVII в. принадлежало 30—40% всей ежегодной добычи мехов, несколько больше в Мангазейском уезде в 50-е годы (за 6 лет на 717 покрученников там приходилось 989 самостоятельных промышленников).¹²⁸ Впрочем, сам В. А. Александров считает, что покрученники «обеспечивали своим хозяевам господствующее положение в промысловом деле».^{129—130}

Может быть, и правомерно называть положение крупных предпринимателей на промысле господствующим при 30—40% их доли в общей добыче пушнины, особенно если учесть, что многие «самостоятельные» мелкие промышленники были у них в долговой кабале, но при слабой изученности литературы о пушном промысле мнение о господстве крупных предпринимателей может привести к сближению позиции С. В. Бахрушина, считавшего добычу самостоятельных промышленников ничтожной,¹³¹ и В. А. Александрова, который показывает, что мелкие и средние промышленники добывали больше половины пушнины. В. А. Александров, не отмежевываясь от С. В. Бахрушина, вольно или невольно в какой-то мере разделяет ошибку своего предшественника, не заметившего в свое время самостоятельной роли рядовых промышленников, и затушевывает важные результаты собственных исследований. Не случайно, может быть, В. И. Шунков во втором томе «Истории Сибири» социальные отношения в сибирском

¹²⁷ В. А. Александров. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в., стр. 269.

¹²⁸ В. А. Александров. Роль крупного купечества в организации пушных промыслов и пушной торговли на Енисее в XVII в., стр. 179. См. также: В. А. Александров. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в., стр. 234.

^{129—130} Там же.

¹³¹ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 198.

пушном промысле изложил по С. В. Бахрушину,¹³² между тем работы В. А. Александрова позволяют дать более развернутую характеристику социальных отношений на промысле, не ограничивая их покрутой.

Если в плане общих проблем колонизации Сибири работы В. А. Александрова относятся ко второму этапу советской историографии Сибири феодальной эпохи, то в изучении промысловой колонизации они, несомненно, составляют заметный рубеж, пока еще недостаточно отмечаемый историками.

Значительно продвигают изучение пушного промысла в Сибири, особенно Западной, работы О. Н. Вилкова. В них показан национальный и социальный состав промышленников, места и время охоты, размер промысловых партий, развитие меховой промышленности. Детально исследована торговля пушными товарами на тобольском рынке.¹³³

Выводы О. Н. Вилкова, сделанные им на основе статистической обработки свежего архивного материала, интересных теоретических наблюдений и обобщений, показывают большое своеобразие пушного промысла в Западной Сибири по сравнению с Восточной Сибирью и во многом меняют сложившееся представление о промысловой охоте Сибири в целом. В Тобольском и прилегающих к нему уездах не было развитого русского профессионального промысла пришлых промышленников, численно преобладали там охотники из местного населения. На Тобольском рынке соболей меха по стоимости уступали несобольным пушным товарам.

Интересный материал о русском пушном промысле и о торговле пушниной или о русских промышленниках приводится в работах З. Я. Бояршиновой, О. И. Кашик, А. Н. Копылова¹³⁴ и многих других историков Сибири.

¹³² История Сибири, т. 2, Л., 1968, стр. 77—78.

¹³³ О. Н. Вилков. Промышленность нерусских народов Тобольского уезда в XVII в. «Сибирь XVII—XVIII вв.», Новосибирск, 1962; он же. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М., 1967; он же. К вопросу об экономических связях сибирского города с прилегающей округой в XVII в. «Известия СО АН СССР. Серия общественных наук», 1966, № 1, вып. 1.

¹³⁴ З. Я. Бояршинова. Население Томского уезда в первой половине XVII в. «Труды Томского университета. Серия историко-филологическая», т. 112, Томск, 1950; она же. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960; О. И. Кашик. Из истории заселения Иркутского уезда в XVII—начале XVIII вв. «Ученые записки Иркутского пединститута», вып. XVI. Благовещенск, 1958; она же. Торговля в Восточной Сибири в XVII—начале

Достижения советских исследователей, несмотря на узкий круг специально занимающихся пушным промыслом, очевидны, особенно по сравнению с дореволюционной историографией. И все же остаются существенные пробелы.

Историческая наука не располагает данными об имевшихся к приходу русских естественных пушных ресурсах Сибири, следовательно, и о возможностях развития пушного промысла. Не используется в этом отношении и то, что уже сделано зоологами. Нет еще систематизированных сопоставимых показателей о результатах частного и ясачного промысла по всем крупным районам Сибири (хорошей суммарной подборки В. А. Александрова по приенисейским и О. Н. Вилкова по западносибирским уездам недостаточно), о динамике развития того и другого промысла, о добычливости пушной охоты, а без этого трудно увидеть особенности организации пушного промысла в разное время, соотношение отдельных отраслей хозяйства на разных этапах его развития. Не рассматривались во взаимосвязи правительственная политика и отношения русских промышленников с местным населением, ясачный режим и промысловый налог, а это необходимо для оценки правительственной и частной промысловой колонизации, для выяснения роли в ней разных социальных элементов. Далеки еще от решения вопросы социальных отношений на промысле: нет единого мнения в оценке покруты, а мелкотоварный уклад обычно даже не упоминается в литературе. Требуют уточнения представления о формировании постоянного промыслового населения, о технической организации пушного промысла, об особенностях пушной торговли и т. п. Короче говоря, назрела необходимость специального изучения пушного промысла, без чего не может быть удовлетворительно решена проблема русской колонизации Сибири в целом.

В задачу настоящей работы не входит решение всех вопросов промыслового освоения Сибири. Это потребует коллективных усилий. Однако имеющиеся уже достижения в изучении пушного промысла, а также серьезная разработка проблем других отраслей хозяйства (итоговые данные и выводы, избавляющие исследователя от дилетантского вторжения в чужие для него области, современная методика исследования)

XVIII вв. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Труды конференции по истории Сибири и Дальнего Востока». Новосибирск, 1961; А. Н. Копылов. Русские на Енисее в XVII в.

делают возможной попытку смягчить образовавшуюся в исторической литературе диспропорцию в изучении хозяйственной деятельности русских в Сибири и представить пушной промысел в качестве самостоятельной и важнейшей отрасли занятий, а русских промышленников как формировавшуюся составную часть постоянного населения Сибири.

Хронологические рамки работы (конец XVI—начало XVIII вв.) определяются не только принятой периодизацией, но и главным образом тем, что русский пушной промысел, пройдя через этапы расцвета и кризиса, в начале XVIII в. принял в общих чертах те формы, в которых он просуществовал до конца феодальной эпохи. Особое внимание уделяется этапу развитого соболиного промысла в приенисейских уездах и Якутии, составлявших основной промысловый район Сибири.

2. Источники

Выбор круга источников, принцип отбора и методика их обработки определяются не только общей для всех советских историков методологической установкой, имеющей целью получение объективных в марксистском понимании результатов исследования, но и конкретными задачами изучения избранной темы, насколько она обеспечена надежными источниками. Наличие богатейших, хорошо известных, но далеко еще не использованных до конца архивных фондов Центрального государственного архива древних актов (особенно фондов Сибирского приказа и Якутской приказной избы), Архива Ленинградского отделения Института истории АН СССР, Архива Академии наук СССР в Ленинграде позволяет производить такой отбор, конечно, с известными ограничениями: массовый архивный материал о пушном промысле сохранился только со второй четверти XVII в., потому что в 1626 г. погиб в пожаре архив Казанского дворца,¹³⁵ ведавшего тогда Сибирью, утрачены многие документы по ряду уездов и за время после 1626 г.

В связи со слабой изученностью и спорностью многих вопросов развития сибирского пушного промысла первостепенное значение имеют количественные показатели, сопоставимые в хронологическом и территориальном направлениях, де-

¹³⁵ А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири, вып. 1. М.—Л., 1960, стр. 67.

тальные и конкретные. Этим определяется выбор таможенных книг в качестве главного источника.

Из всех разновидностей таможенных книг наибольшую ценность представляют приходные книги натурального сбора десятинной пошлины с промышленной и перекупной пушнины, так называемые соболиные книги. Самые многочисленные, они содержат в себе и наибольшую информацию, а именно: 1) имена, отчества, иногда фамилии и прозвища плательщиков пошлины; 2) почти всегда социальное положение по словному признаку: «торговые», «промышленные», «служилые» люди, «крестьяне» и т. п.; 3) в большинстве книг территориальное происхождение промышленников; 4) места уплаты пошлины, иногда места промысла; 5) ассортимент и количество явленной для уплаты пошлины пушнины, иногда с указанием таможенной оценки.

Компактное соединение данных позволяет выявить взаимозависимость территориального происхождения промышленников с движением их в Сибири, предпочтительные связи промышленников разных уездов Поморья с определенными местами промыслов и даже связь между производительностью промысла и территориальным происхождением промышленников (из земледельческих уездов в Сибирь шли менее квалифицированные охотники, чем из промысловых); одни и те же данные о пушнине, сгруппированные по величине являемых в таможи партий соболей, одновременно показывают уровень добычи в определенное время и социальный состав промышленников, динамику развития промысла и эволюцию социальных отношений; поименное сличение промышленников в книгах за разные годы по разным уездам дает возможность проследить не только промысловую деятельность отдельных лиц, но и определить (по выборочным данным) степень подвижности рядовой массы промышленников в Сибири, проверить выводы об уровне социального и имущественного расслоения и выявить темпы этого расслоения при обратимости процесса — при взаимном переходе их одной социальной группы в другую.

Таможенные книги имели значение отчетных документов, поэтому велись с большой тщательностью. В них крайне редки опiski и неточности. Почти все цифры, за исключением обозначения даты, писались прописью. Пушнина фиксировалась очень детально: шкурки зверей различались по цвету (лисицы черные, черно-бурые, бурые, чалые, седые, серые и т. п.), по возрасту животных (бобры, ярцы, кошлоки), по вре-

мени добычи (соболи и недособоли; песцы, недопески, норники, копанцы и т. д.), по степени обработки (шкурки цельные и без лап, без хвостов и т. п.), иногда по качеству (соболи и соболишки, шубы и шубенки и т. п.). Записывалась таможенная оценка той пушнины, с которой нельзя было взять натуральную десятичную пошлину (слишком дороги или слишком дешевы отдельные шкурки, неполные десятки шкурок, изделия из меха).

Обычно каждая запись начиналась с даты и составляла отдельный абзац. Общий итог не подводился. Для получения любых данных необходимо делать сплошной подсчет, поэтому при пользовании таможенными приходными книгами целесообразно было их переписывать по форме ведомостей, занося в особые графы дату платежа пошлины, имя плательщика, его социальное положение, территориальное происхождение, состав и количество пушнины и размер пошлины. Такие «ведомости» компактнее, нагляднее, пользоваться ими удобнее, чем книгами со сплошным текстом, занимающими иногда свыше 500 страниц.

Таможенные приходные книги сохранились в виде черновых или рабочих записей, чаще переписанные набело и скрепленные подписью таможенного головы или в копиях, за отдельные годы в том и другом виде. Беловые скрепленные подписью подлинники надежнее тем, что они гарантируют полноту книг.

Таможенные книги не отражают полностью состояние русского пушного промысла, потому что промышленники стремились, и это им иногда удавалось, обойти таможи или скрыть от таможенной администрации часть добычи. Однако эта часть не могла быть особенно большой: промысел производился артелями с уравнильным разделом добычи, промышленники были «на виду». Едва ли рядовые охотники, добывавшие большую часть пушнины, вступали в незаконные сделки с таможенниками. В широких масштабах, по-видимому, это не делали и крупные промышленники. Добыча их покрученников также хорошо была известна. Во всяком случае, должность таможенного головы не была «доходной». Известно, что торговые люди от нее всячески отказывались. В целом учет пушнины частного промысла в XVII в. можно считать удовлетворительным.

Детальная обработка данных таможенных приходных книг трудоемка, что заставляет ограничивать число используемых источников. Когда однотипные документы представлены сотня-

ми, но с пропусками по годам и неравномерно по разным районам, нет необходимости стремиться к максимальному их охвату. Поэтому сколько-нибудь систематически (до 4—5 годовых книг за десятилетие) привлекались для анализа таможенные книги только по Мангазейскому, Якутскому, Енисейскому, частично Илимскому уездам, составлявшим сплошной район развитого частного пушного промысла, при этом наиболее полно за годы расцвета соболиного промысла. Такое «уплотненное» использование источника позволяет хотя бы за короткий срок определить подлинную динамику промысла с учетом различных случайностей промысловой охоты и выявить определенные закономерности: связь темпов развития промысла с количественным и качественным составом естественных запасов, с начальным моментом освоения района (чем позднее начиналось опромышление, тем интенсивнее оно обычно проходило) и т. п.

Разнообразные данные содержатся в других таможенных книгах. Отпускные книги дают материал о составе и цене ужины, о социальном и имущественном положении промышленников, однако требуют критического отношения: ужины нередко доукомплектовывались на местах промысла, с другой стороны, часть «запаса» и «промышленного завода» шла в продажу; отдельные промышленники, зарегистрированные в качестве рядовых, на промысле обзаводились покрученниками или, наоборот, сами шли в покруту. Более надежны сведения явных таможенных книг, в которых показан реальный состав промысловых партий, конкретные места промысла, длительность пребывания на промысле и время возвращения с него, средняя добыча на охотника каждой промысловой партии. Таможенные книги поголовного сбора позволяют уточнить количественный состав промышленных и торговых людей в определенных пунктах в определенное время. Таможенные приходные денежные книги, наряду с «соболиными», содержат известия о промысле несоболиной пушнины. Таможенные книги записной пошлины фиксировали конкретные торговые сделки и рыночные цены. Все эти и подобные им документы являются хорошим подспорьем к приходным книгам. Сохранились они в меньшем числе и часто фрагментарно.

Наряду с таможенными книгами, ценный материал дают другие виды источников, среди которых особенно важны «ценовые росписи» пушнины, воеводские и таможенные отчеты-отписки и челобитные.

В «ценовых росписях» фиксировался разбор мехов по качеству и давалась оценка каждого сорока или десятка, сотни, тысячи шкурок обычно отдельно по уездам (при «разборе» в Москве), по острогам, зимовьям, волостям или по землицам, улусам и родам (в уездах). «Разборные» цены подвижнее и разнообразнее реальных рыночных цен, таможенных условных оценок, приемных цен ясака. Они позволяют точнее определить соотношение разных видов пушнины, распределение естественных запасов и добычи пушнины в разных районах Сибири. Очень подробные «ценовые росписи» ясака по Якутскому уезду дают, помимо количественных показателей, ценный и далеко еще не использованный материал, раскрывающий механизм ясачного режима, показывающий миграции населения Якутии.

Привлекались также данные ясачных книг.

Использование этих документов позволило расширить ограниченные наличными таможенными книгами хронологические и территориальные границы исследования до тогдашних общесибирских пределов в рамках всего периода первоначального хозяйственного освоения Сибири русскими. Все эти количественные показатели располагаются по принципу: чем дальше от территориального и хронологического центра (основного промыслового района времени расцвета соболиного промысла), тем они реже и менее точны и детальны. По возможности выдерживается и принцип поэтапной группировки материала, концентрирование наибольшего объема показателей на определенных хронологических гранях (кульминация расцвета пушного промысла в 40-х годах, начало кризиса в 70-х годах, начало преодоления кризиса на рубеже XVII и XVIII вв.). Это лучше оттеняет этапы развития промысла и делает данные сопоставимыми с другими периодами за пределами XVII в.

Воеводские и таможенные отписки содержат, наряду с итоговыми данными, интересные сведения о причинах недобора ясака и таможенной казны, показывают цели правительственной политики и методы ее осуществления. Челобитные, «расспросные речи», «судные» (судебные) дела раскрывают взаимоотношения разных социальных групп, русских промышленников и ясачного населения, отношение тех и других к местным властям и т. п. Показания этих источников нуждаются в тщательной критической проверке.

Анализ отдельных источников дается в соответствующих местах настоящей работы. Здесь необходимо лишь подчерк-

нуть, что наиболее надежные результаты получаются при сопоставлении разнохарактерных материалов.

Наряду с неопубликованными документами, привлекаются архивные материалы, опубликованные в многочисленных изданиях («Акты исторические», «Дополнения к Актам историческим», «Русская историческая библиотека», «Памятники сибирской истории», «Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII в.», «Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии», «Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах» и другие).

В качестве источников используются также работы некоторых авторов XVIII—XIX вв. (С. П. Крашенинникова, Н. С. Щукина и других), которые непосредственно наблюдали описываемые ими явления пушного промысла. Это обусловлено как ретроспективным подходом к отдельным вопросам (например, о численности поголовья зверей, о технической организации промысла), так и особенно стремлением найти не только место пушного промысла в социально-экономическом развитии Сибири XVII в., но и место XVII в. в истории развития пушного промысла в феодальную эпоху.

Зависимость пушного промысла от природной среды вызывает необходимость привлечения работ зоологов и географов, в значительной мере используемых тоже в качестве источника. Частично использовался этнографический и фольклорный материал.

Автор благодарит за советы и критические замечания коллектив кафедры истории Красноярского педагогического института, а также В. А. Александрова, О. Н. Вилкова, М. М. Громыко, З. Г. Карпенко, А. Н. Копылова, В. Г. Мирзоева, К. Д. Нумерова, А. А. Преображенского и особенно П. И. Кабанова.

ГЛАВА I

СИБИРЬ КАК ПОСТАВЩИК ПУШНИНЫ ДО ПРИСОЕДИНЕНИЯ КРАЯ К РОССИИ

1. Пушная охота в дорусской Сибири и выход сибирской пушнины за пределы края

Пушных зверей в Сибири добывали с глубокой древности. При раскопках позднепалеолитической стоянки в Малте под Иркутском среди костей животных были обнаружены кости 30 особей песцов. Как пишет П. П. Ефименко, ссылаясь на М. М. Герасимова, «найденные здесь кости лишь взрослых животных, притом сохранившиеся в нерасчлененном виде, говорят о том, что песца убивали исключительно из-за меха». Там же нашли кости россомахи и волка.¹ На стоянке Афонтовой горы II на территории современного Красноярска, относящейся к концу палеолита, В. И. Громов насчитал среди костей животных кости 32 особей песцов и 17 зайцев.² Позднее, в эпоху меди и бронзы, с переменой климата изменилась и фауна. Среди костных остатков животных той поры обнаруживаются кости лисицы, бурундука (в Минусинской котловине), белки, волка (на неолитической стоянке под Красноярском)³.

Шкурки пушных зверей, привлекая внимание первобытных охотников мягкостью, приятной окраской, в первую очередь удовлетворяли их эстетические потребности. Охота ради меха не могла быть у них интенсивной. Она была возможна лишь только в условиях известного избытка питания.⁴ В

¹ П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 473—474.

² Там же, стр. 575.

³ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 28, 148.

⁴ П. П. Ефименко. Указ. соч., стр. 498.

Сибири, особенно северной, с ее холодным климатом, пушнина не имела существенного практического значения. В. И. Юхельсон, долго живший в Якутском крае, писал, что древние юкагиры занимались «мясной» охотой, главным образом, на северного оленя и лося, которые давали и шкуры для одежды. Пушниной они особенно не интересовались. «Лисицу, соболя, белку они промышляли случайно; шкуры их женщины носили в виде украшений, а мясом их только во время голодовок не брезговали. Кто путешествовал в полярных странах, тот знает, что меха дорогих пушных зверей меньше греют и хуже защищают от ветров, чем мех оленя.⁵ Примерно так же относились к пушной охоте многие эвенки. Г. М. Василевич на основе фольклорных данных заключает, что у эвенков первое место занимала охота на копытных животных. «Коллективная и индивидуальная охота на лосей, диких оленей и на птицу упоминается во всех преданиях, в то время как в них совершенно не говорится о промысле пушного зверя, который в натуральном хозяйстве играл весьма малую роль»⁶. Н. Н. Степанов приводит выдержку из легенды, сохранившейся в записи енисейского приказного человека XVII в., в которой сообщается о «немом обмене» тунгусов с соседними народами, при этом тунгусы «выступают еще здесь не собольщиками, а охотниками на птицу»⁷. Конечно, по преданиям нельзя судить, как долго пушная охота не интересовала эвенков. По сообщению той же Г. М. Василевич, еще в начале 30-х годов XX в. в весеннем празднике сымских эвенков отражалась древняя облавная охота на «мясного зверя», между тем как в их бюджете 95% приходилось на пушнину⁸. И не все виды фольклора игнорируют пушнину. В одной из эвенкийских сказок, может быть, поздних, на пушного зверя охотились уже первые люди земли⁹.

⁵ См. П. Н. Третьяков. Первобытная охота в северной Азии. «Из истории родового общества на территории СССР». М.—Л., 1935, стр. 224—225.

⁶ Народы Сибири. Этнографические очерки. М.—Л., 1956, стр. 706.

⁷ Н. Н. Степанов. Хозяйство тунгусских племен в XVII веке. «Вопросы истории Сибири». Ученые записки ЛГПИ им. Герцена, т. 222, Л., 1961, стр. 243.

⁸ См. П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 253.

⁹ «На поверхности земли родилось двое людей. У них ничего не было. Не было оленей. Жили, охотясь на зверей. Потом бить стали выдру. Таким образом появилась у них одежда из шкур» («Торганой Эвенкийские сказки». Записала Г. Василевич. Л., 1939, стр. 101).

Особенно долго пренебрежительное отношение к пушным зверям с точки зрения хозяйственной целесообразности должно было сохраниться у первобытных племен, изолированных от более развитых соседей. По словам крупнейшего знатока Камчатки С. П. Крашенинникова, у камчадалов до прихода русских не было нужды в ловле лисиц, а соболей они добывали для мяса, потому что лисьим и собольим мехам предпочитали собачьи¹⁰. Вполне понятно взаимное недоумение русских и камчадалов при первом знакомстве. Русские отмечали, как достойное внимание, что камчадалы при изготовлении глиняной посуды замешивали в глину нарубленные собольи хвосты,¹¹ а те смеялись над русскими казаками, которые променивали ножик за 8, а топор за 18 соболей.¹²

До русских в Сибири, в частности эвенки и кеты, иногда собольим и бобровым мехом подбивали лыжи, чтобы они не скользили при подъемах. Это дало повод Г. Ф. Миллеру, уже не заставшему там в XVIII в. собольих подволоков, воскликнуть: «Какое количество драгоценного меха должно было быть в те времена в Сибири, если здешние народы носили собольи шубы и даже для лыжных подволоков употребляли собольи мех»¹³. П. Н. Третьяков справедливо замечает, что факты употребления пушнины на лыжные подволоки показывают небольшую ценность пушнины в глазах северных народов и что она не служила предметом обмена¹⁴. И количество шуб и других меховых изделий у впервые обьясаченных ангарских тунгусов в приведенном Г. Ф. Миллером примере за 3 года невелико: на 666 соболей приходилось 15 собольих шуб, из которых 12 названы шубенками, 2 собольи и одна бобровая лыжные подволоки и 4 росомахи.¹⁵ Некоторые документы начального периода ясачного режима в Сибири дают основание считать наличие шуб в составе ясака признаком не богатства, а бедности пушниной. Так, в грамоте царя Бориса 1598 г. в Верхотурье прямо указано: «а которые будут Тотарове и Остяки худые (т. е. бедные) и вам учнут в наш ясак приносить, для своих нужд (т. е. от нужды) шубенка худые собольи и всякие шубенка худые, потому что им соболей добы-

¹⁰ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. М.—Л., 1949, стр. 243, 244.

¹¹ Народы Сибири, стр. 979.

¹² С. П. Крашенинников. Указ. соч., стр. 244.

¹³ Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. 2. М.—Л., 1941, стр. 46.

¹⁴ П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 225.

¹⁵ Г. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 46.

ти немочно, и вы б у них, для их нужд, не имали, а тем мы их пожаловали»¹⁶.

Однако так было не всегда и не везде в Сибири до присоединения к России. Автор специальной работы о первобытной охоте в Северной Азии П. Н. Третьяков замечает, что в результате разложения первобытного коммунизма и новых социальных отношений перед охотой открываются новые возможности. Пушнина приобретает меновую стоимость, становится популярным предметом внутренней и внешней торговли, выполняя в некоторых странах функцию денег.¹⁷ Немаловажное значение имели и внешние факторы. По мнению М. О. Косвена, история охоты знает особую форму, которую иногда смешивают с первобытной. К ней он относит охоту отсталых народностей, развивающуюся под внешним влиянием, в силу требования дани или с проникновением товарно-денежных отношений и имеющую промысловый характер. Нельзя только согласиться с приурочиванием этой особой формы охоты к эпохе колонизации¹⁸. Она имела место и до и после так называемой эпохи колонизации.

Раньше всего новые явления обнаружили в Южной Сибири. Еще в первой половине I тысячелетия н. э. в обмен на китайские товары южносибирские племена давали скот, пушнину, кожи и рабов¹⁹. На Алтае тогда, по мнению С. И. Руденко, охота на пушного зверя, в частности на соболя, могла уже иметь и товарное значение.²⁰ Для второй половины тысячелетия С. В. Киселев без колебаний утверждает, что там большое значение имела промысловая пушная охота и предполагает, что пушнина была товаром, вывозившимся с Алтая на южные и центральноазиатские рынки²¹.

В южной Сибири пушнина рано стала предметом дани с подвластных племен. Н. Я. Бичурин приводит китайское известие, относящееся к VII—IX вв., по которому киргизскому правителю «ясачные вносят подати соболями и белкою»²².

¹⁶ АИ, т. 2. СПб., 1841, стр. 11.

¹⁷ П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 222.

¹⁸ М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры. М., 1957, стр. 66.

¹⁹ С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 313.

²⁰ С. И. Руденко. Сокровища Пазырыкских курганов. «По следам древних культур». М., 1951, стр. 120.

²¹ С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 511.

²² Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. 1. М.—Л., 1950, стр. 352; см. также С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 573.

Н. В. Кюннер переводит это с китайского несколько иначе: «Что касается их податей, то вносят (их) соболиными шкурами и песцами» и дальше: «что касается одежды и украшений, то ценят (меха) соболей и котиков».²³ Однако смысл сообщения от этого не меняется.

Монгольское завоевание резко нарушило весь хозяйственно-бытовой и социально-экономический уклад населения Южной Сибири, уничтожило государство енисейских киргизов. Возросли тяготы зависимого населения. Перед присоединением Хакасии к России данники, которые назывались киштымами²⁴, уплачивали громадный ясак киргизским князьям, господствовавшим на Среднем Енисее после падения монгольского владычества. Русские, бывшие у киргизов, считали, что нормой ясака было 10 соболей с человека. По договору с русскими три князя обусловили сбор в свою пользу с киштымов «по 15 соболей с человека на год или вместо соболей по три бобра». Дети и внуки этих князей стали брать еще больше²⁵. Временами дань уплачивали также монгольским ханам или джунгарским правителям. К. Г. Копков показывает огромный размер этой дани: монгольские ханы и джунгарские хун-тайши брали с хакасов ясак по 10 соболей с человека, а также десятую часть всего поголовья скота и накладной ясак в виде дополнительных сборов.²⁶ Л. П. Потапов самый термин «киштым» выводит из тюркского слова «киш» — соболь. Этот термин, по его мнению, означал человека, имеющего соболей, что со временем стало означать данника, уплачивающего дань пушниной и вообще зависимого человека.²⁷ К. Г. Копков также определяет киштымов как данников, зависимых людей, но понятие «киштым» считает сугубо социальным, буквально означающим «притесняемые

²³ Н. В. Кюннер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, стр. 60.

²⁴ По И. Э. Фишеру, киштымами называются по-татарски такие народы, которые подвержены власти другого народа и платят ему дань (И. Э. Фишер. Сибирская история. СПб., 1774, стр. 281).

²⁵ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 2, стр. 188.

²⁶ К. Г. Копков. Добровольное присоединение Хакасии к России. «250 лет вместе с великим русским народом». Абакан, 1959, стр. 20.

²⁷ Л. П. Потапов. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.). Абакан, 1952, стр. 51.

люди» или же «люди, подвергаемые давлению».²⁸ Разное толкование этимологии термина не меняет в данном случае существа дела. Очевидно, что большинство населения бассейна Среднего Енисея производило охоту на пушных зверей, имеющую промысловый характер в особой форме, которую отметил М. О. Косвен. Полученная в качестве ясака (албана) пушнина шла не только на удовлетворения потребностей господствующей феодальной верхушки, но и служила главным предметом во внешней торговле.²⁹

До присоединения к России Алтая там также, по мнению исследователя шорского фольклора Н. П. Дыренковой, продукты пушного промысла шли в уплату албана (дани) монгольским, джунгарским и киргизским правителям, служили предметом меновой торговли с соседними племенами. Не случайно, что в шорском фольклоре охота занимает выдающееся место.³⁰ В исторических поэмах, в рассказах и легендах, в песнях очень часто говорится об охоте на соболей, а также на белок и выдр, лисиц и других зверей. Однако либо это относится к более позднему времени, либо, что вероятнее, осложнено позднейшими наслоениями, потому что в большинстве случаев упоминается в качестве охотничьего оружия ружье.³¹ О развитой охоте на пушных зверей на Верхней Оби до присоединения к России свидетельствуют русские источники. В 1619 г. томский казак И. Петлин в «Росписи Китайского государства и Монгольских земель» со слов «братского татарина» сообщал, что на Верхней Оби происходит меновая торговля: «меняют де с нами и саяны на оленью кожу и на лосины и на соболи и на бобры, а нам де дают противу камки и бархаты и тафты и зендени черные».³²

Несколько неопределенны сведения о пушной охоте у бурят. Лесные народы Монголии в XI—XIII вв., занимаясь преимущественно охотой, как пишет Б. Я. Владимирцов, «били, конечно, всякую дичь, но главным объектом охоты были со-

²⁸ К. Г. Копков. Присоединение Хакасии к России. Автореферат канд. дисс. М., 1965, стр. 6. См. также А. П. Окладников. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII—XVIII вв.). Л., 1937, стр. 319.

²⁹ К. Г. Копков. Присоединение Хакасии к России, стр. 6.

³⁰ Шорский фольклор. Записи, перевод, вступительная статья и примечания Н. П. Дыренковой. М.—Л., 1940, стр. XVI—XVII.

³¹ Шорский фольклор, стр. 253, 255, 259, 261, 263, 265, 267, 295, 297 и др.

³² Русско-монгольские отношения. 1607—1636. Сб. документов. М., 1959, стр. 86.

боль и белка; известны целые племена, которые назывались... «соболевщики», «охотники на соболей» и... «белковщики», «охотники на белок». Джочи, сын Чингис-хана, получает при покорении «лесных народов» черных соболей. По сообщению «Сокровенного сказания», один мусульманский купец из средней Азии гнал по р. Аргуни тысячу баранов и верблюда «для вымена соболей и белок». ³³ Среди «лесных народов» были и буряты, но неизвестно, относятся ли к ним приведенные Б. Я. Владимирцовым сведения. Перед присоединением к России в XVII в. буряты как будто пушной охотой занимались мало.

Енисейский атаман Максим Перфильев в 1627 г. писал о бурятской земле со слов эвенков: «Земля богата и людей в ней много, а люди сидячие, а берут де братские люди ясак со многих смежных земель, а товары де в Братской земле соболи и лисицы и бобры и бухарских товаров: дорогов и киндяков и зеденей и шелков и белья много, а серебра де добро много, а коней и коров и овец и верблюдов бесчисленно, а хлеб пашут ячмень и гречу». ³⁴ Несколько иначе описывает бурят служилый человек Василий Витязев (Витезев), который в 1641 г. был вблизи бурятской земли. В сохранившейся без начала и без конца его отписке дано подробное описание путей в Прибайкалье с указанием длительности в днях судового, конного и пешего хода, отмечаются пригодные для пашни и сенокоса места и даже определяются их размеры в десятинах или копнах, называются имена людей, от которых получены те или иные сведения. Все это заставляет относиться с доверием к сообщению наблюдательного землепроходца. В. Витязев пишет, что по р. Киренге живут многие тунгусы, «а ясак государю платят не все, а соболи продают в брата (бурятам) на животину и на проса». Служилые люди видели то просо у тунгусского князя Можеула. Со слов Можеула и других эвенков, В. Витязев сообщает, что в правую сторону от Селенги, если идти от Байкала, живут кочевые «мунгалы». Селенгою ходят в Китайское государство. «А серебро де в брата и камки и кумачи выходят из мунгал, а в мунгалы ис Ки-

³³ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, стр. 35.

³⁴ См.: «История Бурят-Монгольской АССР», т. 1. Улан-Удэ, 1954, стр. 59.

тайского государства. А покупают де то серебро и камки и кумачи брата у мунгал на соболи» ³⁵.

М. Перфильев и В. Витязев согласны между собой в описании бурятской торговли соболями, поступавшим к ним от тунгусов. Это в известной мере подтверждается небольшой в первое время нормой их ясака в царскую казну: платили «братские люди с человека по соболю, а тунгусы по пяти соболей с человека». ³⁶ Позднее, во второй половине XVII в., документы, как пишет Е. М. Залкинд, изобилуют ходатайствами бурят о разрешении им платить ясак скотом, так как соболей им приходилось приобретать по дорогой цене у тунгусов. И в конце века уплата ясака скотом стала типичной. В то же время у бурят была и собственная охота на пушных зверей, которая в XVII в. имела товарный характер ³⁷. Расходятся М. Перфильев и В. Витязев в определении источников поступления пушнины к бурятам. Первый таким источником считал ясак «со многих смежных земель», второй — закупку у тунгусов. Но атаман Перфильев имел в виду западных бурят, живших тогда в окружении тунгусских племен. С некоторых из них они брали дань. Киштымами бурят были кето-язычные племена Енисея и некоторые тунгусские родовые группы ³⁸. По подсчетам Б. О. Долгих, только у нижнеокинских бурят было, примерно, 700 киштымов-тунгусов ³⁹. По-видимому, не все группы бурятской верхушки имели своих данников. Удинские буряты сами более интенсивно, чем другие занимались охотничьим промыслом, они и ясака потом платили больше, по 2 и даже по 4—5 соболей с человека ⁴⁰.

³⁵ ЛОИИ, ЯА, карт. 2, столб. 19, лл. 6, 8—9. См. также А. П. Окладников. Очерки из истории западных бурят-монголов, стр. 265; Е. М. Залкинд. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958, стр. 183.

³⁶ В. Г. Изгачев. Русский землепроходец Петр Иванович Бекетов. «Ученые записки Читинского пединститута», вып. 4. Чита, 1959, стр. 89.

³⁷ Е. М. Залкинд. Указ. соч., стр. 171.

³⁸ А. П. Окладников. Очерки из истории западных бурят-монголов, стр. 319.

³⁹ Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960, стр. 213, 244. Б. О. Долгих полагает, что буряты переделали само название котов в корчун, вероятно, по аналогии с монгольским жарачу, означавшим человека из покоренных, подчиненных родов (Б. О. Долгих. Указ. соч., стр. 253). С. В. Бахрушин считает, что под влиянием монголо-тюркских завоевателей идею ясака, или алмана, восприняли и местные племена Сибири, в частности буряты (С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 2, стр. 51).

⁴⁰ Б. О. Долгих. Указ. соч., стр. 257.

Независимо от того, сами ли буряты добывали основную часть пушнины, получали ли ее с киштымов или в обмен на продукты животноводства у лесных соседей, очевидно, что пушная охота в той части Сибири в известной степени была промысловой, а ценная пушнина выступала в качестве главного товара в торговле со среднеазиатскими купцами и Китаем через посредничество монголов.

Дауры, жившие по берегам Зеи, охотились на пушных зверей, при этом охота, наряду с земледелием и скотоводством, составляла основное занятие⁴¹. Добываемых соболей они, по рассказу В. Пояркова, продавали на камки и на ку-мачи хану⁴².

У якутов до присоединения к России, как считает С. А. Токарев, пушная охота также носила характер промысла. Они добывали соболей, лисиц, волков, выдр, белок, горностаев и других зверей⁴³. Это не противоречит мнению С. В. Бахрушина, что охота у якутов играла второстепенную роль⁴⁴. Своей пушнины им не хватало. Они вели торговлю в форме межплеменного обмена с эвенками, у которых выменивали пушнину⁴⁵. В XVII в. русские власти стремились, чтобы оставшаяся после уплаты ясака «мягкая рухлядь» не уходила из Якутии «в Браты и в Монголы»⁴⁶. Несомненно, что такие связи существовали и раньше.

Дорогая пушнина широко отражена в якутском фольклоре. Женщина, избранная богами, «отборными рысьими и соболями мехами завернутая выросла». Другая знатная женщина «серебристых соболей доху накинула, пятнистой рыси шапку набекрень набросила; лучших волчьих шкур шароварами колени охвачены, пятнистой рыси передних лап рукавчики надеты; серебристых соболей задних лап сапожки обуты». Или: «...с кровати своей, золотой, восьмиугой, с постелью из меха летних соболей, с одеялом из меха зимних соболей». Шаманка обращается к богине: «Склонись с узорного облака, рысью доху раскрой свою, бобровую шапку

⁴¹ С. В. Бахрушин. Казаки на Амуре. Л., 1925, стр. 10.

⁴² ДАИ, т. 3, СПб., 1848, стр. 57.

⁴³ С. А. Токарев. Общественный строй якутов XVII—XVIII вв. Якутск, 1945, стр. 35.

⁴⁴ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 2, стр. 236.

⁴⁵ С. А. Токарев. Указ. соч., стр. 80, 82; С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 2, стр. 24.

⁴⁶ ЦГДА, ЯПИ, оп. 2, д. 1, л. 7. См. также С. А. Токарев. Указ. соч., стр. 269.

подвину свою» и т. п.⁴⁷. В исторических преданиях якутов сохранилось воспоминание об охоте на пушных зверей еще во времена переселения предков на Лену: охотник с собакой ходил за зверем. «В те времена было неисчислимое количество соболей, рысей и лисиц. Найдя реку Алдан, он сильно полюбил ее. Гонясь за зверем, стал охотиться в этих местах и почти совсем поселился там»⁴⁸. Когда пришли русские, якут без лишних слов принес две набитые множеством соболей и лисиц переметные сумы. На вопрос русского начальника, что он принес, ответил: «Это соболи и лисицы, у нас, у якутов, почитаемые ценной пушминой»⁴⁹. На основании приведенного материала трудно судить о масштабах охоты, но заинтересованность якутов в пушнине несомненна.

Спрос на ценную пушнину со стороны бурят, якутов и других народов стимулировал охоту на пушных зверей у эвенков, по крайней мере, пограничных с ними. Н. Н. Степанов считает, что эта охота была довольно развита и до XVII в. как у «оленных» тунгусов на севере, так и у «конных» и «скотных» на юге. Межплеменные обменные связи с другими народами, в которых эвенки неизменно являлись поставщиками пушнины, сложились также до XVII в.⁵⁰. Однако промысловой, в определяемой М. О. Косвенном особой форме, можно считать только охоту на пушных зверей у тех эвенков, которые платили дань.

Степень развития пушной охоты в дорусской Сибири далеко не была пропорциональной естественным запасам пушных зверей, как не трудно заметить при сравнении Южной и Северной Сибири⁵¹. Явления, характерные для Южной Сибири, отчетливо прослеживаются на западной окраине Западной Сибири, менее богатой ценными пушными зверями.

Уже арабские путешественники X в. знали «страну мрака», куда вела торговая караванная дорога через Поволжье и Урал⁵². Итальянец Марко Поло в XIII в. писал: «Туземцы

⁴⁷ Якутский фольклор. Тексты и переводы А. А. Попова. М., 1936, стр. 55, 56, 79, 131 и др.

⁴⁸ Исторические предания и рассказы якутов, ч. 1. М.—Л., 1960, стр. 68.

⁴⁹ Там же, ч. 2. М.—Л., 1960, стр. 18—19.

⁵⁰ Н. Н. Степанов. Хозяйство тунгусских племен в XVII веке, стр. 239—240. См. также С. А. Токарев. Указ. соч., стр. 83.

⁵¹ См. главу 3.

⁵² Н. Н. Степанов. Историческое значение присоединения народностей Крайнего Севера к России. «Вопросы истории», 1952, № 7, стр. 78.

этой страны ловят бесчисленное количество соболей, куниц, росомх, лисиц и других подобных зверей, мех которых... высоко ценится татарами, в собственной стране которых можно найти лишь более дешевые сорта; это обстоятельство и побуждает татар совершать грабительские набеги на север».⁵³ Позднее татары проникли на берега Тобола, Иртыша и Оби, заставили часть манси и хантов платить ясак и сами в лесах добывали пушного зверя и тоже платили ясак своим князьям и ханам.⁵⁴ Западносибирская пушнина попадала на Русь временами в виде дани, а чаще в порядке обмена. И внутри Западной Сибири производился межплеменной обмен, одним из предметов которого была пушнина.⁵⁵ У отдельных представителей родо-племенной знати скапливались иногда значительные массы мехов. По описи имущества кондинского «князя» Агая, произведенной в 1594 г., у него было 426 соболей, 13 черных, бурых и красных лисиц, 61 бобер и 1000 белок.⁵⁶ П. Н. Буцинский не без основания полагает, что учтена была только часть пушнины, а многое разошлось по рукам победителей.⁵⁷ Вероятно, и в Западной Сибири пушная охота частично приняла промысловый характер.

Было бы ошибкой переоценивать степень развития пушной охоты в целом в дорусской Сибири. Интенсивность звероловства зависела не столько от плотности и ценности естественного поголовья пушных зверей, сколько от уровня социально-экономического развития населения, политической обстановки и расстояния от важнейших рынков и путей к ним. Больше стимулировалась охота на западной и особенно южной окраинах, где она в значительной мере приняла характер промысла. По мере удаления от окраин, с некоторыми исключениями, например, у якутов, интенсивность пушной охоты ослабевала, так что в самых отдаленных районах она к приходу русских сохранила первобытный характер случайной, попутной добычи небольшого количества пушных зверей. В отношении обмена с несибирскими народами это постепенное затухание по мере удаления от развитых стран отметил Н. Н. Степанов: «Из средней Азии, Монголии и Китая в Сибирь шли

⁵³ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 2, стр. 153.

⁵⁴ Там же, стр. 50, 154, 155.

⁵⁵ Там же, стр. 50, 154, 155.

⁵⁶ Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. 1. М.—Л., 1937, приложения, стр. 362—363.

⁵⁷ П. Н. Буцинский. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889, стр. 303.

гкани, хлеб, железные и иные металлические изделия, украшения и т. п., оседая на юге и в центральных районах Сибири и лишь изредка проникая на север»⁵⁸. К перечисленным странам надо прибавить Россию.

2. Ранние связи с Сибирью и проникновение русских в Сибирь до присоединения ее к России

Из русских первыми новгородцы раньше всего установили связи с той частью Сибири, которая позднее по-русски называлась Югрой и, как определяет С. В. Бахрушин, приурочивалась к бассейну притоков Нижней Оби. Сначала «югрой» называли, вероятно, угорские, в частности хантыйские, племена, жившие между Печорой и Уральскими горами. Не позднее XIV в. «югра» занимала уже территорию на нижней Оби, в основном в бассейне Сосьвы.⁵⁹ За этой территорией и закрепилось до конца XVI в. название Югры.

Отрок новгородца Гюряты Роговича из известного летописного рассказа, помещенного под 1096 г., ходил в Югру предуральскую. От югринчей он и слышал, что есть горы, заходящие в луку моря и высотой до небес (сам он их не видал), в горе той просечено малое оконце, через которое будто бы и происходил ирко описанный им немой обмен железа на скору (пушнину)⁶⁰. В. А. Рыбаков определяет это место вблизи Югорского Шара, а землю, расположенную прямо на «полунощи», считает Новой Землей, жителей которой новгородцы познакомили с новой культурой⁶¹. Однако из летописи не видно, чтобы новгородцы непосредственно соприкасались с жителями Новой Земли, если там вообще тогда было постоянное население. В. В. Мавродин полагает, что рассказ Гюряты Роговича говорит о северной части Уральского хребта, о землях, лежащих на материке к северу от Урала⁶². Летописец под

⁵⁸ Н. Н. Степанов. Историческое значение присоединения народностей Крайнего Севера к России, стр. 78.

⁵⁹ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 74, ч. 2, стр. 86. Другие ученые считают, что в XI в. «югра» жила по обоим склонам Северного Урала (Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв., ч. 1. М., 1953, стр. 337, 739).

⁶⁰ ПСРЛ, т. 2. М., 1962, стр. 224—225.

⁶¹ История СССР в двенадцати томах, т. 1, М., 1966, стр. 629.

⁶² В. В. Мавродин. Рецензия на 1-й том «Истории СССР с древнейших времен до наших дней». «История СССР», 1967, № 5, стр. 183.

1114 г., со слов ладожан, сообщает, что «мужи старин» ходили за Югру и за Самоядь.⁶³ Как видно из этого летописного сообщения, Югра и Самоядь в XII в. территориально не совпадали. С. В. Бахрушин считает, что в Югорской земле и в XV—XVI вв. жили ханты и манси, но Югорская земля не охватывала всей территории, занятой этими племенами.⁶⁴ В то же время на территории Югры, по крайней мере в XVI в., жила часть ненцев. В 1570-х годах пушторские данщики брали «дани с югорские самояды».⁶⁵ Термин «югра» постепенно утратил этнический смысл. Ладожане в XII в. прошли дальше отрока новгородца Гюраты, но и они едва ли перешли Урал и проникли собственно в Сибирь в современном географическом значении. По понятиям XVII в., когда к Сибири относили часть Урала, новгородцы в XII в. вплотную подошли к Сибири.

С. В. Бахрушин считал, что с XII в. Югра вошла в состав колониальных владений Великого Новгорода, хотя зависимость ее была далеко не крепка и дело ограничивалось наездами новгородских данщиков или карательными экспедициями, нередко завершавшимися истреблением новгородской рати.⁶⁶ Поэтому точнее говорить не о включении, а о попытках Новгорода включить Югру в состав своих колониальных владений. Новгородской гражданской администрации там никогда не было, и даннические отношения Югры к Новгороду были слабыми. Даже в Заволочье, где в XII в. новгородская власть прочно укрепилась и имела гражданскую администрацию,⁶⁷ новгородцы не были в полной безопасности. В 1187 г. «избьени быша печерские и югорские

(даньники) в Печере, а други за Волоком, и паде голов о сие кметства»⁶⁸. Летописные рассказы о походах в Югру в 1193 и 1445 гг., отстоящих один от другого на два с половиной столетия, показывают примерно одинаковую «процедуру» сбора дани: в 1193 г. «и придоша в Югру и взяша город, и придоша к другому граду», в 1445 г. «и поймавше югорских ледей много, и жон их и детей». В обоих случаях только после военного натиска югричи обещали заплатить дань, но обманули новгородцев и разбили.⁶⁹ Под руководством способных и менее беспечных военачальников новгородцы должны были возвращаться с богатой добычей, которая была не регулярной данью, а данью — контрибуцией.

Очень рано новгородцы установили и торговые связи с Югрой. В середине XIV в. новгородские купцы, ездившие для торговли в Югру, образовали особую корпорацию — «югорщину»⁷⁰. Сибирские ценные меха сначала путем поэтапного обмена через югричей, а потом и в порядке непосредственной меновой торговли, а также в виде югорской дани на протяжении нескольких веков поступали в Великий Новгород. После удачных походов количество пушнины могло быть значительным, но систематический приток ее в больших масштабах был мало вероятен.

Непосредственные результаты деятельности новгородцев в самой Югре мало заметны, но пока одни новгородцы, представляющие интересы феодалов и купечества, применяли там «колониальный грабеж» старого типа,⁷¹ другие новгородцы, представлявшие народную массу, своим трудом значительно приблизили русские владения к Сибири.⁷² К. Маркс отмечал прогрессивное значение Новгорода: «... его жители сквозь дремучие леса проложили себе путь в Сибирь; неизмеримые пространства между Ладожским озером, Белым морем, Новой Землей и Онегой были ими несколько цивилизованы и обращены в христианство...»⁷³.

⁶⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 38.

⁶⁹ Там же, стр. 40—41, 425.

⁷⁰ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 138.

⁷¹ В. Н. Бернадский. Указ. соч., стр. 50.

⁷² В. Н. Бернадский пишет: «Еще во времена Гюраты (конец XI в.) молодцы новгородские порою добирались до Югры. Следом за этими «разведчиками» направлялись на северо-восток ватаги звероловов и рыболовов, а за ними шли, закрепляя на веки за русским народом Подвине и Поморье, новгородские земледельцы» (В. Н. Бернадский. Указ. соч., стр. 15).

⁷³ Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, 1946, стр. 156.

⁶³ ПСРЛ, т. 2, стр. 277.

⁶⁴ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 2, стр. 87.

⁶⁵ П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950, ч. III, документы, стр. 468. Нет оснований расширительно определять территорию Югры, как это сделал М. Е. Бударин, который полагает, что Югрой, Югорским краем называлась территория нынешнего Ненецкого округа Архангельской области, северо-восточная часть Коми АССР и часть нынешнего Ямало-Ненецкого округа Тюменской области (М. Е. Бударин. Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири. Омск, 1952, стр. 20).

⁶⁶ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 2, стр. 86. В. Н. Бернадский заметил, что если походы были неудачны, то попадали на страницы летописи, проходившей мимо удачных экспедиций новгородцев за данью (В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.—Л., 1961, стр. 149).

⁶⁷ Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв., ч. 1, стр. 337, 739.

Наряду с Новгородом русские стремились на северо-восток из Ростово-Суздальской земли. С XIII в. опорным пунктом Ростова стал Устюг Великий. Устюжане владели низовьями Сухоны и Вычегды, по которым проходил основной путь в Югру, и мешали беспрепятственному проезду новгородцев. В 20-е годы XIV в., когда Устюг «прочно попал в орбиту влияния Москвы»⁷⁴, соперничество приняло характер вооруженных столкновений. В 1323 г. устюжане ограбили новгородцев, которые ходили в Югру⁷⁵. Через год новгородцы предприняли поход на Устюг и, взяв город, принудили устюжан к заключению мирного договора⁷⁶, который, однако, соблюдался не долго. В 1329 г. устюжане снова «избиша новгородцев, которые были пошли на Югру»⁷⁷. Позднее Москва открыто повела с Новгородом борьбу за северо-восточные земли, которая прекратилась только с утратой Новгородом самостоятельности. Перевес в пользу Москвы стал обнаруживаться с конца XIV в.

Цели великокняжеской Москвы принципиально не отличались от целей Новгородской феодальной республики. Оба правительства в первую очередь стремились к систематическому получению дани с населения северных и восточных земель. Но в методах колониальной экспансии, особенно в тактике различия были существенны. Москва не делала дерзких и плохо подготовленных военных набегов. Военные силы ее до предела были заняты решением задач, от которых зависела судьба страны. «Вольницы», наподобие новгородских ушкуйников, Москва не держала. Поэтому московское правительство всячески поддерживало Пермскую епархию, основанную в 1383 г. известным миссионером Стефаном Пермским в бассейне Вычегды. Центром епархии был Усть-Вымский городок, расположенный на границе между русскими землями и землями коми-зырян, поблизости от выхода на Печору. Пермская епархия в течение всего XV в. носила «своеобразный характер полусветской-полудуховной пограничной марки», «полу-

⁷⁴ Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв., ч. 2, стр. 455. В 1328 г. Иван Калита выдал свою дочь замуж за ростовского князя, которому, очевидно, принадлежал Устюг, служивший исходным пунктом и для купцов из великого княжества Московского в их поездках в Вычегодскую Пермь (Там же).

⁷⁵ Новгородская первая летопись, стр. 97.

⁷⁶ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 74.

⁷⁷ Новгородская первая летопись, стр. 99.

независимого феодального владения», вассального по отношению к Москве.⁷⁸

Только во второй половине XV в. московское правительство предприняло военные походы в Югру (в 1465, 1483 и 1499—1500 гг.), в которых участвовали главным образом русские из северных городов, а также коми. Князьки присягали платить Москве дань. Юридически Югорская земля была включена в состав России. Но это не означало еще фактического присоединения Югры. В последнее время историки как будто приходят к более или менее общему мнению, что военные и дипломатические мероприятия Ивана III, сыгравшие важную роль в подготовке присоединения Югры, не завершили этого дела⁷⁹. Присоединение Сибири к России было длительным процессом, имевшим несколько этапов со своими промежуточными гранями. Самой яркой страницей и переломным моментом в истории присоединения Сибири к России по праву считается поход Ермака, в результате которого был разбит последний монгольский хан Кучум и «заложена основа азиатской России».⁸⁰ Но как бы высоко ни оценивалось значение экспедиции Ермака,⁸¹ наиболее отчетливой гранью между дорусской и русской Сибирью, как справедливо считает В. И. Сергеев, является основание русских городов с постоянной администрацией, военными гарнизонами и начало организованного ясачного режима. С 1593 г., когда были разгромлены Пелымское и Кондинское княжества, а в 1593—1594 гг. основаны Пелым, Березов, Сургут, Тара и возведены рубленые «города» в ранее основанных Тюмени и Тобольске, считает В. И. Сергеев, и происходит официальное включение территорий Сибирского ханства и Югорской земли в состав Рос-

⁷⁸ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 75—76; Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв., ч. 2, стр. 457.

⁷⁹ З. Я. Бояршинова. Западная Сибирь накануне присоединения к России. Сельскохозяйственное освоение Западной Сибири русскими в феодальную эпоху. Доклад, обобщающий содержание научных трудов, представленных на соискание ученой степени доктора исторических наук (вместо автореферата). Томск, 1967, стр. 38—43.

⁸⁰ Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, стр. 166.

⁸¹ См. В. Г. Мирзоев. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII века. М., 1960.

сии и начинается осуществление колониальной политики в этом районе.⁸²

До конца XVI в. за Уралом не появилось ни одного правительственного опорного пункта, не было ни военного, ни административного аппарата. Москва ограничивалась закреплением того, что успели освоить русские промышленники. Уже в XV в. на Печоре образуются промысловые поселки и, по-видимому, в конце этого века возник Пустозерский острог в низовьях реки, как предполагает С. В. Бахрушин, на месте промышленного становища.⁸³ В 1472 г. Иван III «свел с великой Перми» последнего из местных князей и послал туда своего наместника, который приехал в Пермь как раз накануне набега сибирских татар.⁸⁴

Государство утвердило свои позиции на Печоре и Каме, но эти плацдармы не были использованы для решительного наступления на Сибирь. Да, вероятнее всего, тогда и цель такая не ставилась. Затраты на присоединение части Западной Сибири не оправдались бы выгодами от приобретения этого края. Легкая победа не предвиделась. Утверждение русских в Югре не могло не натолкнуться на сопротивление недавно возникшего самостоятельного Сибирского ханства. Хан Ибак, который, по рассказу Устюжского летописного свода, в 1481 г. золотоордынского хана Ахмата после провалившегося похода на Русь убил «своими руками», о чем «с радостью» известил Ивана III⁸⁵, в 1489 и 1493 гг. предлагал последнему дружбу. Однако «царь» при этом ставил великому князю условие отпустить из России «Алегама царя» казанского, выведенного русскими после взятия Казани в 1487 г.⁸⁶ Воевать с Сибирским ханством, имея в тылу ханство Казанское, периодически переходившее от слабой вассальной зависимости к враждебным действиям, было бы авантюрой.

Если иметь в виду непосредственные итоги деятельности Русского государства в Сибири, точнее в Югре, то нельзя не согласиться с мнением С. В. Бахрушина, что грандиозные

⁸² В. И. Сергеев. Правительственная политика в Сибири накануне и в период основания первых русских городов. «Новое о прошлом нашей страны. Памяти акад. М. Н. Тихомирова». М., 1967, стр. 179.

⁸³ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 77, 78.

⁸⁴ Устюжский Летописный Свод (Архангелогородский летописец), М.—Л., 1950, стр. 102.

⁸⁵ Там же, стр. 94.

⁸⁶ СГГид, ч. 5. М., 1841, стр. 6—7, 14. Издатели ошибочно назвали Ибака ногайским князем.

по размерам походы 1483 и 1499—1500 гг. дали в сущности незначительные результаты, установив лишь номинальную власть над населением Нижней Оби⁸⁷. Дань получали нерегулярно, да и размеры ее были невелики. Во всяком случае, на норму дани они никак не отразились. Еще в 1557 г., когда позиции Москвы особенно упрочились после взятия Казани и установления зависимости Сибирского ханства, Иван IV требовал от югорских «князей» дани «со всякого человека по соболу».⁸⁸ По соболу же с человека собирали до 1574 г., и правительство требовало впредь собирать «с Югорские самоеды и с ыных самоедских земель с самоедцев» пустозерскому данщику, получая таким путем по 6 соболей в год.⁸⁹ Это была традиционная норма дани и до и после походов конца XV в. Иван III в жалованной грамоте 1485 г. жителям Перми вычегодской во владение реками, озерами и угодьями, «которыми владели их деды и отцы», требовал «государевы дани» за соболей, за белки, за бобровые гоны, за рыбную ловлю и за «кречати садбиши» «с лука по соболу».⁹⁰ Сибирский хан Едигер, обратившийся в 1555 г. в Москву с просьбой о покровительстве, обязывался платить «со всякого черного человека по соболу» да представителю московского царя «по белке с человека по Сибирской».⁹¹ Всего получилось по 1000 соболей и 1000 белок в год. В 1556 г. московский посол привез из Сибири 700 соболей, а в следующем году посланники Едигера привезли дань в полном — 1000 соболей да «дорожной пошрины», т. е. причитавшейся московскому представителю — даруге (дороге), 100 соболей да за беку 69 соболей.⁹² «По прежнему обычаю» должен был платить и Кучум.⁹³ Высшим достижением материальных успехов Москвы в дорусской Сибири, несомненно, была собранная Ермаком и посланная им царю каз-

⁸⁷ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 143.

⁸⁸ СГГид, ч. 2, М., 1819, стр. 51.

⁸⁹ П. А. Садиков. Указ. соч., документы, стр. 479.

⁹⁰ Историко-филологический сборник, вып. 4. Сыктывкар, 1958, приложение, стр. 244—246. См. также С. В. Кириков. Промысловые животные, природная среда и человек. М., 1966, стр. 294.

⁹¹ ПСРЛ, т. 13. М., 1965, стр. 248. Никоновская летопись, как это отмечалось в литературе, невероятно преувеличила численность «черных людей» Сибирского ханства, сообщая, что будто бы татарские послы называли 30700 человек (Там же).

⁹² А. А. Введенский. Дом Строгановых в XVI—XVII веках. М., 1962, стр. 75—76.

⁹³ СГГид, ч. 2, стр. 63—64.

на: 2400 соболей, 50 бобров и 20 черно-бурых лисиц⁹⁴. Но и здесь предполагается старая норма ясака — по соболу с каждого взрослого мужчины. Это оправдывает расчетливую осторожность московского правительства и объясняет, почему оно не ставило цели получить Сибирь любой ценой. После успешных военных походов второй половины XV в. государство не только не поспешило прочно обосноваться в Югре, оно не проявило энергии и в закреплении земель, которые осваивались русскими промышленниками и крестьянами. После удачного эксперимента с Пермской епархией на дальних подступах к Югре московское правительство смело пошло на создание вотчины Строгановых, которая приблизила Россию к Сибирскому ханству.

Москва, ставшая из соперницы наследницей Великого Новгорода в сибирских делах, добилась большего, но до конца XVI в. главное богатство тогдашней Сибири — ценная пушнина — и в царскую казну поступало в довольно скромных размерах. Вероятно, больше успели торговые и промышленные люди.

* * *

Основным путем в Сибирь был древний печорский, которым шли купцы не только из Новгородской земли, но и из Северо-Восточной Руси. В XIV в. «в поганские человеки, еже зовут Югра и Печера, идеже живут Чудь и Самоядь», ходили торговцы из Переяславля Залесского⁹⁵. Марко Поло, говоря, что соседи «темной страны» покупают там меха с большой выгодой и прибылью, отмечает, что «Великая Россия... граничит с одной стороны с этой областью»⁹⁶. Из этого можно понять, что пушнину там покупали и русские. Арабский писатель XIV в. Ибн-Батута писал о лежащей на севере «стране мрака», жители которой ездят на собаках, богаты ценными мехами, которые обменивают русским на железные изделия.⁹⁷ Другой путь в Сибирь шел через Волжскую Болгарию. Персидский автор XIII в. Ауфи сообщает, что волжские

⁹⁴ «Описание новья земли, сиречь Сибирского царства». В кн.: А. Титов. Сибирь в XVII в. М., 1890, стр. 68—69.

⁹⁵ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 139.

⁹⁶ М. П. Алексеев. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск, 1941, стр. 36.

⁹⁷ З. Я. Бояршинова. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960, стр. 20.

болгары вели торговлю с югрой, получая в обмен на одежду и соль собольи меха.⁹⁸ Очевидно, и сибирская пушнина, по крайней мере, несколько позднее была среди товаров в Волжской Болгарии, потом в Казани, где ее могли покупать русские. О регулярном посещении Болгарии русскими купцами можно судить по тому, что в конце XIV в. торговля на Средней Волге обслуживалась русскими судами: Тохтамыш в 1382 г. велел в Болгарах «торговцы Русские избити и гости грабити, а суды их с товаром отымати и попровадити к себе».⁹⁹ Но только после включения в состав России татарских ханств на Волге и в Сибири русские купцы освоили камский путь в Сибирь и Среднюю Азию через Казань.¹⁰⁰ Несколько раньше в Сибирское ханство русские купцы проникали с Верхней Камы. В первой половине XVI в. пермичи ходили торговать «к волоку Тюменскому»¹⁰¹.

Освоение русскими промышленниками и крестьянами северных и восточных земель и закрепление за Россией бассейнов Печоры и Камы упрощали контакты торговых людей с населением Югры, причем торговые поездки были обоюдными. С. Герберштейн сообщает о многолюдном базаре в Холмопьем городе под Угличем, куда приезжали «весьма многие народы из Восточных и Северных стран» и вели меновую торговлю мехами.¹⁰² Примерно то же пишет Павел Иовий Новокомский о торговле в Устюге, куда драгоценные меха привозились жителями Пермии, Печоры, Югрии, Вогулии, пинежанами и другими более отдаленными народами. Лучшие собольи меха доставлялись жителями Пермии и Печоры, «но они сами получают их, передавая из рук в руки, от еще более отдаленных народов, живущих у Океана».¹⁰³ М. И. Белов приводит данные, по которым крестьяне Антониево-Сийского монастыря в 1517 г. предусматривали в своих купчих ежегодные доходы от «югорской службы», и считает, что промысловые

⁹⁸ Л. С. Берг. Очерки по истории русских географических открытий. М.—Л., 1946, стр. 70.

⁹⁹ ПСРЛ, т. 25. М.—Л., 1949, стр. 206.

¹⁰⁰ О. Н. Вилков. Торговые пути из Сибири в Среднюю Азию и Китай и динамика торгового движения по ним в XVII в. «Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока», вып. 2. Новосибирск, 1968, стр. 4—5.

¹⁰¹ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 95.

¹⁰² Барон Сигизмунд Герберштейн. Записки о московитских делах. СПб., 1908, стр. 124.

¹⁰³ Павел Иовий Новокомский. Книга о московитском посольстве. СПб., 1908, стр. 261.

поездки за Урал, в Югру, в начале XVI в. были обычными для русских из Поморья.¹⁰⁴ Но эти поездки скорее были торговыми.

К началу XVI в. русским стала известна еще одна сибирская земля — Мангазея, которая своим пушным богатством вызвала интерес не только в России, но и за границей.¹⁰⁵ Однако все попытки иностранцев проникнуть морем в устья Оби и Енисея успеха не имели. Морской путь оказался по силам только русским мореходам с их многовековым опытом плаванья по северным морям. Нельзя не согласиться с В. Г. Мирзоевым, отмечая преувеличение некоторыми историками угрозы Сибири со стороны западноевропейских государств.¹⁰⁶ Все же иностранцы добивались с помощью русских до сибирской пушнины. Англичанин Христофор Холмс, агент Московской компании, сообщает, что главный фактор этой компании, живший в Москве, в 1584 г. послал на Обь сухим путем своего служащего Богдана, русского родом, с четырьмя русскими торговцами и молодым самоедом «с хорошим запасом товаров, чтобы торговать с населением. И эти его люди совершили выгодное путешествие и выменяли у народа, живущего по р. Оби, соболиных и других хороших мехов стоимостью в тысячу рублей». Но соболи и другие товары были конфискованы, а Богдан был заключен в московскую тюрьму.¹⁰⁷

Непосредственный промысел пушных зверей в Югорской и тем более в Мангазейской земле, во всяком случае, массовый промысел русские начали довольно поздно. О сравнительно позднем массовом движении русских в Сибирь свидетельствует интересное, правда, не очень надежное сообщение Н. Витзена, позаимствованное им у И. Массы, который записал в начале XVII в. устное предание. По этому преданию, Аника Строганов, не довольствуясь торговлей с самоедами в Сольвычегодске и Устюге, «тайком подружился с некоторыми из этих народов» и послал своих «рабов и слуг» с ними в их страну с целью тщательной разведки местности и обычаев народов. Все это сохранялось в строгой тайне. Через год он послал туда больше народу и «несколько своих друзей с то-

¹⁰⁴ М. И. Белов. Открытие и первоначальное освоение русскими Таймырского полуострова. «Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века». Л.—М., 1951, стр. 43.

¹⁰⁵ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 141.

¹⁰⁶ В. Г. Мирзоев. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII века, стр. 52.

¹⁰⁷ М. П. Алексеев. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, т. I. Иркутск, 1932, стр. 188.

варами малой ценности»: немецкими безделушками, бубенчиками и т. п. Они добрались до Оби и узнали, что «меха там не имеют большой ценности». Так Аника со своими друзьями торговали несколько лет, и стали Аниковичи очень могущественными, скупили повсюду много земель. Люди удивлялись этому страшному богатству, не зная, откуда оно происходит.¹⁰⁸ Если верить этому рассказу, русские в середине XVI в. очень слабо знали левобережье Нижней Оби. Иностранцы в начале XVII в. этому верили. В 1574 г. в Москве еще не предполагали, что северным путем русские ходили на промысел в Югру. В «платежнице» с пустозерских дозорных книг, выданной из приказа Большого прихода пустозерскому данщику, записано, что данщик берет «на государя явки по две денги с человека» с тех, которые «прихожие казаки... на морской промысел и в Югру с гостями» ходят.¹⁰⁹ Скудость материала о непосредственном русском зверовом промысле на Нижней Оби и дальше не дает еще основания уверенно говорить о его неразвитости, и все же создается впечатление, что интенсивного русского промысла там не было. В. И. Шунков также считал, что с конца XV до последней четверти XVI в. «отдельные группы» промышленников и торговцев появились в бассейне Нижней Оби и доходили до низовьев Енисея.¹¹⁰ Отсутствие в то время прочных торгово-экономических связей с Западной Сибирью отмечает В. И. Сергеев.¹¹¹ Это подтверждается и сравнительно небольшим количеством сибирской пушнины на рынках России в XVI в.

Позднее по сравнению с торговыми поездками движение промышленников-охотников в Югру можно объяснить тем, что эта земля была не особенно богата соболями. Потом соболей там не хватало ясным людям и, «как общее правило, березовские самоеды ежегодно ходили в Мангазейский

¹⁰⁸ См. А. А. Введенский. Дом Строгановых в XVI—XVII веках, стр. 30—31.

¹⁰⁹ П. А. Садиков. Указ. соч., документы, стр. 468. Под казаками здесь, очевидно, надо понимать ту категорию людей, которую в XVII в. стали называть «гулящими людьми». См. В. О. Ключевский. Соч., т. 3. М., 1957, стр. 104. В русской деревне еще в конце XVIII в. термин «казак» употреблялся в значении наемного работника: «Козаком» в деревнях и ныне называют из платы служащего работника» (А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 149).

¹¹⁰ История СССР с древнейших времен до наших дней в двенадцати томах, т. 2. М., 1966, стр. 335.

¹¹¹ В. И. Сергеев. Правительственная политика в Сибири накануне и в период основания первых русских городов, стр. 174.

уезд (на р. Таз) промыслить государев ясак».¹¹² При невысокой добычливости промысла неэквивалентный обмен был выгоднее, пока немногим предприимчивым торговым людям пушнины хватало. Активное и тем более массовое промысловое движение началось только после основательной разведки Мангазейской земли, куда русские промышленники приходили, не задерживаясь в Югре. Время начала этого движения из-за недостатка источников проследить трудно.

К концу XVI в. русские торговые и промышленные люди обосновались там прочно. Еще в 1580 г., по сообщению Вычегодско-Вымской летописи, Иван IV «за службы великие государевы» пожаловал пермичей, промышленных и торговых людей, разрешил «торговати в Югре и в Мангазее и в сибирских городах беспошлинно 10 лет».¹¹³ О непосредственном русском промысле здесь еще ничего не говорится, но, если не тогда, то очень скоро русские начали промысловую охоту. В 1600 г. промышленные люди пинежане и мезенцы Двинского уезда получили царскую грамоту, разрешавшую им «ездити, промыслияти и торговати, в Мунгазею, морем и Обью рекою, на Таз и на Пур и на Енисею, и с самоедами, которые живут на тех реках, торговати поволно», с уплатой десятой пошлины натурой, а также «и лучшим промыслом (охотой) велели есмя им промыслияти». При этом грамота лишь санкционировала торгово-промысловые поездки в Мангазею. В Москве знали, что «они там для своих промыслов живут года по два и по три».¹¹⁴ В 1598 г. Ф. Дьяков, посланный правительством собирать государственный ясак на реки Таз, Пур и Енисей, обнаружил, что торговые люди собирают с местного населения дань в свою пользу.¹¹⁵ Какая это была дань, в каком размере и на каком основании ее получали — неизвестно. Принудительная дань в виде единовременной контрибуции или регулярных поступлений мало вероятна. Это вызвало бы сопротивление, наподобие тому, какое было оказано царскому войску в 1600 г. Между тем сохранившиеся документы говорят скорее о мирных и даже дружественных контактах, чем о враждеб-

¹¹² С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 2, стр. 5.

¹¹³ Историко-филологический сборник, вып. 4. Сыктывкар, 1958, приложение, стр. 266.

¹¹⁴ АИ, т. 2, стр. 27—28.

¹¹⁵ В. А. Александров. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в., стр. 17.

ных действиях русских и аборигенов Мангазеи. В царском наказе 1601 г. воеводам Мосальскому и С. Пушкину, посланным на смену М. Шаховскому и Д. Хрипунову, потерпевшим поражение от самодийцев, указано, что если русские торговые люди «учтут воровати по-прежнему, и мангазейской и енисейской Самояди учнут говорить, чтоб государеву острогу у них в Мангазее впредь не быть, чтоб торговать им в Мангазее и в Енисее всякими заповедными товарами с Самоядью по-прежнему», воеводам произвести сыск и «воров» отослать в Тобольск, конфисковав их имущество.¹¹⁶ Историки не без основания усматривают здесь намек на организацию торговцами и промышленниками выступления самодийцев против правительственного отряда Шаховского и Хрипунова.¹¹⁷

То, что Ф. Дьяков принял за дань торговым людям, скорее было добровольным приношением пушнины местными жителями в обмен на подарки, ярко выраженной неэквивалентной меновой торговлей, которая, несмотря на объективно грабительский характер, казалась выгодной и местному населению, сбывавшему мало ценившиеся им меха на привозные, особенно «заповедные» (запретные) товары — ножи, топоры и т. п.

Возможно, что вначале местное население Мангазейской земли спокойно относилось и к самостоятельному промыслу русских, пока не было массового их наплыва, не замечалось оскудения естественных ресурсов и не было обязательного ясака. Трудно представить себе, чтобы богатая соболями Мангазея не привлекла внимания рядовых промышленников и не вызвала соблазна у торговых людей организовать собственный промысел, тем более, что местное население, не специализировавшееся на пушной охоте, не в состоянии было удовлетворить повышенного спроса на пушнину. Да и едва ли бы немногочисленные торговые люди, не опираясь на рядовых промышленных людей, смогли достаточно прочно утвердиться в далекой земле и сделать даже попытку воспрепятствовать силами местного населения правительственным мероприятиям по закреплению Мангазеи за Россией.

Противостоять государству частные предприниматели, конечно, не смогли. Промышленные и торговые люди сами облегчили воеводам дело присоединения края к России развед-

¹¹⁶ РИБ, т. 2. СПб., 1875, стр. 824.

¹¹⁷ См. В. А. Александров. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в., стр. 17—18.

кой путей, выбором мест для зимовий и, может быть, даже введением подобия ясака. К тому же среди частных предпринимателей не было единства, в чем не сомневались в Москве, рекомендуя воеводам выведывать нужные сведения у торговых людей «тайно».¹¹⁸ С укреплением позиций государства в Сибири промышленные и торговые люди уже не пытались сопротивляться продвижению служилых людей, у которых искали защиты от коренного населения в случае столкновений. И власти, в свою очередь, с выгодой использовали промышленников в качестве разведчиков, проводников и вспомогательной военной силы, заботясь при этом, чтобы промышленники не забегали далеко вперед. В. А. Александров пишет, что в грамоте мангазейскому воеводе П. М. Ухтомскому в 1643 г. была сформулирована общая мысль о порядке организации экспедиции для «проведывания» новых «землиц»: впредь в дальние походы «небольших» (т. е. немногочисленных) служилых людей одних бес промышленных людей не посылали [б], чтоб в том нашему делу поруки не было, а нашим бы мангазейским служилым людям на таких дальних службах урону не было»¹¹⁹.

Промышленные и торговые люди, особенно в первое время, обычно опережали служилых людей. Не позднее начала XVII в. они проникли на правые притоки Енисея¹²⁰. Так было и в Якутии¹²¹. А. П. Окладников, опираясь, главным образом, на устное предание мангазейских казаков, записанное учеными XVIII в., исследовал поход промышленников на Лену за несколько лет до появления там служилых людей. Русский гулящий человек Пенда (или Поянда) «с сорока человеками, частью в России, частью в Сибири собравшегося народа», уже в начале 20-х годов XVII в. по Нижней Тунгуске, где он провел несколько лет и оставил промысловые зимовья, Чечуйским волоком прошел на Лену до «области г. Якутска», затем поднялся вверх по Лене, вышел в Ангарау и дошел до Енисейска, «где о своем открытии письменное известие оста-

¹¹⁸ РИБ, т. 2, стр. 823.

¹¹⁹ В. А. Александров. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в., стр. 21.

¹²⁰ Л. С. Берг. Указ. соч., стр. 81; В. А. Александров. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в., стр. 13.

¹²¹ В. А. Александров. Русские промышленники в Якутии до образования Якутского воеводства (1641). «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». М., 1963, стр. 237.

вил и через то дал повод к заселению областей»¹²². Имя или, вернее, прозвище Пенды или Пянды долго не встречалось исследователям в письменных источниках, если не считать упоминаемого в 1624 г. известного в литературе Пендинского зимовья на Нижней Тунгуске, и оставалось легендарным, хотя само по себе не уникально. Пянда — река в бассейне Северной Двины, откуда пришло в Сибирь немало промышленников. Прозвища же по рекам в XVII в. не были редкостью. Слово «пянда» имеет и другое значение. По В. И. Далю, это «меховая разношерстная лента»¹²³. Наконец Б. П. Полевой нашел в делах ЦГАДА кабальную запись 1643 г. промышленного человека Пантелея Демидова Пянды енисейскому казаку Кириллу Терентьеву Ванюкову на 10 руб. и предположил, что П. Д. Пянда и был тем землепроходцем, которому А. П. Окладников посвятил специальное исследование¹²⁴. Однако Пантелей Демидов был не единственный Пянда в Якутии. Несколькими раньше, в 1637 г., на Яне промышленный человек Пянда явил в таможеню 10 промышленных соболей, а через год там же Пянда Софонов, несомненно, тот самый, платил пошлину с судного (судебного) дела с 15 руб.¹²⁵. Они могли быть «однофамильцами» или потомками Пянды устного предания, но не исключено, что один из них, скорее Пянда Софонов, и был легендарный землепроходец. Настоящее имя его, к сожалению, осталось неизвестным¹²⁶. Бедность Пянды Софопова и Пантелея Демидова не должны смущать: промысловое счастье изменчиво.

¹²² А. П. Окладников. Пенда — забытый русский землепроходец XVII века. «Летопись Севера», кн. 1. М.—Л., 1949, стр. 94—102.

¹²³ В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 3. М., 1955, стр. 552.

¹²⁴ Б. П. Полевой. Новое о Пянде. «Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX вв.». Новосибирск, 1965, стр. 283—284.

¹²⁵ ЦГАДА, СП, кн. 127, лл. 116 об., 149 об.

¹²⁶ Можно только предполагать, что его звали Демидом Софоновым, а Пантелей Демидов был его сыном. Замена имени прозвищем тогда была нередким явлением. Например, в Мангазейском уезде в таможенной книге 1627 г. один и тот же промышленный человек называется то Табаней Юрьевым, то Иваном Юрьевым Табаней. В 1629, 1630, 1639 гг. его называли только Табаней Юрьевым (ЦГАДА, СП, кн. 13, лл. 8 об., 11, 59, кн. 19, л. 92 об., кн. 22, л. 120 об., кн. 127, л. 731 об.). Устойчивые прозвища употреблялись чаще, чем имена, но когда дело касалось материальной ответственности (в данном случае кабала и судебное дело), имя писали полностью. Поэтому Пянда Софонов вполне мог быть Демидом Софоновым Пяндой. Но это только предположение.

Совершенно очевидно, что не только в конце XVI в., но и в XVII в., по крайней мере в первой его половине, за пределами русской Сибири действовали русские промышленные и торговые люди. Но в XVII в. хронологический разрыв между началом частной промысловой и правительственной колонизации Северной Сибири, который никогда не был особенно большим, еще больше сокращался. На северо-востоке Азии торгово-промышленные и служилые люди действовали одновременно.¹²⁷

На протяжении нескольких веков русские частным путем сибирской пушнины с территорий, не входивших еще в состав России, получили, по-видимому, больше, чем за то же время досталось государству в качестве ясака с Югры и Сибирского ханства. Но и частная добыча и покупка не идет ни в какое сравнение с тем, что получали после присоединения Сибири. Меновая торговля, считая и поэтапный обмен, распространялась лишь на приграничные с Россией земли Сибири. Еще меньше были возможности непосредственного промысла, который требовал длительного пребывания и рассредоточения охотников мелкими группами по чужой земле. Первые экспедиции промышленников по способу приобретения пушнины были скорее военно-торговыми, чем промысловыми предприятиями. Объективно они имели характер глубокой разведки, потому что участники походов, получая подарки, выменивая и, вероятно, захватывая, если удавалось, пушнину, знакомились с наиболее богатыми соболиными местами и во время массового движения могли быть передовщиками артелей и ватаг. Массовый русский промысел почти повсеместно встретил ожесточенное сопротивление, между тем, как это видно на примере Мангазейской земли на рубеже XVI и XVII вв., к началу присоединения края к России взаимоотношения русских и местных жителей были вполне мирными. На Нижней Тунгуске массовые нападения местного населения на русских в 20-е годы XVII в. совпали с усилением там русского промысла: «а государеве де соболиной казне в десятой пошлине стало перед прежними годами прибыль»¹²⁸. Но это про-

¹²⁷ М. И. Белов считает, что на северо-востоке Азии в первых рядах шли казаки (См. «Русские землепроходцы в Ледовитом и Тихом океанах. Сб. документов о великих русских географических открытиях на северо-востоке Азии в XVII веке». Составил М. И. Белов. М.—Л., 1952, стр. 30), однако и там в числе землепроходцев постоянно встречаются промышленные и торговые люди.

¹²⁸ РИБ, т. 2, стр. 851.

изошло уже значительно позднее первого проникновения туда русских и после объяснения местных племен.

Приток сибирской пушнины в казну, на внутренние и внешние рынки резко возрос после присоединения Сибири к России. Формально способы приобретения «мягкой рухляди» остались те же: дань (ясак), скупка у коренного населения и непосредственный русский промысел, но изменились и масштабы и характер деятельности русских в Сибири. Во много раз увеличился ясак с сибирских народов как за счет привлечения тысяч новых плательщиков, так и путем повышения его норм. Так, например, царь Василий Шуйский грамотой 1609 г. «жаловал» ясачных людей Пелымского уезда и Конды Большой и Малой, несколько снизил норму ясака, велел впредь брать со всех в среднем по 7 соболей с человека,¹²⁹ следовательно, в первые годы XVII в. брали больше 7 соболей, а когда-то Иван IV требовал там дани по соболю с человека. Еще больше ценной пушнины в присоединенной Сибири добывали русские промышленники, уплачивавшие натурой десятую часть в казну. Они же стали и главными продавцами меховых товаров на сибирских рынках. Меновая торговля с местным населением, которая была одним из источников накопления денежного капитала,¹³⁰ охватила теперь практически весь огромный край, однако не на обмене с местным населением «на различные безделушки», а на торговле в первую очередь с русскими промышленниками создавались крупные купеческие состояния.

Многовековые связи русских с западными окраинами Сибири завершились присоединением Сибири к России.

* * *

Пушные богатства Сибири, слабо используемые ее населением, издавна привлекали внимание соседей. Раньше всего началось проникновение в Сибирь с юга. Источниками получения пушнины были меновая торговля, привлекавшая купцов из отдаленных стран, и дань, хорошо известная, по крайней мере, со времен тюркских государств Алтая и енисейских киргизов. Пушная охота, преимущественно принудительная, приобретала в этих районах характер своеобразного промысла.

¹²⁹ СГГД, ч. 2, стр. 369—370.

¹³⁰ В. Н. Яковлевский. Роль неэквивалентного обмена в процессе первоначального накопления в России. «К вопросу о первоначальном накоплении в России», стр. 415.

Наивысшего в этой части дорусской Сибири уровня принудительная промысловая охота достигла при господстве монголов. Своих киштымов (данников) имели киргизы и буряты. Ясак пушниной выплачивали своим князьям и ханам западно-сибирские татары и подвластные татарским правителям некоторые группы хантов и манси. Пушная охота частично становилась промысловой в отдельных очагах за пределами пояса с развитой охотой, окаймлявшего Сибирь с юга и запада. В порядке поэтапного обмена пушнина попадала за пределы Сибири из глубинных ее районов. Ко времени присоединения Сибири к России русские застали в разных ее частях неодинаковый уровень развития пушной охоты. На большей части Сибири до присоединения ее к России пушная охота оставалась крайне неразвитой.

В движении русских на северо-восток и восток, в Югру, предуральскую и зауральскую, в Мангазею, Якутию и другие земли лесной Сибири участвовали государственные и частные силы. На протяжении пяти столетий с конца XI до конца XVI в. менялись состав и соотношение этих сил, темпы и методы проникновения. Ранние экспедиции новгородцев, по-видимому, не были ни чисто государственными, ни только частными, причем в частном предпринимательстве участвовали и феодалы и купцы. Собственный промысел пушнины в Югре новгородцы никогда не осуществляли. Не позднее XIV в. началось движение на северо-восток из Северо-Восточной Руси, возглавляемое Москвой. С объединением Руси оно стало общерусским. Москва поддержала и умело использовала в своих интересах Пермскую епархию и частных предпринимателей Строгановых, а те, в свою очередь, опирались на народную промысловую и земледельческую колонизацию. Крупные военные мероприятия Ивана III были скорее исключением, чем правилом в правительственной политике Москвы. В централизованном государстве не было условий для частной феодальной инициативы. Государственные интересы шли параллельно, взаимодействуя или противореча, с частными торгово-промысловыми интересами. Непосредственный русский пушной промысел на территории Северной Сибири начался незадолго до присоединения края к России. Движение массы рядовых охотников-промышленников, организованных в ватаги крупными предпринимателями или действовавших самостоятельно, создало условия для быстрого включения всей Северной Сибири в состав Русского государства.

ГЛАВА II

ПУШНИНА В ТОРГОВЛЕ И ФИНАНСАХ РОССИИ

1. Пушнина на внутреннем и внешнем рынках

На Руси пушнина («скора») издавна была предметом торговли и обмена с другими народами, употреблялась в качестве ценных подарков и вообще считалась богатством. Лаврентьевская летопись несколько раз упоминает «скору» в этих значениях. Князь Игорь в 945 г. утвердил мир и отпустил византийских послов, одарив их «скорою и челядью и воском». Позднее княгиня Ольга обещала «челядь, воск и скору» в подарок византийскому императору. Святослав, оправдывая перед матерью стремление утвердиться в Переяславце на Дунае, объяснял, что туда стекаются из разных стран богатства, «из Руси же скоро и воск, мед и челядь». В Ростовской земле волхвы во время народного восстания 1071 г., указывая на «лучших жен», говорили, что те держат жито, те мед, те рыбу, а те скору¹. Меха были важным предметом торговли и между областями Руси.²

Из пушных зверей чаще других упоминаются белки, нередко соболи и бобры. Соболи называются в числе вывозимых в восточные страны русских товаров и упоминаются во французском средневековом эпосе³. В древней Руси, по-видимому, существовало промыслово-охотничье бобровое хо-

¹ ПСРЛ, т. I. М., 1962, стр. 54, 62, 67, 175.

² Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XIII вв., ч. 1. М., 1953, стр. 144.

³ А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 141—146; А. И. Дробинский. Русь и Восточная Европа во французском средневековом эпосе. «Исторические записки», 1948, кн. 26, стр. 108.

зайство⁴. И в XIV в. крестьяне Царевоконстантиновского монастыря под Владимиром обязывались «на бобры» пойти и «исток» забивать.⁵ В княжеских грамотах монастырям Нижегородской земли, Ростовского уезда в XIV—XV вв. неоднократно упоминаются бобровые ловли, бобровые гоны. «Бобровая перекопь» служила знаком при размежевании великокняжеских и монастырских земель в конце XV в.⁶ Однако в центре страны, под Москвой, к концу XV в. бобровые деревни, жители которых ранее занимались бобровым промыслом, сделались типичными земледельческими поселениями.⁷

Оскудение естественных запасов наиболее ценных пушных зверей в давно обжитых районах с избытком компенсировалось освоением охотничьих угодий в северных лесах и поступлением зауральских мехов. Северные богатства, в первую очередь соболи, а также черно-бурые лисицы, куницы, выдры, бобры, шли частично на юг, в Поволжье, но больше всего в Новгород.⁸

В XV—XVI вв. на внутренних рынках России пушнина постоянно встречается среди товаров, но размеры меховой торговли были относительно скромными. И у крупных феодалов запасы ценной пушнины были невелики. В 1476 г., когда Иван III был в Новгороде, в числе громадных по ценности даров, преподнесенных ему новгородской знатью, соболи занимали самое последнее место. Только архиепископ Феофил подарил великому князю 5 сороков соболей да жена посадника Ивана Григорьевича боярыня Настасья 2 сорока⁹. С. Герберштейн, рассказывая, что жители Пермской земли промышляют преимущественно беличьими мехами, попутно заметил,

⁴ Правда Русская, т. II. М.—Л., 1947, стр. 550.

⁵ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв., ч. I. М., 1951, стр. 180.

⁶ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв., ч. I, стр. 23, 179, 202; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в., т. II. М., 1958, стр. 225.

⁷ М. Н. Тихомиров. Средневековая Россия на международных путях (XIV—XV вв.). М., 1966, стр. 59.

⁸ В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.—Л., 1961, стр. 72.

⁹ ПСРЛ, т. 30. М., 1965, стр. 181, т. 25. М.—Л., 1949, стр. 307. Иоасафовская летопись в числе даров архиепископа называет 10 сороков соболей (Иоасафовская летопись. М., 1957, стр. 93), но это не меняет дела.

что в его бытность «в Московии» он не мог найти никакого запаса их.¹⁰

А. Г. Маньков, изучивший значительный материал о состоянии внутреннего рынка в России XVI в., пришел к выводу, что в северных, западных и центральных районах пушнина среди товаров занимала весьма скромное место¹¹. Продавались как шкурки пушных зверей, так и изделия из меха — соболи, куньи, лисьи, беличьи, песцовые, горностаевые, заячьи шубы и кафтаны, лисьи, соболи, росомашьи шапки и другие изделия в большом ассортименте, но малом количестве. Особенно мало было шуб из дорогих мехов.¹² О небольшом количестве ценных мехов на московском рынке еще в 70-х годах XVI в. свидетельствует неоднократно приводимый в литературе факт: Иван IV в декабре 1573 г. писал Я. А. Строганову, чтобы тот купил для него соболей ценою от 8 до 13 руб. сорок и дорогих соболей-единцов. Находившийся тогда в Москве Строганов ответил, что «соболей на Москве напытати не могли». Это подтвердил он и в другом письме. Только сорок соболей привезли из Перми на строгановских судах. Пришлось посылать за соболями к Вычегде, на Вымь и в Пермь.¹³

Сравнительно небольшое количество пушнины, обращавшейся внутри страны, объясняется до некоторой степени тем, что ценные меха, часто минуя внутренние рынки, шли на удовлетворение потребностей феодальной знати и за границу. Хорошо об этом сказал Епифаний Премудрый в «Житии Стефана Пермского». Он приписывает пермским кудесникам, сопротивлявшимся введению христианства, такие слова: «Нашею ловлею и ваши князья, бояре и вельможи обогащаются, в меха облачаются и ходят и величаются подолами своих одежд, гордясь перед народом... Не меха ли нашей ловли посылаются не только в Орду и доходят до самого царя, но и в Царьград, и в Немцы, и в Литву и в прочие грады и страны и в дальние народы?»¹⁴ В 1528 г. турецкий султан Сулейман I посылал в Москву купца грека Андрея для закупки «платья соболья» и другой пушнины и просил Василия III

¹⁰ Сигизмунд Герберштейн. Записки о московитских делах. СПб., 1908, стр. 136.

¹¹ А. Г. Маньков. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.—Л., 1951, стр. 62.

¹² Там же, стр. 93, 214—225.

¹³ А. А. Введенский. Дом Строгановых в XVI—XVII веках. М., 1962, стр. 32—33.

¹⁴ М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва в XIV—XV веках. М., 1957, стр. 136.

оказать ему в этом содействие. Грек Андрей и прежде ходил в Россию, «шубы избранны от соболей, и добрые лисицы покупал».¹⁵ Павел Иовий Новокомский писал, основываясь на рассказах русского посла в Риме Дмитрия Герасимова (1525 г.), что лучшие собольи меха «служат ныне для подкладки царского одеяния и для защиты нежных шей знатных женщин»¹⁶. Высокая цена беличьих изделий должна была ограничивать спрос на внутренних рынках на этого массового и широко распространенного зверька. Баранья шуба, служившая, по мнению А. Г. Манькова, основным видом одежды широких слоев сельского и городского населения¹⁷, примерно в 10 раз дешевле была шубы беличьей¹⁸.

Внешняя торговля пушниной возросла в связи с освоением морского пути из Поморья в Западную Европу и увеличением поступлений мехов из Сибири. Есть известия, что еще до 1555 г. голландские суда с товарами появились на Северной Двине. Оливер Брюннел отправился в Россию и доставил оттуда в Дордрехт пушнину.¹⁹ Строгановы в 1570-х годах несколько раз посылали с Брюннелем ценную пушнину и другие товары на рынки Дордрехта, Антверпена и Парижа.²⁰ Русско-нидерландская торговля пушниной была выгодной. М. М. Громыко определяет соотношение цен на пушной товар на Мурманском берегу и в Брабанте, как 1:2,7.²¹ В небольших количествах меха вывозились в Англию²². Русские купцы торговали пушным товаром в Литве и Польше²³. Англичанин Джильс Флетчер, который был в Москве в 1588—1589 гг., пишет, что несколько лет назад, как он слышал от торговцев, пушнину в России покупали купцы турецкие, персидские, бухарские, грузинские, армянские и европейские

¹⁵ СГГид, ч. 5. М., 1894, стр. 107—108.

¹⁶ Павел Иовий Новокомский. Книга о московитском посольстве. СПб., 1908, стр. 261.

¹⁷ А. Г. Маньков. Указ. соч., стр. 87.

¹⁸ Там же, стр. 208—212, 214—215.

¹⁹ Э. Бааш. История экономического развития Голландии в XVI—XVIII веках. Перев. с немецкого. М., 1949, стр. 304.

²⁰ С. Ф. Платонов. Иноземцы на Русском Севере в XVI—XVII вв. «Очерки по истории колонизации Севера и Сибири», вып. 2. Пг., 1922, стр. 13; А. А. Введенский. Указ. соч., стр. 55.

²¹ М. М. Громыко. Русско-нидерландская торговля на Мурманском берегу в XVI в. Сб. «Средние века», вып. 17. М., 1960, стр. 252—253.

²² Н. П. Черкашина. История Московской торговой компании в 16—17 веках. Автореферат дисс. М., 1952, стр. 10.

²³ История Москвы, т. 1. М., 1952, стр. 168, 169

(«разные промышленники христианского мира»), которые будто бы вывезли мехов на 400 или 500 тыс. руб.²⁴ Если он имел в виду годовой вывоз, то эта сумма фантастически преувеличена и не может быть принята в расчет, потому что раза в два превышает всю годовую добычу пушнины в Сибири во время расцвета соболиного промысла в середине XVII в.²⁵ Но торговля пушниной с иностранцами в то время имела уже существенное значение в общем товарообороте.

В конце XVI и начале XVII вв. определились основные пути и центры меховой торговли внутри страны. Пермские города, по предположению И. С. Макарова, перестали быть местами сбыта пушнины. Выдвигался Сольвычегодск, расположенный у начала пути в Сибирь всего в 20 верстах от водной дороги, ведущей и в Архангельск и в центр страны, в Москву — главный пушной рынок России²⁶. В Вологде, транзитном пункте между Москвой и Архангельском, в 1608 г., в связи с интервенцией, лежали всякие русские и иностранные товары, в числе которых было «много куниц и соболей, и лисиц черных». Там же оказалась и царская казна — соболи из Сибири и другие меха²⁷. Однако не Вологда, а Устюг стал другим крупным центром пушной торговли на этом пути, вероятно, потому, что был расположен ближе к сибирской дороге.

* * *

Начало расцвета внутренней торговли пушниной относится примерно ко второй четверти XVII в., что было вызвано как общими изменениями социально-экономической жизни страны, углублением общественного разделения труда, специализацией районов, так и увеличением спроса на пушнину и особенно нарастанием притока ценных сибирских мехов в связи с успехами русской колонизации Сибири.

Пушная торговля в России XVII в. давно привлекает внимание историков, однако лишь в немногих случаях послу-

²⁴ Джильс Флетчер. О государстве русском. СПб., 1905, стр. 11—12.

²⁵ См. табл. 2.

²⁶ И. С. Макаров. Пушной рынок Соли Вычегодской в XVII веке. «Исторические записки», кн. 14, 1945, стр. 148, 149.

²⁷ С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1910, стр. 361.

жила предметом специальных исследований. В дореволюционной литературе она поверхностно освещается в «Очерке торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях» Н. И. Костомарова, который, располагая незначительным фактическим материалом, сделал ряд ошибочных выводов, в частности, о преобладании в торговле мехами государства над купцами, которым, по его словам, «доставались избытки».²⁸ Значительно шире фактическая база в небольшой специальной работе о пушной торговле в XVII в. Н. Ф. Яницкого²⁹ и в работах Б. Г. Курца о русской торговле по известиям иностранцев.³⁰ Н. Ф. Яницкий попытался выявить источники поступления пушнины, проследить регламентацию торговли мехами, но, как и Б. Г. Курц, основное внимание сосредоточил на внешней торговле.

Работы советских историков резко отличаются не только методологически, но и по методическим приемам исследования. Они предельно конкретны: охватывают либо определенную группу и даже отдельных лиц, либо определенный местный рынок. Именно конкретность исследования, изучение всей совокупности источников, тщательный их анализ позволили историкам сделать немало ценных выводов, так что, несмотря на отсутствие обобщающих работ, современная историческая литература позволяет составить приблизительное представление о торговле пушниной в целом в XVII в., конечно, еще с существенными пробелами.

В XVII в. в России пушниной, местной или привозной, торговали практически везде только в разных масштабах. Наиболее крупными центрами пушной торговли были Сольвычегодск и Устюг в Поморье, в центре Москва, в Сибири Мангазея (Турханск), Енисейск, Якутск и другие.

Из всех крупных пушных рынков России Сольвычегодская ярмарка выделялась тем, что пушнина там резко преобладала над всеми другими товарами, составляя, например, в 1635 г. 55% общего товарного предложения, в 1641 г. 52%, в 1643 г. 66%³¹. В то время как в Сибири приезжие торговые люди покупали меха почти исключительно на деньги, выручен-

ные от продажи привозных и купленных по дороге товаров, в Сольвычегодск привозили наряду с товарами большие суммы денег. Через Соль Вычегодскую проходили тогда почти все возвращавшиеся из Сибири промышленные и торговые люди, из которых многие спешили распродать добычу и поскорее возвратиться домой. Закупка товаров «на сибирскую руку» производилась в разных городах, поэтому спрос на другие товары был меньше предложения пушнины.

Удельный вес местной пушнины на сольвычегодском рынке был невелик, хотя на протяжении всего XVII в. в бассейне Вычегды производился промысел белки, горностая, куниц и других зверей, а по реке Сыsole — соболя. Местные сыольские (или «запольские») соболи в сольвычегодских таможенных книгах за 1634/35 и за конец 1635 г. зарегистрированы всего в трех экземплярах, в 1678 г. они не встречаются, в 1679 г. было зарегистрировано 60 запольских соболей как явленных в таможенную и 180 сыольских и запольских соболей как купленных. Между тем за отмеченные годы таможенные книги учли соответственно 6335, 5776, 4192 и 5311 соболей³². В 1647 г. при цене всей пушнины в 11 405 руб. соболей было продано 8511 штук, в 1643, 1652 и 1661 гг., когда цена всей пушнины превышала 20 тыс. руб. в год, соболей в продаже бывало, вероятно, тысяч по 15, а в 1644 и 1648 гг. — тысяч по 20 или больше, потому что пушные товары в те годы оценивались по 31 тыс. руб. с лишним³³. Белки преобладали местные. В 1635 г. в Сольвычегодске было явлено свыше 22 тыс. белок своего уезда, свыше 10 тыс. белок из других поморских уездов, 7200 ярославских, 500 белок с Унжи, 290 из Казани, 40 белок из Москвы и какое-то количество из Перми. Сибирские белки не упоминаются. Все 40 с лишним тыс. белок по местным ценам стоили около 500 руб. В 1679 г. было зарегистрировано свыше 54 тыс. белок исключительно поморских уездов примерно на 600 руб.³⁴ Другие пушные звери местного промысла имели еще меньшее значение.

Сольвычегодск был не только притягательным центром пушных товаров, но и поставлял пушнину в разные города России — в Москву, Архангельск, Ярославль, Казань и дру-

²⁸ Н. И. Костомаров. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. Изд. 2-е. СПб., 1889.

²⁹ Н. Яницкий. Торговля пушным товаром в XVII в. Киев, 1912.

³⁰ Б. Г. Курц. Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса. М., 1914; он же. Сочинение Нильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915.

³¹ И. С. Макаров. Указ. соч., стр. 153.

³² ТКМГ, т. I, М.-Л., 1950, стр. 299—402, т. III, М.-Л., 1951, стр. 397—543.

³³ И. С. Макаров. Указ. соч., стр. 151—152.

³⁴ ТКМГ, т. I, стр. 299—402, т. III, стр. 397—543.

гие. Сольвычегодская пушная ярмарка «включалась в общий народнохозяйственный оборот» страны.³⁵

Вторым по значению после Сольвычегодска центром внутренней торговли пушниной в Поморье был Устюг Великий. Через него проходила большая масса сибирской пушнины, главным образом соболей. В 1634 г. по сибирским проезжим грамотам было явлено свыше 8500 соболей, по выписям из Сольвычегодска — свыше 4000 соболей, кроме того, несколько крупных партий соболей без указания количества отмечено «в проезде». В 1636 г. было явлено свыше 12000 соболей по сибирским, около 4000 по сольвычегодским выписям и свыше 2500 соболей отмечено «в проезде».³⁶ Однако в самом Устюге соболей покупали меньше, чем в Сольвычегодске. В 1634 г. там было продано 5190 сибирских соболей, в 1635 г. — 5295, в 1636 г. — 4775, в 1637 г. — 9252, в 1638 г. — 6472, в 1639 г. — 3334, в 1640 и 1641 г. — по 4417, в 1642 г. — 17 208, в 1643 г. — 5414, в 1644 г. — 8345, в 1646 г. — 5376, в 1647 г. — 11 551, в 1649 г. — 3812, в 1650 г. — 1024 соболя, по цене от 2500 до 17 500 руб. в год.³⁷ Поморских соболей и на Устюжской ярмарке было мало. В таможенных книгах за 1634 г. они совсем не отмечены, в 1636 г. зарегистрировано всего 55 сысольских соболей, в 1677 г. — 158, в 1679 г. — 237, в 1680 г. — 96 соболей.³⁸

Несколько большую, чем в Сольвычегодске роль на устюжском рынке играла несоболиная пушнина, в первую очередь беличьи шкурки. Здесь также преобладали белки поморских уездов, но привозных было больше. В 1634 г. 20000 белок привезли из Казани, 115 — из Перми и 1635 штук с Верхнего Поволжья. В 1636 г. 18500 белок привезли с Вятки, 18 000 — из Перми, 7280 — из Сибири и 7200 сибирских белок из Туглима. В 1677 г. поступило 13700 сибирских белок, в 1679 г. — 19 000, в 1680 г. — 4200. Общее количество белок на устюжском рынке в 40-е годы должно было превышать 150 тыс. При цене беличьих шкурок по 12—15 руб. за тысячу общая стоимость их в отдельные годы должна была составить около 2 тыс. руб. В 70-е годы белок на устюжском рынке было меньше.³⁹

³⁵ И. С. Макаров. Указ. соч., стр. 150.

³⁶ ТКМГ, т. 1, стр. 11—296.

³⁷ А. Ц. Мерзон и Ю. А. Тихонов. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII век). М., 1960, стр. 276, 277.

³⁸ ТКМГ, т. I, стр. 11—296, т. III стр. 9—391.

³⁹ Там же.

Сибирская «мягкая рухлядь» в пушной торговле преобладала, но «в общих оборотах Устюга пушнина не имела того решающего значения, которое ей принадлежало в соседней Соли Вычегодской». На первом плане здесь были сельскохозяйственные и промышленные товары.⁴⁰

Из Устюга пушнину вывозили в Москву, Архангельск, Вологду, Ярославль, Казань, меньше в Углич, Торопец, Вязьму, Рыльск, Новгород.⁴¹

Историки устюжского рынка считают, что Устюг был крайним пунктом, до которого докатывалась волна сибирских выходцев, прибывавших с охотничьих промыслов.⁴² В самом Устюге, в Тотьме, расположенной на пути между Устюгом и Вологдой, в 1635, 1636 и 1676 гг. таможенные книги соболей совсем не упоминают. Небольшое количество соболей (вместе с бобрами, лосиными кожами и укладом на 15 руб.) отмечено в таможенной книге за 1677 г. На тотемском рынке торговали белками, но, вероятно, нерегулярно. В 1635 г. там было куплено около 40 тыс. белок, в 1677 г. — ни одной.⁴³

Кроме осенних Сольвычегодской и Устюжской ярмарок, приуроченных к возвращению из Сибири промышленных и торговых людей, была еще зимняя Благовещенская ярмарка на Ваге, на дальних подступах к Архангельску, куда везли нераспроданные меховые товары главным образом устюжане. Обороты пушной торговли там значительно уступали устюжским. Скупщики пушнины иногда, не дожидаясь прихода возвращавшихся из Сибири в Сольвычегодск и Устюг, встречали их в Туглиме, в Яренске, в Турьинском погосте и в Ижемской слободке.⁴⁴ Там покупали и пушнину местного промысла. Местную пушнину приезжие купцы покупали на Сысоле, на Вишере. В 1684 г., например, в таможенной книге усть-сысольского ценовальника зарегистрировано 7200 белок и много зайцев, горностаев, норок, выдр, лисиц, куниц.⁴⁵

Ни у кого не вызывает сомнений, что крупнейшим центром пушной торговли России в XVII в. была Москва. Московским купцам в Сольвычегодске в 20—70-е годы в среднем принадлежало 69%, а в отдельные годы до 100% явленных

⁴⁰ А. Ц. Мерзон и Ю. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 286.

⁴¹ А. Ц. Мерзон. Развитие межобластных рыночных связей во второй четверти XVII в. «История СССР», 1959, № 2, стр. 134—137.

⁴² А. Ц. Мерзон и Ю. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 286.

⁴³ ТКМГ, т. 1, стр. 409—600, т. III, стр. 547—624.

⁴⁴ И. С. Макаров. Указ. соч., стр. 150, 153.

⁴⁵ АЮБ, т. 2, стр. 329—331.

на покупку пушнины денег⁴⁶. В Устюге в годы подъема пушной торговли среди покупателей меховых товаров от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ составляли москвичи. В действительности удельный вес их на устюжском рынке был выше, потому что торговые сделки были крупнее средних. В столицу отвозили пушнину и устюжские купцы⁴⁷. В Москву шла значительная часть сибирской пушнины, минуя сольвычегодский и устюжский рынки, везли пушной товар из разных концов Европейской России. Там сосредоточивалась громадная масса казенной пушнины, часть которой поступала на внутренние и внешние рынки. В 1638 г. из Сибирского приказа на Свенскую ярмарку отправили «для торгу с литовскими людьми на литовские товары и ефимки» 2827 соболей, 19 соболевых шуб и мелочь по московской цене на 7105 руб.⁴⁸ В 1647 г. туда же послали сибирских соболей и другой пушнины на 5590 руб. и в Астрахань на продажу на 15019 руб.⁴⁹ В 1680 г. «в Купецкую палату и к Городу» (Архангельску) было отпущено пушнины на 45063 руб.⁵⁰

Количество пушнины, поступавшей в Москву до конца XVII в., не поддается учету из-за почти полного отсутствия таможенных книг,⁵¹ но должно было быть огромным. Не случайно там было несколько специальных рядов для торговли меховыми товарами: Скорняжный, Бобровый, Соболий, Меховой.⁵² Главным поставщиком пушнины была Сибирь, о чем можно судить даже по материалам конца XVII в., когда русский соболиный промысел там был в упадке, а массовый промысел несоболиной пушнины только еще развешивался.⁵³ С 1692 по 1696 г. купцами было привезено в Москву 91214 соболей, 8269 лисиц, 14 536 песцов, 306 119 белок и 5890 горностаев. В 1694 г., на который приходится 20555 соболей, 1407 лисиц, 1768 песцов и 188 212 белок, сибирская пушнина оцени-

валась на сумму несколько меньше 40 тыс. руб.⁵⁴ В том же 1694 г., по книгам товаров Новгородских, Астраханских и Малороссийских городов, из северо-западных, юго-восточных и южных уездов в Москву привезли 306474 белки, 16864 заячьи, 1234 лисицы, 366 выдр, 541 горностаев, 52 куницы, 761 ласку, 84 норки, 127 хорьков, 23 рыси, 112 бобров, шкуру волченка и 2 соболя пластины. Большая часть этих мехов зарегистрирована по Новгородской книге⁵⁵. Нет данных о привозе пушных товаров из северо-восточных, восточных и центральных уездов страны, но можно не сомневаться, что они давали больше, чем северо-западные и южные уезды. И все-таки относительно малоценная пушнина европейской части страны не могла равняться по стоимости ценной сибирской пушнине, особенно если учесть казенные сборы.

Москвичи потребляли определенную часть ввозимой пушнины, остальное отправляли в другие города и за границу.⁵⁶ Интересно было бы выяснить, как менялся ассортимент пушнины, прошедшей через московские рынки и мастерские, но для XVII в., к сожалению, нет таких данных. Таблица 1, составленная по официальным ведомостям о привозе пушнины в Москву и вывозе из Москвы, дает некоторое представление об эволюции меховой торговли в Москве и в какой-то мере может помочь понять роль Москвы в общероссийском движении пушных товаров.

К приведенным в таблице данным о привозе пушнины надо добавить, что в 1748 г. в Москве из Сибирского приказа было продано: 2051 соболев, 4559 бобров, 1749 лисиц, 937 песцов, 212759 белок, 16501 заячья шкура, 669 волчьих, 3 медвежьих шкуры, 25 742 горностаев, 136 рысей, 60 росомех, 7 барсов и много черевьев (брюшной части шкурок), лап, душек,

⁴⁶ И. С. Макаров. Указ. соч., стр. 164.

⁴⁷ А. Ц. Мерзон. Развитие межобластных рыночных связей во второй четверти XVII в., стр. 135.

⁴⁸ ЦГАДА, СП, кн. 75, лл. 364—369.

⁴⁹ Там же, кн. 238, лл. 35, 104.

⁵⁰ П. Миллюков. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого. СПб., 1905, стр. 561.

⁵¹ Д. И. Тверская. Москва второй половины XVII века — центр складывающегося всероссийского рынка. М., 1959, стр. 76.

⁵² Там же, стр. 45.

⁵³ См. главу 5.

⁵⁴ Б. Г. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле, стр. 473.

⁵⁵ Книга Московской большой таможни 1693—1694 г. «Труды ГИМ», вып. 38, М., 1961. Только из Устюжны Железнопольской, где в 20—30-х годах XVII в. шкурки пушных зверей продавались единицами, в 1695—1696 г. было привезено в Москву 66650 белок, 108 выдр, 243 лисицы, 8 рысей, 120 горностаев, 4540 заячьи (А. Н. Сперанский. Торговля Устюжны Железнопольской в первой половине XVII в. «Русское государство в XVII веке». Сб. М., 1961, стр. 167, 175).

⁵⁶ К. В. Базилевич. Таможенные книги как источник экономической истории России. «Проблемы источниковедения». Сб. 1. М.—Л., 1933, стр. 111.

лбов и другой мелочи, всего на 34 532 руб. 72 коп.⁵⁷ Таким образом, можно считать, что на московский рынок в тот год поступило всякой пушнины на 165688 руб. 28 коп.

К середине XVIII в. произошли значительные изменения в соотношении разных видов пушнины. Почти прекратился частный привоз соболей. Москвичи покупали теперь их в Сибирском приказе, который не был переведен в новую столицу. Резко возрос привоз лисиц, зайцев, волков, корсаков, несколько увеличилось количество ввозимых белок. Вероятно, изменились моды и вкусы. Заячьи шкурки, в XVII в. ценившиеся много ниже беличьих, в середине XVIII в. оказались дороже последних. Произошло сокращение удельного веса сибирской пушнины на московском рынке.

Наблюдения над данными оборота пушной торговли Москвы середины XVIII в. да еще всего лишь за один год было бы неосторожно распространять на XVII в., но думается, что два вывода, вытекающие из анализа таблицы I, в известной мере могут быть отнесены и к XVII в.: 1) значительная доля ввозимой пушнины оседала в Москве и 2) в составе вывозимой пушнины исключительно большой удельный вес занимали обработанные меха и меховые изделия. В 1748 г. вывезенный из Москвы пушной товар составлял по цене 60% от ввезенного вместе с купленным в Сибирском приказе. Учитывая, что вывозимая пушнина, в значительной мере обработанная, ценилась дороже, можно считать, что в Москве в тот год осталось не меньше половины привезенной пушнины. В XVII в., когда Москва была столицей, потребление пушнины, особенно ценной, также должно было быть значительным. При сравнении привоза и вывоза пушных товаров 1748 г. создается впечатление о Москве как о всероссийской мастерской по обработке мехов. Необработанные шкурки лисиц в привозе составляли почти 100%, в вывозе же немного больше 10% от общей цены лисьих мехов, заячьи шкурки в привозе составляли практически 100%, в вывозе — около 8%. Меньше и в разной степени подвергались обработке другие виды пушнины, но несомненно, что оставшаяся в Москве пушнина в значительной мере проходила через руки квалифицированных мастеров. Интересно также отметить, что москвичи потребляли лучшую часть ценной пушнины. Так, например, при ввозе 56 973 целых лисьих шкур вывезли всего лишь 3311, еще меньше лисьих хребтов, зато десятки тысяч лисьих душек. Среди вывезенных лисьих мехов, т. е. подобранных по цвету и каче-

Таблица I

ПРИВОЗ ПУШНИНЫ В МОСКВУ
И ВЫВОЗ ИЗ МОСКВЫ В 1748 г.¹

Наименование пушнины	Привоз			Вывоз		
	количе- ство, штук	цена, руб.	% от об- щей цены	количе- ство, штук	цена, руб.	% от общей цены
1	2	3	4	5	6	7
Соболь:						
шкурки	140	910,00	0,7	950	2189,00	2,2
хвосты	—	—	—	200		
меха	—	—	—	1		
«тортица огоньков»	—	—	—	15		
Бобры	4010	5525,80	4,2	1825	2847,10	2,9
Лисицы: шкурки	56073			2811		
шкурки выделанные	900			500		
хребты (бунтов)	—			116		
хребты (штук)	—			26		
душки (бунтов)	—	53653,20	40,9	641	21179,00	21,3
душки (штук)	—			24212		
душки (фунтов)	—			61		
меха всякие	12			1458		
шубы	—			1		
обшлага	—			1220		
лапы	2100			—		

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7
Песцы: шкурки						
шкурки выделанные	3707			1608		
хребты (бунтов)	—			600		
хребты (штук)	—	2850,70	2,2	24	1903,00	1,9
душки (бунтов)	—			30		
душки (штук)	—			29		
меха	—			980		
	—			50		
Куницы	7920	3859,10	2,9	3108	1409,03	1,4
Белки: шкурки (бунтов)						
шкурки (штук)	545666			479		
в т. ч. сибирские	—			298414		
шкурки выделанные	—			14410		
хребты (бунтов)	—	20886,28	15,9	2000	24176,07	14,4
хребты (штук)	—			1165		
меха (юфтей)	—			79434		
меха (штук)	4			10		
в т. ч. сибирские	—			6409		
шубы всякие	—			751		
	—			344		
Зайцы: шкурки						
шкурки	433367			22590		
в т. ч. сибирские	984			—		
шкурки выделанные	—	19025,79	14,5	7970	12514,48	12,6
в т. ч. сибирские	—			3000		
меха всякие	—			13325		

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7
Волки: шкурки						
хребты	8229			5123		
меха (юфтей)	—	11013,43	8,4	8	10424,70	10,5
меха (штук)	—			15		
шубы	—			957		
	—			69		
Корсаки						
Прочие зверя ²	14375	7275,20	5,6	18092	8144,15	8,2
	—	6156,26	4,7	—	14528,75	14,6
		131155,56	100		99315,28	100

¹ ЦГАДА, СП, оп. 1, ч. 8, д. 5940, лл. 1—117 об., д. 5913, лл. 2—98 об.

² В привозе и вывозе: горностай, кошки, хорьки, рыси, норки, медвежьи шкурки, ласки, барсы; только в привозе: выдры, россомахи, суслики, сурки, кролики, кидасы (помесь между соболем и лесной куницей); только в вывозе: выхухолы.

ству и сшитых вместе несколько цельных шкурок, или хребтов, или брюшной части шкурок, или лап и т. п., преобладали менее ценные лапчатые, черевьи и другие. О распространенности обработки мехов в Москве в XVII в. свидетельствует большое число специалистов уже в первой половине века. По расписному списку 1638 г. в Москве было 16 бобровников, 2 векошника, 3 собольника и 65 скорняков⁵⁸. С. В. Бахрушин и С. К. Богоявленский отмечают, что в XVII в. сибирские меха поступали в Москву в сыром виде и там выделялись и перепродавались⁵⁹.

Было бы неправильно, конечно, переоценивать значение скорняжного промысла в стране. По предположительному мнению Н. В. Устюгова, в сосредоточении скорняжного дела в Москве была некоторая искусственность, потому что правительство, особенно в середине XVII в., требовало высылать с посадок в Москву скорняков «всех до одного человека» для обработки казенных мехов.⁶⁰ Это требование полностью никогда не выполнялось, но концентрацию переработки мехов в Москве усиливало. И в самой столице, крупнейшем ремесленном центре страны, обработка мехов не играла ведущей роли. В 1641 г. там было 128 действующих кузниц, Москва была центром обработки благородных металлов и т. п.⁶¹.

Крупными центрами пушной торговли в XVII в. были Свенская под Брянском и Макарьевская под Нижним Новгородом ярмарки. На Свенскую ярмарку везли пушнину из Москвы, Сольвычегодска, Устюга и других городов.⁶² На Макарьевской ярмарке, правда, в более позднее время — 1720 г., по подсчетам Б. Б. Кафенгауза, немного меньше половины (44%) оборота по продаже товаров, доставляемых из провинции (из центральной, северной и южной окраин страны), составляли дешевые сорта пушнины. Только по «Яренской» и «Каргопольской» книгам числилось в привозе 351400 белок, 28600 зайчин, 3500 горностаев. С Макарьевской ярмарки на Свенскую шла исключительно пушнина.⁶³ Привоз пушнины

⁵⁸ Д. И. Тверская. Указ. соч., стр. 27.

⁵⁹ История Москвы, т. 1, стр. 436.

⁶⁰ Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955, стр. 76.

⁶¹ Там же, стр. 63.

⁶² И. С. Макаров. Указ. соч., стр. 150; А. Ц. Мерзон. Указ. соч., стр. 137; С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1, М., 1955, стр. 239.

⁶³ Б. Б. Кафенгауз. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII века. М., 1958, стр. 132, 154, 167.

из Москвы был невелик. В 1720 г. на Макарьевскую ярмарку было привезено оттуда товаров на 100000 руб., продано на 29636 руб., в том числе пушнины на 825 руб. (2,8%). Сибирской пушнины было продано на 1950 руб., что составило лишь 7% от общей суммы продажи привозных сибирских товаров, главным образом китайских тканей.⁶⁴

Много пушнины поступало в Ярославль, где развито было скорняжное производство. По приведенным Л. В. Даниловой данным, в Ярославле в 1646 г. было 20 скорняков, в 1648 г. — 13, в 1678 г. — 15, в 1710 г. — 21. Об обработке мехов или торговле пушниной свидетельствуют и такие специальности, как бобровщики, собольщики⁶⁵. Систематически торговля пушниной производилась на Тихвинском посаде, куда поступали меха как местные, так и привозные из Москвы, Ярославля, Устюжны Железнопольской, Углича, Каргополя, Устюга, Новгорода, Пскова и других мест.⁶⁶ В 30—90-е годы XVII в. ежегодно в продаже там бывало от 1000 до 186340 белок, от 78 до 13452 зайцев, от 85 до 600 лисиц, от 22 до 292 бобров, от 14 до 430 куниц, от 13 до 572 норок и шкурки некоторых других зверей. Наибольшее количество отдельных видов зверей приходится на разные годы. Белок, зайцев, лисиц и бобров больше продавалось в конце периода.⁶⁷ И в южных русских уездах во второй половине XVII в. расширялась торговля продуктами промыслов, в том числе звериными шкурками.⁶⁸

Громадное количество ценной пушнины обращалось на рынках Сибири. В Тобольске в 40—80-е годы XVII в. меховые товары вместе с лосиными кожами составляли от 6817 до 15563 руб., или от 14,1 до 45% общего торгового оборота.⁶⁹ Из Томска вывезли пушнины в 1652 г. на 9000 руб., в 1653 г.

⁶⁴ Там же, стр. 122, 156.

⁶⁵ Л. В. Данилова. Мелкая промышленность и промыслы в русском городе во второй половине XVII—начале XVIII в. (по материалам Ярославля). «История СССР», 1957, № 3, вклейка между стр. 110 и 111.

⁶⁶ К. Н. Сербина. Очерки по социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI—XVIII вв. М.—Л., 1951, стр. 213.

⁶⁷ Там же, стр. 213—227.

⁶⁸ В. М. Вагинский. Развитие рыночных связей в южных русских городах во второй половине XVII века. Автореферат канд. дисс. М., 1963, стр. 16.

⁶⁹ О. Н. Вилков. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М., 1967, стр. 285.

на 5946 руб.⁷⁰ В Енисейск в 1645—1646 г. было ввезено товаров и денег на 62533 руб., в том числе пушнины на 17642 руб. (28,2%), вывезено было товаров и денег на 45705 руб., в том числе пушнины на 18810 руб. (41,1%)⁷¹.

До 40-х годов XVII в. самым крупным пушным рынком в Сибири был мангазейский (туруханский), где ежегодно, за редким исключением, в 20—30-е годы продавалось и покупалось свыше 20 тыс. соболиных шкурок. Затем на первое место выдвинулся Якутский край. В Якутске в 1643 г. было в продаже свыше 38 тыс. соболей и небольшое количество другой пушнины всего на 42625 руб. По несколько тысяч соболей в отдельные годы продавали и покупали в Нижне-Вилуйске, Жиганске, на Оленеке, Индигирке и Колыме. На Колыме в 1646 г. было продано около 10 тыс. соболей на 10 тыс. руб. по местной цене. Оживленная торговля пушниной производилась в Илимске, где количество перекупных соболей в 30-е годы доходило до 10 тыс., а в 40-е годы — до 17 тыс. штук⁷².

В конце XVII в. значительными центрами пушной торговли стали Иркутск и Нерчинск.⁷³ В нерчинской таможне с июня 1691 г. по июнь 1692 г. было зарегистрировано пушнины на 7452 руб., в 1693 г. на 18882 руб., в 1695 г. на 16759 руб.⁷⁴ На другом конце Сибири крупное значение приобретала Ирбитская ярмарка.

* * *

В XVII же веке начинается расцвет внешней торговли пушниной. В странах Европы и Азии запасы ценных пушных зверей сравнительно невелики, поэтому Россия и раньше была главным поставщиком товаров на мировой пушной рынок. Конкуренция с середины XVI в. с Северной Америкой, которую Россия превосходила по естественным запасам пуш-

⁷⁰ Г. Н. Потанин. Привоз и вывоз товаров города Томска в половине XVII столетия. «Вестник РГО». СПб., 1859, № 12, стр. 144.

⁷¹ А. Н. Копылов. Русские на Енисее в XVII в. Земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда. Новосибирск, 1965, стр. 236—237.

⁷² См. главу 5.

⁷³ О. И. Кашик. Торговля в Восточной Сибири в XVII—начале XVIII вв. (по данным таможенных книг Нерчинска, Иркутска, Илимска). «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока». Труды конференции по истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961, стр. 189.

⁷⁴ В. А. Александров. Русско-китайская торговля и нерчинский торг в конце XVII в. «К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.)». М., 1958, стр. 441.

ных зверей⁷⁵, в XVII в. была еще не опасной. Распространение соболей только в Сибири и некоторых смежных странах обеспечивало России успешный экспорт соболиных мехов.

Россия вывозила меховые товары во многие страны Европы и Азии. Торговая книга XVII в. давала своеобразные рекомендации, куда и какие виды пушных зверей предпочтительнее направлять: соболи были «по всем землям в цене», лисицы черные шли в Данию, красные — в Португалию, горностаи и куницы — в Италию, песцы — во Францию, кошки — во Францию и Италию.⁷⁶ Г. Жордания приводит мнение Маржера, который в начале XVII в. в числе товаров из России во Францию на первом месте упоминает меха, и мнение Савари, по утверждению которого при Алексее Михайловиче пушнина занимала первое место среди всех других товаров, ввозимых во Францию из Московии.⁷⁷ По сообщению И. де Родеса, который в 1650—1655 гг. был в Москве шведским резидентом, много мехов из царской казны ежегодно продавали грекам, а те привозили из Турции, Персии, Аравии и Греции драгоценные товары и арабские дукаты⁷⁸. И. Ф. Кильбургер, шведский дворянин, который был в составе шведского посольства в Москве в 1674 г., утверждает, что греки покупали лучших соболей. Это согласуется с замечанием Ю. Крижанича, что турки и греки «рады покупают соболя и иная драгая корзна, коих немцы не веде любят». По его словам, в Москве ежегодно бывает по 50 и по 100 человек греков, проживающих там многие годы.⁷⁹ Москва и во внешней торговле пушниной играла большую роль.

Большими массами меха проходили за границу через Архангельск. Родес приводит извлечение из архангельских таможенных книг о вывозе русских товаров за 1653 г. Из общей суммы вывоза на 1164676 руб. на долю пушных товаров приходилось 97159 руб., или 8,3%. Всего было вывезено

⁷⁵ А. А. Каплин. Пушной рынок капиталистических стран. Производство и торговля мехами. М., 1965, стр. 3.

⁷⁶ Н. Яницкий. Указ. соч., стр. 31.

⁷⁷ Гиви Жордания. Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII вв., ч. 1. Тбилиси, 1959, стр. 142.

⁷⁸ Б. Г. Курц. Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса, стр. 161.

⁷⁹ Б. Г. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле, стр. 95, 363, 364. См. также: Русское государство в половине XVII века. Рукопись времен царя Алексея Михайловича. Открыл и издал П. Безсонов. М., 1859, ч. II, 1, стр. 127.

23160 соболей на 57000 руб., а вместе с собольими пупками (брюшной частью шкурки), хвостами и т. п. на 63957 руб., что составляет $\frac{2}{3}$ цены всей пушнины, вывезли еще 15970 всяких лисиц на 11978 руб., 14400 куниц на 6480 руб., 335950 белок на 5688 руб., 11480 норки на 4592 руб., 28795 всякого рода кошек на 3600 руб. и 11520 горностаев на 864 руб.⁸⁰ В свою очередь через Архангельск ввозили в Россию бобров и немного других зверей. Нидерланды привозили бобров еще в первой четверти XVII в.⁸¹ В 1659 г. казна купила в Архангельске 1000 шкурок этих зверьков.⁸² По выписям, составленным Кильбургером из архангельских таможенных книг, в 1671 г. в Россию через Архангельск было ввезено 2999 бобров и 3 ящика с бобрами, в 1672 г. — 10859 бобров, в 1673 г. — 29487 бобров и 6 бочек с бобрами. В те же годы привезли 552 лисицы, 94 выдры, 1600 хорьков и даже 40 соболей.⁸³ Позднее, в 1710 г., ввоз пушнины через Архангельск (бобры на 29624 руб.) даже несколько преобладал над вывозом (всего на 24300 руб.), составившим только 2,4% от общей массы товаров,⁸⁴ что, конечно, не нарушало общего активного баланса во внешней торговле России пушным товаром. В XVII в. больше всего мехов покупали Гамбург и Нидерланды, меньше Англия.⁸⁵ Нидерланды перепродавали часть пушнины в другие страны.⁸⁶ Кроме официальной торговли в Архангельске, иностранцы скупали пушнину контрабандой в разных местах Поморья. Датчане в 1653 г. купили «из царского магазина» в г. Печоры 200 черных соболей, в Пустозерске — 200 казенных соболей и у частных лиц 2000

⁸⁰ Б. Г. Курц. Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса, стр. 163—165.

⁸¹ В. А. Кордт. Донесения посланников республики Соединенных Нидерландов при русском дворе. РИО, т. 116, СПб., 1902, стр. 283.

⁸² Н. А. Бакланова. Привозные товары в Московском государстве XVII в. «Очерки по истории торговли и промышленности в России в 17 и в начале 18 столетия». М., 1928, стр. 15.

⁸³ Б. Г. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле, стр. 123—140.

⁸⁴ Р. И. Козинцева. Внешнеторговый оборот Архангельской ярмарки и ее роль в развитии всероссийского рынка. «Исследования по истории феодально-крепостнической России». Сб. М.—Л., 1964, стр. 121, 130.

⁸⁵ И. Любименко. Московский рынок как арена борьбы Голландии с Англией. «Русское прошлое. Исторический сборник», кн. 5. Пг.—М., 1923, стр. 16.

⁸⁶ В середине XVII в. среди товаров, ежегодно вывозимых Голландией во Францию, были меха. См. Э. Бааш. История экономического развития Голландии в XVI—XVIII вв. М., 1949, стр. 286.

белок, 48 горностаев, 500 лисиц и песцов, 120 волков и 200 куниц. В Ляпине-городке они тоже купили «порядочное количество» всяких мехов.⁸⁷

Пушнина вывозилась через Нарву, Ревель и Ригу. Этим путем торговали с Польшей и Швецией. В 1673 г., по сведениям Кильбургера, из Нарвы вывезли в числе других товаров 80 соболей, 3 собольих меха, 80 куниц, 564 норки, 68760 белок и 29 беличьих мехов, 30120 кошек и 5 мехов кошачьих, 43 заячьих меха, 4440 горностаев и 38 лисиц.⁸⁸ Русские торговые люди в Швеции покупали в небольших количествах пушнину — выдр, лисиц, бобров, иногда белок.⁸⁹ Пушниной торговали с иностранцами во Пскове.⁹⁰ Греческие и армянские купцы посещали Свенскую ярмарку. Свенская ярмарка и псковский рынок привлекали и литовское купечество.⁹¹

Немало пушнины вывозилось через Астрахань. А. Олеарий, посетивший Россию и Иран в 1630-х годах, считал наиболее оживленной торговлю государственной пушниной с Ираном и Турцией.⁹² В 1665 г. в Иран было послано на 26800 руб. соболей и на 6000 руб. собольих пупков.⁹³ Через Астрахань везли меховой товар в Бухару, куда в 1646 г. было послано казенных соболей на 4251 руб.⁹⁴ Соболи, горностаи и белки вывозились в Индию, с которой только что налаживалась торговля.⁹⁵

Сразу же после присоединения Сибири к России установились торговые связи с азиатскими странами через сибирские города. Нечего и говорить, что на одном из первых мест в этой торговле была пушнина. В 1609 г. туринский воевода писал в Верхотурье, что в Тобольске и Тюмени у бухар-

⁸⁷ Б. Г. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле, стр. 471.

⁸⁸ Там же, стр. 108.

⁸⁹ И. П. Шаскольский. Об основных особенностях русско-шведской торговли XVII в. «Международные связи России в XVII—XVIII вв.» М., 1966, стр. 31.

⁹⁰ А. Л. Хорошкевич. Из истории русско-немецких торговых и культурных связей начала XVII в. «Международные связи России в XVII—XVIII вв.» Сб. М., 1966, стр. 41.

⁹¹ И. С. Макаров. Указ. соч., стр. 149.

⁹² А. Олеарий. Подробное описание путешествия в Московию и Персию. М., 1870, стр. 262.

⁹³ Н. Яницкий. Указ. соч., стр. 31.

⁹⁴ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. I. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI—XVII вв. Л., 1932, стр. 211.

⁹⁵ Н. А. Бакланова. Указ. соч., стр. 32.

цев берут пошлину с их товаров «и с мягкие рухляди, которую они выменивают на бухарские товары». В Туринске пошлину тогда не брали, чтобы привлечь среднеазиатских купцов⁹⁶. Несколько позднее бухарцы торговали, кроме перечисленных городов, в Верхотурье, Томске, Красноярске, на ярмарке у Ямыш-озера на Иртыше. В обмен на среднеазиатские и китайские товары они получали пушнину⁹⁷, удельный вес которой был высок. По подсчетам О. Н. Вилкова, в Тобольске с 1639 по 1703 г. у приезжих бухарцев в числе товаров, приобретенных только на деньги, вырученные от продажи ранее не обложенных пошлиной товаров, пушнина и меховые изделия составляли 51,2%. На Ямышевской ярмарке на долю пушнины приходилось в 1640—1655 гг. 16,6%, в 1675—1691 гг. 19,3% цены всех русских товаров.⁹⁸ В этой торговле принимала участие и казна.⁹⁹

Необыкновенно емким рынком для русской пушнины оказался Китай, поставлявший в обмен ходовые в России товары, главным образом различные ткани. Русские торговые люди, не довольствуясь посредничеством бухарцев, уже с середины XVII в. установили прямые связи с Пекином, которые к концу века настолько окрепли, что русско-китайская торговля стала играть заметную роль во внешнеторговом обороте России. В 1696 г. было отправлено в Китай 7849 соболей, 24309 собольих пупков, 586660 белок, 680 норок, 5973 лисицы, 265499 горностаев, 133 рыси, 8241 песец, а также много мехов (сшитых вместе цельных шкурок или их частей): 283 беличьих, 596 заячьих, 113 выдраных, 7 лисьих и 14 песцовых, всего на 47500 руб., в том числе на 34772 руб. было привезено из Европейской России. В Китай везли менее ценную пушнину по ассортименту и даже по качеству. В 1696 г. более половины цены приходилось на горностаев, а довольно многочисленные соболи оценивались всего лишь в 4594 руб.¹⁰⁰

⁹⁶ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. 1, стр. 109.

⁹⁷ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. IV, М., 1959, стр. 202.

⁹⁸ О. Н. Вилков. Китайские товары на Тобольском рынке в XVII в. «История СССР», 1958, № 1, стр. 121.

⁹⁹ В. А. Александров. Из истории русско-китайских экономических связей перед Нерчинским миром 1689 г. «История СССР», 1957, № 5, стр. 205.

¹⁰⁰ В. А. Александров. Русско-китайская торговля и нерчинский торг, стр. 441, 442—446. В. А. Александров приводит здесь сводку вывоза пушнины в Китай за 1691—1697 гг. См. также В. А. Александров. Россия на дальневосточных рубежах. М., 1969, стр. 219 и др.

Другая особенность русско-китайской торговли заключалась в том, что русские товары состояли полностью или почти полностью из пушнины. Наконец, что особенно важно, вся торговля с Китаем находилась тогда в руках русских, либо купцов, либо государства, которое временами вводило на китайский торг монополию. Русским не надо было делить доходы с посредниками, поэтому торговля с Китаем была выгодной. В. А. Александров сообщает, что, по данным 1706 г., соболи в Пекине оценивались в 2—3 раза дороже, чем в Сибири, лисицы красные в 3,5—6 раз, белки в 5—7,5 раза, горностаи в 7,5 раза¹⁰¹. Естественно, что размеры русско-китайской торговли с некоторыми колебаниями непрерывно росли. Так, например, по официальной ведомости, в 1734 г. в Китай вывезли казенной пушнины (частная торговля с Китаем тогда была запрещена) на 100000 руб., в 1740 г. на 100359 руб. 21 коп., в 1744 г. на 102546 руб. 64 коп., в 1753 г. на 146934 руб. 32 коп.¹⁰² После отмены казенной монополии в 1762 г. во второй половине XVIII в. и в первой половине XIX в. в Китай ежегодно вывозили по несколько миллионов белок и много другой пушнины.¹⁰³

Небольшое количество пушнины Россия получала из Средней Азии и от степных соседей через сибирские города. Через тобольскую таможню прошло привезенных из-за рубежа в 1640 г. 463 лисицы, 2 лисьи шубы, 284 корсака, 30 куниц и 27 бобров, в 1645 г. 26 корсаков, в 1650 г. 18 лисиц, в 1656 г. 1083 лисицы и 2 бобра. По несколько десятков лисиц привезли в 1669, 1671, 1672 гг. Через туринскую таможню прошло в 1638 г. 83 лисицы и 5 бобров, в 1646 г. 71 лисица, 110 корсаков, 18 бобров, 18 калмыцких соболей, 20 степных соболей и 5 куниц. Немного лисиц и корсаков привезли в другие годы¹⁰⁴. Однако ввоз пушнины в Россию намного уступал вывозу.

* * *

Торговля пушниной и встречными с ней товарами способствовала росту купеческих капиталов, обладатели которых

¹⁰¹ В. А. Александров. Русско-китайская торговля и нерчинский торг, стр. 463.

¹⁰² ЦГАДА, СП, оп. 1, ч. 8, д. 6374, лл. 26—28.

¹⁰³ Е. П. Силин. Кяхта в XVIII веке. Из истории русско-китайской торговли. Иркутск, 1947, стр. 119; Гагемейстер. Статистическое обозрение Сибири, ч. 1. СПб., 1854, стр. 314.

¹⁰⁴ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. 1, стр. 346—347, 352—353.

были «руководителями и хозяевами» процесса образования всероссийского рынка.¹⁰⁵ Советские историки показали выдающую роль сибирской пушнины, в первую очередь сибирских соболей, в образовании многих крупных купеческих капиталов России XVII в.

К. В. Базилевич, посвятивший специальную работу торговому предпринимательству семьи Босовых (Босых), определяет имущество братьев Кирилла и Василия после их смерти в 1650-х годах примерно в 20 тыс. руб., не считая капитала, вложенного в землю (свыше 2 тыс. руб.), и стоимости устюжского двора, причем эта сумма, по его предположению, ниже оборотов торговли в ее лучший период.¹⁰⁶ Громадные доходы Босые получали от торговли сибирской пушниной. По подсчетам К. В. Базилевича, приказчики Босых вывезли из Сибири в 1637 г. 6702 соболя, в 1638 г. 4940, в 1639 г. 3180, в 1640 г. 342, в 1643 г. 4626, в 1650 г. 6767 соболей и на небольшую сумму другую пушнину.¹⁰⁷ Но устюжские таможенные книги, на которые опирался К. В. Базилевич, учли не весь сибирский привоз Босых, вернее, сохранившиеся книги не учли наибольший размах их торговой деятельности, 7 июля 1643 г. Иван Еремеев Босой, родственник и приказчик Кирилла и Василия, купил в Якутске у 124 торговых и промышленных людей 7468 соболей на 7989 руб. 80 коп. Еще три приказчика Кирилла Босого с 10 октября 1642 г. по 7 июля 1643 г. там же купили у 202 человек 5333 соболя на 5985 руб.¹⁰⁸ 12800 купленных соболей почти на 14 тыс. руб. да еще 434 промышленных соболя за один год только в Якутске — это высшее достижение для всего купечества в сибирском пушном предпринимательстве. В другие годы Босые приобретали поменьше. В 1636 г. в Мангазейском и Енисейском уездах у них было 4919 перекупных соболей, в 1642 г. в Якутии 5392, там же в 1648 г. 4630 перекупных соболей.¹⁰⁹ К этому надо добавить некоторое количество промышленных соболей, изделия из собольего меха, небольшое число

¹⁰⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 154.

¹⁰⁶ К. В. Базилевич. Крупное торговое предприятие в Московском государстве в первой половине XVII века, Л., 1933, стр. 5, 16.

¹⁰⁷ Там же, стр. 8.

¹⁰⁸ ЦГАДА, ЯПИ, оп. 4, д. 92.

¹⁰⁹ Там же, ОП, кн. 84, лл. 79, 80, 82, 94 об., 147 об., кн. 71, лл. 223—224, ЯПИ, оп. 4, д. 62, л. 507 об., д. 270, лл. 28 об., 35 об., 53, 60 об.

шкурки других зверей, а также пушнину, приобретенную в других сибирских городах и в Устюге.

На сибирских промыслах сбывалась большая часть «русских» товаров, отправляемых Босыми в громадных количествах. В декабре 1633 г. И. Е. Босой поехал в Сибирь на 52 лошадях, в декабре 1639 и в январе 1640 г. Босые отправили в Сибирь под товаром 71 лошадь. У них одновременно действовало не менее 25 приказчиков, не считая вспомогательного персонала, из них ежегодно отправлялось в Сибирь по 4—5 приказчиков, всего же там было больше. 6—7 приказчиков действовало в Архангельске, где пушнина сбывалась иностранцам.¹¹⁰

На сибирской пушнине создавались богатства торговых людей вычегжан Осколковых, одно время числившихся крестьянами думного дьяка Ф. Ф. Лихачева.¹¹¹ В 1653 г. некоторые Осколковы были взяты в гостиную сотню.¹¹² Андрей Амосов Осколков с братьями в челобитной царю сообщали, что ездят они «в сибирские города с торжишками и для соболиного промыслу до Верхотурья и до Пелыма и до Туринско-

¹¹⁰ К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 7, 18.

¹¹¹ В примечании редакции к статье С. В. Бахрушина «Торговые крестьяне в XVII в.» сказано, что С. В. Бахрушин ошибался, относя всех Осколковых к крестьянам Ленской волости, принадлежавшей последовательно И. Т. Грамотину, Ф. Ф. Лихачеву и князю И. С. Прозоровскому. Крестьянами Ленской волости были только Яким и Леонтий Федоровы Осколковы с детьми, родственники другой богатой семьи Осколковых — Андрея Амосова с братьями. Эти последние были черносотными крестьянами, жившими в деревне Алексеевской, приписанной к погосту Цылибская гора на р. Вычуге (См. С. В. Бахрушин. Научные труды, т. II, М., 1954, стр. 125—126). Однако в таможенных книгах Якутского и Илимского уездов Андрей Амосов в 1644—1646 гг., Федот в 1645 и 1648 гг., Конон Амосов в 1641 г., Осип в 1641, 1642 и 1644 гг., Иван в 1643, 1644 и 1645 гг. названы торговыми людьми крестьянами или чаще просто крестьянами думного дьяка Ф. Ф. Лихачева (ЦГАДА, ЯПИ, оп. 4, д. 28, лл. 96 об., 112 об., д. 60, л. 79 об., д. 62, л. 226, д. 92, л. 159, д. 128, лл. 91 об., 100 об., д. 117, лл. 13 об., 38, д. 134, л. 167, д. 148, л. 10, д. 152, л. 335, д. 145, лл. 110, 112 об., д. 99, л. 36 об.; оп. 1, д. 9, л. 79). Изредка в 30—40-е годы и постоянно в 50—60-е годы Амосовичи Осколковы и сын Андрея Амосова Никита назывались только торговыми людьми (ЦГАДА, ОП, кн. 22, л. 501, кн. 127, л. 983 об., кн. 145, л. 460; ЯПИ, оп. 4, д. 9, л. 44, д. 415, л. 49, д. 410, л. 35 об. и т. д.). В. А. Александров также отмечает, что торговая семья Осколковых начала свою промысловую деятельность в Сибири, будучи крестьянами думного дьяка Ф. Ф. Лихачева (В. А. Александров. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в., М., 1964, стр. 238).

¹¹² Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в., стр. 780.

го острогу до Тюмени и до Тобольска и до Тары и до Березова и до Сургу́та и до Нарыма и до Кетского острогу и на Красный Яр и на Великую реку Лену». ¹¹³ Здесь перечислены почти все тогдашние сибирские уезды, но главным районом их деятельности была Якутия. Оттуда они вывезли, по С. В. Бахрушину, в 1641 г. на 1067 руб., в 1642 г. 1322 соболя и другой «мягкой рухляди» на 1382 руб. 30 коп., в 1643 г. 1432 соболя и прочего на 1661 руб. 50 коп., в 1652 г. у Герасима Леонтьева Осколкова, возвращавшегося с Колымы, было «соболей... сороков с 80 и больше» ¹¹⁴. Это средние показатели, бывало и много больше. В отдельные годы по количеству приобретенной в Сибири пушнины Осколковы уступали только рекордным покупкам Босых. В 1664 г. у братьев Андрея и Осипа Амосовых в Якутском и частично Илимском уездах было 6124 соболя, среди которых было 156 промышленных соболей, в следующем году — 6122 соболя, в том числе 717 промышленных. В 1654 г. в Мангазейском, Енисейском и частично Якутском уездах у Андрея и Ивана Амосовых с двоюродными братьями было 4728 соболей, из которых 190 промышленных. ¹¹⁵

В таких же масштабах вели торговлю ярославцы братья Нифантий и Аникий Скрыпины, которые в 20—50-е годы систематически скупали пушнину в Мангазейском и Енисейском уездах. В 1637 г. они купили в Мангазейском уезде 3506 соболей и в Енисейском уезде 2645 соболей, всего 6151 соболя и довольно много другой пушнины. В 1640 г. их приказчик купил в Енисейске 5490 соболей. ¹¹⁶ Еще в конце 20-х годов в челобитной царю они писали, что в Мангазейском уезде с их «торжишку и соболиного промыслишку» попадало в государственную казну ежегодно по 10 сороков соболей и больше ¹¹⁷, следовательно, они приобретали не менее 4 тыс. соболей в год.

С Сибирью были связаны наиболее крупные операции гостя Н. А. Светешникова, состояние которого, не считая москов-

¹¹³ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. II, стр. 126.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ ЦГАДА, ЯПИ, оп. 4, д. 117, лл. 13, об. — 14 об., 38—39, д. 123, лл. 115 об., 131, д. 128, л. 91 об., д. 134, лл. 167—172, д. 145, лл. 110—116 об., 121 об., 128 об., д. 152, лл. 33 об., 46 об., д. — 502, лл. 61 об., 65; СП, кн. 504, л. 245, кн. 316, лл. 22 об., 37 об., 38, 91—93 об.

¹¹⁶ Там же, СП, кн. 84, л. 313 об., кн. 95, лл. 918 об.—919, кн. 150, лл. 353, 362 об.

¹¹⁷ Там же, стлб. 12, л. 268.

ской и ярославской недвижимости, в 1664 г. оценивалось в 35500 руб. Торговые агенты Светешникова в отдельные годы везли в Сибирь товаров на суммы свыше 4 тыс. руб. и сами организовывали соболиный промысел в разных сибирских уездах. С. В. Бахрушин, исследовавший предпринимательскую деятельность Надея Светешникова, отмечает, что промысловые предприятия выделяли его из рядовой массы торговых людей, ограничивавшейся главным образом торговлей и ростовщическими операциями. ¹¹⁸ Светешников и в Сибири выделялся среди крупного купечества своими промысловыми предприятиями. В отдельные годы покрученники добывали ему свыше 2800 соболей. В скупке сибирских соболей Светешников уступал некоторым торговым людям, но не многим. ¹¹⁹

Среди крупных предпринимателей, действовавших в Енисейском крае, В. А. Александров выделяет братьев Исаака и Никифора Ревякиных, которые связаны были со всеми другими сибирскими уездами. ¹²⁰ В 1635 г. только в Мангазейском уезде их приказчики явили в таможи 3620 перекупных соболей, в 1637 г. только в Енисейском уезде — 2073 соболя и немного другой пушнины. В эти годы в двух уездах таможенные книги называют 7 их приказчиков. В 50-х годах Ревякины организовывали крупный соболиный промысел. В 1657 г. в Мангазейском уезде было зарегистрировано 1760 соболей, добытых их покрученниками. ¹²¹

На протяжении 30—90-х годов XVII в. от Енисея до Анадыря скупали и сами промыслили пушнину три поколения торговых людей лаличей Воряпаевых, которые дали несколько приказчиков крупным купцам, а некоторые из них потом и сами обзавелись приказчиками и вспомогательным персоналом. В 1659 г. Матвей Яковлев Воряпаев вывез из Якутии 6822 соболя и другую пушнину двухгодичного промысла и перекупа на 7695 руб. 70 коп. ¹²²

С 30-х годов XVII в. до начала XVIII в. крупную торговлю и промыслы вели три поколения гостей Филатьевых. Во

¹¹⁸ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. II, стр. 229—231.

¹¹⁹ ЦГАДА, СП, кн. 22, лл. 137 об., 152, 197, 209, кн. 75, лл. 588, 604, 949, 950 об., кн. 71, лл. 245 об.—258, 305, кн. 95, лл. 221 об.—232 об., 763 об., кн. 271, л. 151 об., кн. 84, лл. 55 об., 77—77 об.

¹²⁰ В. А. Александров. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в., стр. 236.

¹²¹ ЦГАДА, СП, кн. 75, лл. 634—636 об., кн. 95, лл. 873 об.—874 об., 923 об.—924, 955 об., кн. 394.

¹²² ЛОИИ, ЯА, карт. 16, стлб. 35, лл. 26—29.

время наибольшего расцвета сибирского соболиного промысла Филатьевы в Сибири по размерам промыслового и торгового предпринимательства несколько уступали перечисленным торговым людям, зато, по выражению И. С. Макарова, отличались наибольшим постоянством во второй половине XVII в. На Сольвычегодской ярмарке в 50—70-е годы доля Остафия Филатьева в общем обороте временами достигала 100% и не опускалась ниже 25%.¹²³ В Центральной Якутии в 1679 г. из 2644 промышленных соболей 1548 (58,5%) добыли 115 покрученников Остафия Филатьева.¹²⁴ К 1690 г., как полагает В. А. Александров, имущество и торговые обороты Филатьевых по заниженным сведениям оценивались в 16 тыс. руб.¹²⁵

Крупную торговлю сибирской пушниной вели десятки купцов. Здесь приведены примеры наибольших торговых и промысловых успехов отдельных представителей русского купечества. Средние годовые операции были много меньше. Однако надо учесть, что богатые купцы наживались еще на внешней торговле сибирской пушниной и на ростовщичестве, ссужая менее состоятельных торговых и особенно промышленных людей.¹²⁶ К. В. Базилевич не так уж много преувеличивал, утверждая, что на эксплуатации сибирской колонии создавалось и росло большинство крупных капиталов в России в конце XVI и на протяжении XVII в.¹²⁷ На торговле сибирской пушниной приумножались богатства многих представителей мелких и средних слоев купечества.

¹²³ И. С. Макаров. Указ. соч., стр. 167.

¹²⁴ ЦГАДА, ЯПИ, оп. 4, д. 1235, лл. 27—37.

¹²⁵ В. А. Александров. Русско-китайская торговля и нерчинский торг в конце XVII в. «К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.)». М., 1958, стр. 436.

¹²⁶ В России в XVII в. «основными представителями ростовщического промысла являлись купцы. Торговый и ростовщический капитал выступал в условиях XVII в., не обособившись друг от друга» (Я. С. Боровой. Ростовщичество, казенные ссуды и государственный долг в процессе первоначального накопления в России. «К вопросу о первоначальном накоплении в России». М., 1958, стр. 499). О ростовщических операциях купцов в Сибири, см.: С. В. Бахрушин. Научные труды, т. II, стр. 230—231, т. III, ч. 1, стр. 206—207 и др.; В. А. Александров. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в., стр. 239—241.

¹²⁷ К. В. Базилевич. Крупное торговое предприятие в Московском государстве в первой половине XVII века, стр. 25.

2. Пушнина в государственном бюджете

В составе дани пушнина поступала в государственную казну при первых киевских князьях. Лаврентьевская летопись сообщает, что в 946 г. древляне предложили княгине Ольге дань «медом и скорою».¹²⁸ По преданиям, записанным в летописях, славяне платили дань варягам и хазарам по «белеи веверице от дыма», или «от мужа по белеи веверици».¹²⁹ То же сообщает восточный автор Ибн-Фадлан: «На царе «славян» лежит дань, которую он платит царю хазар: от каждого дома в его государстве — шкуру соболя».¹³⁰ Однако, как считает Б. Д. Греков, в X в. дань в ряде случаев уже собиралась деньгами.¹³¹

Натуральная дань лишь постепенно вытеснялась денежной. Еще в середине XII в. натуральная ее форма была хорошо известна на Руси. По сообщению Плано Карпини, проезжавшего в 1245 г. через Южную Русь в Монголию и в 1246—1247 гг. тем же путем обратно, ханы Гуюк и Батый прислали на Южную Русь баскака, который брал одного из трех сыновей, захватил всех неженатых мужчин, незамужних женщин и нищих, остальных перечислил и обложил данью. «Каждый человек мужеского пола, какого бы возраста и состояния ни был, обязан был платить по меху медвежью, бобровому, соболиному, хорьковому и лисьему; кто не мог заплатить, того отводили в рабство».¹³² Едва ли все здесь можно принять на веру, но выплата дани пушниной весьма вероятна. Однако уже во второй половине XIII в. «выход» (дань) в Золотую орду платили, по-видимому, только деньгами. Так заставлял считать передача сбора дани в Северо-Восточной Руси на откуп. По словам В. Н. Татищева, опиравшегося на какой-то источник, великий князь Василий Ярославич в 1275 г. «привез хану по полугривне с сохи».¹³³ В XIV—XV вв. ордынская дань уже безусловно вносилась деньгами. В 1321 г.

¹²⁸ ПСРЛ, т. 1. М., 1962, стр. 58.

¹²⁹ ПСРЛ, т. 1, стр. 19; Новгородская первая летопись. М.—Л., 1950, стр. 106.

¹³⁰ А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 140.

¹³¹ Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XIII вв., ч. 1, стр. 97.

¹³² С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 1. Изд. «Обществ. Польза», СПб., стр. 840—841.

¹³³ В. Н. Татищев. История Российская с самых древнейших времен, кн. 4. СПб., 1784, стр. 47.

великий князь Юрий Данилович не допустил самостоятельной отправки тверским князем Дмитрием Михайловичем дани в Орду, «поймал серебро у Михайловичей выходное», «и докончаша мир на дву тысячах рублей серебра».¹³⁴ В 1409 г. правитель Золотой орды князь Едигей спрашивал великого князя Василия I, «где ся деят» то серебро, которое тот брал в своей «державе» «з двух сох рубль».¹³⁵ После Куликовской битвы в княжеских договорах золотоордынская дань с разных земель рассчитывалась только в деньгах.¹³⁶ Деньгами давали подарки в Золотую орду и выплачивали контрибуции. В 1392 г. Василий I давал «многое золото и серебро» хану Тохтамышу и его князьям.¹³⁷ Новгород в 1428 г. откупился от литовского великого князя Витовта, уплатив ему 15 тыс. руб., в 1471 г. новгородцы «добили челом» Ивану III 16 тысячами новгородских рублей серебром, не считая подарков князьям и боярам.¹³⁸

В XV—XVI вв. пушнину с русского населения в качестве дани брали, по-видимому, лишь в порядке исключения. Удельный князь Михаил Андреевич в жалованной грамоте митрополиту (1473—1486 гг.) на села и деревни митрополичьего Белозерского Воскресенского Череповецкого монастыря освобождал крестьян от дани и пошлин, за исключением оброка белками: «А дают те митрополичичи христиане с тех митрополичих сел и деревень моему казначею или моему даньщику в мою дань оброком сто бел».¹³⁹ Возможно, что натурой взималась «писчая белка», от которой освобождались митрополичьи села в Переяславском уезде по жалованной грамоте Ивана III 1463 г.¹⁴⁰ и по другим жалованным грамотам XV в.¹⁴¹ «Запись» 1538—1539 г. о приеме податей и поминков с Куростровской волости Двинского уезда называет «белош-

¹³⁴ ПСРЛ, т. 7. СПб., 1856, стр. 198; т. 25, М.—Л., 1949, стр. 166.

¹³⁵ СГГД, ч. 2. М., 1819, № 15.

¹³⁶ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950, стр. 31, 34, 43, 44, 49, 74.

¹³⁷ ПСРЛ, т. 11. М., 1965, стр. 147.

¹³⁸ Псковские летописи, вып. 2. М., 1955, стр. 42; ПСРЛ, т. 25, стр. 291. По другим сведениям, новгородцы уплатили Ивану III 15,5 тыс. (Устюжский Летописный Свод. М.—Л., 1950, стр. 89) или 18 тыс. руб. (Псковские летописи, вып. 2, стр. 55).

¹³⁹ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв., ч. 1. М., 1951, стр. 246.

¹⁴⁰ Там же, стр. 114.

¹⁴¹ Там же, стр. 86, 158, 178, 196, 202, 203, 204, 215, 216.

ную дань и горносталя»¹⁴². Однако в грамоте 1557 г. земским властям Двинской земли натуральная подать остается только в названии и заменяется денежной: «за белку и за горносталя и обежную дань и ямские деньги и за поральную белку и за морской оброк... и всякие оброки» 682 руб. 21 коп.¹⁴³ Деньгами брали в 1577 г. на Двине «за поральную белку», в 1587 г. в Сольвычегодском уезде «за ростовую белку» и «за выводную куницу», там же в 1591 г. «за поминочные черные соболя», в 1597 г. «за поминочные черные соболя» и «ростовую белку», в 1601 г. «за поминочные за черные соболя».¹⁴⁴

В 1425 г. новгородцы взяли с устюжан контрибуцию («окуп») в 50000 белок и 6 сороков соболей за то, что те воевали Заволочье,¹⁴⁵ но устюжане, в свою очередь, получили пушнину с нерусского населения.

Приведенные примеры, разумеется, не исчерпывают вопроса о значении пушнины в государственном бюджете страны, но и они с очевидностью показывают, что натуральная дань с русского населения пушминой, игравшая большую роль в начальный период Киевской Руси, в XIV—XV вв. утратила существенное значение. В то же время увеличивались поступления пушнины в новгородскую, а затем и в московскую казну за счет дани с нерусского населения северных и восточных окраин России и за ее пределами.¹⁴⁶ Не позднее XVI в. вводится десятинный натуральный сбор с пушного промысла. Во второй половине XVI в., когда меха поступали в качестве дани с Югорской земли, временами с Сибирского ханства, частично в виде натурального ясака с местного населения Казанского Поволжья и в порядке десятинного сбора с русской промысловой охоты, пушнина второй раз в русской истории становилась заметной составной частью государственного бюджета, теперь уже за счет эксплуатации нерусского населения окраин и поступлений с товарного частного промысла. Изменялся качественный состав казенной пушнины, среди которой стали преобладать наиболее ценные соболя меха. Но до присоединения Сибири перелом в значении пушнины для государства не произошел, он только намечался, во многом определяя восточную политику правительства.

¹⁴² П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950, Документы, стр. 418.

¹⁴³ Там же, стр. 429.

¹⁴⁴ Там же, стр. 485, 494, 497, 504, 505, 516.

¹⁴⁵ Новгородская первая летопись, стр. 415.

¹⁴⁶ См. главу 1.

Второй и тоже сравнительно кратковременный период наполнения государственной казны пушниной приходится на XVII в.

Современники не оставили сколько-нибудь надежных показателей о государственном доходе в XVII в. и доле в нем сибирской и вообще всякой пушнины. Сохранившиеся известия принадлежат недостаточно осведомленным людям. Шведский резидент И. де Родес стоимость поступавшей ежегодно в казну пушнины на 50-е годы определял в 20—30 тыс. руб.¹⁴⁷, а бывший дьяк Г. К. Котошихин, который, правда, признавался, что писал «не в память», наугад, считал, что в 60-е годы казна получала мехов больше чем на 600 тыс. руб. в год.¹⁴⁸ Противоречия между ними разительны.

В действительности государство получало больше, чем показано Родесом, который не имел официальной информации, и меньше предполагаемого Котошихиным. В 1614 г. (с 2 сентября 1613 по 30 августа 1614 г.) в Казенный приказ из Казанского дворца, ведавшего тогда Сибирью, поступило пушнины на 20,2 тыс. руб. в основном по московской цене,¹⁴⁹ но возможно, что это был не весь годовой сбор. В проекте росписи, представленной земскому собору 1616 г., пушнина составляла 40092 руб.,¹⁵⁰ вероятно, с остатком от предыдущего года. Только соболиная казна ежегодно в среднем по сибирским ценам стоила в 20-е годы 24,2 тыс. руб., в 30-е годы 46,1 тыс., в 40-е годы 71,9 тыс., в 50-е годы 104,7 тыс., в 60-е годы 101,9 тыс., в 70-е годы 99,8 тыс., в 80-е годы 71,0 тыс. руб.¹⁵¹ Московская цена соболей, как правило, была значительно выше. Кроме того, государство получало из Сибири несоболиную пушнину. В 1647 г., например, несоболиная пушнина ясачного сбора была оценена в Сибири на 6 с лишним тыс. руб.¹⁵² Пушниной выплачивали некоторую часть ясака башкиры,¹⁵³ а также поступал небольшой сбор таможенной десятинной пошлины с промыслового населения некоторых поморских уездов.¹⁵⁴ В 1680 г. из Сибири прислали в Москву

¹⁴⁷ Б. Г. Курц. Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса, стр. 161.

¹⁴⁸ Г. К. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1840, стр. 73.

¹⁴⁹ РИБ, т. 9. СПб., 1884, стр. 20—42.

¹⁵⁰ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. IV, стр. 11.

¹⁵¹ См. ниже табл. 2.

¹⁵² См. табл. 28, гл. 5.

¹⁵³ А. Н. Усманов. Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1960, стр. 143.

¹⁵⁴ ДАИ, т. 3, стр. 77, 78, 81—82, т. 4, стр. 340.

казенных товаров, в основном пушниной, на 102027 руб.¹⁵⁵ В 1694 г. государство получило в Сибири в качестве ясака и таможенной пошлины пушнины (вместе с некоторым количеством китайских товаров) по сибирским ценам на 70740 руб. 28 коп., а по московской цене на 80387 руб. 39 коп.¹⁵⁶

Сведения о государственном бюджете XVII в. скуднее. С. В. Бахрушин, без ссылки на источник, пишет, что в 1616 г. «мягкая рухлядь» составляла около 16% всего расходного бюджета,¹⁵⁷ который при стоимости пушнины в 40 тыс. руб. должен был исчисляться примерно в 250 тыс. руб. Правительство Михаила Федоровича получило в наследство от предшественников «пустую казну и расстройство всей финансовой системы».¹⁵⁸ С ликвидацией последствий интервенции казенные доходы должны были быстро увеличиться, но проследить их рост не удастся. К 70-м годам относится сообщение Рейтенфельса, римского посла в Москве в 1670—1673 гг., по которому ежегодный доход России значительно превышал 2 млн. руб., или венгерских червонцев.¹⁵⁹ Он, вернее, тот, от кого он получил сведения, преувеличил богатства московской казны, потому что по сохранившейся росписи государственных доходов и расходов за 1680 г., опубликованной П. Н. Милюковым, общая сумма прихода составила 1 230 367 руб.¹⁶⁰ Однако, как отмечает С. М. Троицкий, П. Н. Милюков в бюджете 1680 г. не учитывал натурального сбора хлебом на 303 тыс. руб.¹⁶¹ С учетом или без учета хлебных поступлений сибирская казна в 1680 г. составляла 7 или 8% всего прихода.

На протяжении 6 с лишним десятилетий (с 1616 по 1680 г.) отношение казенной пушнины к общему государственному доходу, конечно, не оставалось постоянным. До середины века оно могло колебаться в ту и другую стороны. С 60-х годов, когда началось абсолютное сокращение меховой казны,

¹⁵⁵ П. Милюков. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905, стр. 560.

¹⁵⁶ ЦГАДА, СП, стлб. 1126, лл. 17—23.

¹⁵⁷ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. IV, стр. 11.

¹⁵⁸ Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в., М., 1955, стр. 412.

¹⁵⁹ Яков Рейтенфельс. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. М., 1905, стр. 108.

¹⁶⁰ П. Н. Милюков. Указ. соч., стр. 551—568.

¹⁶¹ С. М. Троицкий. Финансовая политика русского абсолютизма во второй половине XVII и XVIII вв. «Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.)». Сб. М., 1964, стр. 293.

удельный вес пушнины в государственном бюджете стал быстро падать. Нельзя согласиться с К. В. Базалевичем, который, без указания источника, утверждал, что в 60—80-х годах ежегодный приход от сибирской «мягкой рухляди» составлял от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{4}$ всего государственного дохода¹⁶². Даже во второй четверти XVII в. сибирская пушнина едва ли составляла четверть государственного дохода. И все же, учитывая малочисленность населения Сибири, удельный вес меховой казны надо признать огромным.

В XVII в. фактическая доля пушнины в государственном доходе была несколько выше номинальной, потому что соборная казна для правительства была ценнее ее денежного выражения — она была своеобразным валютным фондом. Еще Павел Иовий Новокомский заметил, что в России отсутствие жил или рудников золота и других благородных металлов «возмещается одной торговлей самыми благородными мехами».¹⁶³ Не случайно московское правительство в XVII в. лишь в крайних случаях шло на частичную замену натурального ясака деньгами, неохотно разрешало замену соболей шкурками других зверей и десятинную пошлину с русского промысла получало почти исключительно натурой.

Дополнительный доход казна получала от оптовой продажи мехов богатым торговцам, иногда принудительной, с высоким процентом прибыли. Известный гость В. Г. Шорин, неоднократно бравший крупные партии казенных мехов для распродажи, в 1639 г. в челобитной писал, что в 1632, 1633, 1634, 1635 и 1636 гг. он взял из Казанского дворца соболей на 2900 с лишним руб. «и с наддачею дорогою ценою» с обязательством уплатить в 1639 г., но и половины не продал, потому что соболи были «старые, ветхие».¹⁶⁴ В 1647—1650 гг. он трижды брал из Сибирского приказа¹⁶⁵ в долг для продажи соболей всего на 13 250 руб. с обязательством уплатить через год с надбавкой 20% к казенной цене.¹⁶⁶ Другой гость,

¹⁶² К. Базилевич. «Торговый капитализм» и генезис московского самодержавия в работах М. Н. Покровского. «Против исторической концепции М. Н. Покровского». Сб., ч. 1. М.—Л., 1939, стр. 169.

¹⁶³ Павел Иовий Новокомский. Книга о московитском посольстве. СПб., 1908, стр. 267.

¹⁶⁴ ЦГАДА, СП, стлб. 73, л. 560.

¹⁶⁵ В 1637 г. во вновь учрежденный Сибирский приказ из Казанского дворца были переданы все дела по управлению Сибирью.

¹⁶⁶ Д. И. Тверская. К вопросу о роли купечества в процессе формирования всероссийского рынка в XVII в. «Новое о прошлом нашей страны». М., 1967, стр. 293.

Надея Светешников, в 1640 г. подавал челобитную о продаже ему казенной пушнины на 10000 руб., а в 1646 г. на нем числился долг за «мягкую рухлядь» на 6570 руб.¹⁶⁷ Если купцам не удавалось занижить казенную цену пушнины (в Сибирском приказе «мягкую рухлядь» оценивали наиболее влиятельные торговые люди), они должны были отыгрываться на покупателях.

С выгодой для себя правительство выплачивало мехами часть жалованья должностным лицам. И. Ф. Кильбургер пишет, что во время его пребывания в Москве в 1670-х годах жалованье большею частью всех служащих, особенно немцев, уплачивалось из царской казны товарами, «однако же они обыкновенно так высоко оцениваются зрителями, что при этом большею частью должны терять третью часть»¹⁶⁸. Саксонек Г. А. Шлейссингер, побывавший в 1684—1686 гг. в Москве (в составе посольства Саксонского герцогства), пишет, что немецкие офицеры и другие царские слуги в Москве вместо жалованья получают соболей¹⁶⁹. Католический священник Иржи Давид, живший в Москве во второй половине 80-х годов, также отмечает, что «офицерам половина жалованья дается деньгами, половина — соболями шкурками или какими-нибудь другими, которые сильно обесценены, так что при продаже они едва получают за них половину».¹⁷⁰ Может быть, чиновникам и офицерам не половину жалованья выплачивали товарами, но сам этот факт не вызывает сомнений. Так, например, в декабре 1677 г. по «памяти» из Аптекарского приказа в счет полугодового жалованья докторам, алхимику, иноземным и русским лекарям и русским костоправам и ученикам были выданы соболи¹⁷¹. Соболями награждались особенно отличившиеся на царской службе. За подавление народного восстания в Москве в 1662 г. полковник Д. Крафорт получил серебряный ковш и 40 соболей, 75 офице-

¹⁶⁷ Н. Н. Оглоблин. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа, т. 4. М., 1901, стр. 90, 71.

¹⁶⁸ Б. Г. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле, стр. 173.

¹⁶⁹ Г. А. Шлейссингер. Полное описание России. «Вопросы истории», 1970, № 1, стр. 114.

¹⁷⁰ Иржи Давид. Современное состояние Великой России, или Московии. «Вопросы истории», 1968, № 3, стр. 97.

¹⁷¹ Н. Н. Оглоблин. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа, т. 4, стр. 174.

ров, в большинстве иностранцы, за такую же «службу» получили по паре соболей.¹⁷²

Еще большее значение имела пушнина во внешних сношениях. Соболей посылали в дар иностранным правителям и придворной знати, ими одаривали иностранных послов в Москве. Например, в 1613 г. было послано в Крым «к царю, к царицам и к царевичам поминков, а к князем и к мурзам его государева жалования» 922 соболя на 817 руб. 65 коп.¹⁷³ В 1635 г. в Посольский приказ для литовских послов отобрали 1640 соболей на 2600 руб.¹⁷⁴ В 1674 г. в росписи царского жалования членам шведского посольства числится 2260 соболей на 3693 руб. 50 коп.¹⁷⁵ Немалую прибыль должна была приносить внешняя торговля казенными соболями, если послам, отправляемым в западноевропейские государства, наряду с дипломатическими поручениями, давались и торговые: они должны были продавать там соболей и различное русское сырье и покупать нужные государству товары.¹⁷⁶

Государство получало еще денежный доход от частной торговли мехами, собирая с торговцев различные пошлины.

С учетом всех дополнительных прибылей пушнина в 1680 г. давала не менее 10% всей доходной части государственного бюджета. В 40—50-х годах ее доля была раза в два больше.

3. Сибирская пушнина в XVII в. и последующее время

С XVII в. основная масса пушнины в казну и на рынки поступала из Сибири. Сибирская пушнина стала играть крупную роль в торговле и финансах. Значение ее неизмеримо возросло по сравнению с предшествующим временем. Однако чтобы лучше представить себе место пушнины в экономике России XVII в., полезно было бы сравнить поступления сибирских мехов в последующее время до конца феодальной эпохи.

В литературе нет сводных данных о добыче сибирской пушнины в XVIII и XIX вв. Промысел пушнины был очень неравномерным. В силу различных причин, рассматриваемых в

¹⁷² В. И. Буганов. К вопросу о московском восстании 1662 года. «Вопросы истории», 1959, № 5, стр. 171.

¹⁷³ РИБ, т. 9, стр. 177—180.

¹⁷⁴ ЦГАДА, СП, столб. 58, лл. 622—623.

¹⁷⁵ В. Г. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле, стр. 562—564.

¹⁷⁶ Н. А. Бакланова. Указ. соч., стр. 21.

последующих главах, менялось соотношение в добыче отдельных видов пушных зверей и их цен, изменялись направления основных потоков пушных товаров, социальный состав потребителей, несколько смещались центры промысловой охоты, не составлял постоянной величины удельный вес Сибири в общероссийском пушном деле, но здесь нет и необходимости детально проследивать динамику сибирского пушного промысла на протяжении всего позднего феодализма. Достаточно определить общую тенденцию роста или падения добычи в каждом из трех столетий.

За отправную точку для сравнения можно взять середину XVII в., когда добыча пушнины достигала высшего для столетия предела. Это видно из таблицы 2 о поступлениях главного в то время пушного богатства — соболей. Источники позволяют подробно проследить результаты соболиного промысла только за 7 десятилетий, но совершенно очевидно, что в предшествующее и последующее до конца века время добыча была меньше. Чтобы, сравнивая, избежать случайностей при неравномерной по годам добыче и непостоянстве цен¹⁷⁷, в таблице приняты усредненные годовые показатели по десятилетиям.

Высшая ежегодная добыча соболей (145,4 тыс. штук) приходилась на 40-е годы, а по их стоимости (225,3 тыс. руб.) — на 50-е годы¹⁷⁸, превышая среднюю за 70 лет в 1,4 раза. В отдельные годы она была выше. В 1647 г. соболи оценивались в 234,4 тыс. руб. Кроме того, тогда было добыто несоболиной пушнины на 13,7 тыс. руб. Всего получается 248,1 тыс.,¹⁷⁹ округленно около 250 тыс. руб.

К концу XVII в. добыча пушнины упала — по разовым, не усредненным, поэтому менее надежным данным за 1699 г. — почти в 2,5 раза, составляя всего 106,6 тыс. руб., в том числе соболей на 58 тыс. руб. по местным сибирским ценам¹⁸⁰.

Пушной промысел в Сибири XVIII в. почти совсем не изучен, в литературе нет сопоставимых систематических показателей, поэтому приходится ограничиваться отдельными примерами. В таблицах 3 и 4 показаны, по официальным ведомостям, вывоз «купецкими людьми» пушнины из Сибири в Россию, привоз из России в Сибирь в 1752 и 1753 гг. и по-

¹⁷⁷ Эти данные см. в приложении.

¹⁷⁸ Подорожание соболей частично связано с освоением новых угодий с более ценным мехом зверей.

¹⁷⁹ См. табл. 28, гл. 5.

¹⁸⁰ Там же. Причины этого падения рассмотрены в главе 5.

Таблица 2

**ОБЩАЯ ДОБЫЧА СОБОЛЕЙ В СИБИРИ
И ИХ ЦЕНА в 20—80-е ГОДЫ XVII в.
В СРЕДНЕМ ЗА ОДИН ГОД ПО ДЕСЯТИЛЕТИЯМ**
(тыс. штук, тыс. руб.)¹

Годы	Общая добыча		В том числе досталось			
	соболей	цена	частным лицам (за вычетом десятиной пошлины)		государству	
			соболей	цена	соболей	цена
1621—1630	103,7	83,0	63,4	58,8	40,3	24,2
1631—1640	130,8	167,1	82,2	121,0	48,6	46,1
1641—1650	145,4	208,2	85,7	136,3	59,7	71,9
1651—1660	118,4	225,3	57,2	120,6	61,2	104,7
1661—1670	99,2	183,5	39,0	81,6	60,2	101,9
1671—1680	85,0	158,6	30,9	58,8	54,1	99,8
1681—1690	42,3	109,8				
Всего за 70 лет	7248,0	11355,0	3705,0	6159,0	3543,0	5196,0
Среднегодовая за 70 лет	103,5	162,2	52,9	88,0	50,6	74,2

¹ См. табл. 12, 13, 18, гл. 5.
Цены сибирские уездные.

ступление сибирской пушнины в казну в 1757 и 1760 гг. Сравнение данных за два смежных или близких года заставляет осторожно относиться к отдельным примерам. Значительно отличаются количество, цена и общая сумма пушнины. Так, в 1753 г. купцы вывезли из Сибири примерно в полтора раза меньше соболей, чем в предыдущем году, а по цене — почти в 2,5 раза. Удельный вес соболей в общей массе пушнины снизился за один только год с 23,9 до 10,6%. Горностаев в 1753 г. по сравнению с 1752 г. вывезли в 3,2 раза меньше по количеству шкурок и в 4,1 раза меньше по цене, а удельный вес их упал с 16,4 до 4,3%. Вывоз белок, наоборот, увеличился в натуральном исчислении в 1,8 раза, по цене — в 1,6 раза. Белки меньше подешевели. Удельный вес этих зверьков поднялся с 35,6 до 60,9%. Вывоз белок продолжал расти, если судить по таможенному сбору 1757 г., когда государству досталось $\frac{3}{4}$ миллиона, а средняя цена белки с 1752 по 1760 г.

Таблица 3

**ВЫВОЗ КУЩАМИ ПУШНИНЫ ИЗ СИБИРИ В РОССИЮ
И ПРИВОЗ ИЗ РОССИИ В СИБИРЬ в 1752 и 1753 гг.¹**

Наименование пушнины	Вывоз в 1752 г.				Привоз в 1753 г.			
	колич- ество	цена, руб.	сумма и %	4	колич- ество	цена, руб.	сумма и %	7
1	2	3	4	5	6	7		
Соболи: шкурки	3999	23465,24	23798,37	—	—	—	—	—
хвосты	1266	177,05	23,9%	—	—	—	—	—
меха	1	100,00	—	—	—	—	—	—
лапы	1402	56,08	—	—	—	—	—	—
Бобры (и подчереви)	158	86,15	3613,40	2701	3441,58	—	3441,58	24,5%
» камчатские	189	3519,25	3,6%	—	—	—	—	—
хвосты	22	8,00	—	—	—	—	—	—
Лисицы: шкурки	3878	10441,20	—	2296	2104,40	—	—	—
хребты	—	0,60	—	1977	728,60	—	—	—
челмы	3	—	—	—	—	—	—	—
меха	2	100,00	10541,80	114	953,00	—	4837,41	34,5%
обшлага	—	—	10,6%	6	3,50	—	—	—
лапы	—	—	—	23420	969,41	—	—	—
поскуты	—	—	—	33	78,50	—	—	—
Песцы: шкурки	3546	2339,95	—	260	55,00	—	—	—
хребты	—	—	—	1080	140,00	—	—	—
меха	2	22,50	2,4%	44	88,00	—	—	—
лапы	—	—	—	930	32,00	—	—	—
Куницы: шкурки	9	1,35	—	960	376,00	—	—	—
лапы	—	—	—	2270	46,75	—	—	—

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4	5	6	7
Белки: шкурки меха	777912 49	35118,54 307,50	35426,04 35,6%	300	10,50	10,50 0,1%
Зайцы: шкурки одеяла	39176 1	1076,65 1,25	1077,90 1,1%	—	—	—
Волки: шкурки хребты лапы	3740 23 100	3696,90 17,80 0,75	3715,45 3,7%	—	—	—
Корсаки: шкуры	12	4,80	4,80	—	—	—
Горностаи: шкурки меха	156460 1	16271,53 12,00	16283,53 16,4%	6600	270,00	270,00 1,9%
Выдры: шкурки	124	193,90	193,90 0,2%	2493	4633,10	4633,10 0,8%
Прочие звери ²		2476,28	2476,28 2,5%		112,56	112,56 0,8%
Итого:		99495,28	100%		14042,90	100%
Вывоз в 1753 г.						
Соболы: шкурки хвосты	2615 1428	9628,75 208,74	9837,49 10,6%	3200	3328,00	3328,00 8,7%
Бобры (и лодчереvesи) » камчатские хвосты	39 86	544,00 27,50	571,50 0,6%	4226	5593,60	5593,60 14,7%
Привоз в 1753 г.						

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4	5	6	7
Лисицы: шкурки хребты челы меха нолы лапы	1264 — — 1 —	3220,00 — — 10,00 —	3230,00 3,5%	6098 7440 2570 567 4 14640	5999,80 1100,00 502,95 2833,75 2,00 1322,22	11760,72 30,9%
Песцы: шкурки хребты меха одеяла лапы	17921 8 1 —	12239,10 142,00 30,00 —	12411,10 13,3%	361 281 61 960	86,40 110,00 191,00 20,00	407,40 1,1%
Куницы: шкурки лапы	29 —	11,30 —	11,30	10 2225	1,50 23,20	24,70 0,1%
Белки: шкурки меха	1386899 52	56453,11 179,00	56632,11 60,9%	23000	1068,00	1068,00 2,8%
Зайцы: шкурки меха	30532 —	1108,45 —	1108,45 1,2%	240	264,00	264,00 0,7%
Волки: шкуры	4303	3643,35	3643,35 3,9%	2	0,80	0,80
Корсаки: шкуры	—	—	—	3041	1672,55	1672,55 4,4%
Горностаи: шкурки меха	49486 1	3976,22 7,00	3983,22 4,3%	27100	2402,25	2402,25 6,3%

Продолжение табл. 3						
1	2	3	4	5	6	7
Выдры: шкурки	15	14,90	14,90	5378	11479,45	11479,45
Прочие звери ²		1627,65	1627,65		41,17	30,2%
			1,7%			41,17
Итого:		93071,07	100		38043,64	0,1%
						100

¹ ЦГАДА, СП, ол. 2, д. 41, лл. 16—17 об.

² В привозе и вывозе: кошки, рыси, колонки, росомачи; только в вывозе: ласки, медведи, хорьки, барсы, бабры (шкурки тигров), кошки морские; только в привозе: кролики.

Таблица 4

ПОСТУПЛЕНИЕ ПУШИНЫ ИЗ СИБИРИ
В ГОСУДАРСТВЕННУЮ КАЗНУ
в 1757 г.¹

Наименование пушины	Таможенный сбор (и очень мало конфискованной)			Ясачный сбор (и очень мало купленной)		
	колич- ество	цена, руб.	сумма и %	колич- ество	цена, руб.	% от цены
	2	3	4	5	6	7
1						
Соболы: шкурки	1603	2292,57	2335,57	16061	50902,58	47,4
хвосты	193	27,10	6,4%	—	—	—
лапы	1290	15,90	—	—	—	—
Лисицы: шкурки	2022	1918,41	2509,61	20960	32725,83	30,5
хребты	226	97,35	6,9%	—	—	—
меха	73	279,50	—	—	—	—
лапы	2326	214,35	—	—	—	—
Бобры, в том числе	671	1238,20	1552,20	3878	3664,32	3,4
русские	16	314,00	4,3%	—	—	—
» камчатские	4908	2484,65	2544,34	4236	1462,10	1,4
Песцы: шкурки	6	32,00	7,0%	—	—	—
меха	2957	27,69	—	—	—	—
лапы	146	49,39	49,39	85	24,80	0,1
Куницы: шкурки			0,1%			
Белки: шкурки	724249	22149,29	22208,29	474556	10993,42	10,2
меха	14	59,00	60,9%	—	—	—
шубы	—	—	—	2	2,00	—

Продолжение таблицы 4

1	2	3	4	5	6	7
Зайцы: шкурки меха одеяла	9834 355 187	329,89 276,50 188,80	795,19 2,2%	— — —	— — —	—
Волки: шкуры	505	411,91	411,91	817	885,12	0,8
Корсаки: шкуры	327	110,97	1,1% 110,97	—	—	—
Горностаи: шкурки	21740	2770,75	0,3% 2770,75	99005	5675,60	5,1
Прочие звери ²		1160,18	7,6% 1160,18 3,2%		1236,58	1,1
Итого:		36448,40	100		107372,35	100
в 1760 г.						
Соболы: шкурки хвосты лапы	751 84 2023	1247,31 10,88 23,94	1282,13 5,8%	13333	29440,77	40,1
Лисицы: шкурки хребты меха душки лапы	1430 384 ? 148 12376	1272,50 169,90 ? 4,80 502,50	1949,70 8,9%	16686	30996,46	42,2
Бобры, в том числе русские » камчатские	1122 18	1085,40 199,20	1284,60 5,8%	1803	1830,58	2,5

Продолжение таблицы 4

1	2	3	4	5	6	7
Песцы: шкурки меха лапы	4139 ? 2483	1943,19 ? 34,65	1977,84 9,0%	3716	2029,45	2,8
Куницы: шкурки лапы	27 1815	12,10 12,42	24,52 0,1%	2	0,60	—
Белки: шкурки меха	425113 ?	11784,87 ? ?	11784,87 53,5%	226284	5854,22	7,9
Зайцы: шкурки меха одеяла	42872 35 14	937,70 23,70 13,20	974,60 4,4%	— — —	— — —	—
Волки: шкуры	103	106,70	106,70 0,5%	422	463,27	0,6
Корсаки: шкуры	692	352,60	352,60 1,6%	—	—	—
Горностаи: шкурки	16306	1175,35	1175,35 5,3%	22672	1769,90	2,4
Прочие звери ²		1117,27	1117,27 5,1%		1096,32	1,5
Итого:		22030,18	100%		73481,57	100

¹ ЦГАДА, СП, оп. 1, ч. 8, д. 6374, лл. 10—92 об., 247—254.

² В таможенном и ясажном сборах: росамахи, выдры; только в таможенном сборе: хорьки, ласки, норки, медведь, кошки, сурки, коты, морские, выхухоли; только в ясажном сборе: рыси, бабры (шкуры тигров).

* 187 лисичьих, белых и песцовых мехов, оцененных в 654 руб., в ведомостях показаны суммарно. Здесь цена их отнесена к «прочей» пушине.

снизилась с 4,5 до 3 коп. Изменилось соотношение вывоза и ввоза пушнины: сумма вывоза уменьшилась на 6,5%, а ввоза в Сибирь всего лишь за год возросла в 2,7 раза. Велики колебания и в казенных сборах, которые в 1760, по сравнению с 1757 г., сократились по цене примерно в полтора раза. При этом ясачные соболи за отмеченное время в полтора раза подешевели, а лисицы подорожали в 1,2 раза. Поэтому при одинаковом сокращении за сравниваемое время количества соболиных и лисьих шкурок на $\frac{1}{4}$ удельный вес соболей снизился с 47,4 до 40,1%, а удельный вес лисиц поднялся с 30,5 до 42,2%.

О состоянии пушного промысла приблизительно можно судить по вывозу ее продукции, но она не вся отправлялась в год добычи, к тому же нельзя полностью доверяться официальной статистике. И все-таки общие изменения по сравнению с серединой XVII в. выступают достаточно отчетливо.

В частном промысле соболь давно утратил былое значение. В вывозе из Сибири на его долю в 1752 г. приходилось 23,9%, в 1753 г. 10,6%, в таможенном сборе 1757 г. 6,4% и 1760 г. — 5,8%. Первое место по стоимости заняла белка. В вывозе 1752 г. цена белок составила 35,6%, а в 1753 г. и в таможенных сборах 1757 и 1760 гг. более половины цены всей пушнины. Но беличий промысел в середине XVIII в. далеко не сравнялся по значению с соболиным промыслом середины XVII в. В XVIII в. заметное место принадлежало лисицам, песцам и горностаям.

Из Европейской России в Сибирь в середине XVIII в. привозили меха тех зверей, которыми последняя была небогата: больше всего лисиц, выдр и бобров; их удельный вес в 1752 г. составлял 92% и в 1753 г. 75,8%. При этом во ввозе в Сибирь большой процент составляли обработанные меха и заготовки для одежды.

Натуральный состав ясака не претерпел таких резких изменений. В 1757 г. соболям здесь принадлежало первое место, в 1760 г. — второе после лисиц. Значение белок в ясачном сборе несколько возросло по сравнению с серединой XVII в., но по-прежнему оставалось второстепенным. Из меховых изделий в составе ясака за 1757 и 1760 гг. оказалось всего 2 беличьих шубы.

Для сравнения с XVII в. удобнее взять средние показатели за два смежных года середины XVIII в.: по 96283 руб. в год стоила пушнина, вывезенная купцами, и по 119666 руб. — пушнина таможенного и ясачного сборов. К этому надо доба-

вить вывоз в Китай казенной пушнины, в 1753 г. оцененной на 146934 руб.¹⁸¹. В состав вывозившейся в Китай пушнины, по крайней мере частично, включались таможенный и ясачный сборы, уже учтенные по рассмотренной выше ведомости. Однако какого-либо исключения из общей суммы 362 883 руб. лучше не делать, потому что официальные ведомости о частном промысле и торговле явно не полны, что видно из несоответствия громадных таможенных сборов сравнительно небольшому вывозу в Европейскую Россию. Большая часть пушнины частного промысла скупалась казной для отправки в Китай, какую-то часть пушных товаров купцы отправляли туда контрабандой.¹⁸² В XVIII в. больше, чем в предыдущем столетии, потреблялось пушнины в самой Сибири, правда, скорее за счет привозных выделанных мехов, как видно из ведомости о привозе пушных товаров.¹⁸³

Номинальная стоимость пушнины за столетие возросла почти в полтора раза, но за это время деньги подешевели больше чем в полтора раза. В. О. Ключевский выводит по хлебным ценам отношение рубля второй половины XVII в. к рублю 80-х годов XIX в. как 1:17, а рубля середины XVIII в. к рублю 80-х годов XIX в. как 1:9.¹⁸⁴ Следовательно, по хлебным ценам рубль середины XVII в. относится к рублю середины XVIII в. как 1:1,9. Это совпадает с представлением И. Э. Фишера, по которому рубль XVII в. стоил вдвое против рубля третьей четверти XVIII в.¹⁸⁵ В пересчете на деньги XVII в. общая масса сибирской пушнины середины XVIII в., какой она представляется на основании приведенных примеров, стоила бы менее 200 тыс. руб. против 240—250 тыс. руб. середины XVII в. При этом надо иметь в виду, что большинство видов мехов относительно подорожало.

Сибирские соболи в 50-е годы XVII в. по местным «разборным» ценам стоили в среднем по 1 руб. 90 коп. В 1752 и 1753 гг. из Сибири в Европейскую Россию было вывезено купцами и в 1757 и 1760 гг. поступило из Сибири в государственную каз-

¹⁸¹ ЦГАДА, СП, оп. 1, ч. 8, д. 6374, л. 28.

¹⁸² До 1762 г. правительство запрещало частную торговлю с Китаем, и купцы вывозили туда пушнину контрабандой. См. Е. П. Силин. Кяхта в XVIII веке. Иркутск, 1947, стр. 118.

¹⁸³ Еще в XIX в., как замечает Ю. А. Гагемейстер, «сами ловцы не одеваются в дорогие меха, а породские жители Сибири получают выделанные меха более из России» (Гагемейстер. Статистическое обозрение Сибири, ч. 1. СПб., 1854, стр. 250).

¹⁸⁴ В. О. Ключевский. Соч., т. 7. М., 1959, стр. 236.

¹⁸⁵ И. Э. Фишер. Сибирская история, стр. 225.

ну 38362 соболя на общую сумму 116 977 руб. 22 коп. Средняя цена составляла 3 руб. 5 коп. Отношение средних цен соболя середины XVII в. и середины XVIII в. составляет 1:1,6. Соболи меха подешевели¹⁸⁶. По отношению хлебных цен (1:1,9) учитываемые здесь соболя середины XVIII в. стоили бы 61,6 тыс., а по отношению цен собольего меха — 72,8 тыс. руб. на деньги XVII в. Красные лисицы в середине XVII в. оценивались в Сибири обычно по 60—70 коп. за штуку. Очень дорогие черные, черно-бурые и других цветовых категорий лисицы из-за малочисленности заметно не изменяли общую среднюю цену, которая едва ли достигала 80 коп. В середине XVII в. в отмеченные годы поступило в казну и было вывезено частными лицами в европейскую часть страны 46223 лисицы на общую сумму 80 574 руб. 40 коп., что дает в среднем по 1 руб. 74 коп. за лисью шкуру. Отношение средних цен лисицы середины XVII и середины XVIII в. составляет 1:2—1:2,2. Лисьи меха подорожали. По отношению хлебных цен лисицы стоили бы 42,4 тыс., а по отношению лисьих цен — 37 тыс. руб. на деньги XVII в. Белки в середине XVII в. в среднем ценились немного больше копейки шкурка. В середине XVIII в. в те же годы поступило в казну и было вывезено купцами 4015013 белок на 142353 руб. 45 коп. Каждая белка в среднем выходит по 3,5 коп. Средняя цена белки середины XVII в. относится к средней цене белки середины XVIII в. как 1:2,5—1:3. По отношению хлебных цен белки стоили бы 74,9 тыс., а по отношению цен белок — 40,2 тыс. руб. на деньги XVII в. Вместе соболя, лисицы и белки по отношению хлебных цен стоили бы 179 тыс., а по отношению цен этих мехов — 150 тыс. руб. на деньги XVII в. В целом пушные товары подорожали, следовательно, в натуре добыча пушнины в середине XVIII в. еще больше не доходила до высшего уровня XVII в. Впрочем, и сам этот уровень был достигнут в значительной мере за счет повышения цены соболей по сравнению с 40-ми годами XVII в.

Во второй половине XVIII в. в Сибири не было падения пушного промысла, какое наблюдалось во второй половине XVII в., когда соболиные запасы истощались, а промысел несоболиной пушнины из-за слабой заселенности края и других

¹⁸⁶ Падение добычи соболей не привело автоматически к повышению цен собольего меха. Частично это объясняется изменением вкусов и моды. При этом надо иметь в виду, что в XVII в. «разборные» цены соболей больше отличались от рыночных, чем цены несоболиной пушнины. В XVIII в., вероятно, такой разницы в казенной и рыночной ценах разной пушнины не было.

причин¹⁸⁷ не набрал еще силу. Правда, с 40-х годов XVIII в. часть промышленников была отвлечена из Сибири на промысел морских зверей на Курильских островах и Аляске. По неполным данным «Исторического календаря Российско-Американской компании», с 1741 по 1803 г. купеческие компании вывезли промысловых товаров на 6 344 616 руб. и с 1783 по 1816 г. только одна Российско-Американская компания вывезла на 10 700 067 руб. Всего за 76 лет из заморских владений поступило товаров, в основном пушнины, на 170 44683 руб.¹⁸⁸ Среднегодовая за это время добыча (примерно по 225 тыс. руб. в год) значительно уступает сибирской, только в самом конце XVIII и особенно в начале XIX в., когда в отдельные годы привоз превышал миллион руб., островные и американские владения России в добыче пушнины успешно соперничали с Сибирью. В результате хищнического истребления ценных зверей расцвет морского зверового промысла оказался непродолжительным. Заморское пушное предпринимательство, на время поколебав ведущее значение сибирского лесного промысла в поставках пушных товаров, едва ли заметно отразилось на абсолютной добыче пушных зверей в Сибири, где численность только русских охотников уже в конце XVII в. превышала 6 тыс. человек¹⁸⁹, за столетие намного возросла, между тем как в Российско-Американской компании было всего 500 человек русских «промышленных работников»¹⁹⁰.

В целом за XVIII в. Сибирь поставила пушных товаров не меньше, чем за XVII в. с периодами подъема и упадка промысла.

Близкой к уровню середины XVIII в. была добыча пушнины еще через сто лет. Экономист Ю. А. Гагемейстер, располагавший официальными данными, приблизительно определяет вывоз пушнины из Сибири в Китай и за Урал в середине XIX в. ежегодно на 2 млн. руб.¹⁹¹ С середины 1850-х годов до 1882 г., хлебные цены которого послужили В. О. Ключевскому основанием для определения отношения русского рубля XVI—

¹⁸⁷ См. главу 5.

¹⁸⁸ К истории Российско-Американской компании (Сборник документальных материалов). Красноярск, 1957, стр. 9—15, 20—23.

¹⁸⁹ См. табл. 30, гл. 5.

¹⁹⁰ К истории Российско-Американской компании, стр. 32.

¹⁹¹ Ю. А. Гагемейстер. Указ. соч., стр. 249.

XVIII вв. к современному ему¹⁹², деньги, вероятно, несколько обесценились. Хотя по денежной реформе 1897 г. кредитные билеты, введенные денежной реформой 1839—1843 гг., разменивались на золотые монеты формально по соотношению 1:1, металлическое содержание рубля 1897 г. было уменьшено на $\frac{1}{3}$ ¹⁹³. С учетом обесценивания денег к 1882 г. на одну треть сибирская пушнина середины XIX в., если доверять данным Ю. А. Гагемейстера, на деньги XVII в. (по отношению хлебных цен) стоила примерно 170 тыс. руб. Это в полтора раза меньше стоимости пушнины середины XVII в., но несколько больше среднегодовой добычи всего XVII в. В действительности в XIX в. пушнины добывалось больше, потому что официальные сводки составлялись обычно на основе показаний промышленников, русских и нерусских, которые сознательно занижали свои промысловые успехи, опасаясь, как бы добыча не попала в казну или к чиновникам¹⁹⁴. Так, например, в Енисейском округе в 1831 г., по официальным данным, соборей было добыто 4615, а по частным сведениям, собранным бывшим губернатором Енисейской губернии А. П. Степановым, 8000, белок соответственно 312 140 и 500 000, лисиц — 452 и 8 500¹⁹⁵.

В XIX в. соотношение промышляемых соборей и белок еще больше изменилось в пользу последних. По примерным подсчетам Ю. А. Гагемейстера, во всей Сибири, включая Камчатку, соборей в его время ловили, «может быть», от 15 до 20 тыс., а белок, «на всякий случай», более 7,5 млн.¹⁹⁶. Подор-

¹⁹² В. О. Ключевский. Соч., т. 7, стр. 189. Некоторые советские историки высчитанное В. О. Ключевским отношение рубля второй половины XVII в. к современному ему рублю как 1:17 относят не к 80-м годам XIX в., а к началу XX в. (Н. В. Устюгов. Финансы. «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.», М., 1955, стр. 414; А. Ц. Мерзон. Таможенные книги XVII века. Учебное пособие по источниковедению истории СССР. М., 1957, стр. 44), что, по-видимому, неточно.

¹⁹³ Денежные реформы. БСЭ, изд. 2-е, т. 14, стр. 14.

¹⁹⁴ Нежелание охотников давать чиновникам правдивые сведения из опасения расстаться с добычей отмечает бывший отдельный заседатель Туруханского края П. И. Третьяков (П. И. Третьяков. Туруханский край, его природа и жители. СПб., 1871, стр. 285).

¹⁹⁵ А. П. Степанов. Енисейская губерния, ч. 1. СПб., 1835, стр. 207, 208. Ироническое отношение А. П. Степанова к статистическим официальным сведениям вообще отмечает В. Г. Мирзоев (В. Г. Мирзоев. Историография Сибири. 1-я половина XIX века. Кемерово, 1965, стр. 46—47).

¹⁹⁶ Ю. А. Гагемейстер. Указ. соч., стр. 311, 314.

ванные еще в XVII в. соборинные богатства все больше заменялись менее ценной пушнинной.

В сибирском пушном промысле были подъемы и спады, не считая сезонных колебаний добычи. С ростом числа охотников и освоением запасов всех промысловых зверей неравномерность промысла сглаживалась, так что в XVIII и первой половине XIX вв. среднегодовая добыча пушнины несколько превышала среднегодовую добычу XVII в., но не намного. Вышим до конца периода феодализма достижением были промысловые успехи середины XVII в. Нечего и говорить, что на XVII в. приходится наибольший удельный вес пушнины в экономике страны и Сибири. С развитием других отраслей хозяйства стабилизация или медленный рост продукции пушного промысла, естественно, вели к снижению значения пушнины, но громадное количество и особенно высокие качества сибирской пушнины оставляли на ней заметное место во внутренней и внешней торговле.

В государственном бюджете после XVII в. пушнина постепенно утратила существенное значение. Уже в конце 50-х годов XVIII в. сибирская меховая казна составила всего лишь около 1% государственного дохода¹⁹⁷.

Приведенный материал при всей его отрывочности, приблизительности, скрывающей неточности и пробелы, безусловно, свидетельствуют о наибольшем для эпохи феодализма и действительно большом значении пушнины в XVII в.

* * *

Без специального исследования, которое не входит в задачу настоящей работы, нельзя достаточно конкретно раскрыть в целом правильное положение К. В. Базилевича об «огромном значении сибирской колонии для всей экономической жизни страны» в XVII в.¹⁹⁸. Предположение В. В. Покшишевского: «Вероятно, не трудно было бы признать за притоком пушнины роль, во многом сходную с наводнением за сто лет

¹⁹⁷ В 1757 г. в государственную казну поступило сибирской пушнины ясачного и таможенного сборов на 143820 руб. 75 коп. (ЦГАДА. СП, оп. 1, ч. 8, д. 6374, лл. 10—92 об.), а весь государственный доход в 1758 г. составил 15045544 руб. См. С. М. Троицкий. Источники доходов в бюджете России в середине XVIII в. (20—60-е годы). «История СССР», 1957, № 3, стр. 197.

¹⁹⁸ К. В. Базилевич. Таможенные книги как источник экономической истории России. «Проблемы источниковедения». Сб. 1. М., 1933, стр. 112.

раньше Испании, Португалии и некоторых других европейских стран драгоценными металлами из Нового Света¹⁹⁹», как и категоричное утверждение Н. М. Дружинина, что пушные богатства Сибири, несомненно, не могли конкурировать с неисчерпаемыми ценностями американских и южноазиатских колоний²⁰⁰, не подкрепленные фактическим материалом, слишком общи и по существу противоположны. В таком же общем плане можно сказать, что сибирская пушнина, безусловно, не оказала такого влияния на мировой рынок, как приток из колоний дешевого золота и серебра, вызвавший революцию цен. И дело не только в том, что приток ценных мехов из Сибири не был избыточным, внутренние и внешние рынки при всех изменениях конъюнктуры оказались достаточно емкими, чтобы поглотить их без остатка, а спрос на встречные товары был ограниченным; издержки, связанные с товарным пушным промыслом в Сибири, с самого начала были большими и с ростом удельного веса несоболиной пушнины возрастали²⁰¹. Поэтому пушнина относительно такого важного и массового продукта, как хлеб, за столетие с середины XVII до середины XVIII в. даже несколько подорожала, с отклонением цен на отдельные виды мехов в ту или иную сторону в зависимости от конкретных обстоятельств.

Громадное при ограниченной ее массе значение пушнины в экономике России XVII в. заключалось в исключительно высокой ее товарности и широкой распространенности на рынках. Пушниной торговали во всех сколько-нибудь значительных центрах страны. Она была в составе экспорта во все зарубежные страны, поддерживавшие экономические связи с Россией, и способствовала расширению этих связей, распространяясь в отдаленные государства Европы и Азии и составляя во многих случаях главный предмет вывоза. Пушные товары, легкие, не скоропортящиеся, разнообразные по сортности и качеству, удобные для оптовой и розничной торговли, без труда перемещались на большие расстояния, пересекая страну из конца в конец, концентрировались на крупных ярмарках, внутренних и международных, и оттуда снова расходились в разных направлениях.

¹⁹⁹ В. В. Покишишевский. Заселение Сибири (историко-географические очерки). Иркутск, 1951, стр. 57.

²⁰⁰ Н. М. Дружинин. Генезис капитализма в России. «Десятый международный конгресс историков в Риме. Сентябрь 1955 г. Доклады советской делегации». М., 1956, стр. 189—216.

²⁰¹ См. главу 4.

Массовый приток сибирской пушнины совпал с началом подмеченного В. И. Лениным процесса концентрирования небольших местных рынков в один всероссийский рынок²⁰² и содействовал его развитию, а сплачивание отдельных рынков, сокращая возможности неэквивалентной торговли, стимулировало вкладывание капиталов в производство²⁰³, не говоря уже о том, что пушная торговля, требуя мехам эквивалента в виде промышленных и продовольственных товаров, в той или иной мере непосредственно влияла на рост промышленного и сельскохозяйственного производства.

Образование на основе пушной торговли крупных купеческих капиталов в условиях начавшегося процесса образования всероссийского рынка, оказывавшего определенное влияние на развитие производства, было одним из элементов первоначального накопления.

²⁰² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 154.

²⁰³ В. Н. Яковлевский. Роль неэквивалентного обмена в процессе первоначального накопления в России. «К вопросу о первоначальном накоплении в России». М., 1958, стр. 421.

ГЛАВА III ЕСТЕСТВЕННЫЕ ЗАПАСЫ ПУШНЫХ ЗВЕРЕЙ В СИБИРИ И СТЕПЕНЬ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В XVII в.

1. Численность соболей и расселение их в Сибири

Пушной промысел как присваивающая отрасль хозяйства в громадной степени зависит от количества зверей в природе. Сибирь, занимающая площадь около 10, а вместе с Дальним Востоком свыше 12 млн. кв. км и больше чем наполовину покрытая лесами, по меткому выражению П. А. Словцова, стала самородным зверинцем России¹, зверинцем богатым, однако не беспредельно. Степень развития пушной охоты на разных этапах определялась целым рядом экономических, политических, географических, биологических и других факторов, от конкретного сочетания которых зависела интенсивность промысла, его географическое размещение, ассортимент добываемой пушнины и т. п., но определялась только в ответственных природой границах. Поэтому было бы важно выяснить естественные промысловые возможности Сибири, чтобы понять характер воздействия отмеченных факторов на развитие промыслового хозяйства, сопоставить удельный вес естественных запасов и добычи отдельных видов пушных зверей, оценить возможную и действительную их роль в пушной охоте на разных этапах промысловой колонизации Сибири.

Поскольку бесспорное первое место среди пушных зверей Сибири по значению в качестве объекта охоты принадлежало соболю, зверю ценному, массовому почти во всем этом крае и мало распространенному за его пределами², ему уделяется особое внимание.

¹ П. А. Словцов. Историческое обозрение Сибири, тн. 1. СПб., 1886, стр. 3.

² В XVII в. охота на соболей производилась и в ряде районов Европейского Севера. С. В. Кириков считает, что в начале XVII в. такими районами, в частности, были Удорская волость, Вымская,

В настоящее время существует несколько сложных и упрощенных способов учета современного поголовья соболей, но все они непосредственно неприменимы к прошлому, поэтому зоологи определяют наивысшую возможную численность соболей в прошлом либо по теоретически возможной плотности заселения соболиных угодий³, либо по высшей за большой период добыче соболей в том или ином районе, как это сделал В. А. Тавровский сначала применительно к северо-западной части Якутии, а потом и ко всей территории Якутской АССР⁴.

Разработанная В. А. Тавровским методика определения высшей численности поголовья соболей в прошлом по наивысшей их добыче, применяемая и другими зоологами, представляется наиболее удобной для целей настоящей работы своей простотой и достаточной убедительностью. Суть ее в следующем: теоретически ежегодный прирост стада соболей составляет 45—50% и к началу промыслового сезона примерно 33% стада представлено сеголетками, поэтому ежегодный отлов до 30% поголовья не должен вызывать уменьшения общей численности. Отлов 40—45% осенней численности соболей должен привести к очень быстрому сокращению поголовья: через 10 лет в угодьях останется 15—16% от первоначальных запасов, через 18—20 лет — 2—3%⁵. Неуклонное падение

Вычегодская и Сысольская земли, а в огромных глухих лесах по р. Удоре соболи оставались еще в середине XIX в. (С. В. Кириков. Промысловые животные, природная среда и человек. М., 1966, стр. 295). На реках Вишере и Печоре еще в начале 80-х годов XVII в. добывали соболей (ДАИ, т. 8. СПб., 1862, стр. 16—17). Однако численность соболей в поморских лесах была невелика, и добыча их не превышала нескольких сот шкурок в год. За пределами Сибири и России соболи водятся еще в северных районах Китая и Монголии.

³ В. А. Тавровский, Д. У. Иванов, Н. А. Корнилов. Первые итоги реакклиматизации соболя в южных и восточных районах Якутии. «Восстановление промысловых запасов соболя в Якутии. Труды Института биологии Якутского филиала СО АН СССР», вып. 4. М., 1958, стр. 5—9, 11.

⁴ В. А. Тавровский. Сосьоль в северо-западной Якутии и пути восстановления его промысла. «Восстановление промысловых запасов соболя в Якутии. Труды Института биологии Якутского филиала СО АН СССР», вып. 4. М., 1958, стр. 77—78; он же: Сосьоль в Якутии и проблема восстановления его промысловых запасов. Автореферат докт. дисс. Л., 1959, стр. 8.

⁵ В. А. Тавровский. Сосьоль в северо-западной Якутии и пути восстановления его промысла, стр. 77—78.

уровня добычи соболей за большой отрезок времени и на большой территории при интенсивном общем промысле может быть главным образом результатом перепромысла, когда отлов соболей превышает естественный прирост соболиного стада. По степени падения добычи можно приблизительно определить степень перепромысла, т. е. найти примерный процент ежегодного отлова, а через него и первоначальную численность соболей.

Пользование методикой В. А. Тавровского, очевидно, может дать надежные результаты только при наличии систематических данных о добыче соболей в разных районах Сибири. Другим условием надежности показателей должно быть полное опромышление соболиных угодий в сравниваемых районах. Немаловажное значение имеет и величина абсолютных показателей: чем больше абсолютные числа, тем меньше вероятность грубых ошибок. Все эти условия мы находим только для Мангазейского, Енисейского, Якутского и частично Илимского уездов, в которых соболий промысел велся интенсивно, систематически и в больших размерах и по которым лучше всего сохранились источники. По тем уездам, где не было интенсивного русского профессионального промысла и регулярного натурального десятинного сбора, учитывается только ясачный сбор, поэтому данные заведомо неполны. Такое упрощение можно считать допустимым, потому что удельный вес этих непромысловых районов в общесибирском русском соболином промысле был сравнительно небольшим.

Данные о предполагаемой наибольшей численности соболей к началу интенсивного промысла приведены в таблице 5. По всем уездам, где русский промысел велся энергичнее и падение добычи после высшего уровня было значительнее, поголовье соболей определяется от 40% высшей добычи, в уездах с неразвитым соболиным промыслом — от 35%. Это округленный процент. Между тем разница принимаемой интенсивности промысла всего в 1% дает увеличение или уменьшение исчисляемого поголовья соболей по Мангазейскому уезду в 4 с лишним тысячи, по Якутскому уезду — в 7—8 тыс. соболей.

Поэтому 195 тыс. соболей в Мангазейском уезде и особенно 323 тыс. в Якутском уезде составляют верхний предел теоретически возможного уровня численности этого вида. Еще более приближительна прибавка к официальным данным о добыче соболей 10%, которая в какой-то мере должна восполнить пробел в источниках, не отражающих утайку собо-

лей от регистрации, незаконное приобретение и контрабандный вывоз собожьих шкурок и т. п. Скорее всего соболей, не учтенные воеводской и таможенной администрацией, составляли больше 10%, причем степень утайки не была пропорциональной.

Определение высшей в прошлом численности поголовья соболей по методике В. А. Тавровского останется предположительным, пока теоретические расчеты не подтвердятся современными сопоставимыми данными. И возможность такой проверки по отдельным районам, где поголовье соболей теперь достигло или приближается к возможному высшему уровню, существует.

Легче всего поддаются сравнению прошлые и настоящие естественные запасы соболей в Енисейском крае. Это обуславливается, во-первых, тем, что енисейские уезды XVII в. с относительно небольшими отклонениями вписываются в границы современного Красноярского края, чем упрощается сопоставление данных, во-вторых, значительной полнотой сведений о добыче соболей в прошлом и хорошо организованным учетом поголовья соболей в настоящее время и, в-третьих, тем, что современные запасы соболей на сопоставимых территориях края близки к предельным. К. Д. Нумеров, констатируя, что в последние годы в ряде соболиных угодий Красноярского края запасы соболей не растут, а местами даже уменьшаются, приходит к выводу, что «в ряде районов Енисейской Сибири запасы соболей, возможно, достигли предельного для данных условий уровня»⁶.

Пользуясь методикой В. А. Тавровского, К. Д. Нумеров определяет запасы соболей на территории бывшего Мангазейского уезда в пределах современного Красноярского края на 1636 г.⁷ в 170 тыс. голов. Вместе с автором настоящей работы такие же расчеты сделаны по бывшему Енисейскому уезду в пределах современного Красноярского края, где запасы собо-

⁶ К. Д. Нумеров. Сосьоль Енисейской Сибири. Автореферат канд. дисс. Красноярск — Иркутск, 1965, стр. 7.

⁷ В табл. 4 приложения высшая добыча соболей в Мангазейском уезде приходится на 1628 г. (73697 соболей, а в 1636 г. — 72116 соболей), но в 1628 г. в это число, вероятно, попали соболей, добытые в пределах будущего Якутского уезда, между тем как в 1636 г. виллюйские соболей включены в таблицу по Якутскому уезду. Высший таможенный десятинный сбор (10642 соболей), включающий десятину и с добытых за пределами бассейна Енисея соболей, приходится на 1636 г., который и можно считать годом высшей добычи соболей в уезде.

ВЫСШАЯ ДОБЫЧА И ПРЕДПОЛАГАЕМАЯ ЧИСЛЕННОСТЬ

Уезд	Год высшей добычи соболей	Поступило ясачных соболей	Собрано таможенных десятичных соболей	Явлено в таможи соболей русского промысла	Предполагаемая добыча соболей русскими
Верхотурский	1630	2530	—	—	—
Пелымский	1639	2002	—	—	—
Туринский	1629	660	—	—	—
Тюменский	—	—	—	—	—
Тарский	1638	2303	—	—	—
Тобольский	1630	2003	—	—	—
Березовский	1626	2503	51	—	250
Сургутский	1625	5726	892	—	8340
Нарымский	1629	3867	—	—	—
Кетский	1629	1534	31	274	—
Томский	1627	1880	644	—	6440
Кузнецкий	1673	3820	62	—	620
Красноярский	1665	4839	—	—	—
Зап. Сибирь	33667	1630	—	—	15924
Мангазейский	1636	4794	10642	66101	—
Енисейский	1629	2966	3973	33486	—
Илимский	1644	1856	3619	18810	—
Якутский	1640—46	9765	16120	107704	—

Таблица 5

ПОГоловья СОБОЛЕЙ В СИБИРСКИХ УЕЗДАХ В XVII в.

Всего учтено соболей (без десятичных)	Общая добыча соболей, включая 10% на утайку	Добыча соболей от личного поголовья в %	Предполагаемая численность поголовья соболей	Возможная добыча соболей (30% от учтенного поголовья)	Источники
2530	2783	35	7951	2385	ЦГАДА, СП, кн. 22, лл. 466 об. — 468
2002	2202	35	6291	1887	Там же, стлб. 73, лл. 187—190
660	726	35	2074	622	Там же, кн. 19, лл. 565 588а, 969
—	—	—	—	—	Добыча соболей ни разу не встречена.
2303	2533	35	7237	2171	ЦГАДА, СП, стлб. 73, лл. 2—10
2003	2203	35	6294	1888	Там же, кн. 22, лл. 390—399
2753	3028	35	8651	2595	Там же, стлб. 11, лл. 78—80
14066	15473	40	38682	11605	Там же, кн. 1, лл. 288—291
3867	4254	35	12154	3646	Там же, кн. 19, лл. 787 об. — 795
1808	1989	35	5683	1705	Там же, кн. 19, лл. 403—405, 507—515 об.
8320	9152	40	22880	6864	Там же, стлб. 20, л. 360
4440	4884	35	13954	4186	Там же, кн. 590, лл. 442—443
4839	5323	35	15209	4562	Там же, кн. 543, лл. 57—95 об.
49591	54550	—	147060	44116	—
70895	77984	40	194960	58488	Там же, стлб. 52, лл. 88—92, кн. 84, лл. 1—95
36452	40097	40	100242	30073	Там же, кн. 19, лл. 846—929
20666	22733	40	56832	17050	ЦГАДА, ЯПИ, оп. 4, д. 128, лл. 2—92, д. 134, л. 5—10, 31—37;
117469	129216	40	323041	96913	—

Уезд	Год высшей добычи соболей	Поступило ясачных соболей	Собрано таможенных десятинных соболей	Явлено в таможни соболей русского промысла	Предполагаемая добыча соболей русскими
Иркутский	1675	2672	578		5780
Нерчинский	1679	1584	481		4810
Вост. Сибирь		23637	35413	236691	
Вся Сибирь		57304	37093	252615	
В том числе в отдельных районах Якутского уезда:					
Якутск и Олекминск	1640	4665	8922	54843	
Жиганск и Вилюйск	1642	2115	3350	28871	
Индигирка и Колыма	1645—46	2985	3848	23990	

лей в 1629 г. составляли 85—90 тыс., а всего в пределах современного Красноярского края высший уровень поголовья соболей в XVII в. определен в 260—270 тыс. голов. К началу охотничьего сезона 1962/63 г. на сопоставимой территории бывше-

Продолжение табл. 5

Всего учтено соболей (без десятинных)	Общая добыча соболей, включая 10 % на утайку	Добыча соболей от личного поголовья в %	Предполагаемая численность поголовья соболей	Возможная добыча соболей (30 % от учтенного поголовья)	Источники
8452	9297	35	26563	7969	ЛОИИ, ЯА, карт. 7, стлб. 1, л. 3—41. Ясак за 1643 г. См. по отдельным р-нам Якутского у. ЦГАДА, СП, кн. 612, лл. 197 об.—201 об. ААН, ф. 21. оп. 4, кн. 24, № 21, лл. 53—64, № 59, л. 114 об.
6394	7033	35	20095	6028	
260328	286360		721733	216521	
309919	340910		868793	260637	
59508	65459	40	163647	49094	ЦГАДА, ЯПИ, оп. 4, д. 12, л. 14—100, д. 9, лл. 2—145; СП, кн. 145, л. 647—652 об. ЦГАДА, ЯПИ, оп. 4, д. 68, лл. 2—87, д. 67, лл. 3—21; ЛОИИ, ЯА, карт. 7, стлб. 1, лл. 3—41 ЦГАДА, ЯПИ, оп. 4, д. 152, лл. 2—47, д. 153, лл. 2—30, д. 99, лл. 1—48; оп. 1, д. 87, лл. 45, 57—61. Ясак учтен за 1654 или 1655 гг.
30986	34085	40	85212	25564	
26975	29672	40	74182	22255	

го Мангазейского уезда насчитывалось 132,3 тыс., Енисейского уезда — около 81 тыс. соболей. В южной части современного Красноярского края к 1962/63 г. запасы соболей исчислялись в 58 тыс. голов, что, по-видимому, превышает запасы

XVII в.⁸ Правда, данные о запасах соболей в южной части Красноярского края в XVII в. (около 10 тыс. голов) авторами сильно занижены, потому что рассчитаны по ясачному сбору за 1638 г., составлявшему всего 1553 соболя. Если исходить из ясачного сбора 1665 г. в 4839 соболей (самого большого или близкого к самому большому для XVII в.), запасы соболей на территории тогдашнего Красноярского уезда следует считать не менее чем в 15 тыс. Скорее даже больше, потому что многие ясачные люди Красноярского уезда в XVII в. были двоеданцами, т. е. платили ясак русскому царю и монгольским или джунгарским правителям, к тому же некоторое количество соболей добывалось русскими промышленниками и служилыми людьми. Учитывая, что территории современного Красноярского края, подчинявшиеся тогда Томску, Кузнецку, а также находившиеся за пределами России, превышали территорию, входившую в XVII в. в состав Красноярского уезда, но позднее приписанную к Иркутской области, запасы соболей в южной части нынешнего Красноярского края на XVII в. можно определить не менее чем в 25—30 тыс. голов. Тогда на сопоставимой территории современного Красноярского края высшие запасы соболей в XVII в. можно исчислять в 280—290 тыс. голов, что лишь немного превышает учтенные запасы к началу охотничьего сезона 1962/63 г. — 270—280 тыс. голов и равняются запасам соболей к осени 1964 г. — 280—290 тыс.⁹

Нельзя не отметить того любопытного факта, что запасы соболей в XVII в. и в настоящее время в разных частях Енисейского края распределяются непропорционально. На сопоставимой территории бывшего Мангазейского уезда современные запасы составляют 75—80%, на территории бывшего Енисейского уезда — 90—95% и на юге современного Красноярского края — 190—230% запасов XVII в. Большее истощение северных соболиных угодий при интенсивном промысле, по-видимому, закономерно (с объяснением этого явления специалистами мы встретимся в дальнейшем), но слишком рез-

⁸ К. Д. Нумеров. Прошлое и настоящее соболя севера Енисейской Сибири. «Зоологический журнал», 1963, т. 42, вып. 7, стр. 1091; К. Д. Нумеров, П. Н. Павлов. Прошлое и настоящее соболя Енисейской Сибири. «Ученые записки Красноярского пединститута», т. 24, вып. 5. Красноярск, 1963, стр. 93.

Данные указанных статей и табл. 5 настоящей работы не совпадают, потому что в последней уезды рассматриваются в границах XVII в.

⁹ К. Д. Нумеров. Сосьоль Енисейской Сибири, стр. 6, 24.

кое превышение современных запасов соболей над известными прошлыми на юге Красноярского края заставляет предполагать, что еще до прихода русских естественные запасы соболей в этом районе издревле развитого соболиного промысла¹⁰ были значительно подорваны. При этом, конечно, надо иметь в виду, что по южной части Енисейского края сведения о добыче соболей в XVII в. очень приблизительны.

Сопоставимыми оказываются в Енисейском крае и данные о прошлой и настоящей добыче соболей. На территории современного Красноярского края поголовье соболей с 1949 по 1962 г. увеличилось с 72 тыс. до 270—280 тыс., а добыча с 1950 по 1959 г. возросла с 8682 до 51780 штук и в 1961/62 г. превысила 66 тыс.¹¹ Это реальная добыча при неполном опромыслении соболиных угодий, особенно в северной части края¹². При равномерном опромыслении угодий ежегодная добыча соболей на территории современного Красноярского края может достигнуть 80—85 тыс. штук¹³. Это совпадает с теоретически возможной для XVII в. добычей соболей в трех приенисейских уездах (превышавших на 15—20% площадь современного Красноярского края) — 90—95 тыс. штук¹⁴.

Близки к предельным для XVII в. запасы соболей в современной Иркутской области, но сопоставить их прежний и теперешний уровень значительно труднее, чем в Енисейском крае. Современная Иркутская область включает части пяти уездов XVII в. (Мангазейского, Енисейского, Красноярского, Якутского, Иркутского), и только Илимский уезд в ее состав вошел целиком.

Если принять, что в состав Иркутской области включены 10—15% территории бывших приенисейских уездов, треть центральной и южной части бывшего Якутского уезда и бывшего Иркутского уезда и полностью Илимский уезд XVII в., итоги по XVII в. будут выглядеть так:

¹⁰ См. главу 1.

¹¹ Г. Д. Дулькейт. Охотничья фауна, вопросы и методы оценки производительности охотничьих угодий алтайско-саянской горной тайги. Красноярск, 1964, стр. 61; К. Д. Нумеров, П. Н. Павлов. Прошлое и настоящее соболя Енисейской Сибири, стр. 88, 91—92, 95.

¹² В. А. Киселев. Сосьоль Енисейского Севера и рациональное использование его запасов. «Проблемы зоологических исследований в Сибири (Материалы второго совещания зоологов Сибири)». Горно-Алтайск, 1962, стр. 119.

¹³ К. Д. Нумеров, П. Н. Павлов. Прошлое и настоящее соболя Енисейской Сибири. «Проблемы зоологических исследований в Сибири». Горно-Алтайск, 1962, стр. 177.

¹⁴ См. табл. 5.

Территория	Высшая реальная добыча соболей (тыс. штук)	Предполагаемая численность соболей (тыс. голов)	Возможная добыча соболей (тыс. штук)
Приенисейские уезды	12,3—18,5	31—47	9,3—14
Илимский	22,7	57	17
Якутский	21,8	55	16,3
Иркутский	3,1	9	2,7
Итого	60—66	152—168	45—50

Эти приблизительные расчеты совпадают с расчетами специалистов о современной возможной добыче соболей на сопоставимой территории. Исследователь охотничьих угодий Предбайкалья приходит к выводу, что в административных границах Иркутской области современный минимальный объем заготовок соболя составляет 26,6 тыс., средний — 39,4 тыс. и максимальный — 48,6 тыс. штук¹⁵. Добыча на территории Иркутской области в охотничий сезон 1961/62 г., во время большой миграции соболей, 50 тыс. этих зверьков оказалась уже чрезмерной. Наряду с повышенной смертностью и снижением интенсивности размножения во время миграции она привела к снижению численности соболей¹⁶.

Специалисты считают, что в Иркутской, Читинской областях и Бурятской АССР восстановление численности соболей закончено¹⁷, что численность популяции соболя в этой части Восточной Сибири, так же как и его добыча, в настоящее время достигла уровня середины XVII в. По расчетам Г. И. Монахова (в автореферате источники не указаны), на рассматриваемой территории высшая добыча соболей в прошлом приходилась на 1651 г. и составила 79 тыс. штук, а популяция соболя тогда насчитывала, как минимум, 197—226 тыс. голов.

¹⁵ Н. М. Красный. Таежные охотничьи угодья Предбайкалья и их использование. Автореферат канд. дисс. Иркутск, 1967, стр. 16.

¹⁶ Г. И. Монахов. Миграции соболей Восточной Сибири осенью и зимой 1961—1962 гг. «Проблемы зоологических исследований в Сибири». Горно-Алтайск, 1962, стр. 168; он же. Динамика ареала и численности соболя Восточной Сибири. Автореферат канд. дисс. Томск, 1966, стр. 20.

¹⁷ В. В. Тимофеев. Основы учета и планирования добычи соболей в охотничьих хозяйствах Восточной Сибири. «Ресурсы фауны промысловых зверей в СССР и их учет». М., 1963, стр. 154.

К началу промыслового сезона 1961 г. численность соболей на этой территории равнялась 220—270 тыс. В настоящее время можно получать ежегодно 60—70 тыс. собольих шкурок¹⁸. Это приблизительно совпадает с числовыми показателями таблицы 5 при соответствующей их компоновке: прибавив к данным XVII в. по территории современной Иркутской области числовые показатели по остальным 2/3 бывшего Иркутского уезда, по Нерчинскому уезду XVII в. и еще 10—15% по южной части Якутского уезда, получим высшую добычу в 80—89 тыс. соболей, предполагаемую численность в 206—231 тыс. голов и возможную в XVII в. добычу в 61—68 тыс. штук.

Если данные о запасах соболей до начала перепромысла в XVII в. по целому ряду уездов выдерживают проверку сравнением с предельными запасами соболей в современных условиях, это позволяет надеяться на достоверность данных и по тем районам прежнего интенсивного промысла, в которых современные запасы соболей оказываются несопоставимыми, и подтверждает эффективность несложной методики определения высших запасов соболей, предложенной В. А. Тавровским.

Одним из районов наиболее интенсивного соболиного промысла в XVII в. была Якутия. Недостаточность систематизированных данных о добыче соболей в XVII в. и малочисленность современного поголовья еще совсем недавно вызывали чрезмерную осторожность исследователей в определении запасов соболей до начала перепромысла в XVII в. В. А. Тавровский, Д. У. Иванов и Н. А. Корнилов, вероятно, не располагая достаточными данными о прошлой добыче, на основе теоретически возможной плотности заселения соболиных угодий общую высшую численность поголовья соболей на территории Якутской АССР в XVII в. определяли, оговорив вероятное преуменьшение, примерно в 115—130 тыс. голов, в том числе в северо-западном соболином районе (Лено-Вилуйское междуречье, Левобережье Лены и бассейны Оленека, Анабара и Вилуя) в 35—40 тыс., в северо-восточном соболином районе, огражденном с запада долиной Лены и с юга долиной Алдана, в 35—40 тыс., в южном соболином районе в 45—50 тыс.¹⁹ Исчисление прошлых запасов соболей по разме-

¹⁸ Г. И. Монахов. Динамика ареала и численности соболя Восточной Сибири, стр. 3, 6, 10, 12, 22.

¹⁹ В. А. Тавровский, Д. У. Иванов, Н. А. Корнилов. Указ. соч., стр. 5—9, 11.

рам их добычи дает более высокие показатели. В. А. Тавровский, считая высшей добычей на территории современной Якутской АССР в 40-е годы XVII в. 80 тыс. соболей, общие запасы в то время определяет ориентировочно в 200 тыс. голов²⁰. Это почти в полтора раза больше, чем теоретическая оценка возможностей современных соболиных угодий (по-видимому, еще плохо изученных). Более полный учет добычи соболей в XVII в. заставляет считать прошлые запасы этого зверя на сопоставимой территории еще большими. Если показатели по северо-западному соболиному району — по Жиганску и Вилюйску таблицы 5 — увеличить на 10% (соболи с Анабара и верховьев Оленека и Вилюя в таблице 5 учтены по Мангазейскому уезду), а по южному соболиному району уменьшить на 43—48% (учтены при определении прошлых запасов соболей на территории современных Иркутской, Читинской областей и Бурятской АССР), данные по территории современной Якутской АССР будут выглядеть, примерно, так:

Территория	Высшая реальная добыча соболей (тыс. штук)	Предполагаемая численность соболей (тыс. голов)	Возможная добыча соболей (тыс. штук)
Северо-Западный	37,5	94	28,1
Северо-Восточный	29,7	74	22,3
Южный	33,9—37,2	84—93	25,8—27,9
Итого	101—104	252—261	76—78

Запасы соболей в Якутии в ее нынешних границах были подорваны больше, чем в других уездах, а северо-восток Якутии оказался единственным большим районом всей Восточной Сибири, где соболи исчезли полностью²¹.

²⁰ В. А. Тавровский. Соболи в Якутии и проблема восстановления его промысловых запасов. Автореферат, стр. 8.

²¹ И в Якутии в результате серьезных мероприятий по расселению и реакклиматизации соболей их поголовье успешно восстанавливается. Уже в 50-е годы ежегодная добыча превысила 5 тыс. штук, а к началу 70-х годов общую добычу на территории Якутской АССР предполагалось довести до 40—42 тыс. (А. А. Каплин. Советская пушнина. М., 1962, стр. 139; В. А. Тавровский. Соболи в Якутии и проблема восстановления его промысловых запасов, стр. 4, 23, 25, 28).

Исследователи, и биологи и историки, основной причиной резкого сокращения численности соболей с 40—50-х годов XVII в. до 30—40-х годов XX в. считают перепромысел, т. е. промысел, превышающий естественный прирост поголовья. При этом при сравнении больших уездов XVII в. легко обнаруживается нарастание степени перепромысла в зависимости от ценности соболей: в Мангазейском уезде, где соболи в среднем ценнее, чем в Енисейском, запасы их уменьшались быстрее, в Якутском уезде еще более ценные соболи истреблялись быстрее, чем в Мангазейском²². Однако эта закономерность нарушается в направлении на юг. В южных районах Восточной Сибири соболиные угодья меньше истощались не только в XVII в., когда промысел в небезопасных пограничных местах был затруднен, но и позднее, в XIX в., когда охотники опасности извне не подвергались. Между тем забайкальские соболи по качеству меха относятся к числу лучших. Л. П. Сабанеев так объяснил исчезновение соболя в северных районах: очевидно, не многочисленность населения, а относительная редкость соболя, еще более удобство его добывания в редких и невысоких полярных лесах, также продолжительность промысла явились главной причиной исчезновения соболя на севере Сибири²³. Еще более убедительно и конкретно влияние естественно-географических факторов исчезновения соболя в отдельных северных районах объясняет В. А. Тавровский: в северо-восточной Якутии, в условиях преобладания горного ландшафта, соболь был распространен узкими полосами по облесенным долинам речных систем и распадам. Разобщение малочисленных (в результате перепромысла) групп и отдельных животных в значительной степени усиливалось естественными преградами в виде широких безлесных водоразделов, мощных гольцовых гряд и хребтов. Там чаще, чем в других местах, нарушался естественный контакт животных, обеспечивающий их нормальное размножение. Следствием этого было постепенное вымирание отдельных животных²⁴.

Условия обитания соболей в северной сибирской тайге, как правило, значительно хуже, чем в более южных районах Вос-

²² Подробнее см. в главе 5.

²³ Л. П. Сабанеев. Соболи и соболиный промысел. М., 1875, стр. 20—21. А. Ф. Миддендорф также отмечал, что «быстрее всего, кажется, соболь подвергался истреблению на полярном пределе своем» (А. Ф. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири, ч. II, отдел 5. СПб., 1869, стр. 82).

²⁴ В. А. Тавровский. Соболи в Якутии и проблема восстановления его промысловых запасов, стр. 9.

сточной Сибири, поэтому плотность их популяции далеко не пропорциональна лесистости и обычно резко убывает в направлении с юга на север. Так, например, современная плотность популяции соболя в северной части Красноярского края колеблется от 3 кв. км таежных угодий на юге района до 20—25 кв. км на севере на одного соболя²⁵. В западных Саянах и Кузнецком Ала-Тау в отдельных угодьях приходится до 2 соболей на кв. км²⁶. В Иркутской, Читинской областях и Бурятской АССР на многих участках плотность поголовья соболей достигает 1 экземпляра на 0,8—1,0 кв. км²⁷. В среднем в этой части Сибири в середине XVII в. один соболь приходился на 3,7—4,3 кв. км, а в настоящее время — на 3,1—6,6 кв. км²⁸. На северо-западе Якутии для середины XVII в. средняя плотность соболей определяется показателем 1 на 15—20 кв. км, на северо-востоке Якутии предполагается в будущем — 1 экземпляр на 18—20 кв. км, а в Южной Якутии уже осенью 1957 г., далеко еще до восстановления былой численности, один соболь приходился на 7—8 кв. км. На границе между этими районами соболь в среднем приходится на 12 кв. км²⁹.

Действительная плотность соболиного поголовья очень неравномерна даже в одном небольшом районе и зависит от многих условий. Специалисты считают, что междуречные пространства в качестве местообитания соболя представляют меньшую ценность по сравнению с долинами, а в долинах лучшие для соболя местообитания расположены при слиянии рек, где на небольших площадях сочетаются все элементы ландшафта³⁰. Таким образом, сибирские реки для промышленников имели далеко не только транспортное значение.

²⁵ В. А. Киселев. Указ. соч., стр. 118.

²⁶ К. Д. Нумеров. Соболь Енисейской Сибири, стр. 8—9.

²⁷ В. В. Тимофеев. Основы учета и планирования добычи соболя в охотничьих хозяйствах Восточной Сибири, стр. 154.

²⁸ Г. И. Монахов. Динамика ареала и численности соболя Восточной Сибири, стр. 12.

²⁹ В. А. Тавровский. Соболь Якутии и проблема восстановления его промысловых запасов, стр. 23; А. Н. Грязнухин. Реакклиматизация соболя и опыт организации соболиного промысла в районе юго-западных отрогов Верхоянского хребта. Автореферат канд. дисс. Якутск, 1965, стр. 13.

³⁰ В. А. Тавровский. Соболь северо-западной Якутии и пути восстановления его промысла, стр. 107.

Очевидно, что при одинаковой степени перепромысла поголовье соболей будет сокращаться медленнее в местах высокой плотности популяции и быстрее — низкой³¹, что необходимо учитывать при оценке динамики соболиного промысла.

Определить запасы соболей к началу русского промысла в Западной Сибири много труднее. Здесь, по-видимому, нигде еще прежняя численность соболей не восстановлена; хотя уже производится промысел в значительных для этой части Сибири размерах³², современные показатели не могут еще быть критерием для XVII в. А данные по западносибирским уездам больше всего в этом нуждаются. Гибель документов в пожаре Казанского дворца 1626 г. делает почти невозможным определение высшей добычи соболей в тех уездах, где она приходилась на первую четверть XVII в.

По некоторым отрывочным данным можно предполагать, что на начало XVII в. приходилась высшая добыча соболей в Пелымском уезде. В 1598 г. там было взято в ясак шкурками соболей и других зверей в пересчете на соболей 2823 натуральных и условных соболя, в 1608 г. таким же порядком было собрано 3011 соболей, в 1609 г. — 2679 соболей и на 1610 г. был установлен ясачный оклад в 3012 соболей³³. Известно, что правительство неохотно шло на замену соболей другими зверями, поэтому при хорошем улове соболей их удельный вес в составе ясака был всегда высок. Это легко проверить более поздним ясачным сбором. В 1627 г. в Пелымском уезде соболи по цене составляли 72,7%, в 1637 г. — 66,4% всего ясака, в 1647 г. — 46% от общей цены ясачного сбора³⁴. Учитывая четко выраженную тенденцию к замене соболей другими

³¹ Зоологи считают бесспорным фактом зависимость расселения соболей от плотности популяции и связывают это с оседлостью соболя. См. В. А. Тавровский. Соболь северо-западной Якутии и пути восстановления его промысла, стр. 85; В. В. Тимофеев. Основы учета и планирования добычи соболей в охотничьих хозяйствах Восточной Сибири, стр. 157.

³² В Свердловской, Тюменской, Омской, Томской, Кемеровской областях и Алтайском крае в 1954/55 г. было заготовлено 8615 соболиных шкурок, в 1955/56 г. — 7549, в 1956/57 г. — 8326 штук. В начале 60-х годов только в Свердловской области заготавливалось по несколько тысяч соболей в год (А. А. Каплин. Советская пушнина, стр. 139; В. Н. Павлинин. Тобольский соболь. Свердловск, 1963, стр. 6).

³³ Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. 2. М.—Л., 1941, приложение, стр. 151, 205, 214—215.

³⁴ ЦГАДА, СП, стлб. 20, лл. 323, 324, 331, 333, кн. 95, лл. 70—75 об., кн. 238, лл. 1—335.

зверьями, для первого десятилетия XVII в. ясачный сбор соболями можно предположить до 2500 штук и считать его самым большим за весь XVII в., процентов на 20 больше самого высокого из учтенных сборов, начиная со второй четверти XVII в.³⁵ Нельзя не принять во внимание и жалобу ясачных людей, что «зверья стало мало, потому что место обрусело»³⁶, хотя о резком сокращении запасов соболей, судя по позднейшим сборам, говорить еще не приходится.

Начало истощения соболиных угодий в первом десятилетии XVII в. можно предполагать также в Сургутском уезде, где в 1608—1610 гг. ясачный и поминочный оклад был сокращен с 11 до 9 соболей с человека и тогда же русским людям промысел в ясачных вотчинах был запрещен³⁷. Правда, это было время серьезных волнений ясачного населения, к тому же надо учитывать относительную слабость правительства Василия Шуйского³⁸, поэтому не следует преувеличивать степень сокращения соболиного поголовья, основываясь только на уменьшении нормы ясака.

Кетский воевода в 1605 г. послал в Москву свыше 2800 соболей³⁹ — больше, чем в любой год после 1626 г., однако позднее часть ясачных людей Кетского уезда была передана в ведение Енисейска.

В Верхотурском уезде высшую добычу соболей можно предполагать во второй четверти XVII в. 2 апреля 1620 г. из Верхотурского уезда было отправлено в Москву 1111 ясачных и поминочных соболей, а 12 марта 1628 г. — 2133 соболя, собранных за 1628 г., да из недоимки за прошлые годы 246 соболей и 9 недособолей, всего 2388 соболей⁴⁰, немного меньше, чем за 1627, 1629 и 1630 гг.⁴¹

В Кузнецком и Красноярском (последний по состоянию русского промысла удобнее отнести к Западной Сибири) уездах наиболее высокие ясачные сборы приходится на вторую

половину XVII в. Из этого еще не следует вывод о росте там соболиного поголовья, потому что размеры ясака здесь зависели в первую очередь от политической конъюнктуры. Но, по видимому, и сокращения подорванных еще до прихода русских естественных запасов соболя (по крайней мере, в Красноярском уезде) в первой половине XVII в. не наблюдалось. Возможно, что в первой четверти XVII в. не было перепромысла соболей и в других пограничных уездах, например, в Тарском. Во всяком случае, в Западной Сибири в целом к началу второй четверти XVII в. соболиный ясачный сбор был близок к высшему уровню. В середине XVII в. истощение соболиных запасов в большинстве уездов Западной Сибири сомнений не вызывает. В 1650 г. в Кетском уезде русский соболиный промысел был запрещен⁴².

Еще труднее учесть в западносибирских уездах результаты русского промысла. Там не всегда взималась натуральная десятинная пошлина⁴³. В Сургутском и Томском уездах промышленники обычно платили оброк за «леший» (лесной) промысел. Размер оброка непосредственно не связывался с промысловыми успехами. В Томске, например, в январе 1629 г. было взято «государевы лешие пошлины» со служилых по 2, с «жилецких» людей по 3 соболя с человека, «для того что оне на лес пошли поздно», в мае с промышленных людей было взято по 10 соболей с человека, «для того что оне пошли на лес в осень рано»⁴⁴. В этих уездах иногда брали пошлину с пушнины, добытой в Восточной Сибири. Так, в 1642 г. сургутская администрация отмечала, что иные промышленные люди приехали из Енисейска и десятую платили в Сургуте⁴⁵. На томский рынок поступали соболя как местного промысла русских и коренных жителей, так и привозные из Кузнецка, Красноярска, Енисейска и из-за рубежа, из «колмаков»⁴⁶. В

³⁵ В. А. Александров. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в., стр. 227.

³⁶ Различия в промысловом налоге и таможенном обложении показывают неоднородность составных частей Сибири. Даже меры в разных местах Сибири были неодинаковы (В. И. Шунков. Меры сыпучих тел в Сибири XVII в. «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия». М., 1952, стр. 167, 170).

³⁷ ЦГАДА, СП, кн. 19, л. 951 об.

³⁸ Там же, кн. 154, л. 628 об.

³⁹ Г. Н. Потанин. Привоз и вывоз товаров города Томска в половине XVII столетия. «Вестник РГО». СПб., 1859, № 12, стр. 133—144; ЦГАДА, СП, кн. 594, лл. 278—331 об., 383 об. — 468, кн. 810, лл. 41—51.

⁴⁰ Сведения о ясачном сборе по западносибирским уездам использованы менее систематично, чем по восточносибирским, поэтому самый высокий сбор, возможно, не зафиксирован.

⁴¹ Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. 2, приложения, стр. 205.

⁴² Акты времени правления царя Василия Шуйского. М., 1914, стр. 370, 372.

⁴³ А. М. Гневушев. Сибирские города в смутное время. Киев, 1914, стр. 10.

⁴⁴ П. Н. Буцинский. К истории Сибири, кн. 2. Харьков, 1893, стр. 81.

⁴⁵ ДАИ, т. 3, стр. 87, 250.

⁴⁶ См. табл. 13 приложения.

1630-х годах томские и кузнецкие соборы проходили через устюжский рынок: осенью 1633 г. Ревякины послали в Москву из оставшегося товара 680 кузнецких соборей, в феврале 1634 г. — 680 томских соборей, в августе 1634 г. приказчик устюжанина Потапа Загибалова привез из Сибири 1360 кузнецких соборей⁴⁷.

Небольшая торговля соборами производилась в Березове. В 1632 г. там было куплено 127 соборей, кроме того, 240 соборей, привезенных из Мангазеи, 80 — из Красноярска, 13 — из Тобольска и 2270 соборей и 19 соборных шуб и кафтанов — из Сургута⁴⁸. В небольших количествах добывали частным путем соборей в Тобольском уезде. В 1609 г. из Тобольска и Тюмени 16 торговых, промышленных и гулящих людей вывезли 81 собор и 5 соборных шуб.⁴⁹ В заметных количествах поступала пушнина частного промысла на тобольский рынок из Тобольского, Пелымского, Тарского, Кузнецкого, Красноярского уездов, из Восточной Сибири и Башкирии⁵⁰. В 1640 г. казна в Тобольске получила ясачной, поминочной и десятинной «мягкой рухляди» на 2630 руб., а частные лица — на 6012 руб., в 2,3 раза больше⁵¹. Хотя в частном привозе свыше трети по оценке приходилось на лосиные кожи, частный промысел русского и нерусского населения в пределах Тобольского уезда несколько превышал по размерам принудительный промысел ясачных людей. Удельный вес соборных мехов (по оценке) был невелик: в составе ясака в 1627 г. 56%, в 1647 г. 18,9%, в 1657 г. 37,2%⁵², на тобольском рынке в 1639/40 г. 59%, в 1661/62 г. 30%, в 1668/69 г. 16% всей пушнины⁵³.

Не трудно заметить, что в таблице 5, учитывающей только ясачный сбор и русский профессиональный промысел, соборные ресурсы Западной Сибири несколько недооцениваются.

Соборы в Сибири в XVII в. были распространены повсе-

⁴⁷ ТКМГ, т. 1, стр. 56, 57, 77.

⁴⁸ ЦГАДА, СП, оп. 5, д. 14, лл. 3—38 об.

⁴⁹ АЮБ, т. 3, СПб., 1884, стр. 74—77.

⁵⁰ О. Н. Вилков. К вопросу об экономических связях сибирского города с прилегающей округой в XVII в. «Известия СО АН СССР. Серия общественных наук», 1966, № 1, вып. 1, стр. 106—112; он же. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М., 1967, стр. 253—286.

⁵¹ О. Н. Вилков. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке, стр. 302.

⁵² ЦГАДА, СП, стлб. 20, лл. 17—18, 314—325, 358—359, 363, кн. 238, лл. 1—335, стлб. 504, лл. 170—174.

⁵³ О. Н. Вилков. Ремесло и торговля Западной Сибири, стр. 230—233.

стно, за исключением Тюменского уезда⁵⁴, но очень неравномерно. Западная Сибирь (вместе с Красноярским уездом) была беднее соборами. На ее территории, составлявшей примерно четвертую часть общей площади Сибири (приблизительно 2,4 млн. из 10 млн. кв. км), запасы соборей составляли около 150 тыс. голов, 16—17% от общесибирских, или несколько больше, принимая во внимание недостатки учета. На такой же площади Мангазейского и Енисейского уездов соборей было в два раза больше — около 300 тыс., или 34% от общесибирских запасов. В Якутском уезде (3,5—4 млн. кв. км.) соборей было несколько больше, чем в приенисейских уездах, — примерно 320 тыс. голов, или 37%.

Неравномерно распределялись соборы и внутри отдельных районов. По наблюдению А. Ф. Миддендорфа, в Сибири встречаются места, в которых животные не водятся — настоящие пустыни⁵⁵. Для обитания собора неудобны безлесные пространства и некоторые облесенные районы с непригодным для этого зверя набором древесных пород.

У нас нет данных о площади соборных угодий⁵⁶, но принимая во внимание примерно одинаковую ландшафтную зональность названных районов, можно сравнить плотность расселения соборей относительно общей площади. В Западной Сибири на одного собора приходилось примерно 16 кв. км, в Мангазейском и Енисейском уездах — около 8 кв. км и в Якутии — 11—12 кв. км. Поэтому более высокую среднюю добычливость промысла можно ожидать на Енисее и на юге тогдашней Якутии, наименьшую — в Западной Сибири.

⁵⁴ В Тюменском уезде, по-видимому, совсем не было соборей. Правда, в самом начале XVII в. ханты, жившие возле Туринского острога от устья Тагила до устья Ницы, платили в Тюмень «з женатого человека по 10 соборей, а с холостово по 5 соборей» (Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. 1, приложения, стр. 393), но с основанием Туринского уезда они были изъяты из ведения Тюмени. См. также С. В. Кириков. Промысловые животные, природная среда и человек, стр. 216.

⁵⁵ А. Ф. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири, ч. II, отд. 5. Сибирская фауна. СПб., 1869, стр. 3.

⁵⁶ «Под охотничьим угодьем понимается любая территория, которая способствует существованию и воспроизводству различных позвоночных животных, независимо от того, производится ли на ней в данное время охота или нет. Непременным условием, однако, является наличие на такой территории охотничьих животных и возможностей к их добычанию» (Г. Д. Дулькейт. Указ. соч., стр. 5).

* * *

Количественные показатели еще не отражают истинную картину размещения соболиных богатств в Сибири. Соболи значительно различаются по своим пушно-меховым качествам⁵⁷, главным образом по высоте, густоте и цвету волосяного покрова. В настоящее время комплекс главных товарных признаков шкурок некоторых пушных зверей, в том числе и соболей, характерных для определенного географического района, называется кряжем. При сортировке и оценке соболиных шкурок в конце 1950-х годов выделяли кряжи: камчатский, баргузинский, якутский, амурский, минусинский, алтайский, енисейский, тобольский и тувинский. В пределах каждого кряжа соболей сортируют на 7 цветов: головку высокую (шкурки особо темной окраски), головку нормальную (темные), подголовку высокую (полутемные), подголовку нормальную (темно-каштановые), воротовый темный (каштановые), воротовый нормальный (светло-каштановые) и меховой (шкурки всех более светлых оттенков)⁵⁸.

В XVII—XVIII вв. последовательной сортировки и оценки соболей в зависимости от определенного географического района (по кряжам) не было. Как в сибирских уездах, так и в Москве оценщики разбирали соболи шкурки в сорока (в партии по 40 штук) и оценивали каждый сорок отдельно, не всегда отмечая место добычи. Особо учитывали редких по качеству соболей-одиноц или пары одинаковых соболиных шкурок. Разница в цене «головного» (первого) и последнего по нисходящей оценке сорока бывала громадной. Так, например, в Сибирском приказе на 31 августа 1647 г. в остатке после расхода за год оказался 771 сорок соболей по цене от 550 до 12 руб. каждый. В следующем году якутские соболи там оценивались от 500 до 25 руб., сорок, тобольские — от 50 до 14 руб., тарские — от 55 до 10 руб., сургутские — от 50 до 7 руб., нарымские — от 30 до 7 руб.⁵⁹ В XVII в. наряду с ре-

⁵⁷ Биологические различия соболей (размер, соотношение разных частей тела и т. п.) для настоящей темы не имеют значения и в расчет не принимаются.

⁵⁸ А. А. Каплин. Пушнина СССР. М., 1960, стр. 12, 15. Распределение соболиных шкурок на 8 перечисленных кряжей, кроме тувинского, было принято еще в 1933 г. и давно считается устаревшим (В. В. Тимофеев, В. Н. Надеев. Соболи. М., 1955, стр. 17—18).

⁵⁹ ЦГАДА, СП, кн. 238, лл. 2—18, 303 об. — 307, 316, 121 об. — 122, 147, 198.

альной оценкой соболиных шкурок, производившейся опытными специалистами в процессе сортировки («разбора») пушнины, существовала условная суммарная оценка соболей, принимавшихся в ясак или проходивших через таможи, в зависимости от места сбора или местоположения таможни. При этом если «разборная» цена определялась только качеством соболиных шкурок, независимо от места добычи (даже в тех случаях, когда район промысла обозначался), то при условной оценке принимался во внимание только район промысла или место приема соболей в масштабах одного или нескольких уездов и сортность шкурок. Сводку условных цен соболей для второй половины XVII в. составил В. К. Андриевич⁶⁰.

Уезды	Лучшие (руб.)	Добрые (руб.)	Средние (руб.)	Плохие (руб.)
Якутский, Иркутский, Нерчинский, Илимский	5,0	2,0—3,0	1,0	0,6
Мангазейский	1,9	—	0,6	0,3
Енисейский	0,8	—	0,5	0,3
Тобольский, Туринский, Верхотурский, Пелымский, Томский, Нарымский, Кетский	0,4	—	0,3	0,2

К данным В. К. Андриевича надо относиться с осторожностью, но по ним можно судить, что при условной оценке уже в XVII в. соболи шкурки сортировались по географическим районам.

Реальная средняя «разборная» цена всегда была выше условной цены соболя среднего сорта, но отношения этих цен в разных районах отличались мало, что видно из сопоставления данных таблицы 6 с приведенными выше. Средняя «разборная» цена соболей Якутского, ясачного сбора Енисейского и западносибирских уездов в два раза выше условной цены среднего сорта соболей тех же уездов. Десятичный сбор енисейской таможни не показателен, потому что через Енисейск проходило большое количество соболей из восточных уездов. Только в Мангазейском уезде «разборная» цена оказывается в три раза выше условной среднего сорта, однако эта разница

⁶⁰ В. К. Андриевич. История Сибири, ч. 2. СПб., 1889, стр. 253.

сглаживается, если учесть большую условную цену высшего сорта.

Для выявления относительной ценности соболей, добываемых в разных районах, удобнее пользоваться более точными «разборными» ценами: при сравнении соболей разных уездов московской, при сравнении соболей внутри уездов уездными ценами. Московская цена соболей 1648 г., близкого к году высшей добычи соболей по численности и к году высшей добычи по их стоимости, может быть принята за основу при определении удельного веса отдельных районов Сибири в размещении соболиных богатств до начала перепромысла. При этом надо иметь в виду, что не было строгого постоянства в отношениях цен соболей разных уездов.

Таблица 6

СРЕДНЯЯ МОСКОВСКАЯ «РАЗБОРНАЯ» ЦЕНА СОБОЛЯ ЯСАЧНОГО И ТАМОЖЕННОГО ДЕСЯТИННОГО СБОРОВ (руб.)¹

Уезды	Оценка 1628 г.	Оценка 1648 г.	Оценка 1664 г.	Оценка 1685 г.
Верхогурский	0,45		0,45	
Пельымский	0,35	0,59	0,35	0,72
Туринский	0,40	0,43	0,44	0,70
Тарский	0,53	0,51	0,39	0,73
Тобольский	0,52	0,56		
Березовский	0,79	0,72	0,42	св. 0,69
Сургутский	0,63	0,79	0,47	ниже 0,79
Нарымский	0,64	0,53		
Кетский	0,81	0,55		
Томский	0,37			
Кузнецкий	0,32	0,52		
Красноярский		0,78		
Итого по Зап. Сибири	0,53	0,59		
Мангазейский: ясак	1,50	1,81		3,16
десятинный сбор	1,55	1,82		3,46
Енисейский: ясак	0,80	1,16		
десятинный сбор	1,11	1,64		3,93
Якутский и Илимский		2,00		

¹ ЦГАДА, СП, стлб. 20, лл. 1—363, кн. 238, лл. 1—335, стлб. 685, ч. I, лл. 3—6, 27—47, 11—15, 48—57, 98—150, 70—96, стлб. 972, лл. 8—46, 72—97, 117—145, стлб. 976, лл. 2—8, 10—24.

Обратившись к таблице 6, легко заметить, что мангазейские соболи ценились раза в три, а енисейские раза в два выше соболей западносибирских уездов. Следовательно, Мангазейский и Енисейский уезды, равные по площади всем западносибирским уездам и превосходившие их по запасам соболей в два раза, по ценности соболей были богаче Западной Сибири примерно в пять раз. Якутский уезд по ценности соболиного поголовья (в 1648 г. цена якутских соболей несколько занижена за счет смешения их с более дешевыми илимскими) почти в полтора раза превосходил Мангазейский и Енисейский уезды, а по плотности соболиного богатства примерно равнялся им, превосходя Западную Сибирь в той же пропорции, что и енисейские уезды. Поэтому неудивительно, что русские промышленники не задерживались в массе своей в Западной Сибири, на долю которой приходилось 6—7% или чуть больше соболиных богатств всей Сибири.

Резко различались соболи по цене, следовательно, и по качеству меха и внутри больших уездов. В Мангазейском уезде за 15—18 учтенных лет с 1626 по 1685 г. суммарная средняя «разборная» цена соболей (в рублях за штуку), взятых в ясак в разных зимовьях, была следующей⁶¹.

На Енисее и в северной части уезда:

Верхотазовское	1,04
Хантайское	1,09
Туруханское	1,27
Имбатское	1,11
Закаменное	0,95
Есейское	1,80

На Нижней Тунгуске:

Летнее	1,63
Илимпейское	2,06
Титейское	1,92
Курейское	2,50
Непское	1,97
На Подкаменной Тунгуске:	
Чунское	1,37
Тетерское	1,64

В волостях Енисейского уезда за 25 лет с 1637 по 1688 г.⁶²:

Кузнецкая	0,51	Варгаганская	0,85
Сымская			
и Касовская	0,59	Рыбенская	1,07
Натская	0,51	Чадобецкая	1,14
Пумпокольская	0,45	Братский острог	1,11
Питская	0,80	Балаганский	1,22

⁶¹ См. табл. 1 приложения.

⁶² См. табл. 2 приложения.

В острогах и зимовьях Якутского уезда за 5—10 лет
с 1655 по 1702 гг.⁶³

Якутский острог	3,04	Верхоянское зимовье	2,89
Олекминский	2,84	Индигирское Нижнее	2,59
Патомское зимовье	4,25	» Подшиверское	2,98
Чаринское	4,07	» Зашиверское	3,89
Бутальское	3,51	Алазейское	3,37
Тонторское	3,79	Нижне-Колымское	3,02
Нижне-Вилуйское	1,85	Средне-Колымское	2,85
Средне-Вилуйское	2,86	Верхне-Колымское	3,76
Верхне-Вилуйское	3,03	Анадырское	3,74
Жиганское	2,03	Охотский острог	4,28
Оленекское	2,03	Удское зимовье	4,76
Нижне-Янское	2,24	Майское	3,70

Как видно из приведенных данных, средняя цена наиболее дорогих соболей превышала среднюю цену самых дешевых соболей в Мангазейском и Енисейском уездах в 2,4 раза, в Якутском уезде в 2,3 раза. Несомненно, что и внутри названных административных подразделений восточносибирских уездов соболи различались по качеству меха. С. П. Крашенинников сообщает, на основе наблюдений промышленников, что в бассейне Витима самые лучшие соболи в 30-е годы XVIII в. добывались по речке Кутомале, впадающей в Витим с правой стороны, худшие — по речке Койкодере, впадающей в приток Витима Нижнюю Маму с левой стороны. Витимские промышленники согласно утверждали, что ближе к верховьям рек живут лучшие соболи, а ближе к устьям — худшие⁶⁴.

Причины зависимости качества меха соболей от природных условий не выяснены до конца и в настоящее время. Одни связывают качество меха соболя с влажностью воздуха: чем суше воздух, тем шелковистее мех, другие — с абсолютной высотой местности, третьи — с микроклиматом мест обитания соболей⁶⁵. Но охотникам и торговцам пушниной были известны определенные закономерности в размещении соболей с лучшим и худшим мехом, хотя они, может быть, и не задумывались над этим явлением. Г. Ф. Миллер в середине XVIII в. писал как о хорошо известном всем факте, что соболи от востока к западу хуже, а от Красноярска в направлении к востоку и северу чем дальше, тем лучше⁶⁶. И в настоящее вре-

мя в правобережье Енисея «заметно потемнение соболей к северу»⁶⁷. Меньшая плотность популяции соболей на севере должна была частично компенсироваться экономически при промысле более высоким качеством меха.

Специалисты предполагают, что качество меха соболей изменяется по годам в соответствии с годовыми изменениями условий обитания зверьков: теплые или холодные лето и зима, изобилие или ограниченность осадков, урожай кормов. В годы хорошего урожая кормов отмечается более раннее созревание меха у соболей и лучшее опушение шкурки. По наблюдениям охотников, в годы урожая рябины, которую соболи охотно поедают, волосной покров зверьков будто бы грубеет и ость становится ломкой⁶⁸. С. П. Крашенинников отмечал другое печальное для промышленников следствие поедания соболями рябины: по словам охотников, соболям от нее случается чесотка, от которой они трутся о деревья и сбивают шерсть с боков, так что промышленникам приходится ждать до половины зимы, пока у соболей шерсть подрастет⁶⁹. Некоторые исследователи считают, что качество меха снижается, когда плотность соболей возрастает намного выше нормальной⁷⁰.

Отклонение от средних норм погодных, кормовых и других условий обитания соболей на больших пространствах Сибири было неодинаково, что должно отражаться в неодинаковом колебании по годам цен соболей, добываемых в разных местах, но при этом надо учитывать частую смену оценщиков пушнины, несовпадение в ряде случаев мест сбора и добычи соболей, наконец не следует преувеличивать и степень отклонения качества меха от нормы.

Приведенные выше данные о средних суммарных ценах соболей в Мангазейском, Енисейском и Якутском уездах (сопоставимые только внутри уездов) подтверждают в общем плане и для XVII в. правильность положения об улучшении качества собольего меха в направлении от Красноярска к севе-

⁶³ См. табл. 3 приложения.

⁶⁴ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 256.

⁶⁵ В. В. Тимофеев, В. Н. Надеев. Указ. соч., стр. 26—27.

⁶⁶ Г. Ф. Миллер. Описание о торгах сибирских. СПб., 1756, стр. 80.

⁶⁷ В. В. Тимофеев, В. Н. Надеев. Указ. соч., стр. 25. С. В. Кириков считает, что особенности меха, свойственные пушным зверям в прошлые века, во многих случаях и в настоящее время остались по существу неизменными (С. В. Кириков. Промысловые животные, природная среда и человек, стр. 315).

⁶⁸ В. В. Тимофеев, В. Н. Надеев. Указ. соч., стр. 27.

⁶⁹ С. П. Крашенинников. Указ. соч., стр. 257.

⁷⁰ И. Селезнев. «Соболиная болезнь». «Сельскохозяйственное производство Сибири и Дальнего Востока», 1963, № 6, стр. 75.

ру и востоку, а также дают возможность распространить на другие районы Сибири наблюдение витимских промышленников о лучшем качестве меха соболей в верховьях рек. Легко заметить, что соболи левобережных районов бассейнов Енисея и Лены дешевле соболей правобережных районов. Соболи бассейна Нижней Тунгуски дороже соболей с Подкаменной Тунгуски. Соболи с верховьев Нижней и Подкаменной Тунгусок, Ангара, Вилюя, Яны, Индигирки и Колымы в целом дороже соболей, добытых в низовьях этих рек. При более детальном рассмотрении эта общая закономерность нередко нарушается. На побережье Енисея в пределах Мангазейского уезда наиболее дешевыми оказываются соболи самые северные и самые южные, причем, как это видно из таблицы 1 приложения, линии уровня цен постоянно переплетаются, так что какую-либо закономерность в изменении качества меха в географическом направлении или по течению реки проследить не удастся. На Ангаре такая закономерность прослеживается с небольшими отклонениями достаточно отчетливо: наиболее дешевые из сравниваемых соболи Рыбенского острога оказываются самыми западными и самыми «низовыми», на Вилюе качество меха соболей также ухудшается в направлении течения реки, но, в отличие от бассейна Ангара, с запада на восток.

Повышение или понижение цен соболей по годам, как правило, было общим для уездов, только степень колебания цен была неодинаковой. Особенно резких нарушений этого правила не было⁷¹, что заставляет предполагать отсутствие в учетные годы массовых и дальних миграций соболей.

Возвращаясь к количественным показателям естественных запасов соболей в Сибири к началу интенсивного промысла (таблица 5), необходимо иметь в виду, что приблизительно 870 тыс. поголовья и возможная ежегодная добыча около 260 тыс. соболей являются лишь теоретически расчетными числами, составленными в результате суммирования частных поездных показателей при оптимальных условиях обитания соболей. Ближе к реально возможной добыче соболей должны быть среднегодовые показатели за десятилетия, на которые приходилась самая высокая добыча в XVII в. (см. табл. 7), потому что здесь уравниваются благоприятные и неблагоприятные для численности соболей и для их промысла годы, недопромысел и перепромысел соболей, поэтому реально возмож-

⁷¹ См. табл. 1—3 приложения.

ной в пределах Сибири XVII в. можно считать добычу приблизительно 200 тыс. соболей в год.

Таблица 7

**СРЕДНЕГОДОВАЯ ДОБЫЧА СОБОЛЕЙ В СИБИРИ
В XVII в. ЗА ДЕСЯТИЛЕТИЯ ВЫСШЕЙ ДОБЫЧИ (тыс. штук)¹**

Уезды	Десятилетие высшей добычи	Добыто за десятилетие	В среднем за год	В среднем за год с учетом 10% на утайку	Возможная добыча с 1621 по 1690 г.	
					учтено	с учетом 10% на утайку
10 западносибир- ских уездов	1651—60	190	19,0	20,9	1330	1460
Сургутский	1621—30	90	9,0	9,9	630	690
Томский	1621—30	66	6,6	7,3	460	510
Всего в Западной Сибири		346	34,6	38,1	2420	2660
Мангазейский	1621—30	525	52,5	57,7	3670	4040
Енисейский	1631—40	201	20,1	22,1	1370	1510
Илимский	1641—50	147	14,7	16,2	750	820
Якутский	1641—50	578	57,8	63,6	3220	3540
Иркутский	1671—80	59	5,9	6,5	190	210
Нерчинский с Албазинским	1671—80	70	7,0	7,7	160	180
Всего в Восточной Сибири		1580	158,0	173,8	9360	10300
Всего в Сибири		1926	192,6	211,9	11780	12960

¹ См. 5 главу. Возможная добыча соболей с 1621 по 1690 г. рассчитана следующим образом: высшая десятилетняя добыча умножена на число десятилетий, считая от десятилетия высшей добычи до конца периода, и к ней прибавлена добыча за предшествующие десятилетия; по всем западносибирским уездам высшая добыча умножена на 7.

При хорошем учете естественных запасов соболей и регулировании их промысла за 7 десятилетий интенсивного соболиного промысла, в 20—80-е годы XVII в., сибирская тайга, стремительно осваиваемая охотниками, могла поставить око-

ло 13 млн. собольих шкур. В действительности же за тот период было добыто, с учетом 10% утайки, около 8 млн. соболей, или несколько больше 60% возможного количества. Только в конце 30-х и начале 40-х годов XVII в., когда русскими промышленниками не были еще освоены угодья Иркутского, Нерчинского уездов, частично северо-восточной Якутии, ценой перепромысла общая добыча соболей в Сибири приближалась или несколько превысила среднюю возможную норму, достигнув в 1642 г. 210—215 тыс. штук. За целое же десятилетие высшей добычи в 1640-е годы было получено, с учетом 10% утайки, около 1600 соболей, или 80% возможной средней добычи (см. главу 5). Правительство не только знало о падении соболиного промысла, но и подсчитывало убытки казны. В Москве считали, что за 20 лет с 1632 по 1652 г. казна недополучила в Мангазейском уезде таможенного десятинного сбора на 100 тыс. руб.⁷² Однако действенных мер по ограждению соболей от истребления не принималось. Только в 80-е годы XVII в. русский соболиный промысел в большинстве районов был запрещен или резко ограничен, но и тогда всячески поощрялась добыча соболей ясачным населением.

2. Природные запасы несоболиной пушнины

Кроме соболей, в Сибири в XVII в. добывали бобров, лисиц, белок, песцов, куниц, горностаев, выдр, росомех, рысей, волков и некоторых других пушных зверей, однако даже очень приблизительную их численность и возможную добычу по данным XVII в. определить почти не удастся, поэтому приходится использовать более поздние и не всегда соответствующие XVII в. показатели. Трудности вызываются особенностями добычи и учета этих зверей: во-первых, ни один вид перечисленных пушных зверей, за исключением бобров, не подвергался в масштабах всей Сибири полному опромыслению и тем более перепромыслу, поэтому по добыче нельзя судить о их поголовье, во-вторых, полностью можно учесть только ясачные поступления, учет несоболиной пушнины частного промысла затруднен: чаще всего шкурки большинства зверей предъявлялись в таможи для уплаты десятинного сбора мелкими партиями, они в определенной пропорции присоединялись к неполным десяткам соболей, иногда неполные де-

⁷² В. А. Александров. Русское население Сибири, стр. 227.

сятки шкурки оплачивались деньгами, поэтому по натуральному десятинному сбору нельзя судить о размерах добычи.

Бобры. Бобры, в отличие от соболей, встречались преимущественно в Западной Сибири. Они высоко ценились, с самого начала охотно принимались вместо соболей в ясак и привлекали внимание промышленников, но ежегодная добыча бобров частным промыслом, вероятно, не превышала 3000 штук, еще меньше поступало их в ясак — не свыше 2000 штук в наиболее благоприятные годы.⁷³ В трех приенисейских уездах общая добыча бобров едва ли достигала 500 штук в год.⁷⁴ Еще восточнее бобры встречались совсем редко. Поэтому утверждение В. Н. Скалона, автора серьезного исследования о бобрах в Сибири, что всюду в тайге, от Урала до Амура, русские встретили изобилие бобра,⁷⁵ нельзя принять без оговорок о сравнении с действительно скудными запасами этого зверя в XIX и первой половине XX в. Ближе к истине С. В. Кириков и Ю. А. Исаков, по мнению которых в XVII в. на долю бобра едва ли приходилась сотая часть того, что давал в Сибири соболю.⁷⁶ В самом деле, если ежегодная возможная добыча соболей в Сибири составляла около 200 тыс., а бобров 4—5 тыс., то на долю бобров приходилось всего около 2% от соболиной добычи по количеству шкур и около 3% по цене меха.⁷⁷ Однако в Западной Сибири, где размещалось не менее 90% естественных запасов бобра, соотношение этих видов пушных зверей не было таким подавляющим в пользу соболя.

Бобровый промысел в XVII в. как и соболиный, только чуть в меньшей степени, производился сверх естественного прироста зверей, поэтому запасы бобров к концу века были значительно подорваны.

⁷³ См. главу 5.

⁷⁴ К. Д. Нумеров, П. Н. Павлов. Бобры в бассейне Енисея. «Зоологический журнал», 1965, т. 44, вып. 12, стр. 1853.

⁷⁵ В. Н. Скалон. Речные бобры в Северной Азии. М., 1951, стр. 167.

⁷⁶ С. В. Кириков, Ю. А. Исаков. Запасы наземных промысловых животных, динамика промысла и перспективы использования. «Материалы к 3 съезду Географического общества СССР». Л., 1959, стр. 18.

⁷⁷ По оценке 1628 г. средняя московская цена бобровой шкурки равнялась 1 руб. 65 коп., в 1648 г. — 2 руб. 2 коп., в то же время средняя цена соболей даже из восточных уездов была несколько ниже (ЦГАДА, СП, стлб. 20, лл. 1—363, кн. 238, лл. 27—30 об.). Бобровые шкурки не сортируются по кряжам. При оценке учитывается цвет меха (в XVII в. черный, черно-карий, карий и рыжий). Дешевле ценятся молодые бобры — яры и кошкоки.

Лисицы. В XVII в. лисиц в Сибири промышляли мало. До конца этого века в составе ясака количество лисиц не доходило до 10 тыс., а частный промысел давал еще меньше. В 1699 г. во всех уездах таможенный десятинный сбор составил 284 шкурки, в том числе в западносибирских уездах — 263. Учитывая, что десятинную пошлину брали не только «за промысел», но и «за перекуп», можно предполагать общую учтенную таким образом частную добычу лисиц в пределах 2 тыс. штук. Не больше предъявлялось в таможи для уплаты десятинной пошлины мелкими партиями, с которых десятина оплачивалась деньгами или другими зверями. Некоторое количество лисиц добывали местные жители для собственных нужд. Предельной для XVII в. была добыча не свыше 15 тыс. лисиц в год, приходящаяся на самый конец века, а в середине XVII в. общая добыча лисиц в Сибири едва ли много превышала 5 тыс.⁷⁸

О неполном использовании естественных запасов лисиц в XVII в. можно судить также по быстрому росту ясачных поступлений в последующее время: в 1717 г. 11196, в 1757 г. 20960 штук.⁷⁹ Вероятно, в неменьшей пропорции увеличилась и добыча частного промысла, тем более, что в XVIII в. лисьи меха относительно подорожали. Еще больше возросла добыча лисиц в XIX и XX вв. В 1922/23 г. в Сибири (без Дальнего Востока) было заготовлено 50 тыс.⁸⁰ На территории Красноярского края добыча лисиц с конца XVII до середины XX в. увеличилась в 5 раз, приблизительно с 2 тыс. до 10 тыс. в год.⁸¹

Вероятно, за три с лишним столетия условия существования лисиц в Сибири изменились к лучшему (рост численности мышей с расширением сельскохозяйственных угодий и т. п.). Увеличились естественные запасы лисиц и за счет присоединенных к Сибири после XVII в. территорий. И все же предельная в XVII в. добыча до 15 тыс. штук, не говоря уже о промысле нескольких тысяч в год в первой половине века, была ниже возможной.

Интенсивность промысла того или иного вида пушных зверей в пределах естественных возможностей может регулиро-

⁷⁸ См. главу 5.

⁷⁹ См. главу 5, а также ЦГАДА, СП, оп. 1, ч. 8, д. 6374, лл. 10—92 об., 247—254.

⁸⁰ А. А. Каплин. Советская пушнина. М., 1962, стр. 66.

⁸¹ К. Д. Нумеров, П. Н. Павлов. Пушные богатства Красноярского края в прошлом и настоящем. «Красноярский край (Материалы по географии и истории)». Красноярск, 1962, стр. 150.

ваться спросом и ценами на рынках, спрос и цены, в свою очередь, зависят от количества и качества поставляемых мехов, от конкуренции с ними пушных товаров, например, суكون, пушнины других видов и того же вида из других областей и стран, от капризов моды⁸² и т. п. Однако сибирские лисицы, относящиеся к числу лучших на территории СССР,⁸³ в XVII в. ценились достаточно высоко. По московской «разборной» цене наиболее распространенные красные лисицы оценивались в 1628 г. от 30 до 80 коп., в среднем по 62 коп. за штуку, в 1648 г. — от 30 коп. до 1 руб. 10 коп., в среднем по 87 коп., значительно дороже западносибирских соболей. Дороже ценились шкурки лисиц всех других цветовых категорий. Очень редкие черные лисицы в 1628 г. ценились до 15 руб., в 1648 г. до 50 руб. за штуку, черно-бурые лисицы соответственно до 10 и 27 руб., бурые — до 8 руб. за штуку. Немного дороже красных лисиц ценились также редкие красно-бурые, чалые, седые, серые, черночеревые и несколько более тогда распространенные сиводушки. Лисицы-крестовки в первой половине XVII в. не выделялись⁸⁴. Привоз в Россию западноевропейских и, возможно, через Европу американских лисиц был незначителен, а вывоз в середине XVII в. только через Архангельский порт раза в три превышал всю добычу лисиц в Сибири. Основную причину недопромысла лисиц надо искать в низкой добычливости и недостаточной рентабельности лисьего промысла.

При полном использовании естественных запасов лисиц в XVII в. их добыча, считая только по 20 тыс. в год, составила бы до 10% по количеству шкурок и до 5% по цене от добычи соболей, а скорее всего, еще больше. Фактически же лисий промысел давал 1,5—3,5% товарной продукции соболиного промысла. В Западной Сибири удельный вес его был несколько выше.

⁸² Так, например, после второй мировой войны на зарубежных пушных рынках спрос и цены на длинноволосые меха (лисицы, песца, енота, волка и др.) резко понизились (А. А. Каплин. Пушнина СССР, стр. 60). В России в XVIII в. по сравнению с XVII в. лисицы относительно соболей заметно подорожали (см. главу 2).

⁸³ В настоящее время в СССР обыкновенные (красные) лисицы подразделяются на 38 кряжей, которые по ценности лисьего меха идут в следующем порядке: камчатский, якутский, тобольский, приморский, ленский, енисейский, томский и т. д. Лисицы-сиводушки делятся на 3 кряжа: камчатский (лучший), северосибирский и кавказский (А. А. Каплин. Пушнина СССР, стр. 50—52).

⁸⁴ ЦГАДА, СП, стлб. 20, чл. 21, 75, 317—335, кн. 238, лл. 13 об.—24 об.

Белки. По сравнению с бобровыми, собольими и лисьими шкурками маленькие беличьи шкурки всегда ценились дешево. Однако по ценности меха, с учетом его площади, беличьи шкурки значительно превосходят меха малоценных пушных зверей, причем сибирские белки относятся к числу самых ценных на территории СССР да и за его пределами.

Белки по меховым качествам шкурок различаются в зависимости от мест обитания (в настоящее время на территории СССР выделяют 13 краев). Относительная ценность белок разных географических районов непостоянна. Например, в 1951 г. на ленинградском международном аукционе белки ценились по нисходящей линии в следующем порядке: якутская, забайкальская, ленская, енисейская, амурская, телеутская, обская и т. д.⁸⁵, обычно же в настоящее время высоко ценятся шкурки белок якутского края и белки-телеутки из сосновых боров Западной Сибири и Казахстана⁸⁶. Однако при всех изменениях вкусов покупателей в числе лучших остаются белки сибирские. Г. Ф. Миллер в середине XVIII в. писал, что сибирская белка имеет первенство перед российской. В его время покупали телеутскую белку по 60—65 руб. за тысячу, илетскую (из Илетского бора в Ялуторовском уезде на западном берегу Тобола) по 40 руб., обскую, нерчинскую и баргузинскую по 30—35 руб., енисейскую и иркутскую по 30 руб., ленскую по 27 руб. и якутскую по 20—22 руб.⁸⁷ И несколько позднее превосходство телеутских белок перед другими отмечал П. С. Паллас⁸⁸. В начале XIX в. лучшими считались охотская, нерчинская, ленская и алданская белки⁸⁹.

В XVII в. больше всего ценились белки илетские. В 1613 г. в Казанском приказе илетские белки оценивались по 30 руб. тысяча, казымки — по 18 руб., в 1628 г. илетские белки ценились по 26 руб. за тысячу, казымки по 18 руб., остальные по 15, в отдельных случаях по 12 и по 20 руб. за тысячу. В 1648 г. в Сибирском приказе сибирские белки без обозначения места добычи оценивались от 16 до 20 руб., а илетские — от 40 до

⁸⁵ А. А. Каплин. Пушнина СССР, стр. 96.

⁸⁶ Е. Фадеев. Правила сортировки и оценки пушных шкурок. «Охота и охотничье хозяйство», 1963, № 11, стр. 18.

⁸⁷ Г. Ф. Миллер. Описание о торгах сибирских, стр. 92.

⁸⁸ П. С. Паллас. Путешествие по разным местам Российского государства, ч. II, кн. 2, 1770 год. СПб., 1786, стр. 404.

⁸⁹ Н. В. Семияский. Новейшие любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири. СПб., 1817, стр. 186.

42 руб. за тысячу⁹⁰. Впрочем, в Сибири белки ценились дешево, и разрыв между московской и сибирскими «разборными» ценами их был больше, чем при оценке других зверей⁹¹. В Сибири белки оценивались чаще всего по 10 руб., реже по 15 руб. за тысячу, обычно без заметной поправки на места добычи. Так, например, в 1654 г. в Туринском уезде илетские белки были оценены в среднем по 10,7 руб., а прочие по 9,9 руб. за тысячу⁹².

Восточносибирские белки ценились мало. В Мангазейском уезде в конце XVII в. в ясак за одного соболя брали по 100 белок, в Якутске в 1694 г. по таможенной оценке соболя приравнялся к 200 белкам⁹³. Вероятно, поэтому до конца XVII в. к востоку от Нарыма белок в ясак не принимали, и частный промысел их в Сибири начался по существу только в конце этого века.

Большое значение в промысле и торговле белке придает ее многочисленность. В середине XVIII в. в Сибири ежегодно добывалось не менее 2 млн. белок, в середине XIX в. свыше 7,5 млн., в 1922/23 г. в Сибири без Дальнего Востока было добыто 10 млн. белок⁹⁴. С 1940-х годов добыча белок стала снижаться. На всей территории СССР в 40-е годы она не превышала 9,4 млн., в 50-е годы — 8,1 млн., составляя в 1958 г. всего 5,2 млн.⁹⁵ а в дальнейшем еще больше сократилась. В 60-х годах XX в. промысел и численность белок, по-видимому, приблизились по уровню к середине XVIII в.

⁹⁰ РИБ, т. 9. СПб., 1884, стр. 37; ЦГАДА, СП, стлб. 20, лл. 75, 317, 318, 323—325, кн. 238, лл. 30 об.—31. Г. Ф. Миллер отмечал, что касимская белка добывалась по р. Касиме Березовского уезда (Г. Ф. Миллер. Описание о торгах сибирских, стр. 90), но в 1628 г. белки-казымки при оценке в Москве учитывались по Пелымскому, Тарскому, Тобольскому и Нарымскому уездам.

⁹¹ В других главах настоящей работы учитываются «разборные» поуездные сибирские цены, точнее отражающие место пушного промысла в народном хозяйстве Сибири. В настоящей главе, где необходимо установить относительную ценность разных пушных зверей, принимается цена московская, однако и здесь большую разницу московской и сибирской цен белок надо учитывать.

⁹² ЦГАДА, СП, кн. 310, л. 81.

⁹³ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 2, стр. 58; ЦГАДА, ЯПИ, оп. 4, 1636, лл. 21 об.—27.

⁹⁴ ЦГАДА, СП, оп. 2, д. 41, лл. 16—17 об., оп. 1, ч. 8, д. 6374, лл. 10—92 об., 247—254; Гагемейстер. Статистическое обозрение Сибири, ч. 1, СПб., 1854, стр. 314; А. А. Каплин. Советская пушнина, стр. 66.

⁹⁵ А. А. Каплин. Советская пушнина, стр. 65, 109, 154.

Исследователи давно подметили своеобразную обратную пропорциональную зависимость беличьего промысла от соболя: чем больше добывается соболей, тем меньше белок и наоборот. В определении причин мнения расходятся. Одни виновником падения численности белки считают соболя⁹⁶, другие утверждают, что соболи в основном добывают белку при случайных встречах, а специально ее не преследуют⁹⁷. Нет единого мнения и среди охотников. Как установил К. Д. Нумеров на основании анализа 500 с лишним анкет и писем охотников Красноярского края, каждый четвертый промысловик главной причиной снижения численности белки считает истребление ее соболями, но большинство (55,5%) связывает это с ухудшением кормовых условий. В результате специальных исследований К. Д. Нумеров пришел к выводу, что в Красноярском крае при сниженных по разным причинам запасах белки уничтожение соболями от 2,2 до 3,2 млн. (от 8 до 12 белок на соболя) в год приводит к дальнейшей убыли белок⁹⁸. Резкое падение добычи белок во время подъема соболяного промысла исследователи объясняют и экономическими причинами, прежде всего относительной невыгодностью беличьего промысла по сравнению с соболяным.

В XVII в., когда было много соболей, беличье поголовье, вероятно, не было особенно многочисленным, но несомненно, что и те запасы использовались слабо. Ясачные люди Якутского уезда, жалуясь на исчезновение пушных зверей, оговаривались: «опричь белок и горностаев». В самом конце XVII в. разрешено было принимать в ясак восточносибирских белок⁹⁹. Но и тогда общая добыча их не доходила до половины миллиона.

⁹⁶ Н. Щукин. О звериных промыслах по реке Лене. «Журн. мин. гос. имуществ», ч. III, кн. 5. СПб., 1841, стр. 103; А. Ф. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири, ч. II, отд. 6. СПб., 1877, стр. 616; В. Н. Скалон. Русские землепроходцы — исследователи Сибири XVII века. М., 1951, стр. 92.

⁹⁷ В. В. Тимофеев, В. Н. Надеев. Соболи. М., 1955, стр. 84.

⁹⁸ К. Д. Нумеров. Влияет ли соболи на численность белки? «Охота и охотничье хозяйство», 1963, № 12, стр. 26—28; он же. Соболи Енисейской Сибири, стр. 16. Среди причин, снижающих численность белок, поедание белок соболями, где имеется значительное их количество, отмечает Г. Д. Дулькейт (Г. Д. Дулькейт. Охотничья фауна, вопросы и методы оценки производительности охотничьих угодий алтайско-саинской горной тайги, стр. 119).

⁹⁹ Н. С. Романов. Ясак в Якутии в XVIII в. Якутск, 1956, стр. 25.

За неимением данных по XVII в. за основу возможной добычи белок можно принять вывоз белок из Сибири в середине XVIII в., составлявший свыше 2 млн. штук. При среднем соотношении цены соболей и белок в XVII в. как 1:100 на долю белок пришлось бы 10% стоимости соболей. При этом надо учитывать особенность беличьего промысла: численность белок по годам резко колеблется в зависимости от кормовых и других условий обитания, хотя эти колебания не синхронны на обширных лесных пространствах Сибири, несколько сглаживаются в общесибирском масштабе, потому что даже периоды между «урожайными» годами белки неодинаковы.¹⁰⁰ Фактически на долю белок до последних десятилетий XVII в. едва ли приходилось больше 1—2% товарного пушного промысла.

Песцы. Песец — зверь по преимуществу тундровый, хотя в годы массовых миграций песцы заходят далеко на юг, до Подкаменной Тунгуски и даже до Ангары и верховьев Нижней Тунгуски.¹⁰¹ В коренных местах обитания у песцов почти нет среди наземных хищников конкурентов на корма, запасы пушных зверей в северных районах и в настоящее время недоиспользуются,¹⁰² поэтому определить возможную добычу песцов в XVII в. можно по современной, достигающей на территории СССР, большей частью в Сибири, 100 тыс. в год.¹⁰³

В XVII в. песцы ценились сравнительно дешево, по сибирской оценке обычно по 6—11 коп. за шкурку, по московской в 1648 г. — по 20 коп.¹⁰⁴ Дорогие в XVII в. голубые песцы были довольно редки. Предполагая возможную добычу по 50 тыс. штук в год (численность песцов в еще большей мере,

¹⁰⁰ Н. М. Красный. Указ. соч., стр. 17.

¹⁰¹ М. П. Тарасов. Границы распространения некоторых видов птиц и млекопитающих на севере Средней Сибири. «Зоологический журнал», 1965, т. 44, вып. 12, стр. 1839.

¹⁰² М. Х. Геллер, В. Д. Скробов. Пути развития и повышения продуктивности пушного промысла в районах Крайнего Севера. «Проблемы Севера. Промысловая фауна Крайнего Севера и ее использование», вып. 11, М., 1967, стр. 36.

¹⁰³ В. С. Смирнов. Анализ динамики численности песца на Ямале и пути интенсификации его промысла. «Проблемы Севера...», вып. 11, стр. 70. С 1910 по 1917 г. в Сибири ежегодно добывалось в среднем по 50 тыс. песцов, в 20—50-е годы на территории СССР — от 43 до 128 тыс., в том числе по несколько тысяч на Европейском Севере (А. А. Каплин. Пушнина СССР, стр. 57—60; он же. Советская пушнина, стр. 65).

¹⁰⁴ ЦГАДА, СП, кн. 238, л. 4.

чем белок, подвержена колебаниям по годам) и среднюю цену песка по 20 коп., долю песцов по цене можно определить в 3% от соболиной. Действительная добыча песцов в XVII в. была много меньше.

Горностаи. Эти зверьки широко распространены, но больше всего их в Сибири. Горностаи — серьезный конкурент соболя по кормам,¹⁰⁵ постоянно преследуется последним, поэтому его численность в местах обитания соболей зависит от численности более сильного хищника. Об этом ярко свидетельствуют показатели добычи горностаев в 20—50 годы XX в.: в сезон 1922/23 г. в Сибири без Дальнего Востока добыча горностаев составила 1 млн. штук, на всей территории СССР в 1924 г. было заготовлено 532 тыс., в 1927 г. 613 тыс., в 1934 г. 1079 тыс., в 1838 г. 719 тыс., в 1944 г. 354 тыс., в 1947 г. 408 тыс., в 1949 г. 410 тыс., в 1952 г. 409 тыс., в 1954 г. 299 тыс., в 1956 г. 234 тыс., в 1957 г. 210 тыс., в том числе свыше 150 тыс. в Якутии.¹⁰⁶ По-видимому, в XVII в. горностаев в Сибири было не больше, чем в середине XX в. Тогда возможная добыча должна была составить около 200 тыс. в год, или при московской цене 1648 г. по 5—6 коп. за штуку¹⁰⁷ около 3% стоимости соболей. Добывали тогда много меньше.

Перечисленные пушные звери, не имевшие каждый по отдельности, за исключением белок, особенно большого промыслового значения, все вместе могли бы даже при самых минимальных подсчетах примерно на 25% увеличить общую стоимость возможной в XVII в. добычи пушнины. При более оптимальной оценке и с учетом всех остальных пушных зверей удельный вес несоболиной пушнины мог подняться до одной трети. На долю же соболя в пределах тогдашней Сибири должно было приходиться около $\frac{2}{3}$ продукции всего пушного промысла.

Все эти расчеты очень приблизительны, однако до некоторой степени поддаются проверке сопоставлением с современными условиями. В районах, где поголовье соболя полностью восстановлено, его доля в современной добыче близка к возможной в XVII в. В первой половине 1960-х годов стоимость шкурок соболя составляла около 66% от стоимости всей пушнины, добытой в таежных районах Енисейской Сибири, и

¹⁰⁵ В. В. Тимофеев, В. Н. Надеев. Соболи, стр. 129.

¹⁰⁶ А. А. Каплин. Советская пушнина, стр. 66; он же. Пушнина СССР, стр. 29.

¹⁰⁷ ЦГАДА, СП, кн. 238, лл. 31—31 об.

до 81% в Эвенкийском национальном округе¹⁰⁸. В Иркутской, Читинской областях и Бурятской АССР в 1962 г. доходы от соболиного промысла составили 60,1% от всех заготовок пушно-мехового сырья.¹⁰⁹ Удельный вес соболя в Сибирском промысле XVII в. был значительно выше, потому что все остальные пушные звери, кроме бобров, недопромышлялись.

* * *

К приходу русских, в Сибири, за исключением ее южной окраины, природные запасы пушнины не испытали на себе влияния хозяйственной деятельности людей: пушная охота производилась в пределах естественного воспроизводства зверей, а каких-либо мер по улучшению охотничьих угодий, разумеется, не предпринималось.

Наибольшую ценность представляли соболи, звери одновременно и дорогие и многочисленные. Запасы их при равномерном опромышлении угодий позволяли ежегодно в среднем получать около 200 тыс. соболиных шкурок. По тем временам при крайне слабой заселенности Сибири это было огромным богатством. Распространение соболей почти исключительно в Сибири, прекрасные меховые качества обеспечивали соболиным мехам даже при перепромысле неограниченный сбыт на внутренних и внешних рынках. Запасы несоболиной пушнины к приходу русских намного уступали, составляя по общей ценности около трети соболиных, недостаточно использовались и в XVII в., оставаясь резервом, пока не было подорвано соболиное поголовье.

Значение естественных запасов пушнины в период первоначального хозяйственного освоения Сибири русскими неизмеримо возрастало от того, что они были готовы к немедленному использованию, доступны для быстрой разведки, не требовали предварительной подготовки охотничьих угодий и затрат на их восстановление. При достаточном наплыве промышленников и наличии средств, которые нашлись в XVII в., естественные условия пушного промысла давали ему возможность на первых порах занять ведущее место в хозяйстве русской Сибири.

¹⁰⁸ К. Д. Нумеров. Соболи Енисейской Сибири, стр. 3.

¹⁰⁹ Г. И. Монахов. Динамика ареала и численности соболя Восточной Сибири, стр. 3.

ГЛАВА IV

ОРГАНИЗАЦИЯ ПУШНОГО ПРОМЫСЛА

1. Техника и способы промысла пушных зверей

Большие запасы ценных пушных зверей делали возможным ведение промыслового хозяйства в больших масштабах, но реализация этой возможности во многом зависела от орудий и способов лова, производственных навыков охотников, технической организации промысла. Интенсивность пушного промысла определялась в конечном итоге числом охотников, наличием у них необходимых средств, степенью принуждения ясачного населения, спросом на пушнину, социально-экономическими отношениями в стране и т. п. Техника и производственная организация промысла оказывали, в свою очередь, определенное влияние на развитие социальных процессов на промысле. Особого внимания заслуживают способы лова и техническая организация промысла соболей.

* * *

Существует два основных способа охоты на соболя: 1) отыскание, преследование зверя (с собакой или без собаки) и поражение его из лука, ружья или поимка сетью-обметом, сеткой-рукавчиком и 2) добыча соболя различными самоловными орудиями, стационарными или переносными (кулемами, луками-самострелами, капканами и т. п.). Соотношение активной и пассивной¹ охоты со временем изменялось.

В XVII в. широко были распространены оба способа охоты на соболя, но неодинаково у русских и коренных жителей

¹ Пассивной только в том смысле, что охотник видит зверя уже пойманным в ловушку, задавленным, застреленным.

Сибири. Исследователи считают, что коренное население не знало самоловных орудий. Противоположные мнения, например, утверждение В. Н. Увачана, что «русские люди, попав на Север, восприняли от местного населения орудия промысла (черкан, плашки, пасти)»², никак не аргументируются. Не подтверждается источниками и утверждение Л. П. Потапова, что «технику лова быстро заимствовало от русских и местное ясачное население, промышленявшее ранее преимущественно с луком»³. И все же такие высказывания заслуживают внимания и тщательной проверки, поскольку они касаются существенного вопроса о взаимоотношениях русского промыслового и коренного населения Сибири.

Обобщающую характеристику техники соболиного лова, применяемой русскими и местными жителями Сибири в середине XVII в., дал Василий Поярков, рассказ которого изложен в отписке якутских воевод царю в 1646 г. По словам В. Д. Пояркова, на р. Зее было много соболей, «и добывают де, государь те соболи так же, как иные Сибирские и Ленские иноземцы, стреляют из луков, а иного промыслу, как промышленяют Руские люди, с обметы и с кулемником, соболей не добывают и того не знают»⁴. В отношении тунгусских племен Н. Н. Степанов, основываясь на источниках, пишет, что кулем они не знали и отнеслись к ним враждебно, охотились на соболя с собакою, стреляли его из лука, и даже в XVIII в. тунгусы в ряде районов не пользовались никакими ловушками.

В 1695 г. тунгусы Намясинского рода рассказывали, что «на лыжах ходить и без собак не привычны, а промышленяем на конях с собаками»⁵.

² В. Н. Увачан. Переход к социализму малых народов Севера (по материалам Эвенкийского и Таймырского национальных округов). М., 1958, стр. 13.

³ Л. П. Потапов. Историко-этнографический очерк русского населения Сибири в дореволюционный период. «Народы Сибири». М.—Л., 1956, стр. 135.

⁴ ДАИ, т. 3. СПб., 1848, стр. 57. См. также С. В. Бахрушин. Снаряжение русских промышленников в Сибири в XVII веке. «Исторический памятник русского арктического мореплавания в XVII веке». Л.—М., 1951, стр. 85.

⁵ Н. Н. Степанов. Хозяйство тунгусских племен Сибири в XVII веке. «Вопросы истории Сибири». Ученые записки ЛПИ им. Герцена, т. 222. Л., 1961, стр. 240.

Для XVII в. наблюдения Н. Н. Степанова можно распространить на все коренное население Сибири⁶. С собакой и с луком охотились на соболей якуты. Приказчик Средне-Вилуйского зимовья С. Брусенкин в 1678 г. писал, со слов якутов и тунгусов, что из-за внезапно выпавшего, а затем быстро растаявшего снега и наступившей гололедицы «собачью ногу отняло» (т. е. сделало невозможным промысел с собакой), поэтому промысел не удался. Брусенкин даже не упоминает об отсутствии других способов лова, что, очевидно, считалось излишним. Ранние глубокие снега, мешавшие промыслу с собакой, были причиной беспромыслицы якутов в 1682 г. «За большим снегом» не добыли соболей ясачные люди, приписанные к Баргузинскому острогу⁷. Точно так же добывали соболей и на противоположной стороне Сибири, а также на Европейском Севере. В 1637 г. в Пелымском уезде недоимки поминков с ясачных людей объясняли тем, что «лешие собаки с голоду выпропали, и без собак на зверя промыслу не было»⁸. Вишерские и печорские вогулы в 1681 г. жаловались, что соболей добыть не могли из-за снежного ненастья. В прежние же годы соболиный промысел «лучший был осенью по малому снегу, по которых местех пешим без лыж с собаками ходить бывает можно»⁹.

По-видимому, только в XVIII в., когда вполне сформировалось постоянное русское промысловое население и установились тесные контакты его с коренными жителями Сибири, произошло заимствование последними русской промысловой техники. Так было на Енисее и в Якутском крае. В ответах туру-

⁶ Возможно, что были исключения. Камчадалы, если верить «сказке» В. Атласова, «соболей промышляют кулемами у рек, где рыбы бывает много, а иных соболей на деревьях стреляют» (Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке. Л., 1935, стр. 32). З. Я. Бояршинова и Н. Н. Степанов утверждают, без ссылок на источники, что ханты и манси до присоединения к России «на пушного зверя и птицу ставили ловушки («слопцы», «перевесы»), селькупы «при помощи лука и стрел, различных ловушек охотились на пушных зверей», у жителей бассейна Томи орудиями охоты служили лук и стрелы, самострелы, ножи, капканы и различного рода ловушки (История Сибири, т. 1, стр. 354, 359, 361). Отсутствие аргументации не дает возможности отнестись с полным доверием и к этим сведениям. Слишком противоречат они прямым указаниям письменных источников.

⁷ ДАИ, т. 8. СПб., 1862, стр. 3.

⁸ Там же, стр. 19—20; ЦГАДА, СП, кн. 817, лл. 239 об.—240.

⁹ ЦГАДА, СП, кн. 95, л. 95.

¹⁰ ДАИ, т. 8, стр. 17.

ханского Троицкого монастыря на запросы профессоров академической экспедиции (1739 г.) после описания промысловых пушных зверей отмечено, что этих зверей русские и иноземцы промышляют пастиком, кулемником, ямами, клепцами, горностаев черканами, а белку стреляют из луков.¹¹ В 30-е же годы XVIII в. в Центральной Якутии «соболиный промысел у иноземных народов от промысла русских людей малым чем отменен»¹². Однако и в XVIII в. и позднее в ряде мест сохранялись различия в способах лова у русских охотников и коренного населения. П. С. Паллас писал, что самоеды и остяки соболей стреляют по деревьям тупыми стрелами¹³. Даже в настоящее время исследователи отмечают в некоторых районах существенные различия: среди народностей Севера преобладающим способом промысла является кочевой, при котором основные виды пушнины добываются с помощью ружья, а среди русского населения — стационарный, при котором используется ружейная охота в сочетании с самоловами¹⁴.

Русские применяли оба способа лова, известные им до прихода в Сибирь.¹⁵ Достаточно отчетливое представление об этом дают находки на о. Фаддея остатков вещей русской промысловой экспедиции начала XVII в. Среди вещей обнаружены многочисленные и разнообразные по форме наконечники стрел из железа, кости или дерева, предназначенные для охоты на птиц и ценных зверей,¹⁶ а также насторожки — де-

¹¹ ЦГАДА, ПМ, д. 481, № 5, л. 201.

¹² С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 267.

¹³ П. С. Паллас. Путешествие по разным местам Российского государства, ч. II, кн. 2. СПб. 1786, стр. 64, 119.

¹⁴ М. Х. Геллер, В. Д. Скробов. Пути развития и повышения продуктивности пушного промысла в районах Крайнего Севера. «Проблемы Севера», вып. 11, М., 1967, стр. 31.

¹⁵ Л. Бахрушин. Исторические судьбы соболя. «Вестник знания», 1928, № 13, стр. 672; В. В. Тимофеев, В. Н. Надеев. Соболи, стр. 9. Обметы на соболя, кулемы, плашки, лыжи И. С. Гурвич называет типичным северно-русским промысловым инвентарем (И. С. Гурвич. Русские на северо-востоке Сибири в XVII в. «Сибирский этнографический сборник», т. 5. М., 1963, стр. 82). В. А. Александров предполагает, что технику охоты за драгоценным зверем принесли в Сибирь ссыльничьи и вымичи, на родине которых соболи еще встречались в XVII в. (В. А. Александров. Русское население Сибири, стр. 150). Слопцы — однотипные с кулемами самоловные орудия — упоминает кеврольская писцовая книга 1623 г. (М. М. Богословский. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. М., 1909, стр. 174).

¹⁶ С. И. Руденко и Я. В. Станкевич. Стрелы и принадлежности для стрельбы из лука. «Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века». Л.—М., 1951, стр. 97—100.

тали промысловых ловушек.¹⁷ Последние особенно ценны, потому что детали самоловных орудий в письменных источниках не упоминаются. Насторожки либо не привлекали внимания таможенной администрации, либо, чаще всего, изготавливались на месте при сооружении ловушек. По ранним известиям о самоловном промысле можно догадываться только по большому количеству топоров и ножей. Царской жалованной грамотой 1600 г. пинежским и мезенским промышленникам разрешалось провозить в Сибирь «про свою нужу» «по топору человеку или по два, да ножей по два или по три ножи человеку».¹⁸

Охотничьи луки ценились сравнительно недорого. В 1632 г. в Березове по таможенной оценке лук приравнялся к топору или пешне и стоил 20 коп.¹⁹ Наиболее ценными считались «зырянские» луки, стоившие от 25 до 30 коп.²⁰ В документах промышленные луки встречаются во много раз реже, чем топоры. Русские люди приобретали луки и у местного населения Сибири. В ценовой росписи имущества убитых или умерших служилых людей (1646 г.) называется «саадак братской (бурятский) с луком» и стрелами, оцененный в рубль, лук простой тунгусский ценою в 30 коп.²¹ В перечне товаров торговых и промышленных людей упоминаются стрелы тунгусские.²² Не часты и обметы — сети для поимки соболя, укрывшегося от преследователей на дереве или в норе. В 1640 г. по якутской таможенной оценке они стоили от 1,5 до 2 руб.²³

Из показаний промышленников, опрошенных в 1649 г. енисейским таможенным головой Леонтием Бобровским о причинах плохого промысла, видно, что оба способа лова соболей применялись в одних и тех же промысловых партиях. Промышленный человек Гр. Карпов сказал, что «соболей в лесу было мало и в кулемник де не пал, потому что на лесу было ягодного корму много, а на собачье де ное с осени промыслу не было потому, что с осени снег укинул велик». Примерно то же сказал Иев Васильев. Промышленные люди Петр Васильев с товарищами конкретизировали ягодный

корм, называя рябину и черемуху. Другие говорили, что тунгусы «собак прибили».²⁴

Наличие и лучного и самоловного промысла русских не вызывает сомнения. При этом можно предполагать, что с самого начала русского промыслового движения в Сибири самоловный промысел преобладал над активной охотой — с собакой, луком и обметом, а в 40-е годы XVII в., по крайней мере в Якутии, активная охота потеряла существенное значение. В росписи товаров торговых и промышленных людей, отпущенных на промысел в июле-августе 1640 г., луки совсем не упоминаются и даже стрел было меньше, чем топоров. Обесценились промышленные собаки,²⁵ которые по оценке приравнялись к 3 топорам: немногочисленные собаки оценивались по 3 руб., а вместе с обметами по 5 руб., между тем как топоры ценились по рублю и реже по 50 коп.²⁶ По числу привозимых собак, как и по количеству луков, нельзя еще судить о степени развития активной охоты, потому что собак промышленники также могли приобретать у местного населения. Возможно, что как раз для таких собак везли в Сибирь цепи. Приказчик В. Гусельникова Яков Козьмин, например, отпущенный в 1640 г. на соболиный промысел вниз по Лене, вез 20 «чепей собачьих».²⁷ Промысел с собакой совсем не прекращался. В отписке Воина Шахова 1639 г. сообщается, что ясачные люди на Вилюе у промышленных людей «и запас, и соболи, и котлы, и топоры, и собаки отнимали».²⁸ Промышленные собаки упоминаются в челобитных, разных исках. В 1645 г. промышленный человек Гр. Мяхкой жаловался, что от него ушли два покрученника и увели 2 собак добрых.²⁹ И все же самоловный промысел в середине XVII в. явно преобладал, что было связано с усовершенствованием кулемы — основной тогда стационарной самоловной ловушки.

²⁴ ЦГАДА, СП, стлб. 210, лл. 173, 175, 176, 182.

²⁵ Промысловые собаки, по данным якутской съезжей избы, ценились обычно по 5 руб., иногда по 10 руб. и выше. См. С. В. Бахрушин. Снаряжение русских промышленников, стр. 86. Иногда собаки оценивались соболями шкурками — 10 соболей за «собаку добрую соболиную» (ЛОИИ, ЯА, карт. 19, стлб. 3, л. 131) или скотом — цена собаке — «скотина большая добрая» (ЛОИИ, ЯА, карт. 16, стлб. 18, л. 14).

²⁶ ЦГАДА, ЯПИ, оп. 1, д. 9, лл. 17, 109, 1—139.

²⁷ АЮБ, т. 3. СПб., 1838, стр. 80.

²⁸ ДАИ, т. 2. СПб., 1846, стр. 231. Забайкальские промышленники и в XIX в. водили собак на цепочках. См. А. А. Черкасов. Записки охотника-натуралиста. М., 1962, стр. 34.

²⁹ ЦГАДА, ЯПИ, оп. 1, д. 66, л. 16.

¹⁷ Н. П. Демме. Промысловые ловушки. «Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века», стр. 105.

¹⁸ АИ, т. 2. СПб., 1841, стр. 28.

¹⁹ ЦГАДА, СП, оп. 5, д. 14, лл. 17 об., 23, 27 об.

²⁰ С. В. Бахрушин. Снаряжение русских промышленников в Сибири в XVII веке, стр. 86.

²¹ ЛОИИ, ЯА, карт. 9, стлб. 10, л. 4.

²² ЦГАДА, ЯПИ, оп. 1, д. 9, л. 26.

²³ Там же, лл. 7, 12, 17 и др.

Кулема — самоловное орудие давящего действия — относится к типу пасти.³⁰ Соболь, привлеченный запахом приманки, проникает в ловушку в виде изгороди из колышков и, потянувшись к приманке, обрушивается на себя бревно, настороженное над входом в кулему. Подробное и точное описание кулемы дано С. П. Крашенинниковым.³¹ Оно много раз пересказывалось в литературе и хорошо известно. Все же не лишним будет процитировать описание действия спускового механизма: когда соболь станет доставать наживу (приманку), «то его вложенным в воротцы кулемы бревном придавит, понеже ему того не миновать, чтоб на лежащую сверх порогу дощечку не ступить, а буде ступит, то зарубочка ее скользнет с нижнего конца стесаной дощечки, а верхний конец той дощечки выскочит из-под продетого сквозь огородец шестика, потом выскочит и палочка, к которой та дощечка привязана; за нею упадет маленький шестик, середина которого на конце той палочки лежала, а с ним и конец продетого сквозь огородец с боку шестика с вложенным в воротцы бревном, которое держится на помянутом шестике». Это далеко не примитивная ловушка, как считал ее С. В. Бахрушин, который, кстати, спусковой механизм назвал замысловатой системой дощечек, палочек, колышков и шестиков.³² Примитивной ее можно назвать только в том смысле, что она вся изготовлялась на месте ее установки с помощью топора и ножа (привоз в отдельных случаях более тщательно обрабатываемых мелких деталей — насторожек — не меняет дела). Не даром кулема оказалась долговечной. Наряду с другими самоловными орудиями ее применяли в XIX в.,³³ используют в настоя-

³⁰ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 263.

³¹ Там же, стр. 263—264. В 1791 г. работа С. П. Крашенинникова «О соболином промысле», составляющая главу 7 книги «Описание земли Камчатки», была опубликована под авторством И. Яхонтова (Новые ежемесячные сочинения, ч. 58. Апрель. 1791, СПб., стр. 22—62). В действительности Яхонтов выполнил скромную роль. «Известия, — писал С. П. Крашенинников, — собраны по большей части моими трудами, а окончены покойным переводчиком Яхонтовым под смотрением господина доктора Гмелина после моего на Камчатку отъезда» (С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. М.—Л., 1949, стр. 256).

³² С. В. Бахрушин. Снаряжение русских промышленников. стр. 85. См. также Л. Бахрушин. Исторические судьбы соболя, стр. 672.

³³ Н. Шуклин. О звериных промыслах по реке Лене. «Журн. мин. госуд. имуществ», ч. III, кн. 5. СПб., 1841, стр. 103; М. Ф. Кривошапкин. Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865, стр. 110;

щее время,³⁴ хотя в некоторых местах они «вытесняются с успехом» железными пружинными капканами³⁵. Современная кулема по существу не отличается от той, какую 200 с лишним лет назад наблюдал С. П. Крашенинников. Делают ее также на месте промысла, устанавливая обычно у ствола дерева, соблюдаются те же размеры коридорчика-дворика — не менее 35 см, или старые поларшина.³⁶ Если кулема до последнего времени выдерживала соревнование с другими самоловными орудиями, включая капканы,³⁷ ее можно считать достаточно производительным орудием для XVII в., когда она приобрела тот вид, какой находим в описании С. П. Крашенинникова.

В 40-х годах XVII в. такие кулемы считались новыми. «Перед прежними вымыслили вновь делать кулемы с подчочки дощатыми, и хотя соболь которой зимы в кулемах наживку и не ест, и он, пришед к кулеме да для нюханья или гуляючи по нартеному следу к кулеме пришед, и вступит на подчинную дощечку и тем и обвалит, и так того соболя тою кулемною колодою и придавит и тем никакой зверь ни от которой кулемы не отбудет, а прежде промышленные люди на соболи ставили кулемы и подчинники у них бывали поличные и теми... кулемами, только соболь не возьмет занаживу и сторожек с палца не сорвет, и ево не задавит».³⁸ Значение нового «вымысла» здесь, вероятно, преувеличено в связи с тем, что в

П. И. Третьяков. Туруханский край, его природа и жители. СПб., 1871, стр. 271; Л. П. Сабанеев. Соболь и соболиный промысел. М., 1875, стр. 55—57; Н. В. Латкин. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. СПб., 1892, стр. 177.

³⁴ Охотовед А. Ключев считает, что в холодную погоду соболь лучше идет в капкан, в теплую — в кулемку, причем качество пушнины выше при ловле кулемками (А. Ключев. Добыча соболя самоловами. «Сельскохозяйственное производство Сибири и Дальнего Востока», 1963, № 6, стр. 80).

³⁵ К. Г. Абрамов. Соболь в охотничьем хозяйстве Дальнего Востока. М., 1967, стр. 92.

³⁶ В. В. Тимофеев. Добыча соболей. М., 1959, стр. 11.

³⁷ Железные капканы в России в XVII в. были хорошо известны. Так, например, в царской грамоте 1635 г. воеводе Устюжны Железнопольской местным жителям запрещалось ловить капканами бобров и выдр, а кузнецам — делать капканы (РИБ, т. 35, Пг., 1917, стр. 917). Не давая особых преимуществ перед кулемами, дорогостоящие железные капканы, вероятно, не находили применения в сибирском соболином промысле.

³⁸ Н. Н. Степанов. Хозяйство тунгусских племен в XVII веке. «Ученые записки ЛГПИ им. Герцена», т. 222. Л., 1961, стр. 242. См. также М. И. Белов. Семен Дежнев, М., 1955, стр. 30.

Центральной Якутии в середине 40-х годов поголовье соболей заметно стало сокращаться. Возможно также, что это новшество было известно промышленникам несколько раньше, в 20-е — 30-е годы, на которые приходится высшая добыча соболей в Мангазейском и Енисейском уездах.

Промысел соболей самодельными орудиями, даже несовершенными, должен был приобрести наибольшее значение в первой половине XVII в., при изобилии соболей. Как отмечает В. Н. Скалон, при изобилии зверей соболь, нуждаясь в пище, шел на любую приманку, чем обуславливалась огромная добычливость. С понижением плотности соболиного поголовья «потеряла свою уловистость и чрезвычайную выгодность и кулемка»³⁹. Очевидно, и независимо от обеспеченности кормами вероятность попадания соболей в ловушки выше при большей плотности заселения угодий. Не случаен повышенный интерес охотников и охотоведов к самодельным орудиям в настоящее время, когда в Сибири успешно восстанавливается поголовье соболей.

При высокой численности соболей общесезонный промысел самодельными орудиями добычливее, но в наиболее благоприятный период начала зимы выгоднее промысел с ружьем (с луком) и собакой. Современные передовые охотники самодельными орудиями добывают соболей в два раза больше, чем ружьями,⁴⁰ но период добычи самодельными орудиями в несколько раз продолжительнее, поэтому большинство современных охотников предпочитает ограничиваться ружейной охотой, так что, например, в Красноярском крае в начале 1960-х годов 80—90% соболей добывалось с ружьем и собакой по «чернотропью» (до глубокого снега), продолжительность которого колеблется от 20 до 40—50 дней.⁴¹ В XVII в., наоборот, большинство промышленников добывало соболей кулемами. Это объясняется тем, что практически в больших масштабах возможно последовательное, а не синхронное сочетание обоих видов промысла. Для пришлых промышленников XVII в. продолжительное занятие активной охотой таило угрозу упустить выгодные угодья для самодельного промысла. Общей высокой

³⁹ В. Н. Скалон. Русские землепроходцы — исследователи Сибири XVII века. М., 1951, стр. 92.

⁴⁰ А. Ключев. Добыча соболя самодельными орудиями. «Сельскохозяйственное производство Сибири и Дальнего Востока», 1963, № 6, стр. 80.

⁴¹ К. Д. Нумеров. Промысел соболя в Красноярском крае. «Сельскохозяйственное производство Сибири и Дальнего Востока», 1964, № 2, стр. 82.

добычи они достигали тем, что промышленники «с самого первого зимья да до весны».⁴²

Коренное население Сибири, для которого пушная охота не была главным занятием, не могло затрачивать на соболиный промысел так много времени. Неприязненное отношение к русским промышленникам, которое в результате перепромысла сократило поголовье соболей, переносилось и на русские орудия лова.⁴³ Однако было бы неправильно на этом основании считать кулему наиболее хищническим промысловым орудием, как это делают некоторые исследователи.⁴⁴ Надо отличать хищнический промысел как добычу сверхъестественного прироста соболей (перепромысел) и хищнические способы и средства лова, при которых используется только часть погубленных зверей или которые мешают естественному воспроизводству соболей, независимо от масштабов добычи. Самодельные орудия, в том числе кулемы, считаются прогрессивными орудиями в настоящее время, когда создается правильное охотничье хозяйство. И в XVII в. бракованные шкурки, «объедки», «огрызки» (результат поедания попавших в ловушки соболей хищниками) составляли небольшой процент проходившей через таможи пушнины.

* * *

Охота на соболя производилась индивидуально и группами — промысловыми партиями. Различия определялись не характером орудий лова — все орудия индивидуальны. Кулемы, как и любые самодельные орудия, устанавливались в одиночку. Всякое разделение труда при устройстве кулемы нецелесообразно хотя бы по соображениям маскировки: чем меньше нарушены снежный покров и вся естественная обстановка, тем надежнее сработает ловушка. Удобнее одному охотнику осматривать ловушки. Тем более индивидуальна охота с луком, обметом и собакой.⁴⁵ Однако эти орудия индивидуаль-

⁴² ДАИ, т. 3, стр. 214.

⁴³ Н. Н. Степанов. Хозяйство тунгусских племен в XVII веке, стр. 241.

⁴⁴ Г. Вернадский. Государевы служилые и промышленные люди в Восточной Сибири XVII века. «Журн. мин. народн. просвещения. Новая серия», ч. 56. Пг., 1915, стр. 354; Л. Бахрушин. Исторические судьбы соболя, стр. 672.

⁴⁵ Впрочем, в XIX в. в Забайкалье, где соболей было мало и они высоко ценились, считали, что на соболиную охоту с ружьем и собакой лучше ходить двум или трем охотникам вместе, чтобы скорее отыскать и убить ценного зверя (А. А. Черкасоев. Указ. соч., стр. 197).

ного пользования совсем не препятствовали объединению охотников в промысловые партии.

Оба вида охоты имели место у коренного населения Сибири. У эвенков, например, по мнению Н. Н. Степанова, пушной промысел в XVII в. имел резко выраженный индивидуальный характер⁴⁶, у якутов, как предполагает С. А. Токарев, типичным был соболиный промысел партиями.⁴⁷ Примерно так же они охотились в 30-х годах XVIII в., как это отмечает С. П. Крашенинников: оленные тунгусы на соболиный промысел ходили семьями, а якуты артелями, но редко больше 4 или 6 человек.⁴⁸ Группами охотились на соболя в XVII в. западносибирские татары.⁴⁹ У русских в XVII в. индивидуальная охота известна в разных частях Сибири, но удельный вес ее был невелик. И в Западной Сибири, и в Якутии охотники-одиночки встречались единицами⁵⁰. Промысел ватагами или артелями явно преобладал, поэтому его техническая организация заслуживает внимания.

С. П. Крашенинников, по рассказам витимских, олекминских, чечуйских, киренских, баргузинских и телембинских промышленников, подробно описал организацию и деятельность промысловой партии на протяжении целого сезона в специальной работе «О соболином промысле», опубликованной с небольшими сокращениями и под суженным названием в книге «Описание земли Камчатки» в качестве отдельной главы⁵¹. К 30-м годам XVIII в. обстановка изменилась по

сравнению с периодом расцвета соболиного промысла в XVII в. Русские промышленники давно уже стали постоянными жителями Сибири, резко убыло поголовье соболей, возрос удельный вес активной охоты (по Крашенинникову, обмет и собаку брали каждые два человека), должны были измениться и некоторые детали технической организации промысловых партий. Однако суть ее оставалась той же.

Характерной чертой всякой промысловой партии было равное участие каждого промышленника, независимо от его социального положения, во всех работах и равная доля в добыче. Другое дело, что, мелкий самостоятельный промышленник получал всю долю себе, покрученник из такой доли 2/3 отдавал нанимателю, а промышленник, имевший покрученников, получал, кроме своего пая, 2/3 добычи покрученников, так что фактический дележ был далеко не равным. Точно на таких же основаниях каждый вносил равную долю в «хлебный запас» (включавший и другие продукты) и в «промышленный завод» (промысловое снаряжение), иначе говоря, каждый вносил свою ужину (ужиной называли и часть добычи, приходившуюся при дележе каждому охотнику). И здесь с точки зрения производственной организации артели не имело значения, была ли ужина собственной, как у самостоятельных мелких промышленников, которые и назывались своеужинниками, или промышленнику-покрученнику ужину давал наниматель, хотя этим определялось не только имущественное, но и социальное положение участников промысла. Каждый промышленник имел право на равную долю из общих запасов. Все промышленники, входившие в промысловую партию, независимо от социального положения или родственных отношений, обыкновенно назывались товарищами.

Иногда в промысловых партиях бывали конфликты, если кто-либо не мог наряду с другими выполнять необходимые работы или вносил недоброкачественные продукты. Так, например, в 1641 г. промышленный человек Андрей Аверкиев, покрученник промышленного человека Якова Гр. Шмотья, на промысле «ознобил ногу» и был выслан в зимовье. После выздоровления ему не разрешили продолжать промысел. С него взяли 20 руб. за хлеб да еще принудили, угрожая выгнать

1791 г. была опубликована несколько отредактированная работа С. П. Крашенинникова «О соболином промысле» в первом варианте.

⁴⁶ Н. Н. Степанов. Хозяйство тунгусских племен в XVII веке, стр. 242.

⁴⁷ С. А. Токарев. Общественный строй якутов XVII—XVIII вв. Якутск, 1945, стр. 118.

⁴⁸ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 267.

⁴⁹ О. Н. Вилков. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке, стр. 221—222.

⁵⁰ Там же, стр. 222; ЦГАДА, ЯПИ, оп. 4, д. 592, лл. 22, 24, д. 648, лл. 46, 48 об., д. 831, л. 22.

⁵¹ В книге «Описание земли Камчатки» глава 7 называется «О витимском соболином промысле» (по изд. 1949 г. стр. 256—268). Сокращения невелики, но существенны тем, что «в частности, весь материал о «известиях» баргузинских, телембинских, киренских, олекминских и чечуйских промышленников был устранен» (С. П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы. Подготовка текста и вступит. статья Н. Н. Степанова. М.—Л., 1966, примечание на стр. 174). В первоначальном виде, наряду с отмеченным вариантом, работа «О соболином промысле» напечатана в книге С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки», М.—Л., 1949, и в книге «С. П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы», М.—Л., 1966. Под именем И. Яхонтова в

из зимовья, дать кабалу на 60 руб.⁵² В 1642 г. промышленный человек Петр Иванов, покрученник Савина Яковлева, жаловался на своего хозяина, который дал ему плохую муку, за что его товарищи «от себя из артели откинули» и потребовали дополнительно к одинаковой для всех норме 3 пуда муки.⁵³

С точки зрения внутренней организации любая промысловая партия — и ватага покрученников крупного предпринимателя, и артель своеужинников — представляла собой артель, поэтому так легко объединялись социально неоднородные элементы. Так, например, в 1642 г. из Якутска были отпущены на промысел 87 партий промышленников численностью от 3 человек и выше. Из них 17 партий состояли только из покрученников (во главе с одним из них, хозяином или приказчиком), 5 партий состояли только из своеужинников без покрученников, 41 партия — из своеужинников с покрученниками и без них и 24 смешанных партий, состоявшие из ватаг покрученников и своеужинников с покрученниками и без них.⁵⁴ По той же причине промысловые партии могли быть и действительно были недолговечными — для каждой промысловой экспедиции они обычно формировались заново, что ослабляло личную зависимость покрученников.

Промысловые партии имели различный количественный состав, от двух человек и выше. По сведениям С. П. Крашенинникова, в его время артели доходили до 40—50 человек, а в предшествующее время до 60 человек. Однако очень крупные ватаги были нетипичны. В Западной Сибири большие партии вообще не формировались. В Тобольском уезде промысловые партии включали от 2 до 9 человек, а наиболее распространенные — от 3 до 6 человек.⁵⁵ Такое же положение было в Томском уезде.⁵⁶ И в Восточной Сибири наряду с

⁵² ЛОИИ, ЯА, карт. 4, стлб. 3, лл. 7—11.

⁵³ ЦГАДА, ЯПИ, оп. 3, 1642 г., д. 7-а, л. 446. См. также С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 200.

⁵⁴ ЦГАДА, ЯПИ, оп. 4, д. 62, лл. 3—230.

⁵⁵ О. Н. Вилков. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке, стр. 221.

⁵⁶ З. Я. Бояршинова считает, что в Томском уезде на охоту уходили небольшими партиями от 2 до 7 человек (З. Я. Бояршинова. Население Томского уезда в первой половине XVII века. «Труды Томского университета», т. 112. Томск, 1950, стр. 140). В отдельных случаях промысловые партии там состояли из 9—10 человек (ЦГАДА, СП, кн. 19, лл. 424 об., 951 об.).

крупными партиями было много мелких. В 1642 г. из Якутска на промысел были отпущены, не считая 50 одиночек (некоторые из них присоединялись к артелям на месте промысла), 975 человек в 105 партиях от 2 до 30 человек каждая.⁵⁷ В отдельных случаях состав партий изменялся на промысле. Как видно из одной челобитной 1642 г., промышленный человек Михаил Семенов в конце зимы отделился от артели, «и мы де двух станов ево, Мишки, не ходили смотреть, и в паю Мишка с великого заговения не был».⁵⁸ Другие на промысле вливались в состав действовавших партий.⁵⁹ Поэтому отпускные книги, фиксировавшие состав партий в отправных пунктах, содержат не вполне надежные показатели количественного состава ватаг и артелей. Более точные сведения содержат явие книги, в которых отмечалось число ужинов в партиях после окончания промысла. Так, в южной части Якутии в 1657, 1659 и 1664 гг. в 28 партиях численностью от 3 до 34 человек было 350 промышленников,⁶⁰ в среднем по 12—13 человек, а с учетом партий по 2 человека несколько меньше. Примерно такие же по размерам промысловые партии формировались тогда в Мангазейском уезде — от 3—4 до 15—17 человек.⁶¹

Промысловые партии независимо от размеров строго соблюдали уравнильный принцип, но в производственном отношении большие артели подразделялись на части, которые в XVIII в. назывались чуницами. Чуницы по размерам равнялись самостоятельным мелким партиям и, как последние, промысел вели отдельно. Как пишет С. П. Крашенинников, чуницы расходились в начале промысла и собирались вместе по его окончанию.

⁵⁷ 18 партий по 2 человека, 5 — по 3 человека, 5 — по 4 человека, 9 — по 5, 6 партий по 6 человек; 9 — по 7, 6 — по 8, 6 — по 9, 5 — по 10, 5 — по 11, 2 партии по 12 человек, партия из 13 человек, 3 — по 14, 4 — по 15, 4 — по 16, 4 — по 17, 2 — по 18, 3 — по 19, 4 — по 22, партия из 23 человек, 2 партии по 24 человека и партия из 30 человек (ЦГАДА, ЯПИ, оп. 4, д. 62, лл. 3—230).

⁵⁸ ЦГАДА, ЯПИ, оп. 3, 1642 г., д. 7-а, л. 450.

⁵⁹ О. Н. Вилков. Указ. соч., стр. 221.

⁶⁰ Состав этих партий: 2 партии по 3 человека, по партии из 6, 7 и 8 человек, 4 партии по 9 человек, 2 — по 10, 2 — по 11, 5 — по 12, 2 — по 13, 2 — по 14, партия из 16 человек, 2 партии по 19 человек и по партии из 20, 23 и 34 человек (ЦГАДА, ЯПИ, оп. 4, д. 592, лл. 10 об., 29 об., д. 648, лл. 35—48, д. 831, лл. 5—34).

⁶¹ В. А. Александров. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в., стр. 231.

Непосредственно в производственном отношении крупные партии не отличались от мелких. Что же заставляло промышленников объединяться в большие артели? Интересы безопасности на промысле не имели никакого значения, поскольку крупные партии подразделялись на самостоятельно действовавшие части — чуницы. Такие части, вероятно, имели в виду промышленные люди, которые в 1627 г. в Казанском приказе в расспросе по поводу жалобы на нападения тунгусов сказали, что ходят они на промысел вверх по Нижней Тунгуске человека по 2, по 3, по 4 и по 5.⁶² Разделение промысловых партий на части, может быть, не так четко оформленные, как чуницы XVIII в., не вызывает сомнений. В 1653 г. промышленный человек Исай Евсеев сообщал, что промышляли они партией в 15 человек, из которых 13 человек тунгусы побили, «а меня де в те поры с ним, Лучкой (передовщиком), не было, отсылал де меня сам друг с Иваном... по Чае реке в ухажье».⁶³ Но деление артелей среднего размера на части, по видимому, не было таким обязательным, как в XVIII в. Промышленный человек Яков Евтихеев в 1641 г. в челобитной царю сообщал, что их артель состояла из 12 человек. Двое были оставлены в зимовье, остальные промышляли соболем, надо полагать, все вместе, потому что сначала «по завоз» (за продуктами) пришли 5 человек, затем в зимовье пришли остальные,⁶⁴ а из описания С. П. Крашенинникова известно, что всякая чуница транспортирует себе продукты (из общих запасов) самостоятельно. И в XVIII в., когда прямыми вооруженными нападениями коренное население не угрожало, бывали многочисленные артели. Следовать на промысел и обратно большими партиями было безопаснее, но для этой цели вполне достаточно было временных объединений мелких самостоятельных партий.

Не могли заметно влиять на размеры артелей и транспортные интересы: на промысел уходили как в больших судах — дощаниках, так и в мелких — каюках. Последние в конечном счете оказались даже более удобными с приближением отправных пунктов к местам промысла, во всяком случае, Крашенинников о больших судах не упоминает. По его наблюдениям, каждые 3 или 4 человека строят небольшой каючек или крытую лодку, чтобы «без большого иждивения дойти до мест промысла».

⁶² РИБ, т. 2. СПб., 1877, стр. 851.

⁶³ ЦГАДА, ЯПИ, оп. 2, д. 31, л. 38.

⁶⁴ Там же, оп. 3, 1641 г., д. 7-а, л. 600.

Поскольку объединение промышленников в большие ватаги не меняло характера промысла мелкими группами (чуницами), облегчало и обезопасивало далекие переезды, делало более рентабельным сооружение зимовий, этих преимуществ было бы достаточно для объяснения крупных объединений, если бы они были простой суммой чисто производственных подразделений — чуниц, если бы в чуницах производился и дележ добычи. Но артели (ватаги) по существу были унитарны, а чуницы не были автономны. В основе этого должны были лежать более существенные причины.

Соболиные угодья, как известно, неравноценны по количеству и качеству зверей, причем состояние поголовья в них непостоянно. Промысел на небольших участках (без предварительной разведки, которая в XVII в. была практически невозможна) всегда был связан с риском остаться без добычи, поэтому естественно стремление промышленников охватить большую территорию с разнообразными угодьями. Определенное указание на это есть у С. П. Крашенинникова: «Разделение в чуницы бывает непременно, хотя бы вся артель не более как из 6 человек состояла, ибо они в одну сторону все нигде не ходят». Вероятно, по тем же соображениям предприниматели, имевшие покрученников, посылали их в разные промысловые партии или формировали по несколько ватаг, хотя размеры их позволяли объединять в одну, и посылались они из одного пункта. Даже двух покрученников наниматели иногда посылали в разные ватаги; бывало, что и близкие родственники охотились в разных артелях.⁶⁵

Группирование промышленников по крупным промысловым партиям должно было предотвратить или ослабить конкуренцию между ватагами, когда промысловые угодья не были закреплены за русскими промышленниками. В источниках и литературе почти нет указаний на взаимную борьбу промышленников за угодья, подобную столкновениям тобольских, енисейских, мангазейских и других городов служилых людей в са-

⁶⁵ Туруханский жилец Степан Утримов в 1658 г. одного своего покрученника послал на промысел на Подкаменную Тунгуску, а другого — на Нижнюю Тунгуску. Промышленный человек ваянин Гр. Емельянов и его единственный покрученник пинежанин Иван Васильев в 1648 г. промышляли соболем в разных районах Якутии. В том же году братья Леонтий, Федор и Федот Шишовы, промышлявшие соболем на Нижней Лене, «отпускали брата своего родного» Макара вниз по Лене и вверх по Вилюю в ватаге с Антоном Осиповым (ЦГАДА, СП, кн. 394, лл. 111, 116, кн. 316, лл. 11 об., 27 об.; ЯПИ, оп. 1, д. 9, л. 51).

мый начальный период освоения Якутии за право собирать ясак с новых территорий.⁶⁶ Отмеченные В. А. Александровым указания таможенных книг об убийствах промышленников на промыслах⁶⁷ свидетельствуют о столкновениях русских промышленников с коренными обитателями Сибири, хорошо известных исследователям. Трудно предположить, чтобы кровавая борьба целых артелей на промыслах не породила потока челобитных и осталась не замеченной властями. Большим артелям промышленников-своеужинников легче было противостоять напору со стороны крупных предпринимателей, имевших возможность снаряжать большие ватаги и переманивать опытных передовщиков. Равноценные в техническом и численном отношении ватаги покрученников крупных предпринимателей в лесу на промысле не имели преимуществ перед артелями мелких промышленников.

В Западной Сибири, где качество собольего меха мало различалось на больших однородных в ландшафтном отношении территориях, а промысел обычно был кратковременным, ограничивался 4—6 неделями (некоторые охотники в течение сезона на промысел ходили несколько раз),⁶⁸ расстояния до соболиных угодий меньше, не было крупных промысловых предприятий, необходимость в образовании больших промысловых партий не возникала.

Организация ватаг везде была одинаковой. Каждая промысловая партия имела передовщика, или ватажчика («ватажника»), которого в артелях выбирали, а для ватаг покрученников, по-видимому, нанимали хозяева или их приказчики из числа опытных промышленников. Общие принципиальные вопросы должны были решаться всей артелью. Даже в экспедициях, имевших официальный или полуофициальный характер, «войсковые дела» начальники не могли решать без «войскового совета», в противном случае это вызывало протест⁶⁹.

⁶⁶ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 152—153.

⁶⁷ В. А. Александров. Указ. соч., стр. 241.

⁶⁸ З. Я. Бояршинова. Указ. соч., стр. 140—141; О. Н. Вилков. Указ. соч., стр. 223.

⁶⁹ Такова, например, жалоба новоприборных охотчих служилых людей на новоприборного охотчего служилого человека Юрия Селиверстова (ЛОИИ, ЯА, карт. 13, стлб. 5, л. 52). В «Складной записи» этого полуофициального промыслового предприятия Ю. Селиверстов, как и его компаньон торговый человек Евдоким Курсов, назван промышленным человеком (Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии. М., 1951, стр. 292).

Но во всех конкретных делах входившие в ватагу промышленники обязаны были подчиняться передовщику.

В артелях своеужинников передовщик участвовал в разделе добычи на общих для всех основаниях. Так, например, вишерянин Карп Андреев, передовщик артели из 14 человек, в которую входили и покрученники, в 1659 г. получил одинаковый со всеми пай — 40 соболей.⁷⁰ В ватагах покрученников передовщик имел материальные преимущества. По мнению С. В. Бахрушина, он получал либо целую ужину из общей добычи, либо вознаграждение деньгами.⁷¹ Можно подтвердить это другими примерами. Передовщик ватаги торгового человека И. М. Пеунова Меншик Ефимов Милютин в 1643 г. был отпущен с 13 покрученниками на соболиный промысел и весной 1644 г. привез в Якутск доли хозяина от 13 покрученников. Доля передовщика не упоминается, следовательно, ему достался весь пай. В 1648 г. ватажнику Федота Осколкова «посулена... ужина запасу, против покрученников, и платья».⁷² Однако чаще всего нанятый передовщик получал половину ужины. По половине ужины получили в 1649 г. передовщик (ватажчик) одного из приказчиков В. Ф. Гусельникова Федот Аф. Кузаков, в 1657 г. передовщики двух ватаг торгового человека М. П. Березовского Михаил Яковлев и Леонтий Шишов, которые имели своих покрученников, передовщик Дм. Иванова (крестьянина боярина Н. И. Романова) Тит Кириллов, в 1659 г. передовщик торгового человека Матв. Я. Ворыпаева Замятня Иванов, передовщик торгового человека Семена Шубина Кирилл Карпов, передовщик торговых людей А. Балакшина и К. Рохманинова Денис Фадеев и другие.⁷³ Передовщиками ватаг крупных предпринимателей были как покрученники, так и своеужинники. Последние на собственную ужину нанимали покрученника.

Во время промысла передовщик пользовался большими правами. По описанию С. П. Крашенинникова, он разделяет артель на чуницы, выбирает в каждой чунице по передовщику, возглавляя одну из них сам, назначает чуницам места промысла, организует до начала промысла добычу зверей или рыбы

⁷⁰ ЦГАДА, ЯПИ, оп. 4, д. 648, л. 39.

⁷¹ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 207.

⁷² ЛОИИ, ЯА, карт. 9, стлб. 11, л. 1; ЦГАДА, ЯПИ, оп. 1, д. 9, л. 83.

⁷³ Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века, стр. 186; ЦГАДА, ЯПИ, оп. 4, д. 592, лл. 10 об.—13, 22 об., д. 648, лл. 36 об., 45 об., 47 об.

на пищу и до начала ледостава промысел соболей с собаками вблизи зимовья. По возвращении с промысла передовщики чуниц отдают передовщику артели всех соболей и других зверей и отчитываются перед ним во всех делах. Провинившимся передовщик назначает наказания, особенно суровые за воровство.

Все чуницы были на равном положении. Разделения труда между ними не было. Но внутри чуницы, как и небольшой артели, было четкое разделение труда (при сохранении индивидуального пользования орудиями охоты), что и обусловило преобладание артельного промысла над индивидуальным.

Наиболее последовательно разделение труда осуществлялось между передовщиками чуниц и остальными охотниками. До начала самоловного промысла, пока производилась заготовка мяса, рыбы и охотились с собакой на соболя, передовщики чуниц делали нарты, лыжи и специальную обувь — уле-ди, если они не привозились с собой. Средства передвижения имели огромное значение, потому что промышленники большую часть времени находились в походе по бездорожью. Каждый из них, кроме передовщика чуницы, шел с нартой один или с собакой.⁷⁴ Во время промысла передовщики чуниц уходят за день вперед, чтобы к приходу своих чуниц приготовить станы, где расставляются ловушки. В удобных местах около стана, по падям и по речкам, промышленники ставили по 2 или по 3 ухажья, где устанавливали кулемы. Во времена Крашенинникова полное ухажье состояло из 80 кулем, а всякому промышленнику полагалось рубить по 20 кулем в день. Таким образом, на стане бывало до 240 кулем. Небольшая группа на стане жила несколько дней, ночуя в шалаше.

20 кулем в день — едва ли средняя норма каждому промышленнику в XVIII в., скорее всего, она была предельной для опытных звероловов. В XVII в. общее количество кулем на стане и дневная норма при установке кулем, по-видимому, были ниже. В 1651 г. в Якутии у промышленника с товарищем «кулемника было на день по 20 кулем», другие говорили, что «на стану было всего 60 кулем». По сообщению промышленника С. Фомистова, на промысел через Амгу к Алдану «ходили до алданских покатай 50 днищ, а рубленых станов было 25, а кулемника у них на станах было у четырех человек по 60

⁷⁴ Собаки «нартные» были и в XVII в. (Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Л.—М., 1952, стр. 207).

кулем на стану»⁷⁵. «Днищами» здесь измерялось не все промысловое время, а только «тяглые» дни, затраченные на переход от стана к стану, и количество станов, по-видимому, равнялось числу тяглых дней: промышленник Шипунов рассказывал, «что-де сидели в Мальягорской волости, а тянулись на промысел к Алдану реке 48 днищ.., а было-де рубленых 27 станов, да нерубленых 20 станов, да последнее днище нерубленое».⁷⁶ 60 кулем на стане, вероятно, приходилось на всех промышленников, а не на каждого из них. По словам одного промышленника, охотившегося также на Амге, «рубил у всякого ухажья по 30 кулем на человека».⁷⁷ Установка 10—15 кулем в день и нескольких сот за сезон на охотника — очень высокая норма, особенно в сравнении с современной, когда специалисты предлагают увеличить число соболиных ловушек до 100 на охотника, правда, при еженедельном осмотре.⁷⁸ Соболиный промысел в XVII—XVIII вв. требовал полного напряжения и даже перенапряжения сил охотника. По образному выражению С. П. Крашенинникова, витимские промышленники, «препроводя почти целый год в несносных трудах и нуждах, ...не белее соболей с промыслов возвращаются»⁷⁹.

В XVIII в. установка 10 станов составляла определенный этап самоловного промысла: «прошедши 10 станов, всякий передовщик из своей чуницы посылает половину людей по завоз, т. е. по оставленный на дороге или в зимовье запас. Одного из них передовщиком назначает». По-видимому, так же было и в XVII в. В 1649 г. промышленный человек Ст. Вас. Поляков жаловался, что тунгусы пограбили у его становщика на стане 10 пудов муки «да 10 станов соболей кулемных нажив тетеревиные и гусиные» да «10 станов выломали кулемничиска»⁸⁰.

Кулемы осматривались завозчиками в том же порядке, как и устанавливались (за продуктами с пустыми нартами они шли быстро, проходя, по Крашенинникову, по 5—6 станов в день, и кулемы не осматривали). В XVIII в. промышленники за зиму два раза ходили «по завоз» и раз — «по размет», когда посланная группа продукты оставляла по частям по дороге,

⁷⁵ С. В. Бахрушин. Снаряжение русских промышленников в Сибири в XVII веке, стр. 91.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ М. Х. Геллер, В. Д. Скрябов. Пути развития и повышения продуктивности пушного промысла в районах Крайнего Севера, стр. 33.

⁷⁹ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 256.

⁸⁰ ЛОИИ, ЯА, карт. 11, столб. 25, л. 37.

«на всяком десятом стану», чтобы использовать их при возвращении чуницы в зимовье. «Разметчики» таким же порядком осматривали кулемы третий раз. Последний раз кулемы осматривались в обратном порядке и заколачивались (чтобы соболи не попали) при возвращении всей чуницы в зимовье. Два завоза (осенний и вешний подъемы) упоминаются в документах XVII в., следовательно, осмотр кулем производился не менее 3 раз в сезон. Частые осмотры затруднялись большими расстояниями, измеряемыми «тяглыми днями»⁸¹.

Объединение нескольких промышленников облегчало протапывание лыжни и ускоряло разбивку временного лагеря на станах⁸². Разделение труда в чунице и небольшой артели обеспечивало непрерывность промысла, чередование утомительного пути и тяжелой работы по установке кулемы.

Каждая промысловая партия имела свое зимовье, где проводила время до самоловного промысла и по окончании его, ожидая навигации, а то и до следующей зимы, если промышленники уходили сразу на два или больше сезонов без захода в таможни. В зимовьях выделялись шкурки зверей, иногда шились меховые изделия. Большие артели оставляли в зимовьях одного или двух сторожей, иногда там жили предприниматели или приказчики, посылавшие на промысел покрученников. Зимовья служили укрепленным убежищем при нападениях вооруженных отрядов коренного населения (не всегда надежным), а то и на случай конфликта со служилыми людьми, как это было в 1651 г. на Индигирке, когда торговые люди лаличи Ст. Семенов и Никита Фед. Ворыпаев «с покрученники в зимовье своем заперлися и на пищалях лежали и в сенях и в нагородне, а вызывали их трижды и они не вышли»⁸³. Такими же основательными были зимовья торговых людей Дементия Караблева в Мангазейском уезде, Надеи Светешникова на Алдане, Ивана Синицына на Колыме⁸⁴. Но в большинстве случаев промысловые зимовья были примитивными сооружениями.

После дележа добычи промысловые партии фактически прекращали свое существование. Основные орудия охоты, ин-

⁸¹ ЛОИИ, карт. 4, стлб. 3, лл. 7, 10; ЦГАДА, ЯПИ, оп. 3, 1638 г., д. 6, л. 82; ЛОИИ, ЯА, карт. 13, стлб. 5, л. 53.

⁸² В. В. Тимофеев, В. Н. Надеев. Соболи, стр. 13.

⁸³ Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах, стр. 202.

⁸⁴ ЦГАДА, СП, кн. 84, лл. 66 об.—67 об.; ЛОИИ, ЯА, карт. 3, стлб. 14, л. 61; Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах, стр. 203.

дивидуальные по характеру использования, не связывали прочно промышленников с определенными промысловыми партиями. Использованные средства передвижения и ловушки требовали ремонта или полной замены, сохранившие ценность старые суда продавались, оставление кулем для других могло быть взаимным. Небольшие материальные преимущества промысла партиями постоянного состава часто оказывались слишком слабыми, чтобы предотвратить переход покрученников к новым хозяевам или приглушить накопившиеся в артелях противоречия. Правда, уходя на новые места, промышленники лишались такого ценного преимущества, как знакомство с определенными охотничьими угодьями, но это преимущество не было решающим, потому что места для станов выбирали передовщики.

Недолговечность промысловых партий, достаточно сплоченных во время промысла, была одной из причин неуспеха попыток крупных предпринимателей прибрать соболиный промысел к своим рукам и живучести мелкотоварного уклада.

Технические особенности соболиного промысла в известной мере объясняют причины невнимания промышленников к другим зверям. Самоловный промысел соболей занимал у охотников все время, ловушки и приманки на разных зверей имели свои особенности, поэтому промышленникам, кроме соболей, доставалось лишь то, что случайно попадало в соболиные ловушки или подвертывалось под стрелы их луков. Специализированным был и промысел с луком и собакой. Н. С. Шукин сообщает, что в его время у охотников-соболятников «собака приучена лаять только на соболя; другой зверь не обратит ее внимания».⁸⁵ И в настоящее время охотники-профессионалы разделяются на соболятников и белковщиков.⁸⁶

На других зверей обычно охотились другие промышленники.

Поскольку до конца XVII в. добыча несоболиной пушны не имела большого значения в промысловом хозяйстве Сибири, нет необходимости в подробном рассмотрении техники и способов лова разных видов пушных зверей, достаточно отметить некоторые специфические особенности, объясняющие слабое развитие несоболиного пушного промысла.

⁸⁵ Н. С. Шукин. Зверинные промыслы в Восточной Сибири. «Журн. мин. внутр. дел», 1847, ч. 19, № 9, стр. 414.

⁸⁶ В. В. Тимофеев, В. Н. Надеев. Соболи, стр. 188.

Наибольшим своеобразием отличается бобровый промысел, и не случайно в старину он, под названием бобровых гонов, противопоставлялся лешему (лесному) промыслу остальных пушных зверей.⁸⁷ Своим слишком заметным образом жизни, изменением природы микрорайона обитания (плотины, хатки, погрызы деревьев) бобры в обжитых местах составляли неотъемлемую принадлежность земель, в чьем бы владении они не находились. Ценность бобрового меха, простота учета поголовья и его убыли, относительная легкость добычи⁸⁸, очевидная связь бобров с определенными территориями должны были рано или поздно заставить людей позаботиться об охране этого животного, о создании хотя бы самого простейшего вида охотничьего хозяйства, суть которого заключается в ограничении охоты в интересах сохранения ее объектов⁸⁹. О существовании на Руси не только такого примитивного, но и более развитого бобрового хозяйства с целыми группами населения и деревнями бобровников свидетельствуют многочисленные документы средневековой России, а также заметные следы в русской топонимике.

В. Н. Скалон считает, что «менее стройной, вернее более разнообразно организованной, в силу множества народностей и размеров страны, была система бобрового хозяйства в Северной Азии, но существовала она повсеместно».⁹⁰ Однако это положение можно принять только в смысле ограниченности бобровой охоты и то, может быть, в силу слабого спроса в дорусской Сибири на бобровые меха. Никакой организованной системы бобрового хозяйства, по крайней мере в Енисейском крае, не было.⁹¹ Недостаточно убедительна аргументация этого положения и в отношении Западной Сибири. Показательная, по мнению В. Н. Скалона, челобитная сылвинских и иренских татар и остяков 1621 г., в которой перечисляются

⁸⁷ М. М. Богословский. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в., т. 2. М., 1912, стр. 11; В. Н. Скалон. Речные бобры в Северной Азии. М., 1951, стр. 120.

⁸⁸ В. Н. Скалон утверждает, что бобры совсем не выдерживают свободного промысла (Указ. соч., стр. 105, 108).

⁸⁹ В. Н. Скалон. Указ. соч., стр. 109. В. Н. Скалон считает, что в Восточной Европе уже во времена Дьяковской культуры существовало бобровое хозяйство (Указ. соч., стр. 105).

⁹⁰ В. Н. Скалон. Указ. соч., стр. 120.

⁹¹ К. Д. Нумеров, П. Н. Павлов. Бобры в бассейне Енисея. «Зоологический журнал», 1965, т. 44, вып. 12, стр. 1855.

«медвяные их ужожаи, и бобровые гоны, и звериные и рыбные ловли», свидетельствует не столько о «прямом противопоставлении» татарами и остяками бобровых гонов звериной ловле,⁹² сколько о привычной русскому писцу терминологии. Трудно полностью согласиться с утверждением В. Н. Скалона, основанном на сибирской топонимике, что русские бобровники, в результате падения этой отрасли хозяйства на родине, двинулись в Сибирь, стремясь восстановить привычное им хозяйствование на новых местах⁹³. Русские сибирские деревни Бобровки, в отличие от некоторых древнерусских, не были населены профессионалами-бобровниками. В небольших количествах бобров промыслили, кроме ясачных людей, представители самых различных категорий русского населения, причем бобровый промысел подвергался не большим ограничениям со стороны властей, чем соболиный. С добытых бобров брали оброчную десятинную пошлину. Правда, в Западной Сибири, по-видимому, делались попытки организации государственного бобрового хозяйства, о чем свидетельствуют указания источников. Так, например, в 1637 г. в Туринском уезде у пашенных крестьян Якова Рыболова «с товарищи» был взят с бобрового промысла «третьей жребей на государя» — 2 бобра карих, в 1639 г. там же у речки Шайтанки также у пашенных крестьян взяли с бобрового промысла «третьей жребей на государя» — карего бобра и бобровую черевесь.⁹⁴ Однако масштабы такого промысла не дают основания говорить об успехах бобрового хозяйства.

В Сибири XVII в. особенности бобрового промысла, как организованного хозяйства, заметно не проявились. Преобладал не только свободный, но и в значительной мере хищнический промысел как русских, так и ясачных людей, о чем свидетельствует большой процент молодых особей среди добытых зверей. Так, например, в 1648 г. в Сибирском приказе в числе 1249 шкурок сибирских бобров было 318 (25%) шкурок бобряты—ярцов и кошлоков⁹⁵. В отдельных случаях в составе ясака удельный вес молодых бобров был еще выше: в 1629 г. в Томском и Кузнецком уездах по 35%, в Тобольском уезде 38%, в Верхотурском уезде 49%, в Тюменском — 63%, в 1630 г. в Сургутском уезде 31%, в Тюменском — 43%, в Куз-

⁹² В. Н. Скалон. Указ. соч., стр. 120.

⁹³ Там же, стр. 122.

⁹⁴ ЦГАДА, СП, кн. 95, л. 492 об., столб. 73, л. 230.

⁹⁵ Там же, кн. 238, лл. 27—30 об.

нецком — 56%⁹⁶. Следовательно, часто бобров истребляли целыми семьями.

Правительство не обратило особого внимания на сибирских речных бобров из-за их малочисленности. По той же причине и промышленники-профессионалы в прямом и переносном смысле прошли мимо бобров, предпочтя им соболей, которых по ценности было раз в 30 больше, тем более что соболий и бобровый промыслы размежевывались географически: до 90% бобров добывалось на территории Западной Сибири, а близко к 80% соболей добывалось в Сибири Восточной. К тому же времени, когда соболий промысел пришел в упадок и был резко ограничен, бобровые места были заняты и запасы бобров истощились.

Песцовый промысел еще больше территориально ограничен от промысла других зверей. Только на окраинах леса и тундры да во время дальних миграций песцы встречались с пушными животными других видов. Поскольку все русские промышленники в Сибири были в конечном счете пришлыми и им предоставлялся выбор между песцовым и соболиным промыслом, они в массе своей выбрали последний.

Песец — зверь кочевой, причем его сезонные миграции постоянны, поэтому промышленники добывают песцов главным образом самоловами, чаще всего пастями или клепцами, заблаговременно устанавливая их на известных или предполагаемых направлениях их массового хода. П. И. Третьяков, который по должности туруханского отдельного заседателя долго жил на севере, описал песцовый промысел в XIX в. Поперек берега реки устраивают из тальника невысокие изгороди и в специальных отверстиях в них ставят клепцы. Некоторые поперек берега растягивают невод с колокольчиками на верхней тетиве и караулят с палкой. Пасты расставляют в шахматном порядке вокруг постоянных и отъезжих зимовий, от 50 до 400 на каждого жителя, и объезжают их раз-два в месяц⁹⁷. В XIX в. настораживали на песцов самострельные

⁹⁶ Там же, кн. 19, лл. 948 об., 954—954 об., 831 об., 407, 414 об., 423, 456 об., 538 об.—539 об., кн. 22, лл. 632—633, 426 об., 750 об.—751.

⁹⁷ П. И. Третьяков. Туруханский край, его природа и жители. СПб., 1871, стр. 275—276. А. Ф. Миддендорф отмечает, что некоторые хозяева имели по 3 пастника (совокупность ловушек наподобие кулемных станок), а общее количество ловушек у таких доходило до 500 (А. Ф. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири, ч. II, отд. 6. СПб., 1877, стр. 609—610). Длина плетня из прутьев

луки⁹⁸. Несомненно, что если не все, то большинство этих орудий русские знали до прихода в Сибирь, потому что песцы издавна промыслили на Европейском Севере. Не техническая слабость мешала им сразу приступить к освоению пушных богатств приполярных районов Сибири.

К массовому песцовому промыслу русские промышленники обратились в самом конце XVII в. после почти полного запрещения для них соболийного промысла. В этой связи произошла значительная передвижка формировавшегося постоянно русского промыслового населения на север.

Из ценных пушных зверей в Сибири наиболее широко распространены лисицы, местообитание которых не ограничивается лесной зоной; одни из них не чуждаются степных участков, другие живут вблизи тундры.⁹⁹ Зато плотность населения этих крупных хищников сравнительно невелика.

Лисиц добывали по-разному. С. П. Крашенинников, отмечая, что на Камчатке промыслили их «наиболее отравой, клепцами и луком» (имеется в виду самострел), пишет, что все эти способы введены казаками. Первый и последний хорошо известны по документам XVII в. Тот же был и состав отравы, что и на Камчатке при Крашенинникове — «из мяса и рыбы квашеных с цылибухой», которые приготавливались в виде колобков и разбрасывались на свежие лисьи следы.¹⁰⁰ Чилибуха (в XVII—XVIII вв. писали «цылибуха», «цылибуха») приготавливалась, вероятно, из тропического дерева того же названия, в Россию привозилась из-за границы, в частности через Архангельск, где в 1671 г. было зарегистрировано 3 бочки и 2 мешка, в 1672 и 1673 гг. по бочке чилибухи.¹⁰¹ Ее покупали в Архангельске, Сольвычегодске, Устюге, Москве¹⁰² и, вероятно, в других городах. Чилибуха упоминается в числе товаров, привозимых в Сибирь: в 1640 г. в Якутии у при-

доходила до 50 верст (Н. С. Щукин. Звериные промыслы в Восточной Сибири, стр. 423) и даже до 100 верст (А. П. Степанов. Енисейская губерния, ч. 1. СПб., 1835, стр. 202).

⁹⁸ А. А. Дунин-Горкавич. Тобольский Север, т. 1. СПб., 1904, стр. 157.

⁹⁹ А. Ф. Чиркова. К вопросу о взаимоотношениях песца и лисицы на Крайнем Севере. «Проблемы Севера», вып. 11. М., 1967, стр. 112—113.

¹⁰⁰ С. П. Крашенинников. Указ. соч., стр. 241, 243.

¹⁰¹ В. Г. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915, стр. 125, 128, 138.

¹⁰² ТКМГ, т. 1. М.—Л., 1950, стр. 16, т. 3. М.—Л., 1951, стр. 359, 484; В. Г. Курц. Указ. соч., стр. 144.

казчика Василия Федотова Гусельникова было 3 фунта, в 1646 г. приказчик Афанасия Гусельникова повез на Индигирку и Колыму 25 фунтов чилибухи.¹⁰³ В 1646 г. среди пожитков покойного пятидесятника Потапа Баландина было 20 колющих «чилибухи».¹⁰⁴ О луках-самострелах на лисиц сведений содержится в челобитных по поводу неприятностей и несчастных случаев, вызванных этим опасным орудием. В 1660 г. таким луком, принадлежавшим служилому человеку М. Дм. Дехтярю, была застрелена промышленная собака якута Борогонской волости Чучугура Онюкеева, в 1689 г. был смертельно ранен стрелой из настороженного лука казака Афанасия Жаравлева казак Иван Батошков.¹⁰⁵ Оба упомянутых способа добычи лисиц индивидуальны, привязаны, особенно последний, к жилищу и применяются при охоте скорее в качестве подсобного хозяйства.

Возможно, что в XVII в. лисиц промышляли клепцами — самоловными орудиями, поражающими зверя доской с железными шипами, предварительно напряженной путем закручивания жгута, а также пастями — самоловами давящего действия. Не исключено, что били из ручных луков, как позднее из ружья,¹⁰⁶ ловили капканами, в открытых местах гоняли на лошадях. Капканы позднее применялись русскими на Енисее, а охота на лошадях издавна была известна якутам, народам Тобольского Севера и в XIX в. широко распространена была в Забайкалье.¹⁰⁷

Маленьких лисят в XVII в., как и позднее, иногда добывали в норах живыми и выкармливали дома.¹⁰⁸

Промысел осторожных зверей, рассредоточенных на больших территориях, по добычливости уступал соболиному, требовал специализированных орудий и особых навыков, поэто-

¹⁰³ АЮБ, т. 3, стр. 80; Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сб. документов, сост. М. И. Белов. Л.—М., 1951, стр. 108.

¹⁰⁴ ЛОИИ, ЯА, карт. 9, стлб. 10, л. 2.

¹⁰⁵ Там же, карт. 16, стлб. 18, лл. 14—23; ЦГАДА, ИПИ, оп. 1, д. 151, стлб. 230, лл. 109—116.

¹⁰⁶ Н. С. Щукин. О звериных промыслах по реке Лене, стр. 104.

¹⁰⁷ А. П. Степанов. Енисейская губерния, ч. 1. СПб., 1835, стр. 201; П. И. Третьяков. Туруханский край, его природа и жители. СПб., 1871, стр. 272; Н. С. Романов. Ясак в Якутии в XVIII в. Якутск, 1956, стр. 39; А. А. Дунин-Горкавич. Тобольский Север, т. 1. СПб., 1904, стр. 150; А. А. Черкасов. Записки охотника-натуралиста, стр. 143—145.

¹⁰⁸ В 1636 г. березовский казак И. Фофанов в Казанском приказе сказал по поводу принадлежавших ему бурых лисиц (ценные лисицы были государственной монополией), что одну купил у остяков, «а другая де домашняя ево кормленная» (ЦГАДА, ОП, стлб. 67, л. 15).

му только с падением соболиного промысла стал привлекать внимание охотников-профессионалов и то чаще как дополнение к промыслу более массовых пушных зверей.

Белок исстари добывали с луком и собакой (или без собаки). Коренное население Сибири таким способом охотилось на них и много позднее. Кеты в середине XIX в. белок били «большую часть стрелами»,¹⁰⁹ а эвенки — исключительно ружьем.¹¹⁰ На севере Тобольской губернии и в конце XIX в. вместе наряду с ружейной охотой белок добывали ручным луком,¹¹¹ некоторые манси в наиболее глухих районах применяли лук в белковом промысле еще в 20-е годы XX в.¹¹² Правда, те и другие ловили белок и черканом — самоловным орудием, действующим по принципу лука-самострела. Тофы до 50-х годов XX в. в промысле белок самоловными орудиями не пользовались.¹¹³

У русских также преобладал лучной (позднее ружейный) промысел белок. На Енисейском Севере в 30-е годы XVIII в. «русские и иноземцы» белок стреляли из луков,¹¹⁴ но в Ленском крае в то время белок били из луков и ловили плашками¹¹⁵ — ловушками давящего действия.

В XIX в., когда белка заняла первое место в пушной охоте, большое значение приобрел самоловный промысел. В Енисейской губернии, кроме стрельбы, белок ловили плашками (крестьяне ставили от 100 до 1000 штук), волосными петлями и черканами, ружьем и плашками добывали белок на Лене, где многие из крестьян также имели до 1000 и более плашек.¹¹⁶ Однако не в этом основная суть изменений, происшедших в величье промысла после XVII в. В XIX в. промышленники за белкой стали ходить артелями. Н. С. Щукин даже утверждает, что «на промыслы отправляются всегда артелями», которые в местах звероловства имеют свое зимовье или избу.¹¹⁷

¹⁰⁹ П. И. Третьяков. Указ. соч., стр. 270.

¹¹⁰ Н. С. Щукин. О звериных промыслах по реке Лене, стр. 102.

¹¹¹ А. А. Дунин-Горкавич. Тобольский Север, т. 1, стр. 149.

¹¹² Д-р Э. С. Лук в XX веке в СССР. «Вестник знания», 1928, № 16, стр. 817.

¹¹³ В. Филь. Плашки на белку. «Сельскохозяйственное производство Сибири и Дальнего Востока», 1963, № 5, стр. 81.

¹¹⁴ ЦГАДА, ПМ, д. 481, № 5, стр. 202.

¹¹⁵ С. П. Крашенинников. Указ. соч., стр. 260.

¹¹⁶ М. Ф. Кривошапкин. Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865, стр. 48—51; Н. С. Щукин. О звериных промыслах по реке Лене, стр. 100—101.

¹¹⁷ Н. С. Щукин. Указ. соч., стр. 100.

Подробно описал артель белковщиков А. А. Черкасов: в артели «собирается обыкновенно от четырех до десяти промышленников. Большая семья редко соединяется с посторонними, а одинокие люди или малосемейные с разных деревень собираются в одну артель на известных условиях, т. е. каждый артельщик обязан взять с собою необходимых съестных и огнестрельных припасов наравне с другими, чтобы харч в артели был общий, почему и все добытое ими в тайге делится тоже на равные части». Тут есть и покрута: «Многие зажиточные люди, отправляясь или не отправляясь сами на белковье, имея лишние винтовки, раздают их бедным промышленникам на известных условиях, под пушнину»¹¹⁸.

Таким образом, беличий промысел занял место соболиного не только в экономике, но и в производственной организации. Правда, замена эта во всех отношениях не была полной. Белка никогда не занимала того удельного веса в составе сибирской пушнины, какой приходился на соболя в XVII в. Понятно, что и охотники-белковщики, в отличие от соболятников, без колебаний отвлекались от основного объекта при встрече с любым ценным зверем, поэтому добыча белковщиков всегда была разнообразной. Промысел белок в ближних угодьях производился индивидуально, как и промысел большинства других зверей, так что артели после XVII в. утрачивали характер универсальной организации промысловой охоты.

В XVII в. артелей русских промышленников-белковщиков не было, потому что они не выдержали бы конкуренции с артелями охотников на соболей, а немногочисленное промысловое население не в состоянии да и не заинтересовано было осваивать естественные запасы белок, так как рыночные цены на беличий мех в Сибири были очень низкими; и в ясак восточносибирских белок до конца XVII в. не принимали.

* * *

Итак, русским промышленникам XVII в. известны были все основные способы и орудия пушной охоты, которые позднее лишь более или менее усовершенствовались. Эффективная охота на каждого пушного зверя требует особых навыков, специализированных орудий, в ряде случаев особой производственной организации и в конечном счете разделения труда. Естественно, что в неосвоенной Сибири пришлые промышлен-

ники в первую очередь обратились к наиболее выгодной соболиной охоте, достигшей в середине XVII в. наивысшего расцвета.

Универсальная в XVII в. организация соболиной охоты промысловыми партиями не зависела непосредственно от техники промысла и поэтому не давала производственных преимуществ крупным предпринимателям перед самостоятельными мелкими промышленниками.

2. Экономика организации промысла

Выше рассматривалась производственно-техническая организация пушного промысла. Теперь необходимо рассмотреть экономическую сторону производственной организации промысла, прежде всего материальную обеспеченность промысловой охоты.

Совершенно очевидно, что в конечном итоге громадная масса ценных сибирских мехов с избытком окупала все затраты на их добычу, но очевидно также, что при постоянном, хотя бы частичном, обновлении состава промышленников не только начало, но и воспроизводство промысла требовало немалых средств до момента реализации добычи. В условиях преобладания в стране натурального хозяйства (промысловое движение в Сибирь приблизительно совпало с началом процесса складывания всероссийского рынка, даже несколько опережая его) крупными средствами располагали феодальное государство и «капиталисты-купцы», которые были руководителями и хозяевами процесса концентрирования небольших местных рынков в один всероссийский рынок.¹¹⁹ Без участия этих сил или одной из них бурный расцвет сибирского соболиного промысла представить трудно.

Попытка выяснить роль государства в организации пушного промысла была предпринята Г. В. Вернадским,¹²⁰ но, как отмечалось в историографическом обзоре, он слишком упрощенно и без достаточного фактического обоснования получение государством сибирской пушнины назвал хозяйственной деятельностью, а служилых людей хозяйственными приказчиками и покрученниками в предприятиях государственной

¹¹⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 153—154.

¹²⁰ Г. В. Вернадский. Против солнца. Распространение русского государства к востоку. «Русская мысль», М.—Пг., 1914, № 1; он же. Государевы служилые и промышленные люди в Восточной Сибири XVII века. «Журн. мин. народн. просв.», ч. 56, Пг., 1915.

¹¹⁸ А. А. Черкасов. Указ. соч., стр. 456—457.

казны. Смещение целей и методов эксплуатации пушных богатств государством и частными лицами привело его к объединению правительственной и частной деятельности. Он не заметил принципиальной разницы между ясным сбором и частным промыслом.¹²¹ Позднейшие исследования полностью отвергли его положение о казне как «хозяине пушного промысла».¹²²

С. В. Бахрушин в своих исследованиях пришел к выводу, что львиная доля добычи проходила через руки крупных торговых людей Устюга и Соли Вычегодской, которые организовывали промышленные экспедиции за Урал. По мнению исследователя, «они давали средства, необходимые для длительного пребывания в лесах Сибири, вокруг них группировались более «маломочные» промышленники, беря в долг у них деньги и снаряжение и закабалая себя им, а в лучшем случае промысля под их руководством и под их покровительством»¹²³. Положение С. В. Бахрушина о промысловом предпринимательстве крупного купечества нашло подтверждение в работах К. В. Базилевича, И. С. Макарова, И. И. Селиверстова, В. А. Александрова¹²⁴. Однако, как отмечалось выше, С. В. Бахрушин переоценил значение крупного купечества в пушном промысле. Признание за торговыми людьми заметной, значительной и решающей, чуть ли не абсолютной роли в организации промысла — далеко не одно и то же. Последнее не подтверждается фактами. На устюжском рынке (одном из крупнейших центров пушной торговли в XVII в.) в разгар сибирского соборного промысла «главную массу торгующих мехами составляли промышленные люди»¹²⁵. По приводимым В. А. Александровым данным, в Енисейском и Мангазейском уездах в 30-х и 50-х гг. XVII в. мелким и средним промышлен-

никам принадлежало больше половины годовой добычи¹²⁶. Слмостоятельные мелкие производители в совокупности должны были обладать и значительными материальными возможностями. Недооценка (как и переоценка) этих возможностей приведет к искажению действительной роли большого отряда народных масс в хозяйственном освоении Сибири. Уже одно это заставляет еще раз обратиться к организации пушного промысла, хотя некоторые принципиальные вопросы уже решены.

* * *

Всякая промысловая ужина состояла из «хлебного запаса», или просто «запаса» и «промышленного завода».

В запас входили мука ржаная, овсяная, ячневая, толокно, рожь, мясо, иногда козлятина сушеная, масло коровье, рыбий жир, соль, мед, изредка конопляное семя¹²⁷, крупа, мука пшеничная, рожь рощеная (солод), горох, сало говяжье, мясо свиное¹²⁸. Рыбу промышленники заготавливали непосредственно перед отправкой или по пути на промысел¹²⁹.

Промышленный завод включал орудия охоты и рыбной ловли, различные инструменты, одежду, обувь, предметы «домашнего» обихода, иногда судовые детали, лыжи и т. п. В числе непосредственных орудий и средств охоты обычны луки со стрелами, сети-обметы, непременно топоры и ножи, для охоты на крупную дичь и для самозащиты были пищали винтовые и гладкие, а также эвенкийские аткасы и якутские палымы — ножи, насаженные на древки. Для рыбной ловли промышленники брали различные сети — неводные, пушальницы, мережи, а также железные пешни для пробивания льда.¹³⁰ В промышленный завод входила отравы на крупных хищников — чилибуха (чилибуха) и сулема, рогатины, куяки (свое-

¹²¹ Г. Вернадский. Государевы служилые и промышленные люди в Восточной Сибири XVII века, стр. 333, 342.

¹²² В. А. Александров. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в., стр. 241.

¹²³ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 198.

¹²⁴ К. В. Базилевич. Крупное торговое предприятие в Московском государстве в первой половине XVII века. Л., 1933; И. С. Макаров. Пушной рынок Соли Вычегодской в XVII веке. «Исторические записки», кн. 14; И. И. Селиверстов. Торговля и промыслы русских в Якутии в 40—60 гг. XVII в. Автореферат канд. дисс. Л., 1952; В. А. Александров. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в.

¹²⁵ А. Ц. Мерзон и Ю. А. Тихонов. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII в.). М., 1960, стр. 279.

¹²⁶ В. А. Александров. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в., стр. 234.

¹²⁷ С. В. Бахрушин. Снаряжение русских промышленников в Сибири в XVII веке. «Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века». Л.—М., 1951, стр. 90.

¹²⁸ ЦГАДА, ЯПИ, оп. 1, д. 9, лл. 84—85; д. 7, лл. 16—25; оп. 4, д. 28, лл. 12—37; Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сб. документов. Сост. М. И. Белов. Л.—М., 1952, стр. 100.

¹²⁹ В. А. Александров. Указ. соч., стр. 222.

¹³⁰ С. В. Бахрушин. Снаряжение русских промышленников в Сибири в XVII веке, стр. 86—89.

образные латы)¹³¹. Упоминаются «уды стерляжьи», блесны медные и оловянные или «облиты оловом, тетивки жилые».¹³²

Обычной одеждой промышленников были шубы бараньи, кафтаны шубные, кафтаны бараньи или овчинные, зипуны промышленные, чаще сермяжные белые, иногда суконные цветные, рукавицы, шапки; нижнее платье состояло из рубахи холщовой, пострядинной, изредка нарядной, «золотом шитой», и штанов холщовых, китайчатых, выбойчатых, иногда строченных шелком. Обязательны пояса. В запас брали сукно сермяжное, холст гладкий и толстый и т. п. С. В. Бахрушин предполагает, что и в XVII в. употреблялись описанные С. П. Крашенинниковым некоторые детали одежды — лузан (суконный наплечник), налокотник. Из обуви брали чарки (род башмаков), коты «телятинные», в запас брали подошвы («сколоты»), кожи различные.¹³³ С. П. Крашенинников указывает, что специальную обувь (уледи), приспособленную для ходьбы на лыжах, делали в зимовьях перед отправкой на промысел.¹³⁴ В документах середины XVII в. упоминаются «кожа красная на уледи»,¹³⁵ «башмаки прямые». Одежда была овчинные или шубные, постели — олени, иногда козлиные шкуры. Употреблялись наволочки, для защиты от комаров «сети комариные», пологи от комаров. Посуда состояла из котлов варчих медных с дугами, сковород¹³⁶, деревянных ложек, ковшей.¹³⁷ Из готовых индивидуальных средств передвижения изредка упоминаются «лыжишки старые»¹³⁸. Лыжи, как и нарты, по С. П. Крашенинникову, изготавливались в зимовьях.¹³⁹ Промышленники брали с собой камасы для лыж-

¹³¹ Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах, стр. 108; ЦГАДА, ЯПИ, оп. 1, д. 9, лл. 9-а, 12, 16.

¹³² ЛОИИ, ЯА, карт. 9, стлб. 10, лл. 2—3; ЦГАДА, ЯПИ, оп. 1, д. 9, лл. 80—83.

¹³³ С. В. Бахрушин. Снаряжение русских промышленников в Сибири в XVII веке, стр. 87—88.

¹³⁴ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. М.—Л., 1949, стр. 260—261.

¹³⁵ ЦГАДА, ЯПИ, оп. 1, д. 9, л. 22.

¹³⁶ С. В. Бахрушин. Снаряжение русских промышленников в Сибири в XVII в., стр. 88—89.

¹³⁷ ЦГАДА, ЯПИ, оп. 1, д. 9, л. 11; ЛОИИ, ЯА, карт. 9, стлб. 10, л. 11, карт. 19, стлб. 4, л. 106.

¹³⁸ ЦГАДА, ЯПИ, оп. 1, д. 9, л. 64.

¹³⁹ С. П. Крашенинников. Указ. соч., стр. 260—261.

ных подволоков. Из инструментов упоминаются пилы, тесла, иглы шильные и т. п.¹⁴⁰

Перечисленные предметы лишь в совокупности входили в состав ужины. Конкретные ужины никогда не имели полного ассортимента. Поэтому надо прежде всего определить минимум необходимого для нормального ведения промысла.

В 30-х годах XVIII в. каждый промышленник брал на сезон 27—30 пудов муки ржаной, пуд пшеничной, пуд соли, 1/4 пуда крупы, на двоих брали обмет, собаку, 7 пудов корму собаке, постель с одеялом и бурню с на kwasoю (берестяную посудину с экстрактом для закваски теста и приготовления кваса). Огнестрельное оружие имели немногие. Чечуйские промышленники сверх перечисленного брали по 4 фунта масла на человека и на всю артель быка. Каюки (лодки), нарты, лыжи, уледи промышленники изготавливали сами.¹⁴¹ Одежду, кроме специализированных деталей, С. П. Крашенинников не упоминает.

В XVII в. ужины были многообразнее. Так, в 1648 г. на ужину приходилось по 13, 17, 20, 22, 25, 30, 35, 50 пудов ржаной муки, в среднем по 25,7 пуда на человека,¹⁴² в действительности меньше, потому что некоторые ужины были рассчитаны на два сезона. В 1640 г. на каждого промышленника, отпущенного на промысел из Якутска же, приходилось в среднем по 14,3 пуда, на отпущенных из Усть-Вилуйска — по 10,4 пуда. В 1641 г. промышленники, отпущенные на промысел из Илимска вверх по Илимю, имели в среднем по 16,5 пуда, а отпущенные на Лену — по 8,5 пуда муки.¹⁴³ Несомненно, что некоторые промышленники рассчитывали купить хлеб на месте промысла, куда его везли торговые люди, как, например, приказчик гостиной сотни Александра Баева, который, имея всего 5 покрученников, шел на промысел с 500 пудами муки.¹⁴⁴ В приведенных примерах учтены не все промышленные и торговые люди, поэтому средние размеры запаса неточны. Во второй половине XVII в. типичным стал хлебный запас в 20 пудов: в 1675 г. у 102 промышленных людей, вышедших на соболиный промысел с Чечуйского волокa на Лену, было 2040

¹⁴⁰ Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах, стр. 99, 100; ЛОИИ, ЯА, карт. 9, стлб. 10, лл. 2, 12; ЦГАДА, ЯПИ, оп. 1, д. 9, л. 11.

¹⁴¹ С. П. Крашенинников. Указ. соч., стр. 258—259.

¹⁴² ЦГАДА, ЯПИ, оп. 1, д. 9, лл. 1—220.

¹⁴³ Там же, оп. 4, д. 13, лл. 161 об.—279 об., д. 28, лл. 11—45 об.

¹⁴⁴ Там же, оп. 1, д. 9, л. 27.

пудов, в 1684 г. там же у 189 промышленных людей и 5 пашенных крестьян было 3715 пудов ржаной муки¹⁴⁵. По 20 пудов муки было у покрученников торгового человека Петра Бороды в 1653 г.¹⁴⁶

В первой половине XVII в. хлебный запас в ужинах богатых торговых и промышленных людей был больше, чем в ужинах мелких промышленников: в 1648 г. на 24 ужина богатых предпринимателей приходилось по 32 пуда, а у 83 промышленников-своеужинников было по 21 пуду¹⁴⁷. Несомненно, что первые чаще снаряжали промышленников на два сезона и больше хлеба везли на продажу, но несомненно также, что крупные предприниматели не смогли бы привлечь к себе в покрученники квалифицированных охотников, если бы не давали им полную ужину, между тем мелкие самостоятельные промышленники, у которых не хватало средств на полную ужину, могли отгажаться на промысел в расчете на частичную замену ценного продукта рыбой или дичью.

В XVII в. при дороговизне в промысловых районах хлеба норма хлебного запаса была ниже, чем в первой половине XVIII в. Зато большим вниманием пользовалась рыба. Не случайно землепроходцев в новых землях после соболей особенно интересовала рыба. В 1640 г. служилый человек Посник Иванов сообщал, что Яна — «река безрыбная», а Индигирка — «река рыбная». По «скаскам» казака Нехорошего Колобова (1646 г.), река Удья и Охота «соболевые, зверя всякого много и рыбные, а рыба большая, в Сибири такой нет». В том же году Михаил Стадухин о реках Колыме и Чухче отзывался как о богатых хорошими соболями, лисицами и песцами и всякой рыбой.¹⁴⁸ Отсутствие рыбы, как и хлеба, могло сорвать промысел. Как в 1637, 1638 гг. в Мангазейском уезде, в 1641 г. в Енисейском уезде «за хлебную дороговую» на промысел ходило меньше промышленных людей, так в 1654/55 г. на Колыме «промышлять соболей было не за чем», потому что летом служилые, торговые и промышленные люди на рыбных ловлях «кормов рыбы добывать не могли». В 1675 г. группа промышленников из Центральной Якутии вернулась в Якутск, «потому что корму рыбы добыть не могли».¹⁴⁹ Рыба, выловленная промышленниками «про свой обиход», не учитывалась, но можно не сомневаться, что коли-

¹⁴⁵ Там же, оп. 4, д. 1122, лл. 5, 47 об.—51, оп. 1, д. 6, л. 71.

¹⁴⁶ Там же, оп. 2, д. 31, л. 37.

¹⁴⁷ Там же, оп. 1, д. 9, лл. 1—93.

¹⁴⁸ Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах, стр. 37, 55, 60.

¹⁴⁹ ЦГАДА, СП, кн. 238, лл. 164, 258 об., кн. 346, л. 151 об.

чество ее было значительным. Промысловый лов пошлиной облагался. В Мангазейском уезде на первое полугодие 1631 г. таможенные власти регистрировали свыше 5 тыс. пудов рыбы.¹⁵⁰

Соли, как и хлеба, в XVII в. промышленники брали несколько меньше, чем в XVIII в., и соль распределялась по ужинам также неравномерно. В 1648 г. в Якутии в некоторых артелях соли приходилось по пуду на ужину,¹⁵¹ на некоторые ужины приходилось по 2 пуда, но во всех этих случаях и муки было по 30 пудов на человека¹⁵², т. е. ужины были двухсезонные. Отдельные торговые люди везли соли больше средней нормы — на продажу: у Матвея Коткина с двумя покрученниками на 100 пудов муки было 12 пудов соли, у Анисима Костромина на 7 ужин было 30 пудов соли при 150 пудах муки, у Богдана Криводанова было 3 пуда соли на ужину¹⁵³. Часто на ужину приходилось по $\frac{2}{3}$, $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ пуда соли,¹⁵⁴ а у некоторых промышленников соль в составе запаса совсем не упоминается. Вероятно, они надеялись приобрести соль на месте. В общей сложности на 377 человек приходилось 216,5 пудов соли,¹⁵⁵ по 0,6 пуда на человека. Похоже, что промышленные люди экономили и на соли, которая тогда по якутской таможенной оценке приравнивалась к муке. Примечательно, что русские промышленники в Якутии икру не только солили, но и сушили¹⁵⁶, возможно, присаливая.

Минимальный запас, как и в XVIII в., исчерпывался хлебом и солью. При С. П. Крашенинникове только чечуйские промышленники брали с собой по 4 фунта масла. В 1648 г. на 377 человек было 18 пудов коровьего масла, в среднем по 2 фунта на человека, однако, по росписи товаров, масло было лишь у немногих: у «человека» дьяка Михаила Ерофеева 2 пуда, у сидельца торгового человека Семена Шубина пуд, у приказчика Василия Федотова Гусельникова пуд и у его племянника 3 пуда, у приказчика Федота Осколкова 10 пудов и у торгового человека Максима Григорьева пуд.¹⁵⁷ Некоторые промышленники покупали масло непосредственно перед промыслом, другие обходились без этого дорогого продукта (по якутской таможенной оценке в 10 раз дороже хлеба).

ЛОИИ, ЯА, карт. 28, стлб. 4, л. 86.

¹⁵⁰ В. А. Александров. Указ. соч., стр. 222.

¹⁵¹ ЦГАДА, ЯПИ, оп. 1, д. 9, лл. 5, 6, 34, 35, 36, 76 и др.

¹⁵² Там же, лл. 8, 15, 33, 46.

¹⁵³ Там же, лл. 10, 40, 89.

¹⁵⁴ Там же, лл. 29, 39, 43, 44, 50, 51, 69, 71, 88, 91, 92, 93, 96, 97.

¹⁵⁵ Там же, лл. 1—220.

¹⁵⁶ Там же, оп. 4, д. 116, лл. 51 об.—65.

Торговые люди просили разрешить им привезти с Руси пресного меда, чтобы их покрученникам «на соболином промыслишку над одним хлебом без вологи не оцинжать»; по словам одной из челобитных, торговые люди всякому человеку на год дают «по пуду меда в харчу место». ¹⁵⁸ Однако указанная в челобитных «норма» меда совершенно не соответствует действительности. Мед в Сибири был дорог (по якутской таможенной оценке 40-х годов в 15 раз дороже ржаной муки), поэтому торговые люди были заинтересованы в беспрепятственном его провозе далеко не только для своих покрученников. Так, например, Василий Федотов Гусельников в 1639 г. жаловался, что на Лену и на Тунгуску «русских всяких харчей дального ради пути завозити не мощно, кроме меда пресного», и просил пропустить 150 пудов меда. Разрешение было дано. Однако в 1641 г. он отпустил с племянником и покрученниками (всего 33 человека), которые пошли на Лену для торговли и соболиного промысла, на 5 лет 50 пудов меда патоки. ¹⁵⁹ Если этот мед не продали, то пришлось его по 0,3 пуда на человека в год, а не по пуду, но и это количество покрученники едва ли получили. Большинство же промышленников, как и в XVIII в., совсем не имело этого продукта. В отпускных книгах мед упоминается редко.

Самый минимальный запас состоял примерно из 20 пудов ржаной муки и поменьше пуда соли, в ужинах крупных предпринимателей был несколько разнообразнее и больше по объему.

В промышленный завод включали по 1—2 топора, от 5 до 20 сажень сетей неводных (что лишний раз подчеркивает значение рыбы для пушного промысла), «прядено неводное». Обметы, пешни были не у каждого. Огнестрельного оружия было мало. С. В. Бахрушин ошибался, считая, что у каждого промышленного человека была пищаль с порохом и снаряжением. ¹⁶⁰ В 1648 г. у 377 человек, отпущенных на промысел из Якутии, было зарегистрировано таможеней всего 12 пищалей. Мало было в те годы и промышленных собак.

Платье «промышленное, каково к промыслу годитца», и

¹⁵⁷ Там же, оп. 1, д. 9, лл. 9-6, 21, 26, 55, 79—83, 137.

¹⁵⁸ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 203.

¹⁵⁹ Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии. Сб. документов. Сост. Н. С. Орлова. М., 1951, стр. 164—167.

¹⁶⁰ С. В. Бахрушин. Снаряжение русских промышленников в Сибири в XVII веке, стр. 89.

обувь, шапки, пояса вместе с мелкими предметами — все то, что было на промышленниках, таможенному обложению, по видимому, не подлежало. В запас готовую одежду брали редко, не часто она встречается и в числе товаров. Зато почти все промышленники брали с собой сукно сермяжное, холст разный, чарки (обувь), камасы лосиные и олени, иногда конские (шкуры с ног этих животных на обувь и подбивку лыж), часты рукавицы, различная кожа на обувь, подошвы. Ассортимент и количество предметов в ужинах очень не одинаковы, потому что промысловые артели и ватаги окончательно укомплектовывались непосредственно перед промыслом, поэтому по таможенным отпускным документам трудно определить обычную норму. В среднем на промышленника приходилось не менее 10 аршин сукна сермяжного, около 15 аршин холста, 2 пары чарков, 3 пары рукавиц, 1—2 рубахи, около 10 камасов. ¹⁶¹

Стоимость ужины в зависимости от места и времени ее комплектования менялась. За исходную можно взять цену ужины минимального и среднего состава по якутской таможенной оценке 1648 г.

Как видно из таблицы 8, стоимость ужины минимального состава по таможенной оценке определяется примерно в 33 руб., а ужины с собакой, обметом и пищалью — в 42 руб., не считая транспортных расходов. Однако таможенная оценка товаров была выше действительной рыночной цены. ¹⁶² Так, например, в Якутии в 1640 г. пуд муки ржаной покупали в казну по рублю, а таможенная оценка была по 1 руб. 50 коп., в 1642 г. казна покупала по 80 коп. при таможенной оценке по рублю. ¹⁶³ Сети неводные в 1648 г. продавались по 18 коп. сажень при таможенной оценке по 20 коп. ¹⁶⁴ В 1648 г. белое сукно, оставшееся после убитых на промысле промышленников, оценили по 10 коп. аршин вместо стандартной таможенной оценки в 20 коп. ¹⁶⁵ По рыночным ценам ужина стоила ме-

¹⁶¹ ЦГАДА, ЯПИ, оп. 1, д. 9, лл. 1—50.

¹⁶² А. Н. Копылов. Условная оценка товаров в сибирских таможенных в XVII в. «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России». М., 1961, стр. 75, 76.

¹⁶³ ЦГАДА, ЯПИ, оп. 4, д. 11, лл. 74 об. — 76, д. 13, лл. 224 об. — 229, д. 64, лл. 8—9; Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века, стр. 169, 173. По данным В. Н. Шерстобоева, в Якутске рожь (ценилась дешевле муки) продавали в 1647 г. по 35—60 коп., в 1648 г. по 33—34 коп. пуд (В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня, т. 1. Иркутск, 1949, стр. 356).

¹⁶⁴ ЦГАДА, ЯПИ, оп. 4, д. 231, л. 597.

¹⁶⁵ ЛОИИ, ЯА, карт. 9, столб. 10, л. 13.

Таблица 8

**ПРИБЛИЗИТЕЛЬНАЯ СТОИМОСТЬ УЖИНЫ
ПО ЯКУТСКОЙ ТАМОЖЕННОЙ ОЦЕНКЕ 1648 г. (руб.).***

Наименование и количество предметов	Цена
20 пудов ржаной муки	10,0
1 пуд соли	0,50
2 топора	2,0
2 ножа	0,4
10 сажень сетей неводных	2,0
1 пещня на двоих	0,5
3 фунта меди в котлах	1,8
1 зипун	2,0**
1 кафтан или шуба	2,0
10 аршин сукна сермяжного	2,0
15 аршин холста	1,2
2 рубахи	1,4
1 штаны	0,5
1 шапка	1,0
3 рукавицы (3 пары)	0,3
2 чарки	1,0
1 кожа на уледи	0,6
1 одеяло на двоих	1,5
10 камасов	2,0
Итого:	32,7
Собака	3,0
Обмет	1,5
Пищаль	5,0
Итого:	42,2

* ЦГАДА, ЯПИ, оп. I, д. 9, лл. 1—220.

** Цена зипуна определена приблизительно.

нее 30 руб. При покупке хлеба у крестьян на местах ужина обходилась дешевле. В литературе хорошо известно, что крупные предприниматели часто хлеб покупали не в Якутске, а на заимках по более дешевым ценам.¹⁶⁶ В 1649 г. якутские служилые люди жаловались, что торговые люди по заимкам выкупают у крестьян хлеб дешево, привозят в Якутск и «меж собою зговоряся, продают те хлебные запасы по своей мере дороую ценою»¹⁶⁷. В Енисейском уезде торговые люди много

¹⁶⁶ В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М., 1956, стр. 351.

¹⁶⁷ ЛОИИ, ЯА, карт. 11, стлб. 38, л. 16.

хлеба скупали на корню.¹⁶⁸ Еще более выгодным было получение хлеба по кабальным долгам. Те же служилые люди писали, что торговые люди на Ленском волоке и на Лене по заимкам около Усть-Куты и Чечуйском волоке «задаживают всех пашенных крестьян и у них емлют всякие хлебные запасы за долг дешевою ценою».¹⁶⁹ Торговые люди задаживали, может быть, и не всех крестьян, но распространенность этого явления не вызывает сомнения. В долговых отношениях оказывались крестьяне и промышленники разных имущественных категорий: в 1647 г. торговый человек Иван Мокеев Пеунов послал с Илимского волока в Якутск 1200 пудов ржаной муки, которую взял у ленского пашенного крестьянина Панфила Яковлева «за старый долг по старым кабалам»,¹⁷⁰ хлеб за долг получали и рядовые промышленники: в 1649 г. Пятой Григорьев предъявил иск по кабале о взыскании с пашенного крестьянина Ивана Еремеева 27 пудов муки; чаще торговые люди получали муку за долги мелкими партиями у нескольких крестьян: приказчик В. Ф. Мошенникова в 1648 г. на Илимском волоке таким путем собрал 100 пудов муки.¹⁷¹

В среднем крупным промышленникам хлебный запас обходился дешевле, чем мелким. К тому же они ссужали на кабальных условиях мукой рядовых промышленников, например, в 1648 г. промышленный человек вымич Дмитрий Васильев отправился на промысел с 22 пудами муки, взятой в долг. Занимали хлеб и средние промышленники. В том же году промышленный человек устьцылемец Фома Лукьянов, посылая брата Василия на промысел, занял 125 пудов муки у промышленного человека Василия Кузьмина и 30 пудов у торгового человека Гр. Мих. Ожева (Ошева).¹⁷²

Крупные предприниматели выгадывали на подвозе хлеба из западных уездов. На енисейском рынке цены на хлеб были значительно ниже суммы, получающейся путем сложения цены хлеба в Верхотурско-Тобольском районе и стоимости подвоза хлеба от Верхотурья до Енисейска.¹⁷³ Не удивительно, что из Тобольска в Енисейск торговые люди везли иногда деньги, вырученные там от продажи «русских товаров»,¹⁷⁴ и

¹⁶⁸ В. А. Александров. Указ. соч., стр. 274.

¹⁶⁹ ЛОИИ, ЯА, карт. 11, стлб. 38, л. 16.

¹⁷⁰ ЦГАДА, ЯПИ, оп. I, д. 7, л. 24.

¹⁷¹ Там же, д. 11, лл. 23, 26.

¹⁷² Там же, д. 9, лл. 35, 63.

¹⁷³ В. И. Шунков. Указ. соч., стр. 345.

¹⁷⁴ ЦГАДА, ЯПИ, оп. I, д. 2, л. 45.

на эти деньги закупали хлеб для отправки далее на восток. В 1645/46 г. из 34605 пудов ржаной муки, вывезенной торговыми и промышленными людьми из Енисейска, 28650 пудов было местного производства¹⁷⁵. По расчетам В. И. Шункова, цена хлеба в Якутске в 1640-х годах была близка к цене хлеба в Туринске—Тюмени вместе со стоимостью перевозки до Якутска.¹⁷⁶ Хлеб же, привезенный из Енисейска, как нетрудно заметить, обходился дешевле, чем купленный в Якутске на городском рынке. Еще выгоднее был подвоз хлеба в Мангазею.¹⁷⁷ Крупные предприниматели дешевый хлеб подвозили систематически, а рядовые промышленники покупали хлеб в Енисейске, Илимске, на Лене только при проезде из Поморья к местам промысла.¹⁷⁸ Закупить хлеб в производящих районах на несколько промысловых сезонов сразу они были не в состоянии, но для начала промысла многие промышленники-своеужинники определенное количество хлеба покупали по дороге.

Мелкие промышленники, которые приезжали в Сибирь на несколько лет, межпромысловый период — летние месяцы — по-своему использовали для подготовки к очередному выходу на охоту. Многие из них, как уже отмечалось, нанимались на сельскохозяйственные работы, обычно за хлеб. За летний период и даже за год на полную ужину заработать было невозможно, и все же сельскохозяйственная работа в Восточной Сибири ценилась дорого. Промышленный человек вятчанин Леонтий Ерофеев в челобитной 1648 г. на ленского пашенного крестьянина Федора Яковлева писал, что он рядил «на весь срок годовой» 40 пудов муки да 2 руб. денег¹⁷⁹. По-видимому, для 40-х годов это было обычной нормой. В мае 1647 г. промышленные люди Бажен Максимов, Дружина Денисов, Степан Аверкиев шли с Усть-Муки реки вниз по Лене, имея каждый «выробленого» запаса по 40 пудов муки. В июле 1648 г. промышленный человек устюжанин Первой Спиридонов пошел из Якутска на Индигирку и Колыму с 40 пудами ржаной муки, «выработанной на заимке», «на работные свои деньги» он купил 15 саж. сетей неводных, 3 топора, 3 мота

пряжи, старый котел и старые лыжи¹⁸⁰. По-видимому, некоторые промышленники работали только за деньги. В августе того же года промышленные люди братья Иван и Андрей Даниловы везли на промысел 20 пудов муки, купленной на «выработанные» деньги.¹⁸¹

Годовая работа обеспечивала промышленника хлебом на два промысловых сезона и небольшой суммой денег. В Енисейском уезде, по утверждению крестьян, в 40-х годах наем одного работника на год обходился в 25 руб.¹⁸², не дешевле, чем в Ленско-Илимском районе. Вероятно, чаще промышленники нанимались на сезонную работу. А. Н. Копылов и В. А. Александров приводят данные о сезонной работе промышленников в Енисейском уезде за хлеб и за деньги как о повседневном явлении.¹⁸³ В Енисейском уезде нанимались на сельскохозяйственные работы и те промышленники, которые уходили потом на промысел в другие районы. В 1645 г. на Илим шли промышленные люди Семен Архипов и Андрон Иванов с 40 пудами ржаной муки, заработанной в Енисейском уезде.¹⁸⁴ О массовом участии промышленных людей в сельскохозяйственных работах во второй половине XVII в. можно судить по такому примеру: в 1675 и 1684 гг. все без исключения промышленные люди, отпущенные на промысел с Чечуйского волока, везли «выробленный» хлебный запас.¹⁸⁵

Часть заработанного (и купленного у крестьян на заимках) хлеба промышленники продавали по более дорогим ценам в местах формирования промысловых партий. Приказчик В. Ф. Мошенникова в 1648 г. в Якутске покупал «врознь» у торговых и промышленных людей по 5, по 10 пудов.¹⁸⁶ На вырученные от продажи лишнего хлеба деньги они приобретали предметы промышленного завода. Некоторые промышленники, как отмечалось выше, в свободное от промысла время занимались ремеслом, нанимались к торговым людям в работники «для товарного береженья». Несомненно, что и мелкие промышленники хлебный запас приобретали в среднем дешевле, чем по рыночным ценам.

¹⁷⁵ А. Н. Копылов. Русские на Енисее в XVII в. Новосибирск, 1965, стр. 234.

¹⁷⁶ В. И. Шунков. Указ соч., стр. 350.

¹⁷⁷ В. А. Александров. Указ. соч., стр. 286.

¹⁷⁸ А. Н. Копылов. отмечает, что как крупные торговцы, так и мелкие купцы и промышленники продовольствие закупали в Енисейске (А. Н. Копылов. Указ. соч., стр. 240).

¹⁷⁹ ЦГАДА, ЯПИ, оп. 1, д. 11, лл. 17—19.

¹⁸⁰ Там же, д. 7, лл. 33, 34, 35, д. 9, л. 32.

¹⁸¹ Там же, д. 9, л. 137.

¹⁸² В. А. Александров. Указ. соч., стр. 195.

¹⁸³ А. Н. Копылов. Государевы пашенные крестьяне Енисейского уезда в XVII в. «Сибирь XVII—XVIII вв.». Новосибирск, 1962, стр. 47; В. А. Александров. Указ. соч., стр. 196.

¹⁸⁴ ЦГАДА, ЯПИ, оп. 1, д. 2, л. 95.

¹⁸⁵ Там же, д. 9, л. 27, д. 6, л. 71.

¹⁸⁶ Там же, д. 11, л. 26.

В среднем дешевле рассчитанного по таможенной оценке и по городским рыночным ценам обходился промышленный завод. Промышленники, особенно крупные предприниматели, предметы промыслового снаряжения провозили из Европейской России. В 1639/40 г. через Тобольск транзитом провезли дальше в Сибирь 2267 топоров средней ценой по 32 коп., 1778 ножей по 7 коп., 166 пудов медных котлов в среднем по 20 коп. фунт.¹⁸⁷ Часть этих предметов, минуя рынки, отвозилась на промыслы. Металлические изделия, особенно котлы, служили долго, и не было необходимости приобретать их на каждый сезон или можно было купить старые вещи дешевле. По якутской таможенной оценке 1648 г. старые котлы ценились в полтора раза дешевле, а по ценовой росписи того же года, близкой к рыночной цене, медные котлы убитых на промысле промышленных людей оценивались по 21 коп. за фунт,¹⁸⁸ почти в три раза дешевле таможенной оценки новых и почти в два раза дешевле старых котлов. На промысел брали и «неводишко старое».¹⁸⁹

Промышленники всех категорий везли сукно и холст в разной пропорции, но мало готовой одежды. Какая-то часть ткани шла на ремонт изношенного, но общее ее количество заставляет считать, что одежду шили в Сибири, даже на промыслах — среди вещей убитых на промысле промышленников встречается сукно.¹⁹⁰ О. Н. Вилков, отмечая сокращение количества поступивших из Европейской России в Сибирь через Тобольск готовой одежды, обуви, металлической и деревянной посуды, промыслового снаряжения, сельскохозяйственных орудий и т. п., связывает это с появлением в Сибири значительного числа портных, шапочников, рукавичников, сапожников, шорников, мыловаров, посудников и кузнецов.¹⁹¹

Крупные предприниматели, привозившие большое количество тканей, дешевле снаряжали покрученников, чем мелкие промышленники, которые жили подолгу в Сибири, вынуждены были покупать материал для одежды на местных рынках. Но и у мелких промышленников был свой «резерв» — они шли на промысел в старой одежде. Интересна в этом отношении це-

повная роспись 1646 г. имущества умершего в Якутском уезде промышленного человека вычегжанина Павла Васильева. После него осталось: «зипун сермяжный черный» — 1 руб. 20 коп., «шубенко баранье» — 40 коп., «кожишко плохое» — 15 коп., «коты красные» (обувь) — 20 коп., «шапенко под ровдугу» (ровдуга — выделанная оленья кожа) — 3 коп., «чаренка ветчаные» (старые чарки) — 2 коп., «рубашенка ношеная» — 10 коп., «рукавичка шубные» — 5 коп., «чулчишка суконные белые» — 4 коп., штанишка крашенные — 10 коп. Всего на 2 руб. 29 коп.¹⁹² По таможенной оценке 1648 г. весь набор Павла Васильева стоил бы 8—9 руб. К сожалению, не известно, когда умер Павел Васильев, до начала, после окончания или на какой-то стадии промысла, зато отчетливо видно, что некоторые промышленники одежду изнашивали до последнего предела. Экономии не только на хлебе, но и на одежде. И эта «экономия», конечно, не уравнивала возможностей мелких и крупных промышленников. Последнее к тому же наживались за счет немущих на кабальных займах и т. п. Драгоценные соболи добывались ценой громадного напряжения физических сил и многих лишений.

Значительные расходы несли промышленники на передвижение к местам промысла, особенно в дальние районы, куда шли морем. «Кочевое место с парусом и якорными снастями», т. е. место в коче на одного человека с егоужиной, по якутской таможенной оценке 1648 г. стоило 8—10 руб.¹⁹³ На «ближнее» реки чаще всего шли на более дешевых дощаниках — больших плоскодонных судах. Стоимость дощаников зависела от их размеров. Приобретались также старые суда. В июне-июле 1643 г. в Якутске за дощаник «с парусом и со всею верховою судовою снастью», но, по-видимому, без якоря платили от 10 до 45 руб.¹⁹⁴ Тут были и крупные суда на 15—16 человек и более мелкие. «Кочик старой и с карбасом» продали всего за 10 руб.¹⁹⁵ Шитик (лодка с нашитыми бортами) стоил 12 руб.¹⁹⁶ и лодка-набойница — 4 руб.¹⁹⁷ В среднем в Якутске промышленники затрачивали на судно, не считая расходов

¹⁸⁷ О. Н. Вилков. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М., 1967, стр. 139, 143.

¹⁸⁸ ЦГАДА, ЯПИ, оп. 1, д. 9, л. 9-а; ЛОИИ, ЯА, карт. 9, стлб. 10, л. 13.

¹⁸⁹ ЦГАДА, ЯПИ, оп. 1, д. 9, лл. 13, 29, 39, 50, 63, 69, 70, 71, 97 и др.

¹⁹⁰ ЛОИИ, ЯА, карт. 9, стлб. 10, л. 13.

¹⁹¹ О. Н. Вилков. Указ. соч., стр. 137, 161.

¹⁹² ЛОИИ, ЯА, карт. 9, стлб. 10, лл. 4—5. У других промышленных людей сохранность вещей была лучше, например, рубашка «ветчаная» оценивалась в 20 коп., чарки красные в 20 коп. (Там же, л. 13).

¹⁹³ ЦГАДА, ЯПИ, оп. 1, д. 9, лл. 21, 23.

¹⁹⁴ Там же, оп. 4, д. 92, лл. 21, 26 об., 69, 76, 81 об., 123 об., 124.

¹⁹⁵ Там же, л. 124.

¹⁹⁶ Там же, л. 71 об.

¹⁹⁷ Там же, л. 76 об.

на ремонт и якоря, по 2—3 руб. Ремонт, а во многих случаях и постройку судов производили сами промышленники. В покрутной записи на соболиный промысел, оформленной в 1641 г., как и в покрутной записи 1703 г. на слядяной промысел покрученники обязывались участвовать в постройке судна без всякого за это вознаграждения¹⁹⁸. В 1648 г. с приказчиком В. Ф. Гусельникова Семеном Нерадовским шли покрученники «для соболиного промыслу и судовые поделки»¹⁹⁹.

Можно считать, что в середине XVII в. в Якутии минимально необходимое снаряжение промышленника обходилось, примерно, в 30 руб., на «заморские реки» (Индиگیрку, Колыму и др.) — несколько дороже. Позднее, главным образом, за счет подешевления хлеба, стоимость снаряжения уменьшалась. В 60-х годах в Якутске ржаная мука продавалась по 20—30 коп. пуд²⁰⁰, следовательно, только на хлебе промышленники выгадывали по сравнению с 40-ми годами около 5 руб. В начале 40-х годов ужина стоила дороже. В 1640 и 1641 гг. ржаную муку в Якутске продавали по рублю, в 1642 г. по 80 коп., в 1645 г. по 60 коп.²⁰¹ Из-за дороговизны хлеба ужины в 1640, 1641 гг. стоили на 10 руб., в 1642 г. на 6 с лишним руб. больше, чем в 1648 г.

При неблагоприятных условиях снаряжение обходилось дороже. На дальних реках, как сообщают служилые люди в своих челобитных 1650—1651 г., они покупали муку по 5 руб. (в долг по 8 руб.), по 7 руб. и даже по 12 руб. пуд, сети неводные по рублю сажень, сукно белое по 50 коп., холст по 40 коп. аршин²⁰². Естественно, что промышленники везли все необхо-

¹⁹⁸ «Советские архивы», 1968, № 5, стр. 56. «Судовая работа» при вольном найме ценилась достаточно дорого. В том же 1641 г. гулящий человек Сила Елфимов сообщал в челобитной, что шел он из Енисейска до Подленского волока, «идучи, всякую судовую работу работал» у торгового человека Луки Степанова. «А найма мне рядил до Подленского волока» 4 руб. 50 коп. денег (ЦГАДА, ЯПИ, оп. 3, 1640—1642 гг., д. 7-а, л. 390).

¹⁹⁹ Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века, стр. 181. Брат Семёна Нерадовского по енисейской грамоте вез 100 руб. денег. На Усть-Куты он купил 40 пудов соли, остальные деньги издержал на поделку коча и дощаника (там же), следовательно, постройка коча и дощаника руками покрученников обошлась, примерно, в 80 руб.

²⁰⁰ В. И. Шунков. Указ. соч., стр. 351.

²⁰¹ ЦГАДА, ЯПИ, оп. 4, д. 10, лл. 102 об.—103, д. 11, лл. 74 об.—76, д. 27, лл. 1—4 об., д. 64, лл. 8—9; В. И. Шунков. Указ. соч., стр. 353.

²⁰² Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах, стр. 201, 207, 254.

димое для промысла из Енисейска, Якутска и других центров, а промышленники, не имевшие средств, шли в покрученники.

Снаряжение промышленника на промысел в Якутске²⁰³ при минимальном наборе продовольствия, одежды и промысловых орудий вместе с затратами на переезд обходилось в начале 40-х годов, примерно, в 40 руб., в конце 40-х годов в 30 руб., в начале 60-х годов в 25 руб. Неполные ужины стоили дешевле. В 1649 г. у промышленного человека Федора Степанова, отпущенного из Якутска на соболиный промысел на Лену, на одну ужину было 20 пудов муки на 6 руб. да промышленного завода 2 топора (2 руб.), котел варчий (2 руб. 50 коп.), 10 камасов конских (1 руб. 50 коп.), постель и одеяло (2 руб. 50 коп.) и 10 сажень сетей неводных (1 руб. 50 коп.), всего на 15 руб. У Агафона Головина 2 ужины (40 п. муки, 3 арш. сукна белого, 80 саж. сетей неводных, 7 чарки красные, 8 топоров, 0,5 пуда «прядена», 4 безмена нитей «троесучных») стоили 42 руб. 50 коп. У Луки Иванова ужина, состоявшая только из 20 пудов муки, 2 топоров, котла и 10 камасов конских, стоила всего 11 руб. Во всех этих ужинах слабо представлена одежда.²⁰⁴ Определение стоимости ужины в Якутии в 40—50 годах от 30 до 50 руб.²⁰⁵ можно принять лишь для наиболее полного комплекта нового снаряжения, а считать средний капитал своеужинника в 60 руб.²⁰⁶ будет уже явным преувеличением.

В Мангазее «подъем» на промысел должен был обходиться в такую же цену, как и в Якутске, или несколько дешевле. Правда, промышленные люди писали в 1640 г., что «всякая ужина промышленная в подъеме ставится рублей в пятьдесят и больше», а в 1649 г. — более чем в 30 руб.²⁰⁷, но они намеренно преувеличивали стоимость ужины, подчеркивая перед начальством трудности промысла. Для 50-х годов XVII в.

²⁰³ Расходы на проезд из Европейской России в Якутск здесь не учитываются.

²⁰⁴ ЦГАДА, ЯПИ, оп. 1, д. 11, лл. 29—30, д. 1, л. 3. В 1666 г. промышленный человек вацанин Терентий Давыдов вез из Якутска на Индиگیрку и Колыму 40 пудов муки, 20 саж. сетей неводных «да промышленный завод» по якутской таможенной оценке на 32 руб. (Там же, д. 1, л. 3). Это оценка двухгодовой ужины.

²⁰⁵ В. А. Александров. Указ. соч., стр. 230; И. С. Гурвич. Русское население северо-востока Сибири в XVII в. «Сибирский этнографический сборник», т. 5. М., 1963, стр. 77.

²⁰⁶ М. И. Белов. В кн.: Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах, стр. 17.

²⁰⁷ В. А. Александров. Указ. соч., стр. 230.

В. А. Александров рассчитал по Туруханским рыночным ценам стоимость ужины, включавшей пуд меда, но без промысловой собаки, ружья, постели и расходов на транспорт в 22—23 руб. Новый дощаник со всей оснасткой каждому промышленнику обходился в 4 руб., а бывший в плавании «стружок» в 2 руб.²⁰⁸ Минимальные затраты на снаряжение в Мангазейском уезде в 50-х годах составляли, как и в Якутске, приблизительно 25 руб. Колебания хлебных цен в Мангазее и Туруханске влияли на стоимость ужины. При цене пуда муки в 1626 году 48 коп., в 1636 г. 50 коп., в 1637 г. 1 руб., в 1638 г. 75 коп., в 1640 г. 62 коп., в 1641 г. 62 коп., в 1642 г. 61 коп.²⁰⁹ ужина в Мангазейском уезде должна была обходиться в середине 20-х и середине 30-х годов свыше 25 руб., в конце 30-х годов до 35 руб., в начале 40-х годов около 30 руб.

В Енисейском уезде снаряжение на промысел стоило дешевле, чем в Мангазейском и Якутском уездах. В 1641 г. цена пуда муки в 50—60 коп. считалась настолько дорогой, что многие промышленники не пошли на промысел²¹⁰. Правда, до 40-х годов, когда енисейская пашня только создавалась, хлебные цены вообще были высоки, доходя до рубля за пуд²¹¹, но уже в 1649 г. цена пуда муки в 20 коп. считалась исключительно высокой²¹². Несколько дешевле в Енисейске стоила одежда; во второй половине XVII в. изделия енисейского ремесла стали поступать на восточносибирские рынки.²¹³ Дешевле там стоила соль, уже в 40-х годах ее покупали по 10 коп. пуд²¹⁴. Илимские цены были немного выше енисейских. В Енисейске и в Илимске до середины XVII в. ужина стоила едва ли меньше 20 руб.

Начало земледельческого хозяйства требовало значительно больших затрат. В 1641 г. промышленный человек устюжанин Пантелей Яковлев, поселившийся на пашню на Тунгусском волоке, получил от воевод подмоги (безвозмездное единовременное пособие) 30 руб. на лошадь и «на всякой пашенной завод» и 30 руб. ссуды²¹⁵. В Якутии в 40—начале

50-х годов вновь поселившимся на государеву пашню крестьянам выдавали по 30 руб. денег, по 2 лошади, «пашенный завод» (сошники, серпы и т. п.), хлеб и ссуду на 2 года 30 руб. В 1646 г. на Ленском волоке за лошадь платили по 25—30 руб. в Якутске по 15—20 руб. Сошник в 1655 г. на верхней Лене оценивался в 2 руб., серп в 1,5 руб., коса от 50 коп. до рубля²¹⁶. Здесь только государственная подмога и ссуда, не покрывавшие всех расходов на обзаведение крестьянским хозяйством, превышали 100 руб. В Енисейском уезде в 40—50-е годы денежная подмога обычно выдавалась из расчета 20 руб. на 1 дес. государственной пашни.²¹⁷ По размерам государственной подмоги, которая сокращалась по мере сглаживания остроты хлебной проблемы, нельзя судить о затратах на организацию земледельческого хозяйства. В Западной Сибири уже в первой половине XVII в. подмога устанавливалась из расчета 3 руб. на 1 дес. государственной пашни²¹⁸, а в 1593 г. 10 семей с Вычегды и Выми, посланные в Сибирь по царскому указу, получили подмогу «по 60 рублей человеку»²¹⁹. П. Н. Буцинский пишет, что пашенным крестьянам, переводимым в Сибирь «по прибору» и «по указу», подъемные за счет населения давали иногда по 135 руб., правительство же считало достаточным 25 руб. на семью, лошадей, коров, инвентарь²²⁰.

Совершенно очевидно, что для начала крестьянского земледельческого хозяйства в Сибири требовалось в несколько раз больше средств, чем для начала пушного промысла, и все же тысячи крестьян, не получая от государства достаточной помощи, прижились на сибирской земле. Многие из них, занимая у торговых людей деньги, попадали к ним в кабалу, но, как считает В. А. Александров, «в основном материальные средства русским переселенцам обеспечивались спросом на рабочие руки в условиях развитого промыслового предпринимательства». Енисейские крестьяне, как правило, в первые годы после переселения были промышленными или гулящими людьми, на промыслах или главным образом работой по найму добывали средства, необходимые для постоянного поселения.²²¹ Нет основания не допускать, что тысячи мелких

²¹⁷ А. Н. Копылов. Русские на Енисее в XVII в., стр. 69—70.

²¹⁸ Ф. Г. Сафронов. Указ. соч., стр. 155.

²¹⁹ Л. Н. Жеребцов. Борьба крестьянства Удорской волости против усиления феодальной эксплуатации в XVII в. «Историко-филологический сборник», вып. 4. Сыктывкар, 1958, стр. 76.

²²⁰ П. Н. Буцинский. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889, стр. 197.

²²¹ В. А. Александров. Указ. соч., стр. 204.

²⁰⁸ В. А. Александров. Указ. соч., стр. 230—231.

²⁰⁹ Там же, стр. 230, 286.

²¹⁰ ЦГАДА, СП, кн. 238, л. 258 об.

²¹¹ В. А. Александров. Указ. соч., стр. 272.

²¹² В. И. Шунков. Указ. соч., стр. 343.

²¹³ А. Н. Копылов. Русские на Енисее в XVII в., стр. 242.

²¹⁴ В. А. Александров. Указ. соч., стр. 249.

²¹⁵ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 214.

²¹⁶ Ф. Г. Сафронов. Русские крестьяне в Якутии (XVII—начало XX в.). Якутск, 1961, стр. 155.

промышленников, но, разумеется, не все желающие, находили материальные возможности, хотя бы ценой лишений и временного закабаления, вести самостоятельный пушной промысел. Если иметь в виду самое начало охоты и земледелия, то нельзя не согласиться с замечанием В. И. Шункова, что добыча пушнины по сравнению с возделыванием хлеба организовывалась быстро и легко²²²

3. Эффективность пушной охоты

Особенность сибирского пушного промысла XVII в. заключается в том, что затраты на его ежегодное возобновление лишь немногим уступали затратам на первоначальную организацию, поэтому очень важно выяснить эффективность охоты, прежде всего добычу на охотника, которая, уравнивая неизбежные случайности, позволяет судить об общей рентабельности промысла. При этом надо постоянно иметь в виду, что фактическая добычливость пушной охоты всегда резко колебалась и отклонялась от средней в зависимости от стечения конкретных обстоятельств. Об этом свидетельствуют как сообщения промышленников, так и таможенная документация. Нечего и говорить, что в конечном счете рентабельность охоты была неодинакова у разных социальных категорий промышленников.

Сведения о самой высокой в XVII в. добыче соболей сохранились в царской грамоте 1649 г. якутскому воеводе Д. М. Францбекову по поводу челобитья тунгусских аманатов Верхнего Майского зимовья. Последние сообщали, что в 1647 г. многие торговые и промышленные люди приходили к ним «на их жировья» и кулемами «корень соболиной вывели». Торговые и промышленные люди, в частности Иев Елисеев, в расспросе показали, «то де они на тех реках промысливали, и иные их братья промышленные люди, в прошлых годах, как они в Якутах были, до приезде прежних воевод, на ужину такими кулемами в зиму сорока по три и по четыре и по пяти и по шти и по полусема сорока на человека, а ныне де на те реки промышленные люди ходить перестали, потому что соболи опромышляли, а которые де при них на те реки ходили, и они всего на ужину добывали соболей по пятнадцати и по двадцати, потому что соболь весь в Якутском уезде на ближних реках... торговые и промышленные люди своими промыс-

лы, кулемами, опромышляли»²²³. Итак, по словам промышленников, до начала 40-х годов на ближних реках добывали на сезон по 120—260 соболей на человека, а к 1647 или 1649 г. только по 15—20 соболей.

Однако было бы неосторожно без проверки доверять этим показателям. Они, вероятно, отражают лишь самые крайние случаи, если только вообще не преувеличены. Во всяком случае, собственные успехи опрошенных не подтверждают их данных. Иев Елисеев в 1633 г. в вилюйской таможе платил десятинную пошлину с 50 промышленных соболей и 12 собольих пластин, в 1634 г. он приходил в ту же таможенную с 70 перекупными соболями, в 1635 г. у него было 100 промышленных соболей. В 1640 г. Иев Елисеев в Якутске платил десятинную пошлину с 420 соболей. К сожалению, число покрученников не указано. В 1641 г. 3 покрученника Иева Елисеева промыслили соболей по реке Алдану, а в следующем году он явил в Якутской таможе 250 промышленных соболей²²⁴. Здесь на каждого охотника не всегда приходилось по три и даже по два сорока соболей.

Так же осторожно надо относиться к оценке промысловых успехов администрацией Мангазейского и Енисейского уездов. В 1645 г. мангазейский воевода П. М. Ухтомский писал, что в прошлые годы промыслиникам «давал бог» по пять-шесть сороков (200—240 соболей), но в 40-х годах промышленники считали большой добычей 3—4 сорока (120—160 соболей), а средний — 20—30 соболей на человека. Енисейский таможенный голова в 1639 г. писал в Москву, что если ранее промышленники добывали по 3—4 сорока, то затем промыслы упали «вполю», и хорошей добычей считается 2 сорока на ужину, а средней 20—30 соболей²²⁵.

Сибирская администрация, оправдывая перед правительством сокращение таможенных сборов, охотно повторяла показания промышленников о резком падении добычливости. Последние же, опасаясь дополнительных поборов, скрывали свои настоящие успехи и не скупились на краски при описании прежнего «золотого века» соболиного промысла.

В таблице 9 приведены примеры добычи соболей на охотника за отдельные годы в разных районах Якутского уезда, главным образом на «ближних» реках. Материал таблицы

²²³ ДАИ, т. 3, СПб., 1848, стр. 214.

²²⁴ ЦГАДА, СП, кн. 75, л. 696, кн. 84, лл. 98 об., 99, 103; ЯПИ, оп. 4, д. 12, л. 49, д. 62, л. 33 об., д. 90, л. 79 об.

²²⁵ В. А. Александров. Указ. соч., стр. 232.

²²² В. И. Шунков. Указ. соч., стр. 94.

Таблица 9

**ДОБЫЧЛИВОСТЬ СОБОЛИНОЙ ОХОТЫ
В ОТДЕЛЬНЫХ РАЙОНАХ ЯКУТСКОГО УЕЗДА**

Хозяин или передовщик ватаги	Людей в ватаге	Соболей на 1 охот- ника
1	2	3
В 1642 г. на Вилые		
Торговый человек Яков Васильев Вятка	26	137
Торговый человек Филипп Онциферов	28	89
Торговый человек Дементий Гаврилов Караблев	28	65
Пинежанин Ларион Тархов	9	64
Устюжанин Лука Малафеев Воробьев	22	60
Устьцылевец Фома Лукьянов	15	59
Приказчик Ивана Сверткова Анисим Иванов	22	53
Приказчик Василия Записи Шестак Борисов	?	45
Торговый человек устюжанин Игн. Вас. Протопопов	17	42
Волотжанин Фома	15	36
Торговый человек устюжанин Яков Куз. Кокорин	20	29
Важанин Андрей Дьяконов	16	23
Служилые Ленского острога Иван Горемыкин и другие	?	20
Служилые люди	?	10
В среднем на ужину в ватагах с известным числом людей	218	65
В 1643 г. на Вилые, на Лене ниже Вилыя и на р. Варке		
Артемиий Политов	10	94
Богдан Евдокимов Зырянов	10	33
Иван Корнильев	9	40
Дементий Караблев	30	40
Петр Васильев	3	39
Василий Павлов	4	38
Иван Борисов	10	37
Крестьяне Ф. Ф. Лихачева Яким и Лука Марковы	7	25
В среднем на ужину	83	50

Продолжение таблицы 9

	1	2	3
В 1643 г. на Оленеке			
Торговый человек Вас. Петр. Курочкин	13	120	
Приказчик торг. человека Луки Пежемца Андр. Дубов	8	66	
Промышленный человек Ив. Сем. Чушкин	6	63	
Промышленный человек Кирилл Ив. Ружников	18	62	
Приказчик Алексея Усова Федот Алексеев	30	40	
Евдоким Григорьев	5	32	
Крестьянин вологодского архиепископа торговый человек Анисим Мартемьянов Костромин	11	30	
Торговый человек важанин Аввакум Григорьев	18	18	
В среднем на ужину	109	51	
В 1657 г. на Олекме и на Лене ниже Чечуйского волока			
Промышленный человек сысольч Карп Яковлев	10	63	
Человек Остафия Филатьева Прокопий Федоров	6	63	
Передовщик Мих. Березовского Леонтий Петр. Шнишов	10	63	
Торговый человек Никита Ларионов	2	63	
Покрученники Федора Филиппова	9	57	
Один промышленник-своеужинник	1	53	
Торговый человек Андр. Матв. Воряпаев	34	51	
Промышленный человек Андр. Никитин Коршунов	19	40	
Один своеужинник	1	39	
Покрученники Дмитрия Иванова — крестьянина Никиты Ивановича Романова	18	38	
Торговый человек Селиван Федоров Курсин	7	37	
Торговый человек устюжанин Петр Титов Хозов	12	36	
Покрученники торгового человека Ем. Як. Воряпаева	6	34	
Торговый человек пежемец Никита Клементьев	13	30	
Один своеужинник	1	30	
Один своеужинник	1	28	
Один своеужинник	1	28	
Один своеужинник	1	24	
Торговый человек Мих. Прохор. Березовский	23	20	
Один своеужинник	1	9	
В среднем на ужину	176	42	

Продолжение таблицы 9

1	2	3
В 1659 г. на Олекме		
Сын и племянники торгового человека вычегжанина Федора Иванова	3	143
Передовщик Матв. Як. Ворыпаева		
Замятня Иванов	20	130
Промышленный человек мезенец		
Никита Иванов	3	121
Промышленный человек Чарондской округи		
Никита Григорьев	7	110
Передовщик промышленный человек вымич		
Кирилл Карпов	12	110
Промышленный человек сольвычегодец		
И. Савин	4	102
Один своеужинник (важанин Лазарь Семенов)	1	100
Промышленный человек устюж. Кирилл Денисов	3	90
Один своеужинник (устюж. Тихон Кириллов)	1	82
Покрученники Андрея Балакшина и Козьмы Рахманинова	10	77
Торговый человек пежемец Никифор Клементьев	21	73
Промышленный человек Андр. Никитин		
Коршунов	11	70
Промышленный человек вымич Трифон Федоров	9	60
Передовщик верхотурец Василий Васильев	9	57
Промышленный человек с Вишеры		
Кирилл Андреев	14	40
Один своеужинник	1	30
Один своеужинник	1	26
Один своеужинник	1	13
Один своеужинник	1	9
Один своеужинник	1	9
Один своеужинник	1	7
В среднем на ужину	134	83

В 1664 г. на Олекме, Юдоме,
Учуре и Лене

Торговый человек Лазарь Потапов Шалочник	13	71
Промышленный человек Тимофей Андр. Щетинин	10	70
Один своеужинник	1	62
Промышленный человек Сем. Конанов Творогов	6	55

Продолжение таблицы 9

1	2	3
Приказчик Остафия Филатьева Родион		
Козьмин Щепоткин	12	40
Передовщик пинежанин Трифон Алексеев	12	38
Один своеужинник	1	34
Один своеужинник	1	30
Торговый человек Ив. Сем. Самойлов	14	29
Промышленный человек Андр. Петр. Баранов	?	15
В среднем на ужину	70	49

¹ ЦГАДА, ЯПИ, оп. 4, д. 67, лл. 1—2, д. 101, лл. 1—66 об.,
д. 62, лл. 3—88, д. 90, лл. 2—265, д. 592, лл. 1—54 об., д. 548,
лл. 35—52, д. 831, лл. 5—34.

имеет выборочный характер, поэтому на его основе нельзя сделать уверенного вывода о средней добычливости промысла и ее динамике, но он ценен тем, что отражает действительную добычу соболей на ужину в разных промысловых партиях.

Как видно из таблицы 9, резкого падения добычливости охоты не наблюдается, зато обнаруживается огромная разница в добыче охотников по годам, по районам и особенно между ватагами. Размеры и социальный состав промысловых партий определенного влияния на добычливость не оказывали, потому что промысел велся мелкими группами, а состав ватаг преимущественно был смешанным. Ни в одной из 81 промысловых партий и одиночек добыча на охотника за сезон не достигала 150 соболей. Есть основание считать, что если охотничий трофей 240—260 соболей был когда либо возможен, то лишь в порядке редкой случайности. Это относится и к более позднему времени. А. Ф. Миддендорф сообщает, что в 1844 г., когда он был в богатой соболями местности Сибири — у Верхнего Тугура, припоминали, что за 20 лет перед тем хороший охотник в благоприятную погоду мог убить до 100 соболей.²²⁶ В настоящее время для отдельных охотников 100 соболей не предел. В сезон 1967/68 г. охотник Андрей Сердиткин добыл 106 соболей — рекордное количество для Ка-

²²⁶ А. Ф. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири, ч. II, СПб., 1869, стр. 83.

тангского района Иркутской области²²⁷. Еще выше добыча охотников Красноярского края, особенно района Саян. В 1957 и 1962/63 гг. отдельные охотники-соболятники добывали там по 50—100 и более соболей²²⁸. Леонид Филиппов в сезон 1966/67 г. в Эвенкии добыл 150 соболей²²⁹, Юрий Колмогоров в том же году в Хакасии добыл 160 соболей²³⁰, а трофей Василия Смирнова в Хакасии же в сезон 1967/68 г. составил 198 соболей, что явилось лучшим результатом года всей Сибири²³¹.

При сравнении успехов современных охотников-профессионалов и промышленников XVII в. надо учитывать, что при более совершенной организации и технике промысла абсолютная добыча (за день, а не за весь сезон) теперь выше. Уже в 1950-х годах, еще до восстановления соболиного поголовья, средней считалась добыча 15 соболей за 30 дней²³². в XVII в. большая добыча за год достигалась увеличением промыслового сезона. Правда, современная средняя добычливость соболиной охоты из-за многочисленности (по сравнению с XVII в.) охотников, системы охраны промысловых животных, несопоставимо более высокого жизненного уровня промысловиков много ниже²³³, однако наиболее способные охотники имеют и теперь не худшие условия для высоких показателей, чем промышленники XVII в. Поэтому добыча 200 соболей за сезон на человека и для XVII в. была близкой к пределу.

Нельзя доверять показаниям промышленников XVII в. о резком падении добычливости соболиной охоты. Только в неблагоприятные годы, каким был 1649 г. в Енисейском уезде, когда, по утверждению торговых и промышленных людей, «по всем рекам соболиные и всякие промыслы были худы и ма-

²²⁷ «Советская Россия» за 11 апреля 1968 г.

²²⁸ Н. Нумеров. Соболиный промысел в Красноярском крае. «Охота и охотничье хозяйство», 1957, № 3, стр. 23; А. А. Каплин. Советская пушнина. М., 1962, стр. 141; Н. Нумеров. Промысел соболя в Красноярском крае. «Сельскохозяйственное производство Сибири и Дальнего Востока», 1964, № 2, стр. 82.

²²⁹ «Красноярский рабочий» за 29 апреля 1967 г.

²³⁰ «Советская Россия» за 24 января 1968 г.

²³¹ «Красноярский рабочий» за 26 января 1969 г. Это, по-видимому, вообще редкий случай. П. Т. Килин, добывший в 1970 г. 150 соболей, «оставил позади всех охотников» («Красноярский рабочий» за 30 декабря 1971 г.).

²³² В. В. Тимофеев, В. Н. Надеев. Соболиный промысел. М., 1955, стр. 171.

²³³ В Иркутской области, например, всего по 4,8 соболя на человека. См. Н. М. Красный. Таежные охотничьи угодья Предбайкалья и их использование. Автореферат канд. дисс. Иркутск, 1967, стр. 8, 16.

лы», на ужину приходилось по 4, 5, 9, 10, 11, 12 и до 20—25. редко до 35 соболей и лишь в отдельных случаях до 50.²³⁴ Да и то, возможно, с большей тщательностью отмечалась низкая добыча. Одностороннее освещение фактов отчетливо обнаруживается в показаниях мангазейской таможенной администрации 1656 и 1657 гг. В 1656 г. мангазейский таможенный голова И. Саблин сообщал в Москву, что в тот год «у многих торговых и промышленных людей соболиные промыслы были худы», на ужину только по 10, по 15 и по 20 соболей, «а по тридцати соболей в редком месте, а нарочитые... промыслы были не у многих»²³⁵. В следующем году, очевидно, желая оттенить «худой промысел» на Подкаменной Тунгуске (на самом деле не такой уж худой — по 41 соболю на человека, лишь на 2 соболя меньше среднеуездной партии, явленной в таможни), таможенный голова сообщал, что в 1656 г. на Подкаменной Тунгуске промышленники в среднем добыли по 49 соболей.²³⁶ Бассейн Подкаменной Тунгуски в то время был второстепенным соболиным районом, и все же противоречия в отписках 1656 и 1657 гг. налицо.

Неблагоприятные для промысла годы не были большой редкостью. Неудачным был соболиный промысел 1678/79 г. в Якутии. На Алдане 33 покрученника гостя Остафия Филатьева добыли всего по 3 соболя, 9 покрученников торгового человека Андрея Ворыпаева — по 9 соболей, торговый человек Иван Буковский с покрученниками — по 7 соболей, группа своеужинников — по 9 соболей; на Колыме торговые люди Андрей Куркин и Евсей Веригин на 9 ужин добыли по 13 соболей, Яков Насонов — 11 соболей; на Олекме у 16 покрученников Остафия Филатьева было по 10 соболей, у 33 покрученников по 6 соболей, у своеужинников 10 соболей на 3 ужины, 20 соболей на 7 ужин, 6 соболей на 2 ужины, 8 соболей на 3 ужины и т. д. Не удивительно, что многие покрученники ушли «в Дауры»²³⁷.

В 70-х и особенно 80-х годах в связи со значительным сокращением соболиного поголовья снизилась и общая добычливость промысла. В 1685 г. 16 покрученников Остафия Филатьева упромышляли на Лене ниже Киренги по мелким речкам по 38 соболей, 17 покрученников гостя Г. Р. Никитина на побережье Лены, «не дошед Витима», добыли по 33 соболя, пле-

²³⁴ ЦГАДА, СП, стлб. 210, лл. 170—200.

²³⁵ Там же, стлб. 504, л. 88.

²³⁶ Там же, кн. 394, л. 83 об.

²³⁷ ЛОИИ, ЯА, карт. 31, стлб. 1, лл. 27—40.

мянник и покрученник казака Сидора Заборцева — по 30 соболей, 21 покрученник торгового человека Алексея Сердешникова на Витиме добыли по 9 соболей.²³⁸

Среднюю добычу на охотника по целым уездам можно определить, исходя из общей добычи и числа охотников, но при этом надо учитывать, что сохранившиеся в источниках данные в большинстве случаев неточны. В принципе вся добытая русскими пушнина фиксировалась в таможенных книгах в связи с уплатой промышленниками натуральной десятины, но некоторым промышленникам удавалось скрывать часть пушнины от властей, а иногда и обходить таможенные заставы. После правительственного распоряжения 1621 г. отбирать за определенную плату в казну дорогих соболей мангазейские воеводы доносили в Москву, что 70 человек торговых и промышленных людей, промышлявших на Подкаменной Тунгуске, имея сороков по 10 и 15 соболей, побежали по иной дороге через Сургут, где нет заставы.²³⁹ Здесь, конечно, обычное преувеличение (на Подкаменной Тунгуске так много соболей не добывали), но учитывать утайку соболей, хотя бы в пределах 10% необходимо. С полных десятков звериных шкурок десятина иногда уплачивалась деньгами, записывалась в отдельные книги. Исследователями при подсчетах эта небольшая часть пушнины обычно не учитывается. В принципе сбор таможенных пошлин производился в пределах календарного года — с 1 сентября до 31 августа. Фактически же таможенная пушнина в Москву отправлялась раньше — в середине, первой половине августа и даже июле. Тогда же таможенная администрация подводила итоги. Пушнина, собранная после «московского отпуска», обычно присоединялась к сбору следующего года, но учитывалась отдельно. Этим прежде всего объясняется, что у разных авторов, как и в разных источниках, приводятся разные данные о таможенных (и ясачных) сборах. В отдельных книгах записывался и сбор десятинной пошлины с промышленников после подведения итогов, причем во многих случаях эти дополнительные таможенные книги не сохранились. Как видно, сведения об общей добыче пушнины неполны. При высоком уровне добычи соболей удельный вес пропущенной пушнины меньше, но с падением промысла всякие случайные отклонения проявляются резче. Так, например, в

²³⁸ ЦГАДА, СП, кн. 970, лл. 418 об.—422 об.

²³⁹ П. Н. Буцинский. К истории Сибири. Мангазея и Мангазейский уезд (1601—1645 гг.). Харьков, 1893, стр. 77.

1625/26 г. в Мангазейском уезде было собрано таможенной десятинной пошлины 8123 соболя да после «московского отпуска» 170 соболей²⁴⁰. Этот остаток от предыдущего года составил 2,1%. В 1626 г. после отпуска пушнины в Москву было собрано 102 соболя.²⁴¹ Возможная ошибка еще меньше. А вот в 1677 г., когда общая добыча русскими промышленниками соболей не достигла таможенного сбора 1626 г., после «московского отпуска» было явлено в таможную 1320 соболей, а в 1678 г. до отправки в Москву и вместе с этим остатком таможенная зарегистрировала 7656 соболей²⁴². Остаток от предыдущего года составил уже 17,1%.

Данные о численности охотников можно получить по таможенным приходным книгам, регистрировавшим, как правило, уплату промышленниками десятинной пошлины персонально. Таможенные приходные книги ценны своей относительной массовостью и полнотой, но по ним можно учесть количество явок промышленников в таможи, а не число охотников. Кроме того, не всегда отмечалась продажа покрученниками хозяевам пушнины до уплаты десятинной пошлины, в отдельных случаях регистрировались групповые явки без указания числа промышленников, иногда промышленники являли пушнину, добытую за два и больше сезонов, некоторые промышленники, особенно состоятельные, чтобы не платить двойную пошлину («за промысел» и «за перекуп»), какую-то часть купленной у местного населения пушнины выдавали за собственный промысел²⁴³.

При больших количественных показателях — в разгар соболиного промысла — всякие отклонения более или менее уравновешивались, но с уменьшением добычи вероятность больших ошибок при подсчетах возрастает. К тому же постепенно широкое распространение получила практика скупки пушнины мелкими партиями официально на гостиных дворах и неофициально повсеместно с уплатой пошлины «за промысел» покупателями без персональной регистрации и даже указания численности продавцов. Так, например, в Якутске первое вре-

²⁴⁰ ЦГАДА, СП, стлб. 11, лл. 100—107.

²⁴¹ Там же, стлб. 4, л. 490.

²⁴² Там же, кн. 673, лл. 198—233 об.

²⁴³ В 1649 г. якутские служилые люди в челобитной «извещали», что торговые и промышленные люди ясачных и неясачных людей отторговывают до ясачного сбора и купленную пушнину в таможах «объявлявают и сказывают... своего промыслу» (ЛОИИ, ЯА, карт. 11, стлб. 38, л. 14).

мя десятичная пошлина с покупателей за продавцов совсем не взималась, но со второй половины 40-х годов покупка пушнины мелкими партиями без регистрации промышленников производилась систематически. В 1648 г. приобретенные таким путем соболи составили 6,8% от общего количества зарегистрированных соболей русского промысла, в 1657 г. 6,3%, в 1668 г. 43,8%, в 1672 г. 41,7%, в 1675 г. 16,3%²⁴⁴. В Енисейске соболи, купленные мелкими партиями на гостином дворе, составляли от общей массы промышленных соболей в 1654 г. 13%, в 1657 г. 20,5%, в 1664 г. 92,2%, в 1668 г. 50,3%, в 1675 г. 30,5%, в 1677 г. 63,5%²⁴⁵. Во всех этих случаях не учитываются соболи, купленные у коренных жителей Сибири. Подобное явление имело место и в других сибирских уездах. В Тобольске доля не зарегистрированных поименно продавцов пушнины возрастала последовательнее: в 1640 г. на них приходилось 7,3%, в 1648 г. 19,7%, в 1656 г. 36,6%, в 1662 г. 55,9%, в 1669 г. 73%, в 1670 г. 81,3%, в 1671 г. 81,4%, в 1687 г. 100%²⁴⁶. О. Н. Вилков справедливо объясняет это оскудением пушных богатств и измельчением продаваемых партий, а также закабалением непосредственных добытчиков пушнины скупщиками²⁴⁷.

В отписках таможенной администрации Мангазейского уезда есть сведения об общей численности промышленников за целый ряд лет, что позволяет проверить соответствие числа явок в таможни и числа охотников. В 1630 г. численность промышленников составляла 91,4% от числа явок, в 1636 г. 89,8%, в 1637 г. 93,5%, в 1642 г. 86,1%. Казалось бы, проще всего определить средний коэффициент и на его основе делать расчеты, однако сведения таможенной администрации неполны. Так, в 1630 г., кроме 887 охотников (см. табл. 10), вернувшихся с промысла с Нижней и Подкаменной Тунгусок, 127 человек «летовало» в Туруханском зимовье, поголовное же в уезде было собрано 928 человек²⁴⁸. В 1636 г., по отписке таможенных голов И. Кокорина и П. Брагина, на соболином

²⁴⁴ ЦГАДА, ЯПИ, оп. 4, д. 269, лл. 3—66 об., д. 592, фл. 56 об. — 117 об., д. 590, лл. 33 об. — 81, д. 1048, лл. 26 об. — 48 об., д. 1116, лл. 30 об. — 58.

²⁴⁵ Там же, СП, кн. 316, лл. 3—120 об., кн. 360, лл. 332—341, кн. 481, лл. 141—187, кн. 528, лл. 154—193 об., кн. 618, лл. 313—358 об., кн. 504, лл. 94—131.

²⁴⁶ О. Н. Вилков. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М., 1967, стр. 226.

²⁴⁷ Там же, стр. 227—229.

²⁴⁸ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 334; ЦГАДА, СП, кн. 26, л. 66 об.

промысле «в обеих Тунгусках, и по Енисею, и по малым речкам» было 707 человек, между тем только с 21 мая до конца месяца было собрано поголовное с 703 человек торговых и промышленных людей, приплывших с обеих Тунгусок с соболиного промысла. В том же году в Хетском зимовье, на Хатанге и Есее было 59 явок промышленников в таможни с соболями.²⁴⁹ Число явок в таможни оказывается даже ближе к реальному числу промышленников, чем численность промышленников по отчетным данным администрации. Сближение (табл. 10) числа явок в таможни с численностью охотников за соболями достигается до некоторой степени тем, что здесь учитываются только явки промышленников с соболями.

Все остальные источники о численности промышленников мало пригодны. Поголовное и явчее нередко брали в главных таможнях и с тех промышленников, которые десятичную пошлину платили на заставах, а также с промышленных и торговых людей, занимавшихся рыбным промыслом или только торговлей. Особенно это заметно на примере Центральной Якутии 1644 и 1657 гг. Данные отпускных книг, даже если бы последние лучше сохранились, не дают возможности судить о производительности промысла хотя бы уже потому, что многие промышленники переходили из уезда в уезд, поэтому число отпущенных из определенной таможни на промысел и возвратившихся туда через год с пушниной обычно не совпадает, особенно по Якутскому уезду.

В таблице 10 приведены сводные данные за несколько лет по уездам Восточной Сибири о числе промышленников (явок с соболями в таможни), об общей добыче русскими соболей и средней на охотника. Источники указаны в таблицах приложения.

Для сопоставления средней добычи и стоимости снаряжения в таблице 10 учитываются только промышленники-профессионалы и их добыча. Служилые люди, для которых промысел мог быть побочным занятием, а также продавцы мелких партий пушнины, численность которых не поддается учету, в расчет не принимаются. Правда, для периода наиболее интенсивного промысла включение служилых в общее число охотников и прибавление купленных мелкими партиями соболей

²⁴⁹ ЦГАДА, СП, стлб. 73, л. 82, кн. 82, лл. 117—124 об., кн. 84, лл. 68—74.

Таблица 10

**СРЕДНЯЯ ДОБЫЧА СОБОЛЕЙ НА ОХОТНИКА
В УЕЗДАХ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ**

Год	Всего явлено в таможни со- болей, штук	Число явок с соболями в таможни	В среднем со- болей на 1 явку	Число промыш- ленников	Соболей на 1 промышлен- ника	Средняя раз- борная цена соболя
1	2	3	4	5	6	7
Мангазейский уезд						
1627	29328	563	52			1,64
1629	53508	936	57			1,17
1630	50672	960	53	887 ¹	57	1,03
1634	48760 ²			683 ²	71	1,38
1635	61440	785	78			
1636	65606	787	83	707 ¹	93	1,60
1637	60426	627	96	586 ¹	104	1,58
1638	30400 ²			215 ¹	148	2,60
1639	35840 ²			403 ¹	89	2,48
1640	41240 ²			608 ¹	68	1,75
1641	41120 ²			695 ¹	59	
1642	40850	749	55	645 ¹	63	1,94
1643	24600 ²			308 ²	80	1,64
1644	16000 ²			116 ²	138	2,73
1648	20617	548	38			
1654	23263	349	67			1,55
1657	12340	290	43			2,19
1658	12114	238	51			
1659	11164	224	50			
1664	4817	117	41			1,25
1668	11645	153	76			
1675	8000	125	64			1,33
1678	6716	93	72			
1681	1010	19	53			
Енисейский уезд						
1629	33447	520	64			0,86
1630	24886	490	51	384 ²	65	1,06
1631	31520 ²			392 ²	80	
1636	14724	269	54			
1637	12754	251	51			1,50
1640	11070	201	55			1,49
1642	12200	280	44			1,07
1647	13540	355	38	345 ²	39	1,49
1648	11280 ²			395 ²	29	

Продолжение таблицы 10

1	2	3	4	5	6	7
1649	6720 ²			307 ²	22	1,66
1654	11271	346	33	356	32	2,05
1657	7510	199	38	206 ²	36	1,71
1664	510	30	17			1,51
1668	2963	74	40			2,08
1675	4470	103	43			2,36
1677	1440	79	18			
1678	2610	86	30			
1679	360	25	14			2,73
Якутск						
1636	20940	246	85			
1637	35804	260	138			1,44
1639	36017	357	101	676*		1,35
1640	54204	684	78	785**		1,13
1642	39874	641	62			
1643	32359	771	42	866*		1,92
1644	13141	379	35	869**		
1646	33923	523	65	677**		
1648	16067	391	41	677**		
1651	4031	120	34			
1654	10232	193	53			2,60
1657	9690	164	59	549**		
1659	13037	152	86			
1660	19236	443	43			
1664	5998	113	53			
1668	2558	69	37			
1672	178	4	44			
Виллюй						
1633	1362	14	97			
1635	9630	75	128			1,60
1638	8181	104	79			1,27
1639	9001	81	111			
1642	6670	132	51			
1644	10805	243	44			

Продолжение таблицы 10

1	2	3	4	5	6	7
Жиганск						
1635	5417	68	80			
1639	7403	86	86			
1640	10569	134	79	261*		1,29
1641	14301	209	68	278**		1,00
1642	21440	388	55			1,22
1644	4574	292	16			
1648	472	47	10			
1659	1843	65	28			
1664	264	24	11			2,56
						1,42
Оленек						
1643	7713	152	51	156*		
1644	2965	139	21	131*		1,03
1668	100	8	12			
Алазея						
1654	1468	52	28			
1659	531	23	23			2,48
1660	651	20	33			
Яна						
1639	221	8	28			
Индигирка						
1638	120	7	17			
1645	12381	281	44	225*		
1647	4507	172	26			
1657	1909	75	25			
1659	1281	62	21			
1664	1288	38	34			3,40
Колыма						
1646	9639	217	44			
1651	10153	195	52			
1659	4872	102	48			
1664	4847	109	44			
1668	2172	67	32			
1675	889	27	33			3,87
Илимск						
1636	742	18	41			
1639	361	9	40			
1640	7714	88	88			
1644	17855	422	42	438*		0,71
1645	9137	269	34	666*		
				666**		

Продолжение таблицы 10

1	2	3	4	5	6	7
Чечуйский волок						
1644	488	27	18			
1648	1687	68	25			
1659	8291	199	42			
1664	3258	115	28			
1668	1682	68	25			
1675	2968	189	16			

¹ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. I, стр. 334.

² В. А. Александров. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в., стр. 218—219. По Енисейскому уезду В. А. Александров называет другое число явок (См. стр. 232), но там он групповые явки, не расчлняя, учитывал наряду с одиночными.

* Число торговых и промышленных людей, с которых собрано поголовное.

** Число торговых и промышленных людей, с которых взята явчая пошлина.

к общему итогу большого изменения в показателе не вносят. Так, в Мангазейском уезде в 1629, 1630, 1635, 1636, 1642 и 1658 гг. средние партии соборей, предъявленных в таможи, были одинаковы как для промышленников вместе со служилыми людьми, так и без них; в 1637 г. у промышленников без служилых людей партии соборей в среднем были больше на одного собора, в 1648, 1654, 1659 и 1664 гг. в среднем меньше на собора, в 1657 г. в среднем меньше на два собора, и только в 70—80-х годах разница была значительной²⁵⁰. В Енисейском уезде, где был выше удельный вес скупленной по несколько шкурок пушнины, значительная разница при таком учете обнаруживается с 50-х годов, но и там в 1629, 1636, 1642, 1647 гг. количество соборей в средних партиях в обоих вариантах совпадает, в 1630 и 1640 гг. разница в 1—2 собора.²⁵¹

Предполагая, за неимением более точных показателей, что утайка промышленниками части соборей и, с другой стороны,

²⁵⁰ Сравнение сделано по таблице 10 настоящей работы и по таблице 1 статьи: П. Н. Павлов. О социальных отношениях на соборном промысле в Енисейском крае в XVII в. «Из истории Красноярского края». Красноярск, 1964, стр. 80—81.

²⁵¹ Там же, табл. 2, стр. 87.

неявка некоторых промышленников в таможни (продажа соболей до уплаты десятинной пошлины, уход покрученников только со своими паями в другие места и т. п.) более или менее уравнивают показатели, а число явок промышленников с соболями в таможни близко к общей численности промышленников (считая и тех, которые соболей не добыли или добыли и продали до уплаты промыслового налога), можно принять средний размер явленных в таможни партий соболей за среднюю добычу охотника-профессионала.

Из таблицы 10 видно, что добычливость соболиной охоты в XVII в. и по абсолютным показателям и относительно стоимости ужины достаточно высока. В Мангазейском уезде с конца 20-х до начала 80-х годов охотники-профессионалы добывали в год от 38 до 96 соболей, в совокупности за 17 учтенных лет несколько больше 60 соболей на человека. В Енисейском уезде добыча была значительно меньше — от 14 до 64 соболей, в среднем за учтенные годы по 39, а с конца 20-х до конца 50-х годов — по 48 соболей. В Центральной Якутии за 17 учтенных лет промышленники добывали от 34 до 138 соболей, в среднем по 62 соболя, чуть больше, чем в Мангазейском уезде. В Вилюйской таможне партии соболей в среднем состояли из 85 штук, в Жиганской в партиях было в среднем по 45, в Колымской по 42, на Оленеке, Алазее, Яне и Индигирке по 28 соболей. Эти показатели не совсем точно отражают действительные результаты соболиной охоты в отдельных районах Якутии прежде всего из-за малочисленности данных и, кроме того, из-за неравноценности таможенных центров. В Якутск промышленники приходили из разных мест для закупки хлебного запаса и обновления промышленного завода на соболей как своего промысла, так и артельных. В Нижне-Вилюйске, откуда начинался северный путь в Европейскую Россию, очевидно, преобладали торговые и промышленные люди без покрученников. В среднем в Якутии на охотника приходилось меньше соболей, чем в Мангазейском уезде. Близка к енисейской добыча соболей в Илимском уезде.

В Западной Сибири добычливость соболиной охоты была ниже. В Томском уезде в 1633 г. на 61 охотника пришлось 1580 соболей: у 19 человек было по 7 соболей, у 23 человек по 27, у 10 человек по 31, у 3 человек по 47 и у 6 человек по 60 соболей, в среднем по 26 соболей на человека. В 1635 г. 44 человека добыли 633 соболя: 24 человека по 7 соболей, 9 человек по 13, 5 человек по 26, 3 человека по 33, и 3 человека по

43 соболя, в среднем по 14 соболей на охотника.²⁵² Возможно, что к 30-м годам XVII в. в результате сокращения соболиной поголовья добычливость соболиной охоты там упала.²⁵³

«Разборные» цены точнее всего выражают стоимость соболей, но не рентабельность промысла для промышленников. Для этого нужно сравнение с действительными рыночными ценами на местах и, конечно, с затратами на добычу соболя.

Рыночные цены были ниже и менее подвижны, чем «разборные» цены, и обычно мало отклонялись от средних в каждом пункте за тот или иной год или месяц. В Якутске в 1640 г. средняя продажная цена соболей составила 82 коп. за штуку, в Илимске — 1 руб. 1 коп.²⁵⁴ В 1641 г. в Жиганске и на р. Молоде соболей продавали в среднем по 79 коп. при таможенной оценке их по 69 коп.²⁵⁵ В Якутске в 1643 г. соболя без пупка (соболю шкуру без брюшной части) продавали в среднем по 1 руб. 10 коп., в казну вместо денег принимали соболей по оценке от 50 коп. до 2 руб. 77 коп., в среднем по 1 руб. 11 коп. при таможенной оценке соболя по 2 руб. и средней «разборной» цене десятинного соболя по 1 руб. 92 коп. На Олекме тогда соболей продавали в среднем по 76 коп.²⁵⁶ В 1644 г. на Оленеке соболей продавали в среднем по 75 коп., в Илимске по 1 руб. 22 коп., в Верхоленинском острожке по 70 коп., на Чечуйском волокне по 1 руб. 5 коп., а в Жиганске всякого соболя без пупка, независимо от качества меха, продавали по рублю за штуку²⁵⁷. По рублю за штуку (без всяких отклонений) продавали и покупали соболей на Индигирке в 1645 г. и на Колыме в 1646 г.²⁵⁸ Несколько дешевле стоили соболя в Енисейском крае, где до середины XVII в. сорок соболей оценивался от 10—15 до 50 руб.²⁵⁹, от 25 коп. до

²⁵² ЦГАДА, СП, кн. 48, лл. 35 об.—42, кн. 271, лл. 86—90.

²⁵³ В настоящее время лучшие охотники добиваются такой добычи за неполный сезон. Охотник Васюганья Е. Бардин к концу декабря 1966 г. добыл 60 соболей («Правда» за 30 декабря 1966 г.)

²⁵⁴ ЦГАДА, ЯПИ, оп. 4, д. 10, лл. 28 об.—106, д. 13, лл. 25 об.—102, д. 5, лл. 25 об.—36.

²⁵⁵ Там же, д. 30, лл. 42 об.—79 об.

²⁵⁶ Там же, д. 91, лл. 1 об.—277 об., д. 101, лл. 19—58.

²⁵⁷ Там же, д. 133, лл. 29—36 об., д. 128, лл. 100—192, д. 134, лл. 5 об.—10, 31—37, 167—193 об.

²⁵⁸ Там же, д. 152, лл. 51 об.—63 об., д. 153, лл. 43—48, д. 99, лл. 195—303.

²⁵⁹ В. А. Александров. Указ. соч., стр. 233.

1 руб. 25 коп. за штуку. Средние «разборные» цены в Мангазейском и Енисейском уездах были достаточно высокими.

Можно считать, что в Енисейском и Ленском краях в благоприятные годы стоимость добытых соборей охотниками-профессионалами в совокупности в полтора — два раза превышала затраты на снаряжение. При меньшей средней рентабельности эксплуатация покрученников, промышлявших на полной хозяйской ужине и получавших треть добычи, была бы экономически невыгодной. Но из этого не следует, что средняя промысловая прибыль составляла 50—100%. Необходимо учитывать большие расходы при передвижении, пусть не ежегодном, из России в Сибирь и обратно, промысловый налог и другие казенные платежи, поборы воеводской и таможенной администрации, проживание в Сибири в межпромысловый период и т. п. В Поморье — начальном пункте выхода промышленников на сибирские промыслы — в 40—50-х годах XVII в. годовую прибыль от сибирского промысла и торговли считали в 22—25%²⁶⁰. Эта более или менее типичная прибыль была достаточно высокой для предприимчивых людей, но не баснословной. Она не привела бы к быстрому обогащению участников промысла, если бы распределялась равномерно, вызывая активное промысловое движение, но не обеспечивала необходимого резерва на случайности промысла для большинства ее участников.

Если средняя добыча в Мангазейском уезде и Центральной Якутии по 60 соборей на охотника в середине века давала конечную прибыль в 20—25%, то затраты на промысел, включая стоимость ужины и все прочие расходы от выезда из Поморья до возвращения обратно, покрывались от реализации 45—50 соборей. Приведенный выше материал о результативности собориной охоты наглядно показывает громадную разницу ее, следовательно, и прибыли или убытка по годам и в разных местах и промысловых партиях. Добыча ниже не только средней прибыли, но и ниже окупаемости промысла была обычной.

При всех случайностях промысла в распределении прибыли были и определенные закономерности. Рентабельность промысла повышалась в зависимости от длительности пребывания промышленников в Сибири за счет сокращения расходов на переездки и влияла на характер промыслового движения, но особенно зависела от размеров промыслового предпринима-

²⁶⁰ И. С. Макаров. Указ. соч., стр. 159, 162.

тельства. Крупные предприниматели, закабалая массу мелких промышленников и местных крестьян, получая тем самым выше средней прибыли, легче нейтрализовали действие неблагоприятных природных факторов. Посылая своих покрученников в разные районы, они в значительной мере гарантировали себя от разорения. Многие мелкие самостоятельные промышленники, не имея достаточных резервов, после первой же беспромыслицы вынуждались идти в покрученники или вообще выбывали с промысла, причем, чем дольше они сохраняли путем кабальных займов свою «самостоятельность», тем труднее потом им было выбиться из состояния покрутных отношений. Покрута в «чистом» виде, без займа, при превышении доходов над расходами на промысел на 20—25% через 2—3 года обеспечивала покрученника самостоятельнойужиной. Годовая работа по найму в земледельческом хозяйстве на юге Якутии за 40 пудов хлеба и небольшую сумму денег давала не менее половины ужины. Вместе с дополнительными расходами для начала самостоятельного промысла необходимы были те же 2—3 года работы у местных земледельцев. Выгодность земледельческого хозяйства в промысловых районах, по-видимому, и была главной причиной слабого участия сибирских крестьян в промысловой охоте во время массового наплыва промышленников из-за Урала. Расчеты по займам затягивали состояние покрутной зависимости.

Самостоятельные мелкие промышленники, промышлявшие на свои, не занятые средства или в благоприятные для них годы избавившиеся от долгов, при общей высокой рентабельности промысла накапливали небольшие резервы, позволявшие им удержаться на промысле в неблагоприятные годы.

Высокая доходность собориной охоты делала возможным самостоятельный промысел многих мелких производителей.

Смена персонального состава охотников, социальное расслоение на промысле, нейтрализуемое постоянным притоком все новых самостоятельных промышленников, переменчивость промысловых успехов не меняют сути дела. Мелкотоварный собориный промысел был возможен.

* * *

Об эффективности охоты на других пушных зверей в XVII в. нет данных, но несомненно, что по своей рентабельности эта охота не идет в сравнение с собориным промыслом.

Об этом можно судить по высшей добычливости белки в периоды ее большой численности. А. Ф. Миддендорф сообщает, что перед его приездом в Сибирь тунгусы, будь у них порох, могли бы убить по 2000 штук в зиму²⁶¹. П. И. Третьяков, также достаточно знавший положение дел, писал, что в добрую погоду хороший стрелок убивает от 10 до 15 белок в день²⁶², а по Н. В. Латкину, при удаче и до двух десятков в день²⁶³. В середине XX в. отдельные охотники добывали еще больше. Ружейной охотой ранней зимой при высокой численности белки охотник-промысловик добывал до 60 и более белок в день²⁶⁴. Для хорошего охотника в благоприятную зиму 2000 белок — не предел. Даже попутная добыча белок оказывается иногда необычайно высокой. К. Н. Ильин в Нижнеудинском районе Иркутской области за сезон добыл 66 соболей и 1300 белок²⁶⁵. Но все это рекордная производительность беличьего промысла, средняя значительно ниже²⁶⁶. Если допустить высшую добычу белок по 2000 штук и для XVII в., то при тогдашней сибирской цене по 10—15 руб. за тысячу добыча лучших белковщиков (20—30 руб.) в Мангазейском и Якутском уездах стоила бы в 2—3 раза меньше средней добычи охотников за соболями, а средняя доходность беличьего промысла была много ниже.

Средняя добыча лисиц в Сибири в 1944/45 и 1945/46 гг. колебалась в зависимости от районов промысла от 2,6 до 8,4 штук на охотника²⁶⁷. В XVII в., несмотря на меньшую тогда численность лисиц, охотники-профессионалы могли добыть больше, но не настолько, чтобы сравняться с соболятниками. В Мангазейском и Якутском уездах при официальном стоимостном отношении соболей к лисицам как 1:2 охотники

²⁶¹ А. Ф. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири. ч. II, отд. VI. СПб., 1877, стр. 616.

²⁶² П. И. Третьяков. Туруханский край, его природа и жители. СПб., 1871, стр. 270.

²⁶³ Н. В. Латкин. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. СПб., 1892, стр. 176.

²⁶⁴ А. А. Каплин. Пушнина СССР. М., 1960, стр. 95.

²⁶⁵ В. В. Тимофеев, В. Н. Надеев. Соболи, стр. 84—85.

²⁶⁶ Современную среднюю добычу нельзя распространять на XVII в. из-за резкой разницы численности охотников. Теперь, как и при охоте на соболей, она ниже. До 60-х годов XX в. средняя многолетняя добыча белок на охотника за сезон составляла 282 белки в Якутской АССР, 196 в Иркутской области, 173 в Красноярском крае и дальше по нисходящей линии до 65 белок в Московской области. См. А. А. Каплин. Советская пушнина. М., 1962, стр. 159.

²⁶⁷ А. А. Каплин. Советская пушнина, стр. 112.

за лисицами должны были бы добывать за сезон по 120 шкур этих зверей, что было совершенно недостижимо.

Невыгодным в XVII в. был песцовый промысел. При низких тогда ценах на песцовый мех (по 6—11 коп. за шкурку) в Мангазейском и Якутском уездах охотники должны были бы добывать песцов раз в 10 больше, чем соболей. Однако средняя добычливость песцовой охоты в количественном отношении едва ли была выше соболиной. В XIX в. во время хорошего хода песца в кратковременный период сезонных миграций охотники, имевшие много ловушек, в ночь добывали от 5 до 10 зверей²⁶⁸. В середине XX в. только лучшие охотники добывали по 100 и более песцов за сезон²⁶⁹. Средняя производительность меньше. Кроме того, численность песцов в природе (и численность белок), следовательно, и добычливость песцовой (и белковой) охоты подвержена резким колебаниям по годам.

Бобры в Сибири были сравнительно малочисленны, горностаи — дешевы, поэтому промысел их также не мог обеспечить охотникам той выгоды, какую приносил промысел соболей.

Для пришлых промышленников специальный промысел всех пушных зверей, кроме соболя (в отдельных местах, может быть, бобра), был не только невыгоден, но и не оправдывал затрат на его организацию, поэтому русский профессиональный пушной промысел до последней четверти XVII в. был промыслом соболиным. Все прочие звери добывались попутно. Падение и резкое ограничение соболиного промысла, оседание промышленников в Сибири на постоянное жительство, сопровождаемое известной натурализацией их хозяйства, относительное подорожание несоболиной пушнины и снижение стоимости промыслового снаряжения²⁷⁰, рост численности поголовья некоторых видов пушных зверей, особенно белок и лисиц, — все это должно было вызвать и вызвало возникновение и развитие с конца XVII в. специализированного и смешан-

²⁶⁸ П. И. Третьяков. Указ. соч., стр. 275; Н. В. Латкин. Указ. соч., стр. 177.

²⁶⁹ А. А. Каплин. Пушнина СССР, стр. 57.

²⁷⁰ В первой половине XIX в., по Н. С. Щукину, «подъем на звероловство», правда, на более короткий сезон, стоил крестьянину-промышленнику около 14 руб. серебром (Н. Щукин. О звериных промыслах по реке Лене. «Журн. мин. госуд. имуществ», СПб., 1841, ч. III, кн. 5, стр. 100). С учетом снижения ценности денег это в несколько раз меньше стоимости снаряжения на соболиный промысел в XVII в.

ного профессионального промысла несоболиной пушнине. Началось более равномерное использование пушных богатств Сибири.

* * *

К приходу в Сибирь русским известны были разные орудия, приемы и способы лова пушных зверей, но преобладающим был артельный самоловный промысел. Добыча соболей самоловами-кулемами, усовершенствованными ко времени расцвета соболиного промысла, уступая индивидуальной охоте с собакой и луком по абсолютной (дневной) добычливости, оказывалась более эффективной из-за большой продолжительности промыслового сезона. Артельная организация промысла с уравнительным разделом пушнины устраняла конкуренцию внутри промысловых партий, способствовала освоению разных по качеству угодий. Разделение труда повышало среднюю добычу.

Промысловые партии, независимо от социального состава (за исключением немногочисленных ватаг из одних покрученников), в организационном отношении были артелями. Однако орудия охоты в них не обобществлялись, поэтому так легко по окончании сезона артели распадались, что должно было смягчать присущую феодальной эпохе личную зависимость покрученников и должников. В техническом отношении артели своеужинников и ватаги покрученников принципиально не различались.

Снаряжение на промысел в Восточной Сибири в среднем с избытком окупалось за один промысловый сезон, поэтому самостоятельный промысел экономически был возможен для массы мелких промышленников.

Профессиональный пушной (соболиный) промысел был доходной отраслью хозяйства, обеспечивая во время его расцвета на месте, в Восточной Сибири, в среднем 50—100% общей, а в районе выхода на промысел, в Поморье, 20—25% средней чистой прибыли. С учетом трудностей промысла, большого риска во всем, возможного и действительно имевшего место разорения многих охотников прибыль была далеко не баснословной, но она стимулировала не только крупные промысловые предприятия, меньше подвергавшиеся случайностям охоты, притеснениям со стороны администрации и т. п., но и достаточно массовое движение в Сибирь мелких и средних промышленников.

ГЛАВА V

МЕСТО ПУШНОГО ПРОМЫСЛА СРЕДИ ДРУГИХ ОТРАСЛЕЙ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СИБИРИ

В первых главах сибирская пушнина рассматривалась в плане ее значения в торговле и финансах страны. Теперь необходимо выяснить значение пушнины в экономике Сибири, прежде всего место пушного промысла среди других отраслей хозяйства, его динамику и эволюцию, а также состояние меховой промышленности в Сибири и некоторые особенности пушной торговли.

В силу подавляющего преобладания соболиной охоты в сибирском пушном промысле во время массового движения промышленников из Европейской России и из-за недостатков в источниках показателей по добыче всех других пушных зверей удобнее рассматривать отдельно развитие соболиного промысла на первом этапе промыслового движения, примерно до середины 70-х годов XVII в. или до середины 80-х годов, так как именно до этого времени сохранились систематические данные, и пушной промысел во всей его совокупности, с 70—80-х годов XVII до начала XVIII в., с краткой характеристикой промысла отдельных пушных зверей с начала его возникновения. Такое членение истории пушного промысла вызывается не только состоянием источников и желанием избежать ненужных повторений, но и тем, что начавшийся в 70-х годах кризис соболиного промысла не привел к немедленному подъему промысла других видов пушнины.

1. Расцвет соболиного промысла

Для определения места пушного промысла в народном хозяйстве Сибири, его удельного веса в отдельных районах и динамики развития необходимы сопоставимые количественные

показатели. В многочисленных исследованиях накоплен огромный фактический материал, но данные о добыче пушнины русскими охотниками и ясачными людьми в большинстве случаев привлекались попутно, поэтому в совокупности они представляют собой сумму более или менее удачных примеров. Из-за различной методики их выявления, локальной и хронологической ограниченности эти показатели слабо поддаются сопоставлению. Только в работах В. А. Александрова, который специально исследовал русский пушной промысел в Енисейском крае, приведены систематические показатели о добыче соболей русскими промышленниками, а также о ясачном и десятинном сборах соболей в казну в 20—70-х годах XVII в. в Мангазейском и Енисейском уездах¹. Необходимость привлечения дополнительных систематических показателей очевидна.

Чтобы не дублировать в разных местах настоящей работы одни и те же количественные показатели, они собраны в сводные таблицы, которые из-за большого объема отнесены в приложение². В этих таблицах учитываются количество соболей русского промысла, перекупных у русских промышленников и купленных у коренных жителей Сибири, таможенного и ясачного сборов, цена соболей и цена всей пушнины таможенного и ясачного сборов, средняя цена соболя таможенной десятинной пошлины, а также распределение соболей в количественном и стоимостном выражении между государством и частными лицами.

Для определения количества соболей и цены соболей и всей остальной пушнины таможенного и ясачного сборов использовались в основном ценовые росписи казенной пушнины, а также отчеты воеводской и таможенной администрации, частично данные позаимствованы из опубликованных исследований. Во всех случаях, когда представлялась возможность, добытая разными путями пушнина выявлялась с наибольшей полнотой (с учетом поступлений после отправки в Москву,

¹ В. А. Александров. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в. М., 1964, стр. 225—226. Сопоставимые количественные показатели приведены также в ряде статей автора настоящей работы. Одна из них (П. Н. Павлов. Место пушного промысла среди других отраслей хозяйства Сибири в XVII в. «Из истории Сибири», вып. 1. Красноярск, 1969, стр. 43—82) излагается здесь в переработанном виде. Подробные данные о торговле пушниной в Западной Сибири приведены О. Н. Вилковым. См. О. Н. Вилков. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М., 1967, стр. 221—320.

² См. табл. 4—14 приложения.

казенной покупки, конфискации и т. п.), но это не всегда удается, поэтому итоговые показатели таблиц надо считать несколько неполными. Совсем не учитывается здесь пушнина, официально не зарегистрированная в таможенных, ясачных или отчетных документах, прежде всего тайно вывезенная в Европейскую Россию или за границу, использованная русскими и местным населением для своих нужд.

Количество соболей русского промысла высчитано по таможенным приходным книгам или по таможенной десятинной пошлине. Последний способ менее надежен, потому что в абсолютном большинстве случаев десятинную пошлину брали и с промышленных и с перекупных соболей, причем в общем итоге, за редким исключением, эти разнородные сборы смешивались. Таможенные приходные книги по отдельным уездам сохранились неравномерно, но таких книг больше всего осталось по Мангазейскому, Якутскому, Енисейскому и частично Илимскому уездам, где добывалась основная масса соболей русского промысла. По этим уездам за годы наиболее интенсивного промысла привлекались по возможности все сохранившиеся таможенные и ясачные книги, а за годы падения соболиного промысла — по одной-две за десятилетие. По районам со слабым развитием русского соболиного промысла в большинстве случаев приводятся выборочные данные о ясачном и десятинном сборах, причем степень полноты этих данных относительна.

Цена ясачной и таможенной пушнины здесь принята местная «разборная». Она в среднем была выше таможенной оценки, местных рыночных цен и тем более приемных цен ясачной пушнины, но обычно ниже московской оценки казенной пушнины. Уездные «разборные» цены представляются наиболее приближенными к действительной стоимости пушнины прежде всего потому, что они определялись опытными оценщиками из наиболее авторитетных торговых людей, приказчиков и в отдельных случаях промышленных и служилых людей. Конечно, и «разборные» цены не всегда объективны. Оценщики испытывали на себе давление со стороны местной администрации и центральной власти. Поскольку учет государственной пушнины производился в денежном исчислении, сибирские воеводы, чтобы показать свое усердие перед царем, принуждали оценщиков завышать цены ясачного и десятинного сборов. Не считаясь с сильными сибирскими воеводами было небезопасно. Правительство же, стремясь получить пушнины как можно больше, официально рекомендуя оценивать пушнину

СООТНОШЕНИЕ МОСКОВСКОЙ И МЕСТНЫХ СИБИРСКИХ ЦЕН КАЗЕННОЙ ПУШНИНЫ

(в процентах московской цены от сибирских)¹

Год	9 уездов ²	Сургутский уезд	Томский уезд	Мангазейский уезд	Енисейский уезд	Якутский уезд	Илимский уезд	Иркутский уезд	Нерчинский уезд	В среднем по Сибири
1682	163	118	232	135	148	135	87	—	—	145
1683	152	132	109	106	122	112	80	136	137	121
1684	130	110	104	100	124	96	91	134	123	111
1685	135	128	134	116	—	95	80	—	109	114
1686	133	142	110	107	106	99	89	—	—	112
1687	152	162	114	109	141	79	87	—	120	120
1688	160	190	124	99	128	78	95	135	132	127
1689	138	131	108	104	155	102	40	131	115	114
1690	146	180	117	109	174	118	246	150	—	155
1691	135	155	105	135	119	134	128	122	105	126
1692	125	150	144	121	143	135	128	112	96	128
1693	134	148	117	138	106	125	133	138	115	128
1694	114	100	127	73	124	124	128	115	93	111
1695	144	143	139	103	169	119	151	124	97	132
1696	151	133	95	91	130	—	136	122	100	120
1697	102	92	73	101	86	89	128	104	72	94
1698	99	136	60	96	119	92	150	77	80	101
В среднем	136	138	118	108	131	108	116	123	107	121

¹ ЦГАДА, СП, стлб. 1126, лл. 1—104.

² Уезды Верхотурский, Пелымский, Туринский, Тюменский, Тарский, Тобольский, Березовский, Кузнецкий и Красноярский. В Нарымском и Кетском уездах пушнину не оценивали, поэтому по ним нет сравнимых показателей.

на местах «настоящей торговой ценой»³ или «прямою настоящею ценою», практически добивалось занижения местных цен, строго предупреждая оценщиков о материальной ответственности за высокие цены. Так, например, царский наказ 1697 г. якутскому воеводе предупреждал, что если московская цена окажется ниже сибирской, то «великий государь тое убыль велит доправить на них, ценовщиках, без всякия пощады... да и на нем, воеводе, та убыль, буде его нерадением и недосмотром те ценовщики... станут ценить лишнею большею ценою,... доправлена ж будет бес пощады»⁴. В грамоте 1667 г., разосланной во все сибирские города, сообщается, что из Якутска прислали «рухляди» на 14272 руб., по московской же оценке оказалось на 10961 руб., из Нерчинска — на 13933 руб., а по московской оценке на 9762 руб. Царь указал разницу «доправить» на якутском воеводе М. Арсеньеве и его сыне Андрее, а им «введаться с ценовщиками», которые дорого ценили, в Нерчинске же — на выборных людях, «а буде на них взять нечего, доправить на тех людях, которые казну ценили»⁵. Такой нажим имел место и в первой половине XVII в.: в 1628 г. с березовского воеводы взыскали 3 руб. за то, что «по московской цене перед сибирскою ценою убыло три рубли»⁶. В разных обстоятельствах верх одерживала то одна, то другая тенденция. На величину цен влияла смена оценщиков.

Соотношение московской и уездных «разборных» цен в последние десятилетия XVII в. видно из таблицы 11, составленной на основе справки Сибирского приказа, в которой приведены общие суммы цен таможенного и ясачного сборов, включавших пушнину, моржовый клык и китайские товары. Общие средние показатели в таблице из-за громадной разницы сборов по уездам высчитаны не по абсолютным суммам, а по соотношению московской и местных цен.

Бросаются в глаза резкие колебания степени «московской приценки» в географическом и особенно хронологическом направлении. В Илимском уезде, например, заметна тенденция

³ «Торговая цена» — одна из разновидностей условных цен XVII в. Она отличалась от более подвижной розничной рыночной цены, но была ближе к последней, чем, например, условная таможенная оценка. См. О. Н. Вилков, Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке, стр. 196—197.

⁴ Е. Д. Стрелов. Акты архивов Якутской области, т. 1. Якутск, 1916, стр. 163.

⁵ АИ, т. 5. СПб., 1842, стр. 474.

⁶ ЦГАДА, СП, кн. 17, л. 26.

к снижению «разборной» цены, а в соседнем Иркутском — к повышению. Изменения соотношения цен не совпадали по годам в соседних Сургутском и Томском уездах, Мангазейском и Енисейском, а также в объединенных в таблице в одну группу западносибирских уездах, где соотношение цен колебалось, например, в Березовском уезде от 182 до 258, в Тарском — от 65 до 215, в Красноярском — от 74 до 150. Более равномерно и плавно изменялось соотношение местных и московских цен в Мангазейском и Якутском уездах, в которых вместе с Нерчинским уездом средняя многолетняя оценка приближалась к московской.

Отношение московской цены к уездным ценам резко различалось и в середине XVII в. В 1648 г. по степени приценки уезды, по которым есть данные, располагались в таком порядке: Нарымский (94), Туринский (100,7), Тобольский (101), Красноярский (104), Мангазейский — ясачный сбор (108), Енисейский — десятинный сбор (110), Мангазейский — десятинный сбор (114), Тарский (116), Кузнецкий (119), Верхотурский (122), Енисейский — ясачный сбор (146), Якутский с Илимским (154,9), Пелымский (155) и Тюменский (189)⁷. Интересна большая разница московской «приценки» на енисейскую ясачную и таможенную пушнину. В Енисейске в 1647 г. ясачные соболи оценивались в среднем по 1 руб. 16 коп., а десятинные — по 1 руб. 64 коп. Это объясняется прежде всего несовпадением удельного веса соболей разных районов. В Москве в 1648 г. цены тех же соболей енисейского десятинного и ясачного сборов были сближены. Критерии при оценке соболей разных географических районов в Енисейске и в Москве оказались различными.

Рыночные розничные цены соболей здесь менее удобны не только потому, что сведения о них довольно редки, но прежде всего потому, что рыночные цены соболей, в отличие от «разборных», в значительной мере были условны, подчас совсем не отражали качество собольего меха, а следовательно, не отражали действительной ценности продукта охотничьего промысла в разных частях Сибири, потому они менее сопоставимы по сравнению с ценами на продукты одинакового качества (привозные товары, хлеб и т. п.). Местные рыночные цены соболей учитываются при рассмотрении особенностей пушной торговли в конце настоящей главы.

Разбору и оценке подвергалась только казенная пушнина.

⁷ Там же, кн. 238, лл. 1—335.

Цена соболей частного промысла определяется здесь по оценке таможенных сборов. Как уже отмечалось в предыдущей главе, десятинную пошлину, особенно с рядовых охотников, брали лучшими соболями, но неизбежное в таком случае завышение общей оценки пушнины русского промысла с избытком перекрывалось контрабандным вывозом. Другое дело, что на нелегальном вывозе наживалось профессиональное купечество, а не рядовые промышленники.

Данные о количестве и цене добытых в Сибири соболей сведены в несколько обобщающих таблиц, составленных на основе развернутых таблиц приложения. Западносибирские уезды Верхотурский, Пелымский, Туринский, Тарский, Тобольский, Березовский, Нарымский, Кетский, Кузнецкий и присоединенный к ним Красноярский, в которых русский соболиный промысел развит был слабо, рассматриваются суммарно. Выделены только Сургутский и Томский уезды, как два очага более или менее постоянного русского профессионального промысла. В Тюменском уезде соболей совсем не добывали. Чтобы данные таблиц были сопоставимы, соболи, добытые на территории еще не образованных уездов, учитываются по будущим уездам, поэтому Якутский, Илимский и Иркутский уезды в таблицах появляются раньше их юридического оформления, а итоговые данные по Енисейскому и частично Якутскому уездам в таблицах за отдельные годы много скромнее, чем в официальных отчетах. Все уезды сгруппированы в три района по промысловому признаку. Мангазейский, Якутский, Енисейский и Илимский уезды составляли сплошной район русского соболиного промысла (разумеется, в пределах охотничьих угодий). Территориально примыкали к нему, но по значению не сливались с ним Забайкальские (включая весь Иркутский) уезды. К непромысловой для русских Западной Сибири отнесен близкий по состоянию русского соболиного промысла Красноярский уезд.

Материалы таблиц несколько несинхронны периоду расцвета русского соболиного промысла. Это объясняется тем, что до середины 20-х годов нет систематических данных (из-за пожара Казанского дворца, погубившего массу сибирских документов), а отрезок времени после 70-х годов до резкого ограничения русского соболиного промысла в середине 80-х годов слишком короток, поэтому целесообразнее не отрывать его от всего периода активного русского соболиного промысла.

Обратимся к фактическому материалу. За семь десятилетий

ОБЩАЯ ДОБЫЧА СОБОЛЕЙ В СИБИРИ В XVII В. (тыс. штук)

Районы	1		2	3								Итого		
	1621	1630		1631	1640	1641	1650	1651	1660	1661	1670		1671	1680
10 западносибирских уездов	абс.	187	172	168	190	190	190	190	190	190	190	180	120	1207
	%	18,0	13,2	11,6	16,0	16,0	16,0	16,0	16,0	16,0	16,0	21,2	28,4	16,7
Сургутский	абс.	90	32	30	27	27	27	27	27	27	20	15	11	225
	%	8,7	2,4	2,1	2,3	2,3	2,3	2,3	2,3	2,3	2,0	1,8	2,6	3,1
Томский	абс.	66	38	38	37	37	37	37	37	37	25	12	9	225
	%	6,4	2,9	2,6	3,1	3,1	3,1	3,1	3,1	3,1	2,5	1,4	2,1	3,1
Итого в Западной Сибири	абс.	343	242	236	254	254	254	254	254	254	235	207	140	1657
	%	33,1	18,5	16,3	21,4	21,4	21,4	21,4	21,4	21,4	23,7	24,4	33,1	22,9
Мангазейский	абс.	525	523	301	188	188	188	188	188	188	131	115	35	1818
	%	50,6	40,0	20,7	15,9	15,9	15,9	15,9	15,9	15,9	13,2	13,5	8,3	25,1
Енисейский	абс.	169	201	189	155	155	155	155	155	155	117	123	31	985
	%	16,3	15,4	13,0	13,1	13,1	13,1	13,1	13,1	13,1	11,8	14,5	7,3	13,6
Якутский	абс.	—	326	578	433	433	433	433	433	433	326	173	92	1928
	%	—	24,9	39,7	36,6	36,6	36,6	36,6	36,6	36,6	32,9	20,4	21,8	26,6
Илимский	абс.	—	16	147	130	130	130	130	130	130	115	103	31	542
	%	—	1,2	10,1	11,0	11,0	11,0	11,0	11,0	11,0	11,6	12,1	7,3	7,5

Продолжение табл. 12

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Итого в 4-х промысловых уездах	абс. %	694 66,9	1066 81,5	1215 83,5	906 76,6	689 69,5	514 60,5	189 44,7	5273 72,8
Иркутский	абс. %	—	—	3 0,2	14 1,2	53 5,3	59 6,9	34 8,0	163 2,2
Нерчинский с Албазинским	абс. %	—	—	—	10 0,8	15 1,5	70 8,2	60 14,2	155 2,1
Итого в Забайкальских уездах	абс. %	—	—	3 0,2	24 2,0	68 6,8	129 15,1	94 22,2	318 4,3
Всего в Сибири	абс. %	1037 100	1308 100	1454 100	1184 100	992 100	850 100	423 100	7248 100

в Сибири было добыто свыше 7 млн. соболей по тогдашней цене на 11 с лишним млн. руб. (табл. 12 и 13).

Данные таблицы 12 подтверждают сложившееся в литературе представление о крайней неравномерности соболиного промысла в разных районах Сибири на разных этапах, в то же время позволяют внести некоторые уточнения. Достаточно заметное место в общесибирской добыче соболей принадлежит Западной Сибири, на долю которой за 70 лет приходится почти 23%, а с момента присоединения ее к России до конца 80-х годов XVII в. побольше четверти всех добытых в Сибири соболей.

Превышение удельного веса Западной Сибири в добыче соболей над удельным весом ее по естественным запасам соболиного поголовья (несколько более 16—17%) частично объясняется большей, чем в среднем в Сибири, продолжительностью непрерывного промысла. С освоением новых промысловых районов доля Западной Сибири в добыче соболей с 20-х по 40-е годы снизилась в два раза, с 33,1 до 16,3%, и приблизительно сравнялась с долей по запасам зверей. Однако с 50-х годов значение Западной Сибири неуклонно возрастало, достигнув в 80-е годы трети (33,1%) общесибирской добычи. Такая же эволюция наблюдается и в русском промысле, только со значительно меньшим удельным весом его и более быстрым и крутым падением, приходящимся на 30-е годы (табл. 14 и 15). Меньшая заинтересованность промышленников-профессионалов в сравнительно дешевых западносибирских соболях (по цене они составляли около 8% от общесибирского поголовья) спасла их запасы от быстрого опустошения, а ясачный режим поддерживал добычу на уровне меньшего перепромысла.

Доля забайкальских уездов, присоединенных к России позднее других, стремительно нарастала, достигнув в 80-е годы почти четверти в количественном и около 40% в стоимостном отношении, а в добыче русских промышленников еще больше — почти половины в количественном и 65% по цене соболей. Однако из-за непродолжительности в рамках рассматриваемого 70-летия непрерывного промысла удельный вес Забайкалья, включая весь Иркутский уезд, в соболиной добыче был невелик — меньше 5% по количеству и 7—8% по цене общей и только русской добычи.

Меньшей, чем можно было считать по многочисленным примерам в литературе, была роль Якутии, удельный вес

которой в общесибирском соболином промысле оказался лишь на 1,5% больше мангазейского. С учетом же промысла первых десятилетий XVII в. Якутский уезд по количеству добытых соболей уступал Мангазейскому. Но по цене добытых соболей, а это наиболее сопоставимый показатель, Якутский уезд доминировал над всеми остальными частями Сибири (табл. 13). В каждом из этих уездов за 60—70 лет было добыто соболей больше, чем во всей Западной Сибири; в Енисейском и Илимском уездах вместе — лишь немного меньше.

Резче выражена неравномерность русского соболиного промысла (см. табл. 14 и 15). Свыше девяти десятых в количественном и денежном исчислении русские промышленники добыли в Мангазейском, Якутском, Енисейском и Илимских уездах. В этом основном районе соболиного промысла за 70 лет русские добыли соболей в 3 раза больше, чем коренные жители. Однако недооценка соболиного промысла ясачных людей Западной Сибири ведет к ошибке в оценке общесибирских успехов русских промышленников⁸. В общесибирском масштабе за 70 лет русские лишь в полтора раза превзошли коренных жителей в добыче соболей и примерно в два раза по цене добытых соболей⁹.

Высокая общая добыча соболей коренным населением Сибири заслуживает внимания. В отличие от крестьян, которые нашли в Сибири лишь разрозненные очаги примитивного земледелия и практически на пустом месте создавали свое хозяйство, русские промышленники повсеместно встретили конкурентов. И хотя добычливость соболиной охоты у них была низка (в редких случаях ясак с «поминками» доходил до 12 соболей на охотника), конкуренты русских промышленников были сильны уже своей многочисленностью. При всеоб-

⁸ Этой ошибки не избежал автор настоящей работы, утверждая, что в 30—70-е годы XVII в. коренное население Сибири в 3—5 раз уступало русским в промысле пушнины (П. Н. Павлов. Об участии и роли различных категорий населения в сибирском пушном промысле в 40—70-е годы XVII в. «Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX вв.» Новосибирск, 1965, стр. 39).

⁹ Едва ли много изменит соотношение в добыче соболей русскими и местными охотниками покупка коренными жителями у русских промышленников соболей для уплаты ясака (ЦГАДА, СП, стлб. 58, л. 63; ЯПИ, оп. 4, д. 23, л. 3; С. А. Токарев. Общественный строй якутов XVII—XVIII вв. Якутск, 1945, стр. 268), а также утайка русскими промышленниками соболей. Мимо таможен прошло немало соболей, приобретенных разными путями у местного населения.

ЦЕНА ОБЩЕЙ ДОБЫЧИ СОВОЛЕЙ В СИБИРИ В XVII В.
(тыс. руб.)

Таблица 13

Район	2	3	4	5	6	7	8	9	Итого
1									10
10 западносибирских уездов	абс. %	76 9,2	71 4,2	82 3,9	106 4,7	117 6,4	112 7,1	86 7,8	650 5,7
Сургутский	абс. %	48 5,8	19 1,1	19 0,9	14 0,6	11 0,6	10 0,6	9 0,8	130 1,2
Томский	абс. %	27 3,2	17 1,0	18 0,9	18 0,8	12 0,7	6 0,4	5 0,5	103 0,9
Итого в Западной Сибири	абс. %	151 18,2	107 6,3	119 5,7	138 6,1	140 7,7	128 8,1	100 9,1	883 7,8
Мангазейский	абс. %	537 64,7	820 49,1	561 26,9	345 15,3	202 11,0	196 12,4	87 7,9	2748 24,2
Енисейский	абс. %	142 17,1	270 16,2	242 11,6	234 10,4	184 10,0	203 12,8	54 4,9	1329 11,7
Якутский	абс. %	—	461 27,6	1017 48,9	1303 57,8	963 52,5	547 34,5	361 32,9	4652 40,9
Илимский	абс. %	—	13 0,8	139 6,7	190 8,4	195 10,6	186 11,7	62 5,7	785 6,9

Продолжение табл. 13

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Итого в 4-х промысловых уездах	абс. %	679 81,8	1564 93,7	1959 94,1	2072 91,9	1544 84,1	1132 71,4	564 51,4	9514 83,8
Иркутский	абс. %	—	—	4 0,2	33 1,5	121 6,6	126 7,9	124 11,3	408 3,6
Нерчинский с Албазинским	абс. %	—	—	—	10 0,5	30 1,6	200 12,6	310 28,2	550 4,9
Итого в Забайкальских уездах	абс. %	—	—	4 0,2	43 2,0	151 8,2	326 20,5	434 39,5	958 8,4
Всего в Сибири	абс. %	830 100	1671 100	2082 100	2253 100	1835 100	1586 100	1098 100	11355 100

Добыто русскими соболями в Сибири в XVII в.
(тыс. штук)

Таблица 14

Район	2		3		4		5		6		7		8		9		10	
1																		
10 западносибирских уездов	абс.	7	2	3	10	10	15	20	20	67								
	%	0,9	0,2	0,3	1,5	2,1	4,1	14,4	1,5									
Сургутский	абс.	50	7	10	5	2	1	—	75									
	%	6,8	0,7	1,0	0,75	0,4	0,3	—	1,7									
Томский	абс.	40	12	18	8	5	2	—	85									
	%	5,4	1,3	1,8	1,2	1,1	0,5	—	1,95									
Итого в Западной Сибири	абс.	97	21	31	23	17	18	20	227									
	%	13,1	2,2	3,1	3,45	3,6	4,9	14,4	5,15									
Мангазейский	абс.	490	480	255	153	95	79	13	1565									
	%	66,5	49,2	25,3	22,9	20,3	21,4	9,3	35,9									
Енисейский	абс.	150	165	125	97	67	65	6	675									
	%	20,4	16,9	12,4	14,5	14,4	17,6	4,3	15,5									
Якутский	абс.	—	300	465	280	165	49	21	1280									
	%	—	30,7	46,2	41,9	35,3	13,3	15,1	29,3									

Продолжение таблицы 14

1	2		3		4		5		6		7		8		9		10	
Илимский	абс.	—	—	10	130	110	90	75	15	430								
	%	—	—	1,0	13,0	16,5	19,3	20,3	10,8	9,9								
В 4-х промысловых уездах	абс.	640	955	975	640	417	268	55	3950									
	%	86,9	97,8	96,9	95,8	89,3	72,6	39,5	90,6									
Иркутский	абс.	—	—	—	5	33	33	14	85									
	%	—	—	—	0,75	7,1	8,9	10,1	1,95									
Нерчинский с Албазиным	абс.	—	—	—	—	—	—	50	100									
	%	—	—	—	—	—	—	13,6	36,0	2,3								
Итого в Забайкальских уездах	абс.	—	—	—	5	33	83	64	185									
	%	—	—	—	0,75	7,1	22,5	46,1	4,25									
Всего в Сибири	абс.	737	976	1006	668	467	369	139	4362									
	%	100	100	100	100	100	100	100	100									

Таблица 15
ЦЕНА ДОБЫТЫХ РУССКИМИ В СИБИРИ В XVII В. СОВОЛЕИ
(тыс. руб.)

Район			2	1630		3	1631		4	1640		5	1650		6	1660		7	1670		8	1680		9	1690		Итого
	1																										
10 западносибирских уездов			абс. %	6 0,9	1 0,1	2 0,1	6 0,4	7 0,7													12 1,7	16 3,6				50 0,7	
Сургутский			абс. %	30 4,4	6 0,4	8 0,5	3 0,2	2 0,2													1 0,15	—	—			50 0,7	
Томский			абс. %	17 2,5	6 0,4	11 0,7	5 0,4	3 0,3													1 0,15	—	—			43 0,6	
Итого в Западной Сибири			абс. %	53 7,8	13 0,9	21 1,3	14 1,0	12 1,2													14 2,0	16 3,6				143 2,0	
Мангазейский			абс. %	500 73,2	770 53,5	490 30,4	270 19,0	130 13,4													106 15,1	21 7,4				2287 31,4	
Енисейский			абс. %	130 19,0	235 16,3	170 10,5	168 11,8	128 13,1													134 19,1	14 3,1				979 13,5	
Якутский			абс. %	—	415 28,8	810 50,2	800 56,4	485 49,8													144 20,5	74 16,7				2728 37,5	
Илимский			абс. %	—	7 0,5	122 7,6	160 11,3	150 15,4													130 18,6	30 6,8				599 8,2	

Продолжение табл. 15

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Итого в 4-х промысловых уездах	абс. %	630 92,2	1427 99,1	1592 98,7	1398 98,5	893 91,7	514 73,3	139 31,3	6593 90,6
Иркутский	абс. %	—	—	—	7 0,5	69 7,1	53 7,6	39 8,8	168 2,3
Нерчинский с Алдунским	абс. %	—	—	—	—	—	120 17,1	250 56,3	370 5,1
Итого в Забайкальских уездах	абс. %	—	—	—	7 0,5	69 7,1	173 24,7	289 65,1	538 7,4
Всего в Сибири	абс. %	683 100	1440 100	1613 100	1419 100	974 100	701 100	444 100	7274 100

**ДОСТАЛОСЬ РУССКИМ ЧАСТНЫМ ЛИЦАМ
СИБИРСКИХ СОВОБОЛЕЙ**
(тыс. штук)

Район	2	3	4	5	6	7	8	9	Итого
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
10 западно-сибирских уездов	абс.	6	2	3	9	9	13	18	60
	%	1,0	0,2	0,3	1,6	2,3	4,2	14,9	1,6
Сургутский	абс.	44	6	9	5	1	1	1	67
	%	6,9	0,7	1,1	0,9	0,3	0,3	0,8	1,8
Томский	абс.	35	11	16	7	5	2	—	76
	%	5,5	1,3	1,9	1,2	1,3	0,6	—	2,1
Итого в Западной Сибири	абс.	85	19	28	21	15	16	19	203
	%	13,4	2,2	3,3	3,7	3,9	5,1	15,7	5,5
Мангазейский	абс.	417	409	218	132	81	65	11	1333
	%	65,8	49,8	25,4	23,1	20,8	21,0	9,1	35,9
Енисейский	абс.	132	129	124	87	50	50	4	576
	%	20,8	15,7	14,5	15,2	12,8	16,2	3,3	15,5
Якутский	абс.	—	258	382	234	140	42	18	1074
	%	—	31,4	44,5	40,9	35,9	13,6	14,9	29,0

Продолжение табл. 16

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Илимский	абс.	—	7	105	93	75	62	12	354
	%	—	0,9	12,3	16,2	19,2	20,1	9,9	9,5
Итого в 4-х промысловых уездах	абс.	549	803	829	546	346	219	45	3337
	%	86,6	97,8	96,7	95,4	88,7	70,9	37,2	90,0
Иркутский	абс.	—	—	—	5	29	29	13	76
	%	—	—	—	0,9	7,4	9,4	10,8	2,15
Нерчинский с Албаинским	абс.	—	—	—	—	—	45	44	89
	%	—	—	—	—	—	14,6	36,3	2,4
Итого в Забайкальских уездах	абс.	—	—	—	5	29	74	57	165
	%	—	—	—	0,9	7,4	24,0	47,1	4,5
Всего в Сибири	абс.	634	822	857	572	390	309	121	3705
	%	100	100	100	100	100	100	100	100

Таблица 17
ЦЕНА ДОСТАВИВШИХСЯ РУССКИМ ЧАСТНЫМ ЛИЦАМ
СИБИРСКИХ СОБОЛЕЙ (тыс. руб.)

Район	2	3	4	5	6	7	8	9	Итого
1									
10 западносибирских уездов	абс. %	5 0,8	1 0,1	2 0,2	5 0,4	6 0,7	11 1,9	15 3,9	45 0,7
Сургутский	абс. %	27 4,6	5 0,4	7 0,5	3 0,25	1 0,1	1 0,2	1 0,3	45 0,7
Томский	абс. %	15 2,6	5 0,4	10 0,7	4 0,35	3 0,4	1 0,2	—	38 0,6
Итого в Западной Сибири	абс. %	47 8,0	11 0,9	19 1,4	12 1,0	10 1,2	13 2,3	16 4,2	128 2,0
Мангазейский	абс. %	426 72,4	655 54,2	417 30,6	233 19,3	111 13,6	87 14,8	18 4,6	1947 31,6
Енисейский	абс. %	115 19,6	183 15,1	169 12,4	150 12,4	96 11,8	102 17,3	9 2,3	824 13,4
Якутский	абс. %	—	356 29,4	659 48,3	670 55,6	413 50,6	125 21,2	64 16,5	2287 37,2
Илимский	абс. %	—	5 0,5	99 7,3	135 11,2	125 15,3	107 18,2	24 6,2	495 8,0

Продолжение табл. 17

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Итого в 4-х промысловых уездах	абс. %	541 92,0	1199 99,1	1344 98,6	1188 98,5	745 91,3	421 71,5	115 29,6	5553 90,2
Иркутский	абс. %	—	—	—	6 0,5	61 7,5	47 8,0	35 9,0	149 2,4
Нерчинский с Алзайским	абс. %	—	—	—	—	—	107 18,2	222 57,2	329 5,4
Итого в Забайкальских уездах	абс. %	—	—	—	6 0,5	61 7,5	154 26,2	257 66,2	478 7,8
Всего в Сибири	абс. %	588 100	1210 100	1363 100	1206 100	816 100	588 100	388 100	6159 100

Таблица 18
ДИНАМИКА ДОБЫЧИ СОБОЛЕЙ В СИБИРИ В XVII в.
(тыс. штук и тыс. руб.)

Годы	Всего добыто				Добыто русскими				Доставлено русским			
	абс.		цена		абс.		цена		абс.		цена	
	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
1621—1630	1037	830	100	737	71,7	683	82,3	634	61,1	588	70,8	
1631—1640	1308	1671	100	976	74,6	1440	86,2	822	62,8	1210	72,4	
1641—1650	1454	2082	100	1006	69,2	1613	77,5	857	58,9	1363	65,5	
1651—1660	1184	2253	100	668	56,4	1419	63,0	572	48,3	1206	53,5	
1661—1670	992	1835	100	467	47,1	974	53,1	390	39,3	816	44,5	
1671—1680	850	1586	100	369	43,4	701	44,2	309	36,4	588	37,1	
1681—1690	423	1098	100	139	32,9	444	40,4	121	28,6	388	35,3	
Итого	7248	11355	100	4362	60,2	7274	64,1	3705	51,1	6159	54,3	
В том числе в Мангазейском уезде												
1621—1630	525	537	100	490	93,3	500	93,1	417	79,4	426	79,3	
1631—1640	523	820	100	480	91,8	770	93,9	409	78,2	655	79,9	
1641—1650	301	561	100	255	84,7	490	87,3	218	72,4	417	74,3	
1651—1660	188	345	100	153	81,4	270	78,3	132	70,2	233	67,5	
1661—1670	131	202	100	95	72,5	130	64,4	81	61,7	111	55,0	
1671—1680	115	196	100	79	68,6	106	54,1	65	56,5	87	44,4	
1681—1690	35	87	100	13	37,1	21	24,1	11	31,4	18	20,7	
Итого	1818	2748	100	1565	86,1	2287	83,2	1333	73,4	1947	70,9	

Продолжение табл. 18

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
В Якутском уезде:											
1631—1640	326	461	100	300	92,0	415	90,0	258	79,1	356	77,2
1641—1650	578	1017	100	465	80,4	810	79,6	382	66,1	659	64,8
1651—1660	433	1303	100	280	64,7	800	61,4	234	54,0	670	51,4
1661—1670	326	963	100	165	50,6	485	50,4	140	42,9	413	42,9
1671—1680	173	547	100	49	28,3	144	26,3	42	24,3	125	22,9
1681—1690	92	361	100	21	22,8	74	20,5	18	19,6	64	17,7
Итого	1928	4652	100	1280	66,4	2728	58,6	1074	55,7	2287	49,2
В Енисейском уезде:											
1621—1630	169	142	100	150	88,8	130	91,5	132	78,1	115	81,0
1631—1640	201	270	100	165	82,1	235	87,0	129	64,5	183	67,8
1641—1650	189	242	100	125	66,1	170	70,2	124	65,6	169	69,8
1651—1660	155	234	100	97	62,6	168	71,8	87	56,1	150	64,1
1661—1670	117	184	100	67	57,3	128	69,6	50	42,7	96	52,3
1671—1680	123	203	100	65	52,8	134	66,0	50	40,7	102	50,2
1681—1690	31	54	100	6	19,4	14	25,9	4	12,8	9	16,7
Итого	985	1329	100	675	68,5	979	73,7	576	58,5	824	62,0
В Илимском уезде:											
1631—1640	16	13	100	10	62,5	7	53,8	7	43,8	5	38,5
1641—1650	147	139	100	130	88,4	122	87,8	105	71,4	99	71,2
1651—1660	130	190	100	110	84,6	160	84,2	93	71,5	135	71,1
1661—1670	115	195	100	90	78,3	150	76,9	75	65,2	125	64,1
1671—1680	103	186	100	75	72,8	130	69,9	62	60,2	107	57,5
1681—1690	31	62	100	15	48,4	30	48,4	12	38,7	24	38,7
Итого	542	785	100	430	79,3	599	76,3	354	65,3	495	63,1

щем ясачном обложении свободных промысловых мест в Сибири не было, поэтому неизбежными оказались столкновения на промыслах. Но и независимо от прямых столкновений соболинй промысел ясачного населения создавал для русских большие трудности, в устранении или ослаблении которых государство не было особенно заинтересовано.

Русское феодальное государство, понуждая ясачных к промыслу, само было в известной мере конкурентом промышленников¹⁰, правда, заинтересованным и в развитии русского частного промысла из-за десятинной пошлыны.

Данные таблиц 16 и 17 позволяют уточнить доли государства и частных лиц в распределении добытых соболей. С полным основанием старое мнение о львиной доле государства в сибирской пушнине¹¹ никем теперь не разделяется, однако нуждается в оговорке и мнение, что большая¹², основная¹³ часть сибирской пушныны попадала в руки купечества и промышленников. В 20—80-е годы XVII в. им досталось лишь несколько больше половины учтенных соболей. Хотя добыча частных лиц в таблицах преуменьшена, потому что какое-то количество соболей они скрывали от администрации, чтобы избежать уплаты десятинной пошлыны, между тем как вся казенная пушнина тщательно фиксировалась, все же государство за отмеченное время сумело прибрать к рукам немногим менее половины соболей, получаемых в качестве ясака, десятинной пошлыны, покупки и конфискации.

Динамика соболинго промысла в Сибири в 20—80-е годы отчетливее прослеживается по таблице 18. Наибольший удельный вес русского промысла и в количественном и в качественном отношении, как и бóльшая доля в распределении соболей, приходится на 30-е годы. В 40-е годы, несмотря на абсолютный рост, удельный вес русского промысла падал, с 50-х годов происходило и абсолютное и относительное со-

¹⁰ С. В. Бахрушин отмечает, что государство с самого начала протикновения в Сибирь было конкурентом частных предпринимателей. См. С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 143.

¹¹ Н. Н. Фирсов. Чтения по истории Сибири, вып. 1. М., 1921, стр. 68.

¹² В. А. Александров. Роль крупного купечества в организации пушных промыслов и пушной торговли на Енисее в XVII в. «Исторические записки», 1962, кн. 71, стр. 165. См. также В. А. Александров. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. М., 1964, стр. 224.

¹³ П. Н. Павлов. Вывоз пушныны из Сибири в XVII в. «Сибирь XVII—XVIII вв.», Новосибирск, 1962, стр. 134.

кращение, наконец с 60-х годов русские стали уступать коренному населению Сибири в абсолютной добыче соболей.

Неуклонное падение добычи соболей вызывалось сокращением соболинго поголовья, снижением средней добычи охотников и вследствие этого ослаблением притока поморских промышленников. Снижение средней добычи соболей до среднего уровня затрат на организацию охоты делало невозможным продолжение товарного промысла. Средняя добыча охотников стихийно регулировала передвижение промышленников в Сибири. Естественно, что они стремились в богатые ценным зверем районы.

В четырех промысловых уездах динамика русского соболинго промысла несколько отличается от общесибирской. Падение удельного веса русского промысла здесь было непрерывным после 20-х годов, несмотря на рост абсолютной добычи в 30-е и 40-е годы, и выражено резче — от 92,2 до 29,1%. Русские промышленники быстрее осваивали и переопромышляли наиболее богатые соболиные уголья и с падением рентабельности промысла покидали их, вернее сказать, сокращалось там число охотников. В противоположность русскому товарному промыслу принудительный промысел коренного населения не только не сокращался, но в продолжение нескольких десятилетий заметно нарастал, особенно в Якутии, в основном за счет увеличения числа плательщиков ясака. Набиравший силу аппарат феодального государства, не останавливаясь перед мерами прямого насилия, обеспечивал до предела ясачные поступления при сокращении общей добычи и поголовья соболей. Ясачная политика вела к истощению пушных богатств сибирских лесов, сводя на нет действие стихийного экономического регулирования промысла.

При внимательном рассмотрении динамики соболинго промысла в основном соболинго районе напрашивается сравнение двух пар уездов: Мангазейского с Якутским и Енисейского с Илимским.

Первые два за 70 лет почти поровну дали больше половины общесибирской добычи и около 2/3 соболей русского промысла, притом наиболее дорогих соболей, не считая забайкальских. Якутский уезд был несколько богаче соболями, но более редкими на его громадной территории. Бóльшая ценность якутских соболей при более или менее однотипных природных условиях уравнивала промысловые возможности охотников в обоих уездах. Оба уезда практически были бесхлебными. Существенным различием уездов можно считать бóль-

шую населенность Якутии коренными жителями¹⁴, добровольными или вынужденными охотниками за соболями. Заметное влияние на темпы развития русского промысла должно было оказать пространственное положение Якутии — ее удаленность от России, и не столько удлинением и удорожанием коммуникаций, сколько более поздним началом освоения.

Зависимость от времени присоединения к России проявилась в том, что пик высшей добычи как общего, так и русского промысла в Мангазейском уезде удален от начала промысловой охоты, по крайней мере, на два десятилетия¹⁵ и сглажен, растянут на 20-е и 30-е годы. В Якутском уезде пик добычи приходится уже на второе десятилетие промысла¹⁶ и резко выражен. Линии уровня добычи соболей в уездах между 30-ми и 40-ми годами перекрещиваются. Крутой спад добычи русских в Мангазейском уезде начался в четвертом, а в Якутском уезде во втором десятилетии промысла и привел к угасанию его в одно время — в 80-е годы. Таким образом в Мангазейском уезде русский соболинный промысел продолжался 9 десятилетий, в Якутском — 6, в полтора раза меньше. Вот почему по общей добыче соболей в количественном, а по русской добыче и в количественном и в качественном отношении Мангазейский уезд, располагая меньшими природными ресурсами, оказался впереди Якутии. До 1628 или скорее даже до 1636 г. (см. табл. 4 приложения) соболинный промысел в Мангазейском уезде велся в основном в пределах естественного прироста соболиного поголовья¹⁷. В Якутии такой период был много короче, до 1640—1642 г. (см. 6 и 7 табл. приложения). Хищнический промысел, т. е. промысел свыше естественного прироста поголовья соболей, в Мангазейском уезде занял 55—60 лет из 90, или 61—66% времени интенсивного промысла, в Якутском уезде — 50—55 лет из 60, или 83—91% времени интенсивного промысла.

¹⁴ Б. О. Долгих насчитывает в Мангазейском уезде 2504 ясачных плательщика, в Якутском уезде (без северо-востока Азии) — 11581. См. Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960, стр. 179, 548.

¹⁵ См. главу 1.

¹⁶ «Округление» начальной даты промысла в обоих уездах можно считать разностным.

¹⁷ В 1627 г. промышленные люди в приказе Казанского двора говорили, что с выходом в верховья Тунгуски десятичной пошлины «стало перед прежними годами прибыль» (РИБ, т. 2, СПб., 1975, стр. 851).

Специфика пушного промысла как присваивающей отрасли хозяйства такова, что без специального регулирования рост его продукции на определенном уровне вступает в обратную пропорциональную зависимость от роста его производительности и увеличения числа охотников. В Якутии промысел начался при избытке русских охотников, которые вполне освоились с сибирской природой, овладели навыками и техникой лова соболей, поэтому судьба якутского соболя оказалась более печальной, нежели мангазейского. Последнего хватило на более длительный срок. Ценный якутский соболь привлекал к себе внимание не только новых групп поморских промышленников, но и «старожилов» из других сибирских уездов. Илимский уезд был слишком слабым резервуаром для лишних на Енисее охотников, сравнительно невелика была его территория.

Енисейский и Илимский уезды составляли вторую пару промысловых уездов. Оба уездных центра располагались на главном сибирском водном пути. Там формировались ватаги и артели для промысла на местах и в соседних уездах. Крупные промышленники и торговцы скупали у местных крестьян хлеб, а многие рядовые промышленники летом работали в хозяйствах местных земледельцев в качестве срочных наемных работников. Из-за меньшей численности и ценности соболей промышленники меньше задерживались в этих уездах, поэтому, а также из-за лучших условий обитания зверя в более южных районах¹⁸, поголовье соболей там истреблялось медленнее.

Енисейский уезд в экономическом отношении был развитее Илимского, но это различие на пушном промысле отразилось слабо. В Илимском уезде промысел начался позднее, поэтому пик добычи выражен отчетливее, чем в Енисейском уезде. Линии уровня русского промысла, как и в северных уездах, перекрещиваются между 30-ми и 40-ми годами.

Колебания в уровне добычи соболей в каждом уезде наблюдаются не только по десятилетиям, но и по годам, однако они обычно вызывались частными причинами природного, экономического или политического характера (в основе своей тоже были закономерны) и не отражают общей закономерности развития промысла.

¹⁸ См. главу 3.

Из сравнения двух пар промысловых уездов видно, что в восточных районах соболиный промысел велся с большим перенапряжением. На енисейские уезды приходилось 38,7% добычи при 34% общесибирских запасов соболиного поголовья, на Якутский уезд — только 26,6% добычи при 37% запасов. Конечно, здесь сказывается более позднее начало якутского промысла, но это не нарушает общей закономерности повышения интенсивности промысла по мере продвижения с запада на восток. Достаточно убедительно об этом говорит процентное отношение удельного веса в общесибирской добыче к удельному весу соболиного поголовья: в Западной Сибири 139, в Мангазейском и Енисейском уездах 114 и в Якутском 72. Забайкальские уезды из-за несопоставимости времени промысла не показательны.

Неравномерное опромышление соболиных угодий в разных уездах вело не только к сокращению, но и к обесцениванию остававшегося поголовья соболей. Для большей убедительности можно сравнить еще общую добычу соболей в 40-е годы, после чего она повсеместно уменьшалась, с добычей 70-х годов, перед ограничением русского промысла. К концу сравниваемого периода добыча соболей составляла от начальной в Якутском уезде 29,9%, в Мангазейском уезде 38,2%, в Енисейском 65,6%, в Илимском 70,1%. Быстрее всего истреблялись самые ценные соболи. Объективно получалось так, что бережнее расходовались запасы наименее ценных соболей. В Западной Сибири добыча 70-х годов составляла 87,7% от уровня 40-х годов. Якутские соболи, ценившиеся в среднем в 4,5 раза по «разборной» и в 2—3 раза по рыночной цене выше западносибирских, в 3 раза быстрее истреблялись.

Таковы неизбежные в тех условиях издержки соболиного промысла. При ограниченности и доступности природных ресурсов добычливый промысел мог поддерживаться на высоком уровне только при его регулировании. Правительство не могло и по фискальным соображениям не хотело серьезно этим заниматься. В результате только за 70 лет, с 20-х по 80-е годы XVII в., в Сибири недополучили против возможного около 2 млн. соболей, если считать, что промысел велся бы на уровне 75% высшей добычи, т. е. в пределах естественного прироста.

Запрещение в основном промысловом районе русского соболиного промысла в середине 80-х годов застало его уже в состоянии кризиса. С падением добычи охота на соболей все слабее привлекала промышленников из Поморья. В 70-е го-

ды расцвет русского соболиного промысла закончился. Каковы же его результаты?

Самым непосредственным результатом была огромная по тем временам ценность соболиных мехов, поступавших на русские и зарубежные рынки. Другим столь же непосредственным результатом было создание постоянного русского промыслового населения и подготовка к комплексному освоению пушных богатств Сибири. Переход от соболиного промысла к развитому промыслу других пушных зверей составляет второй этап русского пушного промысла первого периода истории Сибири феодальной эпохи, концом которого считаются 20-е годы XVIII в.

2. Переход к интенсивному промыслу несоболиной пушнины

Русские охотились на всех пушных зверей с первых шагов промыслового движения в Сибирь. В третьей главе были сделаны приблизительные расчеты минимально возможной для XVII в. ежегодной общей добычи несоболиной пушнины. Количественно и в денежном выражении по московской оценке в процентах к возможной добыче соболей это выглядит следующим образом:

Пушные звери	Возможная добыча	
	Количество, тыс. штук	Цена, в % к цене соболей
Соболи	200	100
Бобры	4—5	3
Лисицы	20	5
Белки	2000	10
Песцы	50	3
Горностаи	200	3

Вместе с куницами, выдрами, росомахами, рысями, волками, зайцами и другими зверями при более оптимальной оценке несоболиная пушнина могла бы составить до трети (если не больше) стоимости всей продукции общесибирского пушного промысла. Как же использовались эти запасы?

Динамику промысла несоболиной пушнины удобнее проследить по отдельным зверям, насколько позволяют выборочные данные, главным образом, о поступлении их в казну за 90 лет с 1627 по 1717 г.

ПОСТУПЛЕНИЕ БОБРОВ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ
КАЗНУ В XVII в.¹

Уезд	Сбор	1627	1647	1664	1675	1685	1699	1717
Верхотурский	ясачный	82	47	24	79	82	95	2
Пельмский	»	18	9	1	4	5	46	4
Туранский	»	105	48	5	25	41	61	6
Тюменский	десятин.	67	1	—	—	—	—	—
Тарский	ясачный	144	48	1	18	18	—	14
»	»	—	344	239	236	688	524	524
Тобольский	десятин.	—	—	—	—	—	1	—
»	ясачный	265	90	?	36	28	384	61
»	десятин.	—	—	—	—	—	2	—
Березовский	ясачный	228	157	68	51	46	13	21
Сургутский	»	466	213	23	22	18	10	5
Нарьмский	»	78	48	40	15	39	115	31
Кетский	»	93	5	17	14	8	4	5
Томский	»	260	36	186	186	153	89	18
»	десятин.	—	—	—	—	—	2	—
Кузнецкий	ясачный	78	3	27	19	44	22	34
Красноярский	»	—	11	21	35	33	82	66
»	десятин.	—	1	—	—	—	—	—
Запад. Сибирь	всего абс.	1884	1061	652	740	1203	1450	791
	%	92,9	90,0	91,3	94,0	96,3	99,9	91,6

Продолжение табл. 19

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Мангазейский	ясачный	121	18	24	31	9	—	—
»	десятин.	4	9	—	2	—	—	—
Енисейский	ясачный	19	18	29	9	37	2	—
»	десятин.	—	3	8	—	—	—	—
Илимский	ясачный	—	—	—	2	—	—	—
Якутский	»	—	69	—	—	—	—	—
»	десятин.	—	1	—	—	—	—	—
Иркутский	ясачный	—	—	1	3	—	—	—
Нерчинский	»	—	—	—	—	—	—	—
Камчатка	»	—	—	—	—	—	—	73
всего абс.		144	118	62	47	46	2	73
%		7,1	10,0	8,7	6,0	3,7	0,1	8,4
Вост. Сибирь								
Вся Сибирь	всего	2028	1179	714	787	1249	1452	864

¹ См. сноску к табл. 20.

**ПОСТУПЛЕНИЕ ЛИСИЦ
В ГОСУДАРСТВЕННУЮ КАЗНУ В XVII в.¹**

Уезд	Сбор	1627	1647	1664	1675	1685	1699	1717
Верхотурский	ясачный	92	342	50	93	167	105	15
Пельмский	десятин.	—	—	—	—	—	21	34
Туринский	ясачный	26	114	23	48	38	41	31
Тюменский	»	142	169	43	78	70	28	24
Тарский	»	356	135	265	249	249	131	268
»	»	202	214	515	191	251	290	290
Тобольский	десятин.	—	—	—	—	—	10	—
»	ясачный	73	1653	86	1257	1257	733	279
Березовский	десятин.	—	—	—	—	—	186	—
»	ясачный	306	810	630	420	636	321	279
Сургутский	десятин.	—	—	—	—	—	1	—
»	ясачный	146	495	645	429	418	283	351
Нарымский	десятин.	—	—	—	—	—	19	—
Кетский	ясачный	25	42	3	86	137	112	133
Томский	»	6	14	22	61	70	55	18
»	»	15	20	65	65	386	213	209
»	десятин.	—	—	—	—	—	26	—
Кузнецкий	ясачный	—	21	20	32	78	40	147

Продолжение табл. 20

Уезд	Сбор	1627	1647	1664	1675	1685	1699	1717
Красноярский	ясачный	—	3	234	94	496	383	884
Западн. Сибирь	всего абс.	1389	4042	2601	3103	4253	2998	2962
»	%	100	91,3	41,2	51,3	45,7	32,0	26,3
Мангазейский	ясачный	—	—	—	—	96	338	347
»	десятин.	—	4	—	—	3	6	—
Енисейский	ясачный	—	35	127	38	442	959	189
»	десятин.	—	—	5	—	2	—	—
Илимский	ясачный	—	—	2	41	208	148	46
»	десятин.	—	—	—	—	—	15	—
Якутский	ясачный	—	393	3569	2858	4132	4179	3324
»	десятин.	—	3	6	6	18	—	27
Иркутский	ясачный	—	—	3	4	37	165	990
Нерчинский	»	—	—	2	—	108	572	2255
Албазинский	»	—	—	—	1	—	—	—
Камчатка	»	—	—	—	—	—	—	1116
Вост. Сибирь	всего абс.	—	435	3714	2948	5046	6382	8294
»	%	—	8,7	58,8	48,7	54,3	68,0	73,7
Вся Сибирь	всего	1389	4477	6315	6051	9299	9380	11256

¹ ЦГАДА, СП, стлб. 20, лл. 1—263, кн. 238, лл. 1—335, кн. 310, лл. 28—31, кн. 154, лл. 49—49 об., стлб. 504, лл. 172—175, 212, кн. 360, лл. 93 об.—95, 124, стлб. 532, лл. 27, 508—514, стлб. 685, ч. 1, лл. 3—57, 70—163, кн. 543, лл. 57—95 об., 333—362; ААН, кн. 21, оп. 4, кн. 24, лл. 109, 111, 113 об.; ЦГАДА, СП, кн. 627, лл. 87, 90, 444; ЛОИИ, ЯА, карт. 1, д. 87, лл. 75—77; СП, кн. 592, лл. 54—66, 113—120, 145—147, 164—197, 216—221 об., 258 об. — 264, 274—306, стлб. 635, лл. 21—25, 187—192, кн. 590, лл. 18—28, 47 об. — 48, 442—444, 582—610, кн. 594, лл. 497, кн. 612, лл. 192—204; ЛОИИ, ЯА, карт. 28, стлб. 4, л. 59, карт. 27, стлб. 1, лл. 1—41; ЦГАДА, ЯПИ, оп. 4, д. 1122, лл. 2—32; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 31, лл. 290—292, кн. 24, лл. 53—54, 114; ЦГАДА, СП, стлб. 978, лл. 6—11, 19—24, 44—47, 60—63, 73, стлб. 972, лл. 8—14, 18—21, 25—35, 42—46, 72—97, 123—145; ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 6, лл. 264 об. — 265 об., кн. 24, лл. 239 об. — 245, кн. 25, л. 76, кн. 32, лл. 58 об.—72; ЦГАДА, СП, кн. 833, лл. 231—234, кн. 817, лл. 217—242, стлб. 976, лл. 2—8, 10—24, кн. 782, лл. 109—121; РИБ, т. 8, СПб., 1884, стр. 689—888; ЦГАДА, СП, оп. 5, д. 2319, лл. 3—6 об., д. 2334, лл. 10—11, д. 2340, лл. 1—10,

д. 2342, лл. 31—32 об., д. 2337, лл. 1—17, д. 2332, лл. 1—15, д. 2326, лл. 9—10, д. 2341, лл. 4—38, д. 2329, лл. 12—55, д. 2321, лл. 6 об.—10, д. 2328, лл. 4—20, д. 2323, лл. 16 об.—18 об., д. 2345, лл. 74—84, д. 2324, лл. 6 об.—33 об., д. 2333, лл. 1—25; Памятник сибирской истории XVIII века, т. 2, СПб., 1885, стр. 263.

В таблицах 19—26 по некоторым уездам приведены данные за другие годы: на 1647 г. по Томскому уезду взяты данные за 1642 г.; на 1664 г. по Тобольскому, Нарымскому и Кетскому уездам взяты данные за 1657 г., по Томскому и Кузнецкому — за 1658 г.; на 1675 г. по Тюменскому уезду взяты данные за 1677 г., по Нарымскому, Кетскому и Кузнецкому — за 1673 г., по Томскому — за 1658 г.; на 1685 г. по Тюменскому уезду приведены данные за 1677 г., по Тобольскому — за 1675 г., по Якутскому — за 1683 г.; на 1717 г. по Тарскому уезду приведены данные за 1699 г. Опережение присылки ясака не оговаривается. Так, например, по Целинскому, Туринскому и Тюменскому уездам ясачный сбор 1648 г. в таблицах значится под 1647 г.; под этим же годом значится ясачный сбор 1646 г. по Якутскому уезду. Здесь небольшая неточность оправдывается сопоставимостью данных, в частности, цен.

Промысел бобров. По естественным запасам бобры в Сибири в XVII в. делили с песцами и горностаями 4,5 и 6 места, а по интенсивности промысла занимали второе место после соболей.

Судя по казенным сборам (см. табл. 19), добыча бобров в Сибири достигла максимума в 20-е годы XVII в., когда ясачком было обложено население почти всех территорий, на которых обитали эти звери. В 1613 г. в Казанском дворце, ведавшем тогда Сибирью, числилось 1584 бобра¹⁹. Минимальная добыча приходится (из учтенных лет) на 60-е годы.

Резкие колебания ясачного сбора в отдельных уездах и выборочный характер данных не позволяют выявить причины упадка ясачного бобрового промысла в 40—70-е годы и заметного подъема в 80—90-е годы. Можно лишь предполагать, что в середине века проявилось сокращение поголовья бобров и увеличились трудности их добычи, а в последние десятилетия XVII в. в связи с резким падением соболиного промысла стали усиленно добывать бобров сверх их естественного прироста, что привело к последующему снижению добычи. Высокий ясачный сбор в 1757 г. (3878 штук) и в 1660 г. (1803 штуки) не показателен, потому что ясачные люди могли купить бобров у русских купцов, привозивших их из Европейской России²⁰. Кроме того, в XVIII в. территория Сибири расширилась по сравнению с XVII в.

Частный промысел бобров производился уже в XVI в. В 1598 г. в Пелымском уезде у торговых людей в десятинную пошлину взяли 41 бобра и 32 бобровые черевеси (черева, брюшные части шкурки)²¹, что предполагает покупку ими свыше 400 бобров. В 1609 г. у торговых, промышленных и гулящих людей, ехавших в Россию из Тобольска и Тюмени, в числе товаров было 99 бобров и 48 бобровых черевесей²². В 1632 г. через Березов вывезли 502 бобра, в том числе 411 из Сургута и 18 из Красноярска, и 3 бобровых шубы²³. В Сургуте с 1 сентября 1635 по 16 июня 1636 г. было продано 355 бобров всех размеров, в 1655/56 г. 42, в 1661/62 г. 59, в 1668/69 г. 4 бобра, в 1686/87 г. и 1694/95 г. бобров в продаже

¹⁹ РИБ, т. 9, СПб., 1884, стр. 21—37.

²⁰ См. табл. 3 и 4, гл. 2.

²¹ Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. 2. М.—Л., 1941, приложения, стр. 151.

²² АЮБ, т. 3, СПб., 1884, стр. 74—77.

²³ ЦГАДА, СП, оп. 5, д. 14, лл. 3—38 об.

²⁴ Там же, СП, кн. 75, лл. 943—981 об.

совсем не было²⁵. Из Томска в 1652 г. вывезли 1226 бобров, в 1670 г. 73 бобра томской и 62 бобра кузнецкой покупки, в 1675 г. 202 бобра, в том числе 183 бобра томской покупки²⁶.

Данные о частном промысле бобров слишком отрывочны, чтобы судить о его динамике. Для Западной Сибири приходится предполагать частную добычу пропорциональной ясачному сбору в отношении 1,5:1. В Восточной Сибири бобров было мало, но частный промысел велся интенсивнее, поэтому до середины XVII в. это отношение было не меньше, чем 2:1, а к концу века, когда бобры были выбиты, едва ли составило 1:1. Учитывая, что на тобольский, томский и другие рынки Западной Сибири бобры поступали как от русских, так и от местных жителей, можно считать, что в добыче бобров в Сибири коренное население не уступало русским.

Промысел лисиц. По естественным запасам лисицы занимали третье место после соболей и белок, а по интенсивности промысла — после соболей и бобров. Лисицы в природе рассредоточены относительно равномернее, чем соболи и особенно бобры. Эти звери водились во всех уездах.

Правительство вначале неохотно принимало лисиц в ясак. В 1613 г. из Казанского дворца в Казенный приказ поступило всего 750 лисьих шкур, не считая купленных в Ярославле²⁷. Затем, как видно из таблицы 20, поступления лисиц в общесибирском масштабе возрастали с 1389 в 1627 до 10 140 (без камчатских) в 1717 г. и до 20 960 в 1757 г. и 16 686 в 1760 г.²⁸. Впрочем, рост ясачных поступлений лисиц в значительной мере связан с расширением территории русской Сибири и увеличением естественных запасов зверей.

При всех колебаниях ясачного сбора лисиц по уездам заметен резкий скачок между 20-ми и 40-ми годами в Западной Сибири и между 40-ми и 60-ми годами в Якутии, после чего положение там более или менее стабилизировалось. Только с конца XVII в. начался массовый промысел лисиц в ясак в Мангазейском, Илимском, Иркутском и Нерчинском уездах и увеличился прием в Енисейском уезде. За счет этих уездов и с начала XVIII в. еще и Камчатки происходило увеличение

притока лисиц в казну. За исключением Тобольского уезда, в котором незначительный ясачный сбор лисиц в 1627 и 1664 гг. необъясним, если не допустить изъятия в источниках²⁹, динамика принудительного промысла лисиц в разных уездах закономерна. В западных уездах Западной Сибири высшая добыча лисиц приходится на 20-е или 40-е годы, после чего заметен значительный спад, возможно, связанный в ряде мест с перепромыслом. В южном Тарском и более восточном Сургутском уездах высшая добыча приходится на 60-е годы. В Нарымском, Кетском и Томском уездах больше всего лисиц поступило в ясак в 80-е годы, а в самых восточных Кузнецком и Красноярском — только в начале XVIII в. В Восточной Сибири более или менее полное опромышление лисиц с середины XVII в. можно предполагать только в Якутии и в конце века в Илимском и Енисейском уездах³⁰.

О частном промысле лисиц в Западной Сибири можно судить по количеству их на тобольском рынке, где в 1639/40 г. было в продаже 412 всяких лисиц, в 1655/56 г. 731, в 1661/62 г. 236, в 1668/69 г. 293, в 1686/87 г. 280, в 1694/95 г. 416 лисиц³¹. Большой десятинный сбор (186) лисиц в Тобольске в 1699 г. не дает оснований говорить об усилении охоты на этих зверей, потому что с конца XVII в. увеличивался ввоз в Сибирь лисьих мехов из Европейской России. Березовская таможенная книга 1632 г. зарегистрировала всего 200 лисиц, привезенных большей частью из Сургута³². В Сургуте в 1636 г. в продаже было 138 лисиц³³. Значительно больше лисьих мехов проходило через Томск: в 1652 г. из Томска вывезли 1684 г. — свыше 1653 г. — 1356 лисиц, в 1675 г. 456, в июне 1684 г. — свыше 400 лисиц³⁴. Мало лисиц добывали в Кузнецком и Красноярском уездах: в 1706 г. из Кузнецка с февраля по сентябрь было вывезено 20 лисиц, а в Красноярске с сентября 1698 по ав-

²⁹ В 1629 г. в Тобольске было взято в ясак 276 лисиц, в 1630 г. 524 лисицы (ЦГАДА, СП, кн. 19, лл. 415—426, кн. 22, лл. 303—400 об.).

³⁰ В Енисейском уезде в 1708 г. поступило в ясак 478 лисиц, в 1713 г. 665 лисиц. (Там же, оп. 5, д. 1288, лл. 8 об.—9; д. 2236, лл. 1—4 об.).

³¹ О. Н. Вилков. Указ. соч., стр. 231. (Вместе с привезенными из других уездов соответственно 2697, 2005, 748, 1032, 1867 и 2791 лисица. (Там же, стр. 291).)

³² ЦГАДА, СП, оп. 5, д. 14, лл. 3—38 об.

³³ Там же, кн. 75, лл. 943—981 об.

³⁴ Г. Н. Потанин. Указ. соч., стр. 134—143; ЦГАДА, СП, кн. 594, лл. 383 об.—468, кн. 810, лл. 41—51.

²⁵ О. Н. Вилков. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М., 1967, стр. 230. Здесь учитывается только привоз из Тобольского уезда.

²⁶ Г. Н. Потанин. Привоз и вывоз товаров города Томска в половине XVII столетия. «Вестник РГО». СПб., 1859, № 12, стр. 134; ЦГАДА, СП, кн. 594, лл. 304 об.—331 об., 429 об.—468.

²⁷ РИБ, т. 9, стр. 20—42.

²⁸ См. табл. 4, гл. 2.

густ 1699 г. в продаже оказалось всего 4 лисицы³⁵. В целом в Западной Сибири частный товарный промысел лисиц едва ли уступал принудительному ясачному, при этом значительно больше половины всех лисьих мехов добыли коренные жители, которые поставляли пушнину не только в казну, но и на рынки. Например, в Томск в 1652 г. было привезено 686 лисиц с «колмацкого торгу». Все же удельный вес русских в лисьем промысле был выше, чем в соболином.

Иначе обстояло дело в Восточной Сибири, где долгое время на лисиц специально мало охотились, добывая их обычно попутно. В Мангазейском уезде в XVII в. русские добывали ежегодно всего от нескольких штук до нескольких десятков лисиц. В 1629 г., например, таможи регистрировали 8 промышленных и 15 перекупных лисиц, в 1636 г. — 35 промышленных лисиц, и только к концу века добыча несколько увеличилась: в 1697 г. у русских было зарегистрировано 173 лисицы³⁶. Впрочем, там и естественные запасы зверей были невелики³⁷. На таком же уровне была добыча лисиц в Енисейском уезде, где русские промышленники и купцы охотнее покупали лисиц мелкими партиями у местных крестьян и ясачных людей. Так, в 1637 г. в енисейскую таможенную было явлено 47 промышленных и 179 перекупных лисиц³⁸. В 1705 г. из Енисейска вывезли в разные города всего 15 лисиц³⁹. Казалось бы, можно ожидать крупного промысла в богатой этим зверем Якутии, где ежегодно в ясак поступали тысячи лисьих шкур. Однако это произошло много позднее. В якутскую таможенную русские промышленники явили в 1640 г. 114 лисиц, в 1642 г. 58, в 1643 г. 81, в том же году в продаже в Якутске было 76 лисиц, в 1644 г. было явлено в таможенную 27, в 1646 г. 44, в 1648 г. 109, в 1651 г. 62, в 1654 г. 59, в 1657 г. 5, в 1659 г. 4, в 1660 г. 57, в 1664 г. 11, в 1668 г. 31, в 1672 г. 84, в 1675 г. 25, в 1679 г. ни одной, в 1683 г. 78, в 1687 г. 75, в 1691 г. 10, в 1694 г. 75, в 1695 г. 35, в 1697 г. 268 (в том числе 117 с Ко-

³⁵ ЦГАДА, СП, оп. 5, д. 887, лл. 2 об. — 15 об., д. 399, лл. 3 — 102.

³⁶ Там же, кн. 19, лл. 55 — 330, кн. 82, лл. 132 — 165 об., кн. 84, лл. 1 — 95, кн. 1140, лл. 116 — 191.

³⁷ В Мангазейском уезде (Туруханском крае) в XIX в. лисиц добывали мало: в 1831 г. всего 260 штук, в конце 1860-х годов 400 лисиц (А. П. Степанов. Енисейская губерния, ч. 1. СПб., 1835, стр. 247 — 248; П. И. Третьяков. Туруханский край, его природа и жители. СПб., 1871, стр. 285).

³⁸ ЦГАДА, СП, кн. 145, лл. 786 — 863.

³⁹ Там же, оп. 5, д. 799, лл. 39 — 87 об., д. 800, лл. 13 — 35.

лымы), в 1704 г. 1720⁴⁰. Определенное количество лисиц, добываемых русскими, не говоря уже о частном промысле коренного населения, здесь не учтено. Однако совершенно очевидно, что специальный частный промысел лисиц в Якутии начался только на рубеже XVII и XVIII вв., да и в это время еще не сравнялся по уровню с принудительным ясачным промыслом. Частный промысел лисиц в Сибири и в середине XVIII в. (см. табл. 3 и 4) уступал место ясачным сборам. Почти полное невнимание к лисицам в XVII в. и резкое возрастание лисьего частного промысла с конца XVII в. отличают Восточную Сибирь от Западной.

Допуская до конца XVII в. пропорциональное отношение частного промысла лисиц к ясачному, его можно принять для Западной Сибири как 1:1, а для всей Сибири как 0,5:1. На долю русских промышленников приходилось меньше четверти общей добычи этих зверей. С конца XVII в. это отношение стало заметно изменяться в пользу частного вообще и русского в особенности лисьего промысла.

Промысел белок. По ценности общих естественных запасов белки занимали в Сибири второе место после соболей, но эти запасы в большинстве районов до конца XVII в. почти не использовались. Как видно из табл. 21, к востоку от Сургута белок в ясак не принимали. Нарымский беличий ясак 1627 г. является исключением. В Мангазейском, Енисейском, Илимском, Иркутском уездах белок в ясак стали принимать только в конце XVII в., в Нарымском, Томском, Кузнецком, Красноярском, Нерчинском — в первых десятилетиях XVIII в., а в Кетском и Якутском уездах их не брали еще в 1717 г. Это объясняется как большей ценностью в XVII в. западносибирских белок, так и возможностью брать ясак более ценной пуш-

⁴⁰ ЦГАДА, ЯПИ, оп. 4, д. 9, лл. 2 — 145, д. 12, лл. 14 — 99 об., д. 60, лл. 2 — 41, д. 62, лл. 397 — 513; д. 92, лл. 1 об. — 277 об., д. 116, лл. 19 — 24, д. 117, лл. 53 — 70, д. 123, лл. 2 — 136, д. 182, лл. 3 — 134, д. 184, лл. 1 — 23, д. 269, лл. 2 — 143, д. 270, лл. 2 и след., д. 410, лл. 4 — 56, д. 502, лл. 3 — 66, д. 592, лл. 56 — 116, д. 648, лл. 91 об. — 132, д. 699, лл. 72 об. — 183, д. 831, лл. 41 — 86, д. 950, лл. 53 — 82, д. 1048, лл. 26 — 48 об., д. 1116, лл. 30 об. — д. 950, лл. 53 — 82, д. 1048, лл. 26 — 48 об., д. 1116, лл. 30 об. — 58 об., д. 1235, лл. 25 — 38, д. 1316, лл. 22 — 31, д. 1428, лл. 2 — 12 об., д. 1559, лл. 2 — 5 об., д. 1636, лл. 2 — 10, об.; СП, кн. 1168, лл. 19 — 36 об.; ЯПИ, оп. 4, д. 1698, лл. 19 — 32, д. 1923, лл. 2 — 24.

Поступление Белок в Государственную Казну
в XVII в.

Таблица 21

Уезд	Сбор	1627	1647	1664	1675	1685	1699	1717
Верхотурский	Ясачный	230	3772	4849	536	774	12187	2480
Пелымский	»	11000	19744	5575	—	125	8714	6000
Туринский	»	60	832	4000	130	690	1830	2680
Тюменский	»	8930	12595	5111	1381	1381	520	2258
Тарский	»	8000	30	80	—	—	—	—
Тобольский	»	3950	18531	16334	4650	4650	12594	744
Березовский	десятиин.	—	—	—	—	—	9452	500
»	ясачный	77831	55418	39088	19592	21528	15007	17687
Сургутский	десятиин.	—	—	—	—	—	5120	—
»	ясачный	1277	6871	41174	3712	7440	2106	12649
Нарымский	десятиин.	—	—	—	—	—	340	—
»	ясачный	1100	—	—	—	—	—	2791
Кетский	»	—	—	—	—	—	460	—
Томский	»	—	—	—	—	—	600	—
»	ясачный	—	—	—	—	—	—	15725
Кузнецкий	десятиин.	—	—	—	—	—	4335	276
Красноярский	ясачный	—	—	—	—	—	—	3304
»	»	—	—	—	—	—	—	629
Запад. Сибирь	абс.	112378	117793	116211	30001	36588	73265	67723
всего	%	100	100	100	100	100	65,7	49,1

Продолжение табл. 21

Уезд	Сбор	1627	1647	1664	1675	1685	1699	1717
Мангазейский	ясачный	—	—	—	—	—	640	6297
»	десятиин.	—	—	—	—	—	2305	—
Енисейский	ясачный	—	—	—	—	—	21987	7400
»	десятиин.	—	—	—	—	—	400	—
Илимский	ясачный	—	—	—	—	—	4090	16832
»	десятиин.	—	—	—	—	—	3091	—
Якутский	куплено	—	—	—	—	—	—	9508
»	десятиин.	—	—	—	—	—	3200	2286
Иркутский	ясачный	—	—	—	—	—	1807	1390
»	куплено	—	—	—	—	—	—	24000
»	десятиин.	—	—	—	—	—	—	2400
Нерчинский	ясачный	—	—	—	—	—	—	220
Вост. Сибирь	абс.	—	—	—	—	—	38330	70333
всего	%	—	—	—	—	—	34,3	50,9
Вся Сибирь	всего	112378	117793	116211	30001	36588	111595	138056

1 См. сноску к табл. 20

ниной⁴¹, что особенно наглядно видно на примере Якутии, где в 1717 г. купили в казну 9,5 тыс. белок, но отказывались принимать их в ясак, и Иркутского уезда, где ясачный сбор (1,4 тыс.) в 17 раз уступал покупке (24 тыс.). Однако в дальнейшем правительство было вынуждено снять ограничения на белок, так что в середине XVIII в. они заняли заметное место в составе ясака. В 1757 г. 475 тыс. белок составили по оценке 10% всего ясачного сбора (см. табл. 4).

Численность белок в природе резко колеблется по годам, неодинаковой была заинтересованность государства в беличьей мехе, поэтому при выборочном характере данных динамику ясачного беличьего промысла проследить трудно. Нет ни одного уезда, по которому не было бы резких колебаний числа белок в составе ясака. Впрочем, эти колебания остаются резкими и при более коротких сравниваемых периодах. В Березовском уезде, например, в ясак поступило в 1626 г. 39528 белок, в 1627 г. 77831, в 1629 г. 112775, в 1630 г. 96646, в 1632 г. 17307, в 1634 г. 61561, в 1637 г. 40111, в 1638 г. 38022, в 1639 г. 34321, в 1647 г. 55418, в 1654 г. 27223, в Пелымском уезде в 1627 г. 11000, в 1629 г. 12510, в 1634 г. 14020, в 1642 г. 3175, в 1648 г. 19744, в 1654 г. 642, в Тюменском уезде в 1627 г. 8930, в 1629 г. 8887, в 1634 г. 17427, в 1642 г. 14123, в 1648 г. 12595, в 1654 г. 7114 белок, в Сургутском уезде в 1627 г. 1277, в 1629 г. 7192, в 1630 г. 3540, в 1641 г. 5049, в 1647 г. 6871, в 1654 г. 7084 белки⁴². Суммарно в западносибирских уездах, по Сургутский включительно, наибольшее количество белок в ясак приняли в 20—60-е годы, в 1675 и 1685 гг. количество ясачных белок там сократилось в 3—4 раза, в конце XVII — начале XVIII в. ясачных белок стало больше, но они не составили и половины того, что давали ясачные люди в 20—60-е годы. Восточносибирские белки в казенных сборах появились поздно, но сразу в большом числе. В 1699 г. они составили 35% беличьего ясака и 34,3% всех поступлений белок, в 1717 г. их доля в ясаке сократилась до 30,2%, зато в общем сборе поднялась до 50,9%. В Якутии бе-

⁴¹ Березовский воевода М. Белосельский объяснял, что в 1629 г. ясачные люди «белок в соболей место платили больше потому, что в нынешнем 137-м году лешня была худая» (ЦГАДА, СП, кн. 19, л. 728 об.). То же самое повторилось в 1630 г. (Там же, кн. 22, лл. 680—680 об.).

⁴² ЦГАДА, СП, стлб. 20, кн. 19, 22, 34, 57, 95, стлб. 73, кн. 127, 143, 238, 310.

лок в ясак стали принимать очень поздно: еще в 1732 г. было принято всего 100 беличьих шкурок⁴³.

Слабо развит был в XVII в. частный промысел белок. На тобольский рынок из Тобольского уезда в 1639/40 г. поступило 3508 белок, в 1655/56 г. 25500, в 1661/62 г. 37005, в 1668/69 г. 21870, в 1686/87 г. 37800, в 1694/95 г. 23400 белок⁴⁴. Из Березова в 1632 г. вывезли всего 560 белок⁴⁵. В Сургуте в 1636 г. было продано 2515 белок⁴⁶. Из Томска в 1675 г. вывезли 3030 штук⁴⁷. Это меньше ясачного сбора 8 западных уездов. Только в самом конце XVII в., судя по большим десятинным сборам 1699 г. в Тобольске, Березове и Томске, частный товарный промысел белок в Западной Сибири оставил позади себя принудительный ясачный промысел. Белок стали добывать в тех районах, где в ясак их еще не принимали. В 1699 г. из Красноярска вывезли их 7750 штук⁴⁸.

В Восточной Сибири до конца XVII в. почти не было беличьего товарного промысла. В таможенных книгах Мангазейского, Енисейского, Якутского и Илимского уездов белки встречаются редко и в ничтожно малых количествах. В Мангазейском уезде, например, в 1629 г. была взята десятинная пошлина (деньгами) с 20 промышленных и 40 перекупных белок, в 1630 г. — с 310 промышленных, в 1637 г. — с 440 промышленных белок⁴⁹. В 1678 г. из Туруханска было вывезено 760 белок⁵⁰. В Якутске в 1643 г. в продаже не было ни одной белки⁵¹. Специальная охота на белок в Восточной Сибири началась только после резкого ограничения соболиного промысла. В Мангазейском уезде в 1697 г. русские добыли 12670 белок, в Енисейском уезде в 1705 г. — 17063 белки, в Якутске в 1694 г. русские привезли из разных зимовий 34600

⁴³ Там же, оп. 5, д. 2554, л. 67 об.

⁴⁴ О. Н. Вилков. Указ. соч., стр. 233. Из других уездов белок поступало еще меньше. (Там же, стр. 291).

⁴⁵ ЦГАДА, СП, оп. 5, д. 14, лл. 3—38 об.

⁴⁶ Там же, кн. 75, лл. 943—981 об.

⁴⁷ Там же, кн. 594, лл. 383 об.—468.

⁴⁸ Там же, оп. 5, д. 399, лл. 3—98 об.

⁴⁹ Там же, кн. 19, лл. 55—330, кн. 82, лл. 132—165, кн. 84, лл. 1—95, 194—236.

⁵⁰ В. А. Александров. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в., стр. 279.

⁵¹ ЦГАДА, ЯПИ, оп. 4, д. 92, лл. 1 об.—277 об. Однако из этого не следует, что в Якутии белок совсем не добывали. В 1640 г. у Парфена Ходырева на Оленке в составе полученной от ясачных людей пушнины было 420 белок. (Там же, д. 20, л. 23), в 1687 г. служилые люди привезли с Вилюя 1550 белок. (Там же, д. 1427, лл. 6—8).

белок, в 1695 г. — 17014, в 1704 г. — 104840. Десятинный сбор тогда составил 11146 белок. В 1700, 1701 и 1702 гг. десятинная казна состояла из 21440 белок, что предполагает добычу за эти 3 года около 200 тыс. белок⁵². Широкий размах принял беличий промысел в середине XVIII в.: в 1752 г. из Сибири в Россию было вывезено 695241, в 1753 г. 823291 белка⁵³.

Отношение товарного и ясачного промысла белок менялось. Пока соболиный промысел был на подъеме, охотники-профессионалы на белок почти не охотились. Небольшое количество белок на западносибирские рынки поставляли в основном коренные жители, русские служилые люди, посадские и крестьяне. Во второй половине века соотношение стало меняться в пользу частного промысла, а с конца века белок русские промышляли почти повсеместно. Во втором десятилетии XVIII в. частный промысел белок давал продукции в 3 с лишним раза больше ясачного сбора, к тому же беличьи меха оставались на собственные нужды или миновали таможи.

В частном промысле белка выходила на первое место среди пушных зверей, за исключением соболя, который был оттеснен с первого места во второй четверти XVIII в., когда на двести лет уступил ведущую роль белке. Последнюю четверть XVII в. — начало XVIII в. можно назвать подготовительным этапом к переходу от соболиного промысла к преимущественно беличьему.

Песцовый промысел. В своем развитии он во многом сходен с беличьим, с той разницей, что белки распространены в таежной, а песцы в тундровой части Сибири — в Березовском, Мангазейском и Якутском уездах. Песцов, как и белок, сначала добывали преимущественно в ясак, в небольших количествах и почти исключительно в западной части Северной Сибири. В 1613 г. из Казанского дворца в Казенный приказ передали всего 158 белых песцов⁵⁴. В Березовском уезде в 1626 г. в ясак поступило 1518 песцов и 3 хребта песцовых, в 1627 г. 8 приняли в ясак и купили в казну 479 песцов, в 1629 г. в ясак приняли 1099, в 1630 г. 581, в 1632 г. 3659 песцов и 8 песцовых шуб, в 1634 г. 445 песцов, в 1637 г. 1498, в 1639 г. 436 песцов, в 1647 г. 1724, в 1664 г. 3395, в 1675 г.

⁵² Там же, СП, кн. 1140, лл. 116—191, оп. 5, д. 799, лл. 5—24, д. 800, лл. 4—12; ЯПИ, оп. 4, д. 1636, лл. 21—29, СП, кн. 1168, лл. 19—36 об.; ЯПИ, оп. 4, д. 1923, лл. 2—24; СП, оп. 5, д. 610, л. 2.

⁵³ Там же, СП, оп. 2, д. 41, лл. 5, 11.

⁵⁴ РИБ, т. 9, стр. 40.

3915, в 1685 г. 2647, в 1699 г. 2395, в 1717 г. 1132 песца⁵⁵. В Мангазейском уезде небольшое количество песцов приняли в ясак в 1610, 1615, 1620 гг. В 1626 г. в ясак взяли 214 песцов, в 1627 г. 1 песца, несколько штук поступило в 1628 г., в 1632 г. 7 песцов, в 1634 г. 150, в 1636 г. 10, в 1649 г. 7 (голубых), в 1653 г. 498, в 1675 г. 171, в 1699 г. 142, в 1717 г. 542 песца. В 1618, 1625, 1629, 1630, 1633, 1635, 1637, 1640, 1642, 1643, 1644, 1647, 1664, 1685 гг. песцов в ясачных сборах совсем не было⁵⁶. Песцов, принятых в ясак, обычно не отвозили в Москву, а продавали на месте торговым людям⁵⁷. В Якутском уезде песцов в ясак принимали лишь в порядке редкого исключения. С 30-х годов XVII в. до 30-х годов XVIII в. в ясачных документах за десятки лет песцы в составе якутского ясака встретились только в двух случаях: в 1646 г. был принят 1 голубой песец и в 1654 г. 11 песцов белых⁵⁸. Очень редко в составе ясака попадают песцы в других уездах: 2 песца в Верхотурском уезде в 1664 г., в Тобольском уезде 12, в Сургутском 95 песцов в 1675 г., 9 в 1685 г. и 10 в 1717 г., в Красноярском уезде 1 песец в 1717 г.⁵⁹

Частный песцовый промысел до конца XVII в. едва намечался. Березовская таможня в 1632 г. зарегистрировала 1 песца, 26 недопесков (шкурок осенней добычи), кафтан и 4 шубы песцовых и недопесковых⁶⁰. В Сургуте в 1636 г. был продан всего 1 песец⁶¹. В Тобольске в продаже в 1655/56 г. было 130 песцов, включая привоз из других уездов, в 1661/62 г. — 551, в 1686/87 г. — 2686, в 1694/95 г. — 670 песцов⁶². В Манга-

⁵⁵ ЦГАДА, СП, стлб. 11, л. 80, стлб. 20, лл. 4, 335, кн. 19, лл. 724 об. — 728, кн. 22, лл. 687—695, кн. 34, лл. 1 07—109, стлб. 58, лл. 115—124, кн. 95, лл. 520—524, кн. 127, лл. 577—579, кн. 238, лл. 128 об. — 129, 136—136 об., стлб. 685, ч. 1, лл. 98—150, кн. 592, лл. 204 об. — 221 об., стлб. 972, лл. 72—97; РИБ, т. 8, стр. 689—888; ЦГАДА, СП, оп. 5, д. 2340, л. 10.

⁵⁶ ААН, ф. 21, оп. 4, кн. 21, лл. 14 об. — 236 об., ЦГАДА, СП, кн. 320, лл. 31, 81 об., кн. 592, лл. 274—306; РИБ, т. 8, стр. 689—888; ЦГАДА, СП, оп. 5, д. 2331, л. 3, кн. 22, лл. 2—51, стлб. 52, л. 117, кн. 238, лл. 170—170 об., стлб. 681, ч. 1, лл. 151—163 об., стлб. 972, лл. 117—145.

⁵⁷ ЦГАДА, СП, стлб. 4, ч. 2, лл. 483—484, кн. 320, лл. 31, 81 об., кн. 592, лл. 274—306.

⁵⁸ Там же, СП, кн. 238, л. 302; ЯПИ, оп. 1, д. 87, л. 12.

⁵⁹ Там же, СП, стлб. 685, ч. 1, лл. 3—6, кн. 592, лл. 54—66, 258 об. — 264, стлб. 972, лл. 72—97, оп. 5, д. 2337, лл. 1—17, д. 2328, лл. 4—20.

⁶⁰ Там же, оп. 5, д. 14, лл. 3—38 об.

⁶¹ Там же, кн. 75, лл. 943—981 об.

⁶² О. Н. Вилков. Указ, соч., стр. 291.

зейском уезде песцовый промысел начался только с конца XVII в., когда основная масса русского промыслового и часть ясачного населения переместилась в низовья Енисея, к Ледовитому океану и на реки Пясины, Хету и Хатангу⁶³. Если в 1629 г. русские промышленники добыли в уезде всего 14 песцов, в 1636 г. 76 песцов, то в 1697 г. туруханская таможня зарегистрировала уже 7370 песцов, в 1699 г. было добыто около 4000 (десятичный сбор составил 493 песца), в 1717 г. около 3000 (362 песца десятичного сбора)⁶⁴. Песцовый промысел становился там преобладающим. В 1736 г. таможенный сбор в уезде составил 2165 песцов — 98,1% цены всей таможенной пушнины, в 1737 г. 905 песцов — 99,4%, в 1738 г. 569 песцов — 94,7% таможенной (по оценке) пушнины⁶⁵. Песец стал «своего рода денежной единицей в Мангазейском уезде, каким был соболь в XVII веке»⁶⁶. Примерно так же обстояло дело на севере Якутского уезда. В 1643 г. в Якутске в продаже не было ни одного песца⁶⁷. В 1694 г. из Якутска было вывезено 110 песцов, в 1695 г. в таможню явили 1865, в 1697 г. 80 песцов, в 1700, 1701 и 1702 гг. при десятичной пошлине за 3 года в 722 песца можно считать средней добычу примерно по 2000 зверей в год, в 1704 г. в таможню явили 2830 песцов, в 1717 г. при десятичной пошлине в 431 песца добыли не менее 4000 штук⁶⁸. В 1717 г. в Иркутске купили в казну 2178 песцов и 160 штук собрали в десятичную пошлину⁶⁹, но там уже не местной добычи.

Итак, до конца XVII в. преобладал промысел песцов для уплаты ясака и производился почти исключительно на севере Западной Сибири. С конца XVII в. частный песцовый промысел быстро вышел на первое место и размещался преимущественно на севере Восточной Сибири. В первой четверти

⁶³ В. А. Александров. Указ. соч., стр. 69—71, 74—75. Н. К. Ауэрбах. Заселение и развитие промыслов в низовьях реки Енисея. Красноярск, 1929, стр. 9, 14.

⁶⁴ ЦГАДА, СП, кн. 19, лл. 55—330, кн. 82, лл. 132—165, кн. 84, лл. 1—95, кн. 1140, лл. 116—191; РИБ, т. 8, стр. 689—888; ЦГАДА, СП, оп. 5, д. 2331, л. 17.

⁶⁵ ЦГАДА, ПМ, 481, № 5, лл. 147 об. — 149.

⁶⁶ Н. К. Ауэрбах. Указ. соч., стр. 14. Точно так же и в XIX в. в низовьях Енисея товары расценивались на песца (П. И. Третьяков. Указ. соч., стр. 295).

⁶⁷ ЦГАДА, ЯПИ, сп. 4, д. 92, лл. 1 об. — 277 об.

⁶⁸ Там же, д. 1636, лл. 21—29; СП, кн. 1168, лл. 19—36 об.; ЯПИ, оп. 4, д. 1698, лл. 19—32; СП, оп. 5, д. 610, л. 2; ЯПИ, оп. 4, д. 1923, лл. 2—24; СП, оп. 5, д. 2345, лл. 74—84.

⁶⁹ Там же, СП, оп. 5, д. 2324, лл. 6 об. — 33 об.

XVIII в. частный промысел песцов давал, по-видимому, около 10 тысяч в год, превышая примерно в 4 раза ясачный сбор.

Промысел горностаев по характеру своего развития также во многом напоминает промысел белок, отличаясь от него лишь некоторыми особенностями.

В ясак горностаев, как и белок, к востоку от Сургута до конца XVII в. не принимали (см. табл. 22)⁷⁰; в Кетском, Красноярском, Енисейском, Иркутском и Нерчинском уездах не принимали и в начале XVIII в.⁷¹. Больше всего поставлял горностаев Березовский уезд. Численность ясачных горностаев резко колебалась по годам, достигнув высшего за рассматриваемое время уровня в начале XVIII в.

И частным промыслом до конца XVII в. горностаев добывали мало, хотя вывозить этот мех начали с конца XVI в. В 1598 г. у торговых людей Г. Балина и М. Каурова в Пелымском уезде в десятичную пошлину взяли 47 горностаев⁷². В 1632 г. из Березова вывезли 503, в 1636 г. в Сургуте было продано 69 горностаев⁷³, в Тобольске в 1639/40 г. 451, в 1655/56 г. 4738, в 1661/62 г. 1468, в 1686/87 г. 300, в 1694/95 г. 2000 горностаев, в 1668/69 г. в продаже их не было⁷⁴, из Томска в 1675 г. вывезли 4990 горностаев⁷⁵. В Западной Сибири до конца XVII в. частная добыча горностаев едва ли много превышала ясачные поступления и значительно возросла (до нескольких десятков тысяч, судя по десятичному сбору) только в 90-х годах, да и то не повсеместно: из Красноярска в 1699 г. вывезли 800 шкурок, из Кузнецка в 1706 г. — ни одной⁷⁶.

В Мангазейском уезде в числе пушнины, прошедшей через таможню, в 1627 и 1629 гг. горностаев совсем не было, в 1636 г. зарегистрировано всего 65 зверьков, в 1642 г. 135, а в 1697 г. уже 1172 горностаев⁷⁷. В Енисейском уезде в 1636 г. было офи-

⁷⁰ В составе ясака иногда попадались единичные шкурки горностаев, например, 2 штуки в Якутске в 1641 г. (ЦГАДА, ЯПИ, оп. 4, д. 50, л. 45), но это не меняет дела.

⁷¹ В Иркутске в 1708 г. в ясак взяли 8 горностаев. (Там же, СП, оп. 5, д. 1338, л. 6).

⁷² РИБ, т. 2, стр. 141.

⁷³ ЦГАДА, СП, оп. 5, д. 14, лл. 3—38 об., кн. 75, лл. 943—981 об.

⁷⁴ О. Н. Вилков. Указ. соч., стр. 232. Из других уездов горностаев привозили в Тобольск в несколько раз больше. (Там же, стр. 291).

⁷⁵ ЦГАДА, СП, кн. 594, лл. 383 об. — 468.

⁷⁶ Там же, оп. 5, д. 399, лл. 3—98, д. 887, лл. 2 об. — 22.

⁷⁷ Там же, кн. 13, лл. 1—94, об., кн. 19, лл. 55—330, кн. 82, лл. 132—165 об., кн. 84, лл. 1—95, кн. 154, лл. 676 об. — 838 об., кн. 1140, лл. 113—191.

**ПОСТУПЛЕНИЕ ГОРНОСТАЕВ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ
КАЗНУ В XVII В.¹**

Уезд	Сбор	1627	1647	1664	1675	1685	1699	1717
Верхотурский	ясачный	—	—	—	—	—	26	764
Пельмский	»	—	—	—	—	—	—	732
Туринский	»	50	624	348	96	52	127	634
Тюменский	»	—	—	—	—	—	300	832
Тарский	»	525	385	3353	7110	—	39	—
»	десятин.	—	—	—	—	—	21	—
Тобольский	ясачный	—	45	—	772	210	1406	51
»	десятин.	—	—	—	—	—	3714	900
Березовский	ясачный	4967	1585*	388	1406	1340	1747	3286
»	десятин.	—	—	—	—	—	816	—
Сургутский	ясачный	34	187	335	303	3	1	2
»	десятин.	—	—	—	—	—	227	—
Нарымский	ясачный	—	—	—	—	—	—	1268
»	десятин.	—	—	—	—	—	104	—
Кетский	десятин.	—	—	—	—	—	30	—
Томский	ясачный	—	—	—	—	—	—	5805
»	десятин.	—	—	—	—	—	1326	20

Продолжение табл. 22

Уезд	Сбор	1627	1647	1664	1675	1685	1699	1717
Кузнецкий	ясачный	—	—	—	—	—	—	429
Красноярский	»	—	—	—	—	—	—	—
Запад. Сибирь	абс.	5576	2826	4425	9687	1605	9884	14723
всего	%	100	99,9	100	100	100	51,6	43,8
Мангазейский	ясачный	—	—	—	—	—	—	570
»	десятин.	—	—	—	—	—	243	72
Енисейский	десятин.	—	—	—	—	—	200	—
Илимский	ясачный	—	—	—	—	—	—	225
»	десятин.	—	—	—	—	—	1839	—
Якутский	ясачный	—	—	—	—	—	—	350
»	куплено	—	—	—	—	—	—	10210
»	десятин.	—	4	—	—	—	7000	1368
Иркутский	куплено	—	—	—	—	—	—	5491
»	десятин.	—	—	—	—	—	—	600
Нерчинский	—	—	—	—	—	—	—	—
Восточ. Сибирь	абс.	—	4	—	—	—	9282	18886
Вся Сибирь	всего	5576	2830	4425	9687	1605	19166	33609

¹ См. сноску к табл. 20

* Еще шуба горностаевая

**ПОСТУПЛЕНИЕ РОСОМАХ
В ГОСУДАРСТВЕННУЮ КАЗНУ В XVII в.¹**

Уезд	Сбор	1627	1647	1664	1675	1685	1699	1717
Верхотурский	ясачный	6	10	4	3	—	—	—
	десятин.	—	—	—	—	—	5	—
Пельмский	ясачный	—	8	—	—	—	—	—
Туринский	»	8	1	—	1	—	—	—
Тюменский	»	—	—	—	1	1	—	—
Тарский	»	12	24	11	8	3	6	—
Тобольский	»	4	15	—	33	26	5	4
»	десятин.	—	—	—	—	3	6	—
Березовский	ясачный	23	42	82	38	36	20	14
Сургутский	»	16	62	70	71	54	32	11
»	десятин.	—	—	—	—	—	1	4
Нарымский	ясачный	4	—	—	21	6	8	4
Кетский	»	—	—	—	18	7	2	—
Томский	»	—	—	4	—	18	23	10
»	десятин.	—	—	—	—	—	5	2

Продолжение табл. 23

Уезд	Сбор	1627	1647	1664	1675	1685	1699	1717
Кузнецкий	ясачный	—	—	—	—	—	16	20
»	десятин.	—	—	—	—	—	—	1
Красноярский	ясачный	—	—	—	1	—	34	60
Запад.	абс.	73	162	171	177	151	163	136
Сибирь	%	100	100	92,4	81,6	31,6	21,3	29,0
Мангазейский	ясачный	—	—	11	16	174	244	161
»	десятин.	—	—	2	2	14	9	—
Енисейский	ясачный	—	—	—	19	134	196	21
»	десятин.	—	—	1	2	5	2	2
Илимский	ясачный	—	—	—	—	—	46	9
Якутский	десятин.	—	—	—	—	—	—	1
Иркутский	ясачный	—	—	—	1	—	104	66
»	десятин.	—	—	—	—	—	—	1
Нерчинский	ясачный	—	—	—	—	—	1	72
Вост. Сибирь	абс.	—	—	14	40	327	602	333
всего	%	—	—	7,6	18,4	68,4	78,7	71,0
Вся Сибирь	всего	73	162	185	217	478	765	469

¹ См. сноску к табл. 20.

**ПОСТУПЛЕНИЕ ВЫДР
В ГОСУДАРСТВЕННУЮ КАЗНУ В XVII в.¹**

Уезд	Сбор	1627	1647	1664	1675	1685	1699	1717
Верхотурский	ясачный	49	—	—	—	—	14	—
Цельмский	»	24	—	—	—	—	—	—
Туринский	»	6	—	—	—	—	—	—
Тюменский	»	—	—	—	—	—	—	—
Тарский	»	—	—	—	—	—	2	—
Тобольский	»	9	9	2	7	7	12	—
»	десятин.	—	—	—	—	—	25	16
Березовский	ясачный	2	—	—	—	—	12	4
Сургутский	»	31	86	—	25	—	72	66
»	куплено	2	—	—	52	—	46	70
Нарымский	ясачный	5	6	22	9	9	—	—
Кетский	»	5	—	—	—	5	9	49
Томский	»	—	—	—	—	14	1	1
Кузнецкий	»	—	—	—	—	—	2	8
Красноярский	»	—	—	—	—	—	4	14
Запад. Сибирь	абс.	133	101	24	93	35	204	249
всего	%	99,3	100	96,0	98,9	47,9	79,4	75,0

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТАБЛ. 24

Уезд	Сбор	1627	1647	1664	1675	1685	1699	1717
Мангазейский	ясачный	—	—	—	—	—	3	11
Енисейский	»	1	—	1	1	30	45	49
Илимский	»	—	—	—	—	—	—	6
Якутский	»	—	—	—	—	—	1	1
Иркутский	»	—	—	—	—	8	4	16
Нерчинский	»	—	—	—	—	—	—	—
Вост. Сибирь	абс.	1	—	1	1	38	53	83
всего	%	0,7	—	4,0	1,1	52,1	20,6	25,0
Вся Сибирь всего		134	101	25	94	73	257	332

¹ См. сноску к табл. 20.

циально учтено 13 горностаев, в 1637 г. 182 перекупных, в 1705 г. 3982 горностаев⁷⁸. Вначале на таком же уровне был горностаевый промысел в Якутии: в 1639 г. в составе десятинной пошлыны оказалось 12 шкурок, в 1640 г. 62 горностаев обнаружилось у служилого человека Парфена Ходырева, в 1641 г. у служилого же Воина Шахова оказалось 59 шкурок. В продаже в 1643 г. в Якутске не было ни одного горностаев. Специальный горностаевый промысел там начался с 90-х годов: в 1694 г. из Якутска вывезли 12300 шкурок, в 1695 г. промышленники явили в якутскую таможенную 5078, в 1697 г. 9600, в 1704 г. 24530 горностаев⁷⁹. В 1699 г. при 7000 десятинного сбора добыча их должна была превысить 50 тыс. штук⁸⁰. В 1700, 1701, 1702 гг. при десятинной пошлыне в 15955 шкурок⁸¹ должны были добыть в среднем свыше 40 тыс. в год. В конце XVII в. начался частный промысел горностаев в Илимском и в начале XVIII в. в Иркутском уезде.

На рубеже XVII и XVIII вв. частный промысел горностаев приближался к 150 тыс., из которых 3/5 приходилось на Восточную Сибирь, между тем как ясачный сбор еще в 1717 г. не достиг 15 тыс., полученных преимущественно в Западной Сибири.

Промысел росомых. Мех росомых ценился в среднем дороже лисьего, однако до середины XVII в. к востоку от Нарыма росомых в ясак не принимали (см. табл. 23). Довольно редкий зверь не привлекал специального внимания и охотников-промысловиков. На тобольском рынке только в 1686/87 г. было продано 552 и в 1694/95 г. 211 росомых, обычно же их продавалось несколько десятков в год⁸². Через Березов в Россию в 1632 г. вывезли 51, в Сургуте в 1636 г. продали 24 росомых⁸³. В Томске в 1633 г. платили десятинную пошлыну с 1 росомых, в 1675 г. оттуда вывезли 49 шкур⁸⁴. В Красноярске в 1699 г. в продаже не было росомых, из Кузнец-

⁷⁸ Там же, кн. 71, лл. 81—228, кн. 145, лл. 786—863, оп. 5, д. 799, лл. 5—24, д. 800, лл. 4—12.

⁷⁹ Там же, ЯПИ, оп. 4, д. 20, лл. 27, 23, оп. 3, 1640—1642 гг., д. 7-а, л. 605, оп. 4, д. 92, лл. 1 об. — 277 об., д. 1636, лл. 21—29; СП, кн. 1168, лл. 19—36; ЯПИ, оп. 4, д. 1698, лл. 19—32, д. 1923, лл. 2—24.

⁸⁰ В 1704 г. на 24530 явленных в таможенную горностаев десятинный сбор составил 2729 штук.

⁸¹ ЦГАДА, СП, оп. 5, д. 610, л. 2.

⁸² О. Н. Вилков. Указ. соч., стр. 291.

⁸³ ЦГАДА, СП, оп. 5, д. 14, лл. 3—38 об., кн. 75, лл. 943—981.

⁸⁴ Там же, кн. 48, лл. 35 об. — 42, кн. 594, лл. 383 об. — 468.

ка в 1706 г. вывезли 20 росомашьих шкур⁸⁵. Невелик был частный товарный промысел росомых в Восточной Сибири. В Мангазейском уезде в 1629 г. было добыто 15, в 1636 г. 29, в 1657 г. 70 росомых⁸⁶, а за другие годы добывали еще меньше. Только в конце века росомыха стала объектом специальной охоты: в 1697 г. мангазейская таможенная зарегистрировала 287 росомашьих шкур⁸⁷. В Енисейском уезде росомых добывали единицами. В Якутске в 1643 г. была продана всего одна росомыха⁸⁸. В просмотренных таможенных приходных книгах вплоть до начала XVIII в. росомыхи в Якутском уезде совсем не встречаются. Илимская таможенная в 1637 г. среди пушных зверей росомых не отметила, в 1639—1640 гг. зарегистрирована 1, в 1685 г. в Илимске было продано 70 росомых⁸⁹.

Промысел выдр, зверей, распространенных во всех уездах Сибири, но малочисленных, никогда не имел большого значения. В Восточной Сибири, за исключением Енисейского уезда, до конца XVII в. выдр в ясак не принимали (см. табл. 24). Мало выдр добывалось и частным промыслом. На тобольском рынке выдры появлялись обычно по нескольку десятков штук⁹⁰. Березовская таможенная в 1632 г. зарегистрировала 2 выдры, кетская в 1629 г. 4⁹¹. Несколько больше этих зверей добывали в Сургутском уезде, где в 1636 г. их было продано 115 штук⁹². По нескольку десятков выдр в год вывозили из Томска⁹³. Единицами добывали выдр на продажу в Кузнецком, Красноярском, Енисейском, Мангазейском, Илимском, Якутском уездах, так что товарный промысел едва ли давал больше ясачного промысла этого зверя.

Промысел куниц. В ясак их добывали в Верхотурском, Тарском, Тобольском, немного в Томском и Кузнецком уездах (см. табл. 25), в остальных уездах куницы либо совсем не водились, либо добывали их от случая к случаю. Несколь-

⁸⁵ Там же, оп. 5, д. 399, лл. 3—98, д. 887, лл. 2 об. — 21.

⁸⁶ Там же, кн. 19, лл. 55—330, кн. 82, лл. 132—165 об., кн. 84, лл. 1—95, кн. 394, лл. 1—95.

⁸⁷ Там же, кн. 1140, лл. 113—191.

⁸⁸ Там же, ЯПИ, оп. 4, д. 92, лл. 1 об. — 277 об.

⁸⁹ Там же, СП, кн. 95, лл. 946—965 об., кн. 145, лл. 450—516 об., кн. 836, лл. 289 об. — 291.

⁹⁰ О. Н. Вилков. Указ. соч., стр. 291.

⁹¹ ЦГАДА, СП, оп. 5, д. 14, лл. 3—38 об., кн. 19, лл. 507, 515 об.

⁹² Там же, кн. 75, лл. 943—981 об.

⁹³ Г. Н. Потанин. Указ. соч., стр. 133—144; ЦГАДА, СП, кн. 594, лл. 383 об. — 468, кн. 810, лл. 498—677 об.

**ПОСТУПЛЕНИЕ КУНИЦ
В ГОСУДАРСТВЕННУЮ КАЗНУ В XVII в.¹**

Уезд	Сбор	1627	1647	1664	1675	1685	1699	1717
Верхотурский	ясачный	290	59	—	48	52	8	67
Пельымский	»	—	1	1	—	—	—	—
Туринский	»	3	—	—	—	—	—	—
Тюменский	»	—	1	1	—	—	—	—
Тарский	»	335	174	106	10	—	—	—
Тобольский	»	26	150	126	3	—	2	—
»	десятин.	—	—	—	—	—	7	—
Березовский	»	—	—	—	—	—	5	—
Сургутский	»	—	—	—	—	—	—	—
Нарымский	ясачный	4	—	—	—	—	—	—
Кетский	»	—	—	—	—	—	—	—
Томский	ясачный	—	—	—	—	—	—	—
»	десятин.	49	68	—	—	11	21	—
Кузнецкий	ясачный	—	—	—	—	—	2	—
Красноярский	»	8	23	—	26	2	10	5
Запад. Сибирь	абс.	715	476	247	91	69	56	80
всего	%	100	100	100	100	100	90,3	98,8

Продолжение табл. 25

Уезд	Сбор	1627	1647	1664	1675	1685	1699	1717
Мангазейский	»	—	—	—	—	—	—	—
Енисейский	»	—	—	—	—	—	—	—
Илимский	»	—	—	—	—	—	—	—
Якутский	»	—	—	—	—	—	6	—
Иркутский	ясачный	—	—	—	—	—	—	1
Нерчинский	»	—	—	—	—	—	—	—
Госл. Сибирь	абс.	—	—	—	—	—	6	1
всего	%	—	—	—	—	—	9,7	1,2
Вся Сибирь всего		715	476	247	91	69	62	81

¹ См. сноску к табл. 20.

ко больше куниц добывали для продажи. В Тобольске в 1639/40 г. на рынке было всего 312, в 1655/56 г. 178, в 1661/62 г. 5, в 1668/69 г. 49, в 1686/87 г. 909, в 1694/95 г. 103 куницы⁹⁴. Из Томска в 1652 г. вывезли 625 куниц, в 1653 г. 362, в 1675 г. 241, в 1684 г. 380 куниц⁹⁵. В Березове в 1632 г., в Сургуте в 1636 г., в Красноярске в 1699 г., в Кузнецке в 1706 г. в продаже или вывозе куниц не было. Уменьшение добычи куниц, наиболее четко прослеживаемое в ясачных сборах, связано, вероятно, с сокращением поголовья зверей.

Промысел волков и рысей как ясачный, так и частный товарный начался только во второй половине XVII в. В 1627 г. в составе ясака не было ни одной рыси, а волчьих шкур было 17, все взяты в Березовском уезде, в 1629 и 1647 г. в ясак этих зверей не принимали, в 1664 г. в ясак взяли 7 волчьих шкур (в Сургутском уезде) и 1 рысью шкуру (в Красноярском уезде), в 1675 г. по 5 волчьих шкур взяли в ясак в Березовском и Сургутском уездах и 1 в Иркутском уезде. Не больше волков и рысей добывали частным промыслом. В Западной Сибири в продаже волки встречались единицами, а рысей совсем не было. То же самое было в Мангазейском уезде, где положение несколько изменилось в конце века. В 1697 г. Мангазейская таможня зарегистрировала 32 волчьих и 46 рысских шкур⁹⁶. Почти совсем не добывали волков и рысей в Енисейском, Илимском, Якутском и, по-видимому, мало в Иркутском и Нерчинском уездах, где с конца XVII в. были значительные ясачные сборы шкурами этих зверей.

Промысел других пушных зверей. С конца XVII в. в ясак стали принимать и некоторые другие меха, добываемые охотой. В 1699 г. взяли 8 шкур корсаков в Тарском и 1 корсака в Кузнецком уезде, в 1717 г. в Тарском уезде приняли в ясак 75 корсаков. В 1699 г. в Томске приняли медвежью шкуру в десятинную пошлину, в Тобольске, Томске и Мангазее (Туруханске) в таможни взяли 181 заячью шкуру. В начале XVIII в. медвежьи и заячьи шкуры появились в составе ясака. В 1717 г. в западносибирских уездах было принято 22 медвежьи шкуры в ясак и 41 в таможенную пошлину, в восточносибирских уездах — 127 шкур в ясак и 7 десяти-

ных. В 1708 г. в Енисейском уезде взяли в ясак 10200 заячьих шкурок⁹⁷.

Крайне мало добывали этих и некоторых других зверей до конца XVII в. частным промыслом. На тобольском рынке медвежьи шкуры появились поздно и в небольших количествах: в 1686/87 г. 5, в 1694/95 г. 41 штука. В 1661/62 г. там продали 8864 заячьих шкурки. В другие (из учтенных) годы XVII в. заячьи меха в Тобольск не привозились. Изредка продавались барсуки от 1 до 25 в год, но в 1655/56 г. привезли 2296 барсучьих шкур. Корсаки продавались не каждый год, но с явной тенденцией к увеличению численности: в 1639/40 г. 4, в 1655/56 г. 40, в 1686/87 г. 256, в 1694/95 г. 800 штук⁹⁸. Не упоминают всех этих зверей Березовская таможенная книга 1632 г., Сургутская 1636 г., Красноярская 1699 г. Из Томска в 1675 г. вывезли 81 барсучью шкуру⁹⁹, из Кузнецка в 1706 г. 810 заячьих шкурок¹⁰⁰. И в Восточной Сибири не было специального промысла этих зверей до конца века. В Мангазейском уезде в 1629 г. добыли всего 174 заячьих шкурки (десятинную пошлину за них платили деньгами), в 1636 г. 150 зайчин, в 1697 г. уже 3061 шкурка¹⁰¹. В Енисейске в 1705 г. добыли 4400 зайцев¹⁰². В Мангазейском и Енисейском уездах в эти годы добывали по несколько медведей. В Якутском уезде до конца XVII в. этих зверей на продажу не добывали. С конца XVII в. среди пушного товара стали появляться ласки.

Совершенно очевидно, что сибирский пушной промысел в XVII в. не сводился к соболиному. По количеству шкурок белок всегда добывали больше, чем соболей. С конца XVII в. горностаев стали добывать в несколько раз больше, чем соболей, численно стали преобладать над соболями зайцы, а также остальные пушные звери, взятые вместе. Во втором десятилетии XVIII в. соболи численно уступили лисицам (ср. табл. 20 и 27). За столетие в общесибирской добыче соболь по количеству добываемых шкурок со второго после белки места был оттеснен на пятое.

⁹⁷ Там же, оп. 5, д. 1288, л. 9.

⁹⁸ О. Н. Вилков. Указ, соч., стр. 291.

⁹⁹ ЦГАДА, СП, кн. 594, лл. 383 об.—468.

¹⁰⁰ Там же, оп. 5, д. 887, лл. 2 об.—15 об.

¹⁰¹ Там же, СП, кн. 19, лл. 55—330, кн. 82, лл. 132—165, кн. 1140, лл. 116—191.

¹⁰² Там же, оп. 5, д. 799, лл. 1 об.—24, д. 800, лл. 4—12.

⁹⁴ О. Н. Вилков. Указ, соч., стр. 291.

⁹⁵ Г. Н. Потанин. Указ, соч., стр. 134, 139; ЦГАДА, СП, кн. 594, лл. 383 об.—468, кн. 810, лл. 41—51.

⁹⁶ ЦГАДА, СП, кн. 1140, лл. 116—191.

ПОСТУПЛЕНИЕ ВОЛКОВ И РЫСЕЙ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ
КАЗНУ В XVII в.¹

Таблица 26

Уезд	Сбор	Волки			Рыси		
		1685	1699	1717	1685	1699	1717
1	2	3	4	5	6	7	8
Верхотурский	ясачный	—	—	—	—	1	—
Пельымский	»	—	—	—	—	—	4
Туринский	»	—	—	—	—	—	—
Тюменский	»	—	—	—	—	—	—
Тарский	»	—	—	—	—	—	—
Тобольский	ясачный	—	—	—	—	2	1
Тобольский	десятин.	—	—	2	—	—	—
Березовский	ясачный	—	—	5	—	—	—
Сургутский	»	3	—	6	—	—	—
Нарымский	»	—	—	—	—	—	—
Кетский	»	—	—	—	—	—	—
Томский	ясачный	—	—	5	—	1	1
Кузнецкий	»	—	2	28	—	—	3
Красноярский	»	—	—	35	—	—	21
Запад. Сибирь	абс.	3	2	81	—	4	30
всего	%	100	0,7	27,6	—	0,8	4,5

Продолжение табл. 26

1	2	3	4	5	6	7	8
Мангазейский	ясачный	—	—	—	—	2	8
Енисейский	»	—	242	24	11	15	9
Енисейский	десятин.	—	—	1	—	—	—
Илимский	ясачный	—	37	82	—	11	6
Якутский	»	—	—	—	—	16	7
Якутский	десятин.	—	—	1	—	—	—
Иркутский	ясачный	—	—	104	91	138	90
Нерчинский	»	—	—	—	160	289	521
Вост. Сибирь	абс.	—	279	212	262	471	641
всего	%	—	99,3	72,4	100	99,2	95,5
Вся Сибирь	всего:	3	281	293	262	475	671

¹ См. сноску к табл. 20.

ПОСТУПЛЕНИЕ СОВОЛЕЙ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ КАЗНУ
В XVII В.

Уезд	Сбор	1627	1647	1664	1675	1685	1699	1717
Верхотурский	ясачный	2395	1111	1596	999	604	728	25
»	десятин.	—	—	—	—	—	32	—
Пельымский	ясачный	1980	806	2044	1041	1289	579	30
Туринский	»	553	63	213	266	161	52	14
Тарский	»	1885	1986	751	874	252	821	—
Тобольский	»	1389	905	1401	1862	1432	1057	126
»	десятин.	—	—	—	—	—	16	23
Березовский	ясачный	1761	962	2714	1673	1106	700	178
»	покупка	10	—	—	—	—	—	—
»	десятин.	2	—	—	—	—	—	—
Сургутский	ясачный	2761	1474	669	1900	1616	1438	613
»	покупка	100	—	—	—	—	—	—
»	десятин.	550	157	?	—	—	220	—
Нарымский	ясачный	3065	2440	2549	1351	854	1394	560
»	десятин.	19	—	—	—	—	—	—
Кетский	ясачный	1563	1011	1140	257	90	75	63
»	десятин.	12	—	—	—	—	—	—
Томский	ясачный	1880	1886	3372	1043	298	1186	182
»	десятин.	644	?	95	32	4	—	—

Продолжение таблицы 27

Уезд	Сбор	1627	1647	1664	1675	1685	1699	1717
Кузнецкий	ясачный	3119	3969	2125	3820	1945	1764	2330
»	десятин.	—	7	—	62	110	15	—
Красноярский	ясачный	—	3349	4839	4389	3478	2171	2338
»	десятин.	—	12	—	—	86	—	1
Западная Сибирь	всего	23688	20138	23508	19569	13325	12248	6483
Мангазейский	ясачный	3866	4600	3335	3794	2463	564	516
»	покупка	871	—	262	—	—	—	—
»	десятин.	7461	3436	902	1867	333	—	15
Енисейский	ясачный	1644	3299	4463	5405	2677	645	515
»	десятин.	1958	3535	1773	1776	222	—	—
Илимский	ясачный	—	—	2415	2911	1656	71	105
»	десятин.	—	—	1135	1085	208	—	—
Якутский	ясачный	—	16384	16620	13393	8623	3890	1989
»	покупка	—	211	24	37	49	—	932
»	десятин.	—	12338	2710	871	485	181	3
Иркутский	ясачный	—	—	1764	2652	1768	2979	686
»	десятин.	—	—	464	598	107	—	—
Нерчинский	ясачный	—	—	1168	2126	1045	676	3
»	куплено	—	—	—	—	219	282	40
»	десятин.	—	—	—	1148	702	—	—
Вост. Сибирь	всего	15800	43803	37035	37663	20567	9288	4404
Вся Сибирь всего		39488	63941	60543	57232	33892	21536	10887

Однако соболиный промысел, особенно ясачный, до конца рассматриваемого периода продолжал играть ведущую роль, несмотря на его падение, которое, по-видимому, к концу второго десятилетия XVIII в. прекратилось. Так, если в 1699 г. казенный соболиный сбор по сравнению с 1685 г. сократился в полтора раза, в 1717 г. по сравнению с 1699 г. — в два раза, то в 1757 и 1760 гг. он снова увеличился в полтора раза (ср. табл. 27 и 4). Не был совсем оставлен и частный промысел.

В Сибири до XX в. не было полного запрета соболиного промысла. В отдельных районах промысел запрещался в ясачных угодьях. Там, где ясачные и соболиные угодья практически совпадали, запрет мог коснуться целых уездов или речных систем. В 1650 г. запретили русский соболиный промысел в Кетском уезде. В 1656 г. заповедными районами были объявлены притоки Ангары—Рыбная, Чадобец, Ката и Кова¹⁰³. В 1678 г. в Якутии русский промысел запрещался в ясачных угодьях по Лене, Витиму, Пеледую, Олекме, Мае, Алдану, Учуру, Тонторе «и по иным речкам»¹⁰⁴. В 1684 г. правительство запретило охоту на соболей в уездах, входивших в Енисейский разряд, и в Якутии.¹⁰⁵ Указ о запрещении неоднократно подтверждался, однако более или менее последовательно он был проведен в жизнь только в Мангазейском и Енисейском уездах, где на этом история русского соболиного промысла и частного предпринимательства закончилась¹⁰⁶. Лишь в отдельные годы частная добыча превышала ясачные преступления, как, например, в Енисейске в 1692 г., когда в ясак было принято 614, а русскими промышленниками добыто 889 соболей.¹⁰⁷ В Якутском и Илимском уездах промышленники продолжали охоту, вопреки запретам ее «под смертной казнью». В 1686 г. по сообщению служилых людей, «человек 100 и больше» промышленных людей «пошли тайным обычаем по Витиму на соболиные промыслы». Позднее, по более полным данным, утверждали, что «по Витиму на соболиные промыслы ходят многие промышленные люди самовольством человек по сто и по двести и больше»¹⁰⁸. Еще в 1698 г. промышленные

¹⁰³ В. А. Александров. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в., стр. 227.

¹⁰⁴ ЛОИИ, ЯА, карт. 32, стлб. 18, л. 28.

¹⁰⁵ В. А. Александров. Указ. соч., стр. 228.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ См. 4 и 5 табл. приложения.

¹⁰⁸ ЛОИИ, ЯА, карт. 42, стлб. 2, лл. 75—76, карт. 47, стлб. 25, л. 14.

люди, охотившиеся на соболей незаконно, объясняли воеводе, что ходили они на соболиный промысел по Витиму «без отпуску; не ведая того, что та река Витим заповедная»¹⁰⁹. В 1700 г. было сделано некоторое послабление: в царской грамоте якутскому воеводе указывалось отпускать промышленников на соболиный промысел, «применяясь к тамошнему состоянию», если это не помешает ясачному промыслу¹¹⁰. В 1706 г. была разрешена охота на соболей с ограничениями и с обязательной продажей добычи в казну¹¹¹. Добычливость охоты да еще в условиях тайного промысла была невелика. Якутская таможня в 1697 г. собрала в десятинную пошлину 232, в 1699 г. 181, в 1700 г. 32, в 1701 г. 60 соболей, Илимская — в 1691 г. 46, в 1692 г. 130, в 1693 г. 118 соболей¹¹². Это предполагает добычу от нескольких сотен до 2 с лишним тыс. соболей в год. В Иркутском и Нерчинском уездах производился легальный в сильно урезанном виде и нелегальный промысел соболей. В Иркутске в десятинную пошлину в 1691 г. взяли 5, в 1697 г. 135, в 1708 г. 24 соболя, в Нерчинске — в 1694 г. 36, в 1698 г. 19, в 1699 г. 220 соболей¹¹³.

Официально не ограничивался частный соболиный промысел ясачного населения, при условии выполнения ясачных платежей. При возрастающих недоимках ясачным людям нечего было продавать, но торговые люди при посредничестве служилых скупали у них соболей нелегально. В конце века в руках крупных купцов сосредоточивалось значительное количество соболиных мехов, скупленных у всех категорий охотников в разных частях Сибири.¹¹⁴ В 1698 г. в Нерчинске у торговых людей взяли в казну 7623 соболя, 2916 соболиных пупков и соболю пластинную шубу по общей оценке на 10132 руб. 22 коп.¹¹⁵ Однако частный соболиный промысел уже значительно уступал принудительному ясачному.

Обзор промысла пушных зверей полезно дополнить сопоставимыми показателями, какими являются только цены. В таблице 28 сделана попытка сравнить удельный вес различных зверей в ясачном сборе, частном промысле и общей добыче в Западной и Восточной Сибири во время высшего рас-

¹⁰⁹ ЛОИИ, ЯА, карт. 48, стлб. 14, л. 18.

¹¹⁰ Там же, л. 19.

¹¹¹ В. А. Александров. Указ. соч., стр. 228.

¹¹² См. 6 и 8 табл. приложения.

¹¹³ См. 9 и 10 табл. приложения.

¹¹⁴ В конце XVII — начале XVIII в. десятинную пошлину соболями брали и в западносибирских уездах (См. 14 табл. приложения).

¹¹⁵ ЦГАДА, СП, кн. 1216, лл. 1—19.

**УДЕЛЬНЫЙ ВЕС ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ПУШИНЫ
НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ РАЗВИТИЯ СИБИРСКОГО
ПУШНОГО ПРОМЫСЛА**
(в тыс. руб. по местным разборным ценам) ¹

Вид пушнины	1647 год				1675 год				1699 год			
	Запад. Сибирь	Вост. Сибирь	Вся Сибирь	Запад. Сибирь	Вост. Сибирь	Вся Сибирь	Запад. Сибирь	Вост. Сибирь	Запад. Сибирь	Вост. Сибирь	Вся Сибирь	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10			
Соборы:												
ясачный сбор	11,00	50,40	61,40	10,30	84,60	94,90	10,00	33,00	43,00			
место	1	1	1	1	1	1	1	1	1			
частный промысел	2,60	168,40	171,00	1,50	90,90	92,40	3,00	12,00	15,00			
место	1-2	1	1	3	1	1	4	1	1			
общая добыча	13,60	218,80	232,40	11,80	175,50	187,30	13,00	45,00	58,00			
место	1	1	1	1	1	1	1	1	1			
%	51,40	99,60	94,42	53,18	97,81	92,89	37,85	62,30	54,42			
Бобры:												
ясачный сбор	1,50	0,15	1,65	1,02	0,07	1,09	2,20	—	2,20			
место	3	3	3	3	3	3	2-3	—	3			
частный промысел	2,25	0,30	2,55	1,52	0,10	1,62	3,30	—	3,30			
место	3	2	3	2	4	3	2-3	—	5			
общая добыча	3,75	0,45	4,20	2,54	0,17	2,71	5,50	—	5,50			
место	3	2	3	3	4	3	2	—	5			
%	14,17	0,205	1,71	11,44	0,09	1,34	16,01	—	5,16			

Продолжение таблицы 28

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Лисицы:									
ясачный сбор	2,60	0,20	2,80	2,00	2,30	4,30	2,20	8,80	11,00
место	2	2	2	2	2	2	2-3	2	2
частный промысел	2,60	0,10	2,70	2,00	1,15	3,15	2,20	4,40	6,60
место	1-2	3	2	1	2	2	5	3	3
общая добыча	5,20	0,30	5,50	4,00	3,45	7,45	4,40	13,20	17,60
место	2	3	2	2	2	2	4-5	2	2
%	19,65	0,14	2,23	18,03	1,92	3,70	12,81	18,28	16,52
Белки:									
ясачный сбор	1,40	—	1,40	0,40	—	0,40	1,10	0,70	1,80
место	4	—	4	5-6	—	6	4	5	4
частный промысел	1,00	0,01	1,01	1,00	0,01	1,01	3,30	2,30	5,60
место	4	5-10	4	4	8-10	4	2-3	4	4
общая добыча	2,40	0,01	2,41	1,40	0,01	1,41	4,40	3,00	7,40
место	4	6-10	4	4	6-10	4	4-5	4	4
%	9,07	0,005	0,98	6,31	0,01	0,70	12,81	4,16	6,94
Песцы:									
ясачный сбор	0,17	0,01	0,18	0,40	0,02	0,42	0,34	0,03	0,37
место	6	4	6	5-6	5	5	6	8	7
частный промысел	0,03	0,01	0,04	0,05	0,02	0,07	0,26	1,50	1,76
место	9	5-10	9	10	5-7	10	8	5	6
общая добыча	0,20	0,02	0,22	0,45	0,04	0,49	0,60	1,53	2,13
место	8	5	8	7	5	7	7	6	7
%	0,75	0,01	0,09	2,03	0,02	0,24	1,75	2,12	2,00

Продолжение таблицы 28

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Горностаи:									
ясачный сбор	0,08	—	0,08	0,48	—	0,48	0,36	—	0,36
место	8-9	—	8-9	4	—	4	5	—	8
частный промысел	0,20	0,01	0,21	0,40	0,02	0,42	4,20	6,30	10,50
место	6-7	5-10	7	5	5-7	6	1	2	2
общая добыча	0,28	0,01	0,29	0,88	0,02	0,90	4,56	6,30	10,86
место	7	6-10	7	5	6-10	5	3	3	3
%	1,06	0,005	0,12	3,97	0,01	0,45	13,27	8,72	10,19
Росомахи:									
ясачный сбор	0,13	—	0,13	0,17	0,04	0,21	0,20	1,10	1,30
место	7	—	7	7	4	7	7-8	3	5
частный промысел	0,20	0,05	0,25	0,30	0,15	0,45	0,60	0,70	1,30
место	6-7	4	6	6-7	3	5	6	6	7
общая добыча	0,33	0,05	0,38	0,47	0,19	0,66	0,80	1,80	2,60
место	6	4	6	6	3	6	6	5	6
%	1,25	0,02	0,15	2,12	0,11	0,33	2,33	2,49	2,44
Выдры:									
ясачный сбор	0,08	—	0,08	0,10	—	0,10	0,20	0,05	0,25
место	8-9	—	8-9	8	—	8	7-8	7	9
частный промысел	0,10	0,01	0,11	0,10	0,01	0,11	0,15	0,05	0,20
место	8	5-10	8	8-9	8-10	9	10	8	9-10
общая добыча	0,18	0,01	0,19	0,20	0,01	0,21	0,35	0,10	0,45
место	9	6-10	9	9	6-10	9	9	9-10	10
%	0,68	0,005	0,08	0,90	0,01	0,10	1,02	0,14	0,42

Продолжение таблицы 28

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Куницы:									
ясачный сбор	0,20	—	0,20	0,04	—	0,04	0,02	—	0,02
место	5	—	5	9	—	9	9	—	11
частный промысел	0,30	—	0,30	0,30	—	0,30	0,20	—	0,20
место	5	—	5	6-7	—	7	9	—	9-10
общая добыча	0,50	—	0,50	0,34	—	0,34	0,22	—	0,22
место	5	—	5	8	—	8	10	—	11
%	1,89	—	0,20	1,53	—	0,17	0,64	—	0,21
Рыси:									
ясачный сбор	—	—	—	—	—	—	0,01	1,00	1,01
место	—	—	—	—	—	—	10	4	6
частный промысел	—	—	—	—	—	—	—	0,01	0,01
место	—	—	—	—	—	—	—	10	12
общая добыча	—	—	—	—	—	—	0,01	1,01	1,02
место	—	—	—	—	—	—	11-12	7	8
%	—	—	—	—	—	—	0,03	1,40	0,96
Волки:									
ясачный сбор	—	—	—	—	0,01	0,01	—	0,15	0,15
место	—	—	—	—	6	10	—	6	10
частный промысел	0,01	0,01	0,02	0,01	0,01	0,02	0,01	0,03	0,04
место	10-11	5-10	10-11	11	8-10	11	11	9	11
общая добыча	0,01	0,01	0,02	0,01	0,02	0,03	0,01	0,18	0,19
место	10-11	6-10	10-11	11	6-10	11	11-12	2	12
%	0,04	0,005	0,01	0,04	0,01	0,02	0,03	0,25	0,18

Продолжение таблицы 28

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Прочие звери:									
ясачный сбор	0,01	0,01	0,01	0,02	0,10	0,02	0,12	0,50	0,60
частный промысел	10-11	5-10	10-11	10-11	8-9	5-7	8	7	8
общая добыча	0,01	0,01	0,02	0,10	0,10	0,02	0,12	0,50	0,60
место	10-11	6-10	10-11	10-11	10	6-10	10	8	9
%	0,04	0,005	0,01	0,45	0,01	0,06	1,45	0,14	0,56
Итого:									
ясачный сбор	17,16	50,76	67,92	14,91	87,04	101,95	16,63	44,83	61,46
частный промысел	9,30	168,91	178,21	7,28	92,39	99,67	17,72	27,39	45,11
общая добыча	26,46	219,67	246,13	22,19	179,43	201,62	34,35	72,22	106,57
%	100	100	100	100	100	100	100	100	100

¹ Таблица составлена на основе источников, указанных в табл. 4—14 приложения, и литературы, указанной в настоящей главе. «Разборные» цены во многих случаях взяты за другие, по возможности, близкие годы. Данные о частном товарном промысле всех зверей, кроме соболя, весьма приблизительны.

Примечание: в ясачный сбор включена небольшая казенная покупка соболей, бобров и лисиц. Другие казенные сборы не учитываются.

цвета соболиного промысла (1647 г.), ¹¹⁶ на грани между первым и вторым этапом в развитии пушного промысла и промыслового освоения Сибири (1675 г.) и на рубеже веков (1699 г.), когда начался систематический промысел несоболиной пушны. За основу приняты уездные «разборные» цены (во многих случаях за другие годы). Количество и цена зверей, особенно частного промысла, высчитаны очень приблизительно и в дальнейших исследованиях, несомненно, будут уточняться, но думается, что основные тенденции сибирского пушного промысла и по этим данным проследить возможно.

Соболи на всех этапах в ясачном сборе, в общей добыче и в восточносибирском частном промысле не только занимали первое место, но и давали больше половины всей продукции. Но удельный вес соболей, как и других зверей, на всех этапах в разных частях Сибири был неодинаков. В Западной Сибири уже в 1647 г. на долю соболей приходилось только 51,4%, следовательно, пушной промысел был лишь наполовину соболиным, а частный и того меньше, между тем как в Восточной Сибири соболи составляли 99,6% стоимости всех мехов. В 1675 г. в Западной Сибири удельный вес соболей на 2% возрос, а в Восточной Сибири на столько же снизился. В конце века в Западной Сибири соболись меха составили несколько больше трети, а в Восточной Сибири несколько меньше 2/3 пушны. При этом за полвека доля Западной Сибири в соболином ясаке возросла с 17,9 до 23,3%, в частном промысле с 1,5 до 20%, а доля Восточной Сибири соответственно снизилась, несмотря на расширение ее территории. Наконец, в частном промысле в западносибирских уездах соболь никогда не занимал первого места, за исключением 1647 г., когда цены соболевых и лисьих мехов равнялись.

Второе место, за редким исключением, принадлежало лисицам. За полвека удельный вес этих зверей в общих заготовках пушны поднялся с 2,2 до 16,5%. При этом эволюция лисьего промысла была противоположна соболиному: в Западной Сибири доля лисиц сократилась с 19,6 до 12,8%, а в Восточной Сибири возросла с 0,1 до 18,3%. В частном промысле доля лисиц была меньше, чем в ясачных сборах.

До последней четверти XVII в. третье место в пушных заготовках принадлежало бобрам, уступившим в конце века это

¹¹⁶ Наибольшее количество соболей в Сибири было добыто в 1642 г., но за 1647 г. данные о добыче всех зверей полнее.

место горностаем. В Восточной Сибири значение бобров было ничтожно, не превышая за эти годы 0,2%, но в Западной Сибири в общей добыче бобры составляли от 11,4 до 16%, а в частном промысле еще выше — от 24,2 до 18,7%.

Четвертое место в общей добыче занимали белки, самые многочисленны из сибирских пушных зверей. В Восточной Сибири и в конце века беличьи меха составляли всего 4,2% цены пушнины, но в Западной Сибири они были заметны, составляя по времени 9; 6,3 и 12,8%.

До последней четверти XVII в. лисицы, бобры и белки, а в конце века лисицы, горностаи и белки в общесибирском промысле дали в 1647 г. 4,9%, в 1675 г. 5,7% и в 1699 г. 33,6%, в Восточной Сибири соответственно 0,3%, 2% и 31,2%, в Западной — 42,9%, 35,8% и 38,9%. Остальные виды пушнины и порознь и все вместе не имели существенного значения. На их долю в общесибирском масштабе приходилось в 1647 г. 0,7%, в 1675 г. 1,4%, в 1699 г. 11,9%, но в том числе 5,2% дали бобры, которые вскоре потеряли промысловое значение. Ассортимент активно добываемой пушнины был еще ограничен 4—5 видами. Только начинался специальный частный промысел песцов, росомех, рысей. Но существенный сдвиг в освоении всех пушных богатств произошел, правда, тогда, когда соболиный промысел оказался в состоянии кризиса.

Уже несколько раз приходилось отмечать несоответствие первоначальных естественных запасов пушных зверей и их добычи в XVII в. Теперь можно сравнить степень этого несоответствия (см. табл. 29).

Данные о возможной и реальной добыче здесь несколько несопоставимы, потому что первые рассчитаны по более высокой добыче соболей в разные годы и по московской оценке, а последние — по не самой высокой добыче соболей и по сибирским ценам, но и такое отношение иллюстрирует общую тенденцию развития промысла. На первом этапе пушного промысла ни один из видов пушных зверей не мог сравниться по интенсивности добычи с соболем. Ближе были к полному опромыслению бобры и лисицы (из остальных зверей куницы). К тому времени поголовье бобров уже сократилось. Запасы других перечисленных зверей использовались совершенно недостаточно. В конце века, когда промысел соболей резко сократился, промысел всех других зверей возрос. Добыча бобров за счет перепромысла приблизилась к «норме». Еще

ближе к возможной¹¹⁷ стала добыча лисиц и горностаев, но все еще слабо использовались запасы белок и песцов.

Причины слабого внимания промышленников к большинству пушных зверей в 4-й главе объяснены недостаточной рентабельностью несоболиной охоты. При товарном характере промысла пришлых промышленников это имело решающее значение. Следует добавить, что охотники-профессионалы были слишком малочисленны, чтобы равномерно освоить пушные богатства сибирской тайги.

В литературе нет сводных данных о численности русских охотников в Сибири в XVII в., но в работах В. А. Александрова, С. В. Бахрушина, З. Я. Бояршиновой, И. С. Гурвича и других ученых есть обоснованные источники отдельные обобщенные данные по отдельным крупным районам Сибири. На основе этих данных, а также таможенной и воеводской документации составлена таблица 30. Сведения о численности плательщиков ясака целиком взяты из книги Б. О. Долгих «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.»

Таблица 29

ЦЕНА ПУШНЫХ ЗВЕРЕЙ (в % к цене соболей)

Пушные звери	Возможная добыча	Реальная добыча, к цене соболей 1647 г.		
		1647	1675	1699
Соболи	100	100	80,6	25,0
Бобры	3	1,8	1,2	2,4
Лисицы	5	2,4	3,2	7,6
Белки	10	1,0	0,6	3,2
Песцы	3	0,1	0,2	0,9
Горностаи	3	0,1	0,2	4,5

При рассмотрении таблицы 30 надо учесть, что действительное число охотников из местного населения было меньше числа выявленных плательщиков ясака, потому что присоединение Сибири к России было постепенным, даже в отдельных уездах объясачивание иногда затягивалось на десятки лет, бывали случаи неповиновения ясачным властям, ухода

¹¹⁷ Полуторное превышение этой «нормы» объясняется тем, что в 1647 г. добыча соболей была уже ниже оптимальной, а также приростом поголовья некоторых зверей.

их на другие территории. Численность русских охотников, наоборот, занижена, потому что таможенные книги не всегда поименно регистрировали промышленников. В таблице не учтено постоянное русское промысловое население до 70-х годов XVII в., а оно складывалось постепенно и уже в середине века исчислялось сотнями, в свою очередь, не учтены в таблице приехавшие промышленники после 1664 г., между тем промысловое движение затухало заметно, но не сразу.

Для середины XVII в., по-видимому, можно считать 20 тыс. ясачных охотников и не менее 4 тыс. русских, для 70-х годов — до 30 тыс. ясачных и не менее 3 тыс. русских охотников, для конца XVII в. — свыше 30 тыс. ясачных и свыше 6 тыс. русских охотников, из которых не менее 3 тыс. были профессионалами. Для опромышления соболиных угодий оказалась достаточной 25-тысячная армия охотников, но освоить запасы несоболиной пушнины она была не в состоянии. К концу XVII в., когда добыча соборей по сравнению с серединой века сократилась в 4 раза по цене и в 5—6 раз по количеству, убыль могла быть компенсирована, и то не до конца, только при полном опромышлении всех угодий, но для этого нужны были не десятки, а сотни тысяч охотников. Такой контингент постепенно сложился в XVIII и XIX в. С увеличением за 50 лет числа охотников в полтора раза задача полного освоения пушных богатств не решалась. Общая добыча (в цене) за это время сократилась в 2,3 раза.

Кризис соболиного промысла, совпавший с перестройкой русского промыслового хозяйства и, по-видимому, даже с некоторым сокращением численности русских охотников в связи с ослаблением притока извне, оказался кризисом всего пушного промысла, но кризисом не безнадежным, временным, охватившим последнюю четверть XVII в. Уже тогда охота на других пушных зверей смягчила этот кризис: за это время добыча соборей сократилась в 3,2 раза, а общая добыча пушнины только в 2 раза. С конца XVII в. началось комплексное освоение пушных богатств Сибири складывавшимся постоянным русским и нерусским промысловым населением. В первой четверти XVIII в. завершился переход от преимущественно соболиного промысла к более или менее полному опромышлению основных пушных зверей.

Пушной промысел остался ведущей отраслью хозяйства в таежной и тундровой Сибири и в полном смысле слова стал частью народного хозяйства всей Сибири с определенным его

Таблица 30

ЧИСЛЕННОСТЬ ОХОТНИКОВ В СИБИРИ XVII в.
(тыс. человек)

Западная Сибирь	Мангазейский уезд	Енисейский уезд	Якутский уезд ¹	Илимский уезд	Иркутский и Нерчинский уезды	Всего в Сибири
13,1	2,5	1,5	11,6	1,9	5,4	36,0
0,3	1,0	0,5	—	—	—	1,8
0,3	0,8	0,3	0,6	0,1	—	2,1
0,3	0,8	0,3	1,6	0,4	—	3,4
0,3	0,6	0,4	1,3	0,4	—	3,0
0,3	0,4	0,4	0,8	0,3	0,1	2,3
0,3	0,2	0,1	0,5	0,2	0,2	1,5
0,3	1,0	0,5	1,6	0,4	0,2	
0,5	0,2	0,1	0,4	0,1	0,5 ²	1,8
						св. 3,0
						св. 3,0

Высшая для XVII в. численность плательщиков ясака

Численность приехавших промышленников

в 1629 г.

» в 1636 г.

» в 1642 г.

» в 1646 г.

или в 1648 г.

» в 1654 г.

» в 1664 г.

Высшая для XVII в. численность приехавших промышленников

Численность промышленников, осевших на постоянное жительство в Сибири, на 70-е годы

» на конец XVII в.

Численность служилых, крестьян и посадских людей, занимавшихся пушной охотой, на конец XVII в.

¹ Без эскимосов, коряков и камчадалов.

² Вместе с Албазинским уездом.

географическим размещением. В этом главный результат развития пушного промысла на втором его этапе первоначального хозяйственного освоения края.

3. меховая промышленность в Сибири

Русские в Сибири не ограничивались добычей и скупкой необработанной пушнины. Наряду с ней они вывозили и готовые меховые изделия или заготовки для них. Меховая одежда пользовалась определенным спросом на русских рынках. Уже в XVI в. изделия из меха продавались в широком ассортименте, хотя и в небольшом количестве¹¹⁸. Готовая одежда с самого начала была и в составе ясака, и в партиях вывозимых товаров. В 1609 г. торговый человек Ф. Васильев вез из Тобольска в Россию, наряду со шкурками бобров и других зверей, 4 «шапенка» лисьих, 4 испода лисьих лапчатых, 11 исподов пупчатых, трех пупчатый, трех лисий, трех лапчатый соболь, 5 «шапенков хвостовых робячьих», 4 «шубенки соболий», 7 околос соболий хвостовых, 2 «исподтишка пупчатых с пухом», «шубенки белье», «пушишка бобровые и выдраные портишные», «пластинишки пупчатые»¹¹⁹. Здесь, конечно, если не все, то большинство предметов производства местного населения.

Выяснить количество меховой одежды для собственного потребления, как и количество пушнины, пошедшей на ее изготовление в порядке домашнего промысла, невозможно. Но несомненно, что и аборигены и русские ценную пушнину на одежду употребляли мало.¹²⁰ Не поддается удовлетворительному учету также работа ремесленников, и даже работа на рынок частично ускользает от исследователя, потому что в сибирских таможенных книгах слабо отражена мелкая розничная торговля, пошлина с которой записывалась суммарно, без указания самих сделок купли-продажи¹²¹. Все же общее представление о развитии меховой промышленности в

¹¹⁸ А. Г. Маньков. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.—Л., 1951, стр. 214—225.

¹¹⁹ АЮ, т. 3. СПб., 1884, стр. 75.

¹²⁰ Из этого не следует, что в Сибири совсем не носили дорогой меховой одежды. В 1642 г. в Якутске тобольский служилый человек И. Табаков продал за 12 руб. «свою шубу ношебную пластинную соболью» (ЦГАДА, ЯПИ, оп. 4, д. 92, л. 5).

¹²¹ О. Н. Вилков. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М., 1967, стр. 23.

Сибири и особенно ее товарной продукции получить возможно.

Прежде всего необходимо отметить первичную обработку, правку и разделку пушнины. С промыслов шкурки зверей, как правило, привозились цельными и в таком виде принимались в десятинную пошлину и в ясак. В продажу соболий шкурки в большинстве случаев поступали разделанными—без пупков (брюшной части—неширокой полосы с мягким и более светлым волосом), иногда без хвостов. Соболий пупки, реже хвосты, иногда лапы и совсем редко мордки (кожа с головы) продавались отдельно. Сободем называлась как цельная соболий шкурка («в козках»), так и шкурка без пупка с хвостом, без пупка и без хвоста или только без хвоста, с лапами и без лап. Хребтовая часть шкурки—без пупка, хвоста, лап и мордки—называлась соболей пластиной. Впрочем, бывали пластины, сшитые из пупков («в трех пластинах сшито 90 пупков»),¹²² из хвостов, а также пластины с хвостами¹²³. Хребтовая часть лисьих, беличьих и некоторых других шкурок называлась хребтом, брюшная—черевом. Встречались и лисьи пластины¹²⁴. Иногда в дело шли побочины (часть шкурок с боков зверя), горла и т. п. Обработанные, подобранные по качеству и цвету и сшитые вместе в разных количествах шкурки назывались мехом.

Правка шкурок (растягивание с учетом качества и назначения), разделка, подбор по сортам требовали профессиональных навыков, а заготовки для меховых изделий—предварительной скорняжной обработки. В XVII в. в Сибири производилась окраска меха. В 1667 г. в Енисейске промышленный человек москвич Яков Семенов Крылов жил «на бобровом чернении на шапочном деле»¹²⁵. В 1706 г. соликамец Никита Жданов в Тобольске оставлял соболей «для чернения».¹²⁶ В. Н. Скалон пишет, что «в Московской Руси пушно-меховое дело было очень стройной, высоко организованной

¹²² ЛОИИ, ЯА, карт. 16, стлб. 35, л. 65.

¹²³ ЦГАДА, ЯПИ, оп. 4, д. 28, лл. 94, 114 об.

¹²⁴ Там же, СП, кн. 361, ч. 3, л. 873 об.

¹²⁵ А. Н. Копылов. Русские на Енисее в XVII в. Новосибирск, 1965, стр. 155. Окраска меха в России известна была и раньше. Это предполагает М. В. Фармаковский на основе отрывка окрашенного меха, обнаруженного среди остатков вещей русской промысловой экспедиции начала XVII в. в Сибирь (М. В. Фармаковский. Изделия из волокнистых материалов. «Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века». 1951, стр. 178).

¹²⁶ ЦГАДА, СП, оп. 5, д. 867, лл. 1—1 об.

отраслью народного хозяйства (от рук промышленника до запечатанного мешка пушнина проходила несколько инстанций; многие знатоки ее просматривали, специалисты облагораживали, оценщики определяли действительную стоимость)». ¹²⁷ В отношении государственной пушнины это бесспорно. В казну от ясачных людей и русских промышленников шкурки зверей принимались в цельном виде и уже в уездных центрах подвергались облагораживанию, разделке, сортировке и оценке. Из большой массы торговых и промышленных людей не трудно было найти квалифицированных специалистов, а власти умели заставить их работать бесплатно ¹²⁸. Крупные предприниматели также, вероятно, получали от покрученников пушнину в необработанном виде. Затем эта пушнина проходила через руки профессионалов, прежде всего приказчиков и «людей». Однако в большинстве промышленники, особенно рядовые, первичную обработку пушнины производили сами.

Достаточно выраженного разделения труда между частным промыслом и обработкой пушнины в Сибири XVII в. не было. В Тобольске в 1624, 1655, 1698 и 1720 гг. среди ремесленников не было ни одного скорняка ¹²⁹. В другом крупном ремесленном центре Сибири, Енисейске, в 1669 г. было 4 скорняка ¹³⁰. Слабое разделение труда объясняется небольшим спросом на меховые изделия и тем самым на сырье для меховой промышленности на местных рынках, а также преобладанием в промысле пришлого элемента. Охотники, не имевшие в Сибири своего хозяйства, располагали большим свободным временем. Охотники-профессионалы овладевали навыками первичной обработки меха, тем более, что этим обычно дело и ограничивалось. Готовых изделий, особенно из ценных мехов, было сравнительно мало.

На тобольском рынке за 6 лет (1640, 1656, 1662, 1669, 1687 и 1695) в продаже было местных изделий из собольего меха: 1 шуба, 1 кафтан, 4 шапки, 16 шапочных исподов, 2 рукавиц, 1 воротник и 31 подскор; из бобрового меха всего 1 шуба; из лисьего: 4 шубы, 3 шапочных испода, 1 подскор и 1 малахай;

¹²⁷ В. Н. Скалон. Русские землепроходцы — исследователи Сибири XVII века. М., 1951, стр. 80.

¹²⁸ В 1670 г. в Якутске промышленный человек Роман Скрыпин был бит кнутом за то, что не пошел казенных соболей «подделывать» (ЛОИИ, ЯА, карт. 15, стлб. 25, лл. 50, 52).

¹²⁹ О. Н. Вилков. Указ. соч., стр. 72—75.

¹³⁰ А. Н. Копылов. Указ. соч., стр. 117.

из заячьих: 30 шуб, 1 кафтан, 1 одеяло; из прочих мехов: 8 корсачьих шуб, 1 одеяло недопесковое, 1 барсучий пух, 1 шапка с барсучьим пухом, 1 горностаевая шуба, 51 беличья шуба, 4 сурьи шубы и 5 хорьковых шуб ¹³¹. Готовые изделия, включая привоз из других уездов, по стоимости составили в 1639/40 г. 1,9% от всего охотничье-промыслового товара, в 1661/62 г. 5,5%, в 1668/69 г. 9,1%. В Сургуте в 1636 г. в продаже было: 1 соболья шуба, 1 кафтан недособолий, 1 испод соболий, 1 испод соболий пупчатый, 1 шуба песцовая, 1 шуба беличья, 1 шапка лисья, 1 треух пупчатый, 1 треух лисий лапчатый и 1 бобровый воротник. ¹³² По оценке все это составило 2,3% пушных товаров. В Якутске и Олекминске в 1640 г. в продаже была 1 шуба соболья пластинная, 1 шуба пупчатая, 7 исподов шапочных пупчатых, 2 лисьи шубы и 8 шуб собольих якутских. В 1643 г. в Якутске продали 4 соболя шубы, 41 малахай, 1 треух, 179 пластин соболий и несколько десятков исподов шапочных, а также якутские 2 соболя шубы и 1 шубу лисью. Процент готовых изделий в пушном товаре незначителен, если учесть, что в 1640 г. было продано 22811, а в 1643 г. 38085 соболей ¹³³. На Оленеке в 1644 г. продали 1404 соболя и 1 соболий подскор ¹³⁴. В Жиганске в том же году в продаже было 3 шубы пластинные, 2 шубы пупчатые, 1 шуба недособоля пластинная, 1 соболий кафтан, 2 кафтана пластинные и 24 собольих пластины. ¹³⁵ В Верхотенском острожке и на Чечуйском волоке в том году меховых изделий в продаже совсем не было. ¹³⁶

Часть меховых изделий, минуя местные рынки, попадала в Европейскую Россию. Наглядное представление об ассортименте и количестве этих изделий в вывозе из некоторых уездов в середине XVII в. дает таблица 31.

Березов для готовых изделий был почти исключительно транзитным пунктом: через него шли товары больше всего из Сургута, затем из Мангазеи и других городов. Подавляющее преобладание сургутских товаров дает возможность сравнить удельный вес сургутских изделий на местном рынке и в вывозе. В Сургуте в 1636 г. готовых изделий продали

¹³¹ О. Н. Вилков. Указ. соч., стр. 230—234.

¹³² ЦГАДА, СП, кн. 75, лл. 943—981 об.

¹³³ Там же, ЯПИ, оп. 4, д. 10, лл. 28 об.—106, д. 13, лл. 25 об.—102, д. 92, лл. 1 об.—277 об.

¹³⁴ Там же, д. 133, лл. 29—36 об.

¹³⁵ Там же, д. 134, лл. 167—193 об.

¹³⁶ Там же, лл. 5 об.—10, 31—37.

ВЫВОЗ МЕХОВЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ СИБИРИ
В СЕРЕДИНЕ XVII в.¹

Таблица 31

1	Везов- ский уезд ²			Мангазейский уезд ³				Илим- ский уезд		Центральная Якутия						
	1632			1629 ⁴	1636	1642 ⁴	1641	1640 ³	1641	1641	1643 ³	1646	1648 ⁴	1653— 59 ⁴	1653— 59 ⁴	1653— 59 ⁴
	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
Соболы меха:																
шубы соболя	4	1	15	1	1	1	1	1	2	4	3	6	4	4	4	6
» недособолы	1	1	5	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
» пластинные	7	1	2	—	3	3	3	3	19	3	5	4	4	4	4	4
» пупчатые	—	—	4	—	—	—	—	—	6	4	1	1	1	1	1	1
» побочные	7	1	16	2	1	1	1	1	3	—	—	—	—	—	—	—
кафтаны соболя	—	—	5	—	—	—	—	—	1	1	1	1	1	1	1	1
» недособолы	—	—	1	—	—	—	—	—	1	1	1	1	1	1	1	1
» пластинные	—	—	1	—	—	—	—	—	8	3	3	2	2	2	2	2
» пупчатые	—	—	21	—	2	2	2	2	22	4	19	11	11	11	11	11
» из лоскута	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
ферези пупчатые и по- бочные	—	—	—	—	—	—	—	—	4	1	—	—	—	—	—	—
кошули пупчатые	—	—	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
шапки соболя	10	10	23	1	7	7	7	2	5	11	5	3	3	3	3	3
» хвостовые	—	—	18	—	—	—	—	—	6	—	—	—	—	—	—	—
треухи	—	—	—	—	—	—	—	—	20	8	8	8	8	8	8	8
малахан	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
исподы шапочные	20	42	465	—	148	60	189	273	152	152	152	152	152	152	152	152
подскоры	—	—	—	—	2	3	15	35	78	78	78	78	78	78	78	78
рукавицы	—	—	3	—	2	2	23	46	31	19	44	44	44	44	44	44

1 ЦГАДА, СП, оп. 5, д. 14, лл. 3—38 об.,
кн. 19, лл. 55—241 об., кн. 82, лл. 132—165,
кн. 84, лл. 1—95, кн. 154, лл. 676—838, об.;
ЯПИ, оп. 4, д. 28, лл. 2—78, д. 9, лл. 2 об.—
145, д. 12, лл. 14, об.—100, д. 28, лл. 78
об.—159 об., д. 90, лл. 2—265; оп. 1, д. 45,
л. 1—160, д. 9, лл. 52, 100—220; ЛОИИ,
ЯА, карт. 16, стлб. 35, лл. 6—70.
2 В том числе изделия коренного населения.
3 Учтены только меховые изделия «своего
промысла».
4 Сведения не полны.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Воротники												
Пластины												
Бобровые меха:												
шубы												
подволоки												
Лисьи меха:												
шубы												
кафтаны												
одеяла												
треухи												
исподы												
подскоры												
кребты												
Песцовые:												
шубы												
кафтаны												
одеяла												
Белчьи:												
шубы												
Горностаевые												
шубы												
Росомаши и волчьи												
рукавицы												

на 22 руб., что составило 2,3% стоимости пушных товаров, в 1632 г. из Березова вывезли меховой одежды (в большинстве сургутской) на 305 руб., или 6,7% стоимости пушных товаров. Несколько вещей, изготовленных коренными жителями Березовского уезда, существенно не меняют приведенное соотношение.

По Мангазейскому уезду данные несколько занижены, потому что учтены только меховые изделия «своего промысла», между тем в 1629 г. в числе перекупной пушнины было 3 собольих шубы (при 1 «промышленной»), в 1642 г. перекупных было 7, а «промышленных» 4 и т. д. В громадной массе пушнины удельный вес готовых изделий в Мангазейском уезде был невелик, но абсолютное число их значительно. В 1636 г. стоимость изделий из меха далеко выходила за пределы 1000 руб. Кроме указанных в таблице русских изделий, из уезда вывозились предметы производства коренного населения: в 1629 г. в числе «промышленной» пушнины было 5 шуб собольих и 2 собольи пластинные тунгусские, в 1636 г. были собольи и пупчатые шубы остяцкие (кетские). Наибольшее количество меховых изделий в Мангазейском уезде приходилось на середину 30-х годов — время рекордной добычи соболей. Затем производство дорогой одежды резко падает и совсем прекращается. Таможенные приходные книги в 1629 г. регистрировали 2 собольи шубы и 4 кафтана, в 1630 г. 3 шубы, в 1632 г. 3 шубы, в 1635 г. 12 шуб и 17 кафтанов, в 1636 г. 5 шуб и 8 кафтанов, в 1637 г. 20 шуб и кафтанов, в 1642 г. 2 шубы и 2 кафтана, а в 1648, 1654, 1657, 1658, 1659, 1664 гг. шубы и кафтаны в приходных книгах не встречаются.¹³⁷ Позднее стали появляться изделия из менее ценной пушнины: в 1681 г. в таможенно было явлено в числе промышленной пушнины 2 шубы, 3 кафтана и 3 одеяла песцовые, 59 шуб и 76 одеял ушканьих (заячьих), в 1685 г. 9 шуб и кафтанов и мех песцовый, 3 шубы беличьи, 27 шуб и 21 одеяло ушканье.¹³⁸

¹³⁷ ЦГАДА, СП, кн. 19, лл. 55—241 об., кн. 22, лл. 53—295, кн. 34, лл. 425—507 об., кн. 75, лл. 444—722 об. кн. 82, лл. 132—165, кн. 84, лл. 1—95, 194—336, кн. 154, лл. 676—838 об., кн. 229, лл. 1—109, кн. 504, лл. 217—287 об., кн. 394, лл. 1а—54, кн. 381, лл. 13—84, 163—230, кн. 464, лл. 78—98. Для сопоставимости здесь не учитываются шубы и кафтаны, зарегистрированные в приходных денежных книгах. В 1629 г. таких было свыше 3, в 1636 г. 56, в 1637 г. 10.

¹³⁸ Там же, кн. 623, лл. 356—379, 545—561.

Так же примерно обстояло дело в Центральной Якутии, только там больше всего изделий из собольего меха приходилось на 40-е годы. В 1641 г. из Якутска было вывезено 68 шуб, кафтанов и ферезей,¹³⁹ в 1648 г., по неполным данным, 40 и за 7 лет 50-х годов (тоже по неполным данным) почти столько же — 48. Очень мало изделий из лисьего меха. Только со второй половины 40-х годов стали появляться беличьи и горностаевые шубы. В составе перекупной пушнины встречаются изделия якутов: в 1640 г. в продаже было 8 якутских шуб, в 1641 г. в составе вывезенной пушнины было 3 якутских шубы, в 1646 г. 1 шуба и 1 «напольник», в 1650-х годах 1 якутский кафтан.

На периферии Якутии меховых изделий больше было в транзитных пунктах, на Вилюе, в Жиганске, и совсем мало на дальних «заморских реках», хотя соболей там добывали много. На Вилюе в 1633 г. было 2 шубы собольи, 4 шубы собольи пластинные и 212 собольих пластин, в 1635 г. 2 шубы собольи пластинные, 2 кафтана собольи, 2 кафтана пупчатые, 2 кафтана пластинные, 24 испода шапочные, 1 шапка хвостовая, 21 пластина собольи и 14 лисьих пластин, в 1642 г. 1 хвостовая шапка, рукавицы, 12 исподов шапочных и 1 якутская лисья шуба старая.¹⁴⁰ В Жиганске в 1641 г. было 5 шуб собольих, 3 пластинные, 2 пупчатые, 1 кафтан пластинный, 2 ферези побочинные, 2 пупчатые и 1 кошуля «робячья», в 1642 г. в составе промышленной пушнины было 3 кафтана собольи и 1 кафтан пупчатый, в перекупной — 4 шубы собольи пластинные, 4 кафтана собольи, 1 шуба рысья юкагирская и много собольих пластин, в 1644 г. 5 собольих шуб и 2 кафтана.¹⁴¹ На Оленеке в 1643 г. в составе промышленной пушнины меховых изделий не было, в составе перекупной — 1 соболья шуба и 2 шапки. На Колыме в 1646 г. зарегистрировано всего 7 подскорков да «купленных у иноземцев» 45 собольих пластин, в том числе 17 «держанных».¹⁴²

Енисейск по вывозу меховых изделий уступал только Мангазее и Якутску. В 1646 г. из Енисейска было вывезено

¹³⁹ Мангазейская таможня в 1636 г. регистрировала 69 шуб и кафтанов.

¹⁴⁰ ЦГАДА, СП, кн. 75, лл. 692—696 об., кн. 84, лл. 99—108; ЯПИ, оп. 4, д. 67, лл. 3—21.

¹⁴¹ Там же, д. 24, лл. 3—73, д. 68, лл. 2—111, д. 131, лл. 2—66 об., д. 134, лл. 127—164.

¹⁴² Там же, д. 101, лл. 1—18, 52—59, д. 99, лл. 1—55.

17 собольих, лисьих и бобровых шуб, 4 собольих, корсачьих и беличьих кафтана, 11 шапок, 20 малахаев, 6 треухов, 183 подскора, 9 собольих воротников, 43 испода шапочных, 5 околов шапочных, 18 рукавиц собольих и лисьих, 6 бобровых и росомашьих подволоков лыжных.¹⁴³ Однако в Енисейск свозилась пушнина из восточных районов. В енисейских таможенных приходных книгах большое количество готовых изделий, в основном перекупных, приходится на середину 30-х годов. В 1627 и 1630 гг. меховых изделий не было, в 1629 г. было 2 бобровых лыжных подволоки, 36 собольих пластин и 5 «шубенок» собольих тунгусских, в 1632 г. 1 шуба соболя, в 1635 г. 6 разных собольих шуб, в 1636 г. 57 всяких собольих шуб и кафтанов, 2 лисьи шубы, в 1637 г. промышленных: 4 собольи шубы, 1 кафтан соболий, 1 недособолий, 6 бобровых лыжных подволоков, 3 бобровые пояса; перекупных: 7 шуб соболий пластинных, 3 собольи кафтана, 3 недособолий, 13 пластинных, 7 пупчатых, 2 побочинные; 4 лисьи шубы, 1 лисий кафтан, 1 лисье одеяло, 1 беличья шуба, 1 шуба горностаевая, 72 бобровые и выдровые лыжные подволки, 1 пояс бобровый; кроме того, якутских 6 шуб собольих, 3 пластинные и 1 пластинный кафтан, в 1640 г. шапка хвостовая соболя и 8 бобровых лыжных подволоков, в 1642 г. было несколько перекупных собольих шуб, исподы шапочные и 2 тунгусские бобровые шубы.¹⁴⁴

Меньше меховых изделий было в Илимске. В 1639—1640 гг. таможня зарегистрировала 1 шубу соболю пупчатую, 2 лисьи шубы, 1 лисье одеяло, 1 бобровую лыжную подволоку, а также тунгусскую соболю шубу, якутскую соболю шубу и тунгусскую бобровую шубу, в 1641 г. (см. табл. 31) из Илимска вывезли 10 собольих шуб и кафтанов, 4 лисьи шубы и кафтана. На Чечуйском волоке, подчиненном то Илимску, то Якутску, в третьей четверти XVII в. меховые изделия были редки: в 1664 и 1668 гг. в таможенных книгах они совсем не отмечены, в 1675 г. зарегистрирован 1 подскор шапочный и 1 треух¹⁴⁵. В Енисейске и Илимске и в последней четверти

¹⁴³ А. Н. Копылов. Указ. соч., стр. 153.

¹⁴⁴ ЦГАДА, СП, оп. 5, д. 12, лл. 1—38 об., кн. 19, лл. 868—918, кн. 22, лл. 508—570, кн. 34, лл. 586—651 об., кн. 271, лл. 114—162 об., кн. 71, лл. 81—263 об., кн. 95, лл. 786—963, кн. 150, лл. 244—367, кн. 154, лл. 119—229.

¹⁴⁵ Там же, кн. 145, лл. 450—516 об., ЯПИ, оп. 4, д. 836, лл. 2—22, д. 956, лл. 2—21 об., д. 1122, лл. 2—32 об.

XVII в. ценные меховые вещи встречались на рынке, но в небольшом количестве: в Енисейске в 1684 г. в продаже была «шубенка соболя рорячья ношенная», 2 беличьи шубы и 2 беличьи меха, в Илимске в 1685 г. — 2 шубы соболя пластинные, шуба пупчатая, мех беличий и мех недопесковый¹⁴⁶.

В других уездах меховых изделий было еще меньше. Из Томска в 1675 г. вывезли 4 беличьих шубы, 2 сурковые, 1 треух и 6 подсков томской покупки, 4 подскора енисейской покупки, 3 росамашьи женские пуха кузнецкой покупки, в Красноярске в 1699 г. готовых изделий в продаже не было, в Кузнецке в 1706 г. продали 10 заячьих мехов, в Нерчинске в 1698 г. у торговых людей на 7623 соболя была 1 соболя пластинная шуба.¹⁴⁷

Приведенные примеры с очевидностью свидетельствуют, что не только на местных сибирских рынках, но и в вывозе из Сибири готовые меховые изделия в составе пушных товаров занимали весьма скромное место. Естественно, что и на крупнейшей в Поморье Сольвычегодской ярмарке меховая одежда в общем предложении играла «ничтожную роль».¹⁴⁸

Меховая одежда, поступающая на рынки, изготовлялась профессионалами портными и шапочниками, аборигенами Сибири и русскими промышленниками и торговцами. В Енисейске в 1669 г. было 8 портных и один шапочник, в Тобольске в разные годы XVII в. числилось 3—4 портных и до 7 шапочников.¹⁴⁹ Вероятно, они шили одежду не только из привозных материалов, но и из сибирской пушнины. Но, судя по многочисленным указаниям таможенных книг, большинство меховых изделий изготовлялось промышленными и торговыми людьми. Труднее выяснить, существовала ли и насколько была распространена между ними работа на заказ. В мангазейских таможенных книгах часто употреблялось нейтральное выражение: кафтан, испод и т. п. «сшит», «сошит» из соболей, пластин или пупков собольих.¹⁵⁰ В Якутске, наряду с выражениями: «шит из тех же промышленных пупков после десятой», «шит из промышленных своих соболей», треух и рукавицы

¹⁴⁶ ЦГАДА, СП, оп. 5, д. 801, лл. 2—16, кн. 836, лл. 284 об. — 291.

¹⁴⁷ Там же, кн. 594, лл. 383 об. — 468, оп. 5, д. 399, лл. 3—98 об., д. 887, лл. 2 об. — 22, кн. 1216, лл. 2—9.

¹⁴⁸ И. С. Макаров. Пушной рынок Соли Вычегодской в XVII веке. «Исторические записки», 1945, кн. 14, стр. 154.

¹⁴⁹ А. Н. Копылов. Указ. соч., стр. 117; О. Н. Вилков. Указ. соч., стр. 72.

¹⁵⁰ ЦГАДА, СП, кн. 19, лл. 100, 114, 154.

«шиты из тех же промышленных соболей», шубы шиты «из покупочных его пластин и из соболей», встречаются также: «кафтанишко шил из своих пупков», одеяло лисье «сшил из покупной шубы, лисиц и хребтов», «собирал пластины и шил шубу в Жиганех»¹⁵¹ и т. п. Последние скорее указывают на собственную работу, но формально и они нейтральны, потому что не обозначают, сами ли шили или кому заказывали.

Можно допустить случаи отдачи пушнины в работу на заказ квалифицированным специалистам из торговых же или промышленных людей, и все же отсутствие указаний на них в источниках не случайно. Русским промышленникам, продававшим практически всю добытую пушнину, не было смысла отдавать ее в переработку: выигрывая на продаже готовых изделий, они проигрывали на плате мастерам. Не было смысла и высококвалифицированным ремесленникам ехать из Европейской России в Сибирь, где единственным преимуществом была бы возможность сочетать промысел, торговлю и меховую промышленность, но в ограниченных пределах досуга между промысловыми сезонами и подготовкой к ним. При этом едва ли они могли рассчитывать на высокие заработки. Логичнее предположить обработку меха самими промышленниками и скупщиками в свободное время.

О такой работе есть прямые и косвенные указания источников: «А те подскоры шиты на промыслу»,¹⁵² платил десятинную пошлину «с кафтана соболя пластинна, не сшит»¹⁵³. В пользу этого предположения свидетельствует состав продавцов, ассортимент и количество меховых изделий.

Меховую одежду или заготовки для нее продавали или вывозили в Россию представители всех социальных групп, участвовавших в пушном промысле и торговле, но численно преобладали промышленные люди. Количество меховых изделий даже у богатых купцов было невелико, однако торговым и некоторым служилым людям принадлежали наиболее дорогие предметы — шубы, кафтаны и т. п.

В ассортименте меховых изделий легко заметить преобладание, во-первых, мелких предметов и, во-вторых, вещей, изготовленных из низких сортов пушнины. Если данные 31 таблицы рассматривать суммарно, то окажется, что кафтанов (151) было больше, чем шуб (138), а шапочных исподов (по

¹⁵¹ ЦГАДА, ЯПИ, оп. 4, д. 28, л. 111, д. 62, лл. 233 об., 240, д. 91, л. 52, д. 117, л. 37 об., д. 123, л. 131 об.

¹⁵² А. Н. Копылов. Указ. соч., стр. 152.

¹⁵³ ЦГАДА, СП, кн. 82, л. 153 об.

далеко не полным данным 1403) почти в 5 раз больше, чем шуб и кафтанов вместе с фережами и кошулями. Много недособольих шуб и кафтанов при незначительном количестве недособольих шкурок по сравнению с собольими. Пупчатых шуб лишь в полтора раза меньше, чем собольих, а кафтанов в 2,5 раза больше, чем собольих, между тем собольих пупков на шубу (120—280) и на кафтан (120—170)¹⁵⁴ требовалось в несколько раз больше, чем соболей. Шапочные исподы в большинстве были пупчатые, иногда пластинные и совсем редко собольи.

В дело шли отходы производства и промысловый брак: лоскут соболий, бобровый, лисий, обрезки, огрызки (шкурки с остатков съеденных хищниками в ловушках зверей), битые звери (порченные шкурки) и т. п. Из этой мелочи шили не только исподы и подскоры шалочные, но и шубы, кафтаны, иногда в сочетании с цельными шкурками. В 1642 г. в Якутске у богатого торгового человека холмогорца Филиппа Онцифорова в составе пушнины было 1142 соболя, 6 росамах, 10 лисиц и кафтан, «шит из того соболиного промысла из огрызков и из битых соболей»,¹⁵⁵ в 1644 г. там же приказчик гост. сотни Гр. Панкратьева кафтан «шил из покупочных пластин, огрызков, лоскута соболяго»,¹⁵⁶ в 1648 г. там же торговый человек холмогорец И. Симонов покупал горностаев «битых и красных» (порченных и не вовремя добытых) и сшил шубу¹⁵⁷. В составе промышленной и перекупной пушнины часто упоминается меховой лоскут.

Говоря о меховых изделиях, вывезенных из Сибири, надо иметь в виду, что в большинстве они не были вполне готовыми предметами. Не только шапочные исподы, шапочные и другие подскоры (меховая часть одежды, покрываемая каким-либо материалом), но и шубы, кафтаны, рукавицы нуждались в покрытии, потому что меховую одежду тогда носили мехом внутрь. Лишь изредка встречаются «шубка соболя женская под киндяком» — у Ос. Гр. Цыпани в Мангазее в 1636 г.,¹⁵⁸ кафтан недособольи под сукном с ожерельем (воротником) недособольим, треух под сукном, опушен росомашьим пухом — у промышленного человека Ал. Маркова в 1641 г. в

¹⁵⁴ ЦГАДА, ЯПИ, оп. 4, д. 415, л. 70, д. 12, л. 91 об., д. 831, л. 23, д. 152, л. 45 об., д. 123, л. 108, д. 24, л. 52 об.

¹⁵⁵ Там же, д. 62, л. 448 об.

¹⁵⁶ Там же, д. 117, лл. 123, 132.

¹⁵⁷ Там же, д. 270, л. 59 об.

¹⁵⁸ Там же, СП, кн. 82, л. 153 об.

Якутске ¹⁵⁹, рукавицы собольи под ровдугой, опушены собольими хвостами — у промышленного человека Роспуть Антипова ¹⁶⁰, шубенка, кафтанишка пластинные, «покрыты камчишкой ветошной» (старой камкой) — в Якутске в 1646 г. у торговца человека Карпа Григорьева, ¹⁶¹ «кошуля пупчатая под кровлею» — у промышленных людей Тимофея и Гордея Сергеевых в Якутске в 1648 г., ¹⁶² там же кафтан пупчатый, «шит ис своих пупков собольих промышленных, под крашениной» — у промышленного человека Кузьмы Валуева, ¹⁶³ «кафтан пупчатый под сукном лазоревым», «рукавицы собольи под сукном зеленым, шиты волосом и шелком». ¹⁶⁴ Среди меховых изделий встречались предметы, бывшие в употреблении, а также части одежды. Крестьянин вологодского архиепископа Ив. Никитин в 1646 г. вывез из Якутска ¹⁶⁵ малахаев ношенных 7, у приказчика гост. сотни Дементия Курилова в 1648 г. была «шубенка маленькая робячья тунгусская об одном рукаве», ¹⁶⁶ в 1636 г. в Мангазейском уезде вычегжанин Петр Петров платил десятинную пошлину с «пол кафтаных малых собольих». ¹⁶⁷ При изготовлении одежды иногда употребляли меха разных зверей: шуба лисья, рукава собольи. ¹⁶⁸ Воротники, опушка из меха других зверей вообще были нередки.

Общую цену меховых изделий установить невозможно, потому что таможенная оценка часто определялась суммарно за всю партию пушнины. Примеры таможенных оценок отдельных предметов показывают большое разнообразие цен. Так, шубы собольи оценивались в 20, 25, 30, 60, 85 руб., а «шубенка соболья робячья» вместе с двумя шапочными исподами, кошлоком и выдрой — в 7 руб., шуба соболья без рукавов — 15 руб.; шуба недособолья вместе с кафтаном собольим — 33 руб., шуба соболья пластинная — 20, 25, 30, 40, 45 руб., шуба пупчатая вместе с кафтаном пупчатым и 4 исподами — 17 руб., кафтан недособольи — 12 и 40 руб., кафтан пластинный — 10 руб., кафтан пупчатый — 8, 10, 12, 15 руб., кафтан пупчатый вместе с 2 шапками — 15 руб., кафтан пупчатый

¹⁵⁹ ЦГАДА, ЯПИ, оп. 4, д. 28, лл. 123—123 об.

¹⁶⁰ Там же, лл. 128 об. — 129.

¹⁶¹ Там же, оп. 1, д. 45, л. 104.

¹⁶² Там же, д. 9, л. 151.

¹⁶³ Там же, л. 193.

¹⁶⁴ ЛОИИ, ЯА, карт. 16, стлб. 35, лл. 8, 21.

¹⁶⁵ ЦГАДА, ЯПИ, оп. 4, д. 28, л. 138.

¹⁶⁶ Там же, оп. 1, д. 9, л. 172.

¹⁶⁷ Там же, СП, кн. 82, л. 161.

¹⁶⁸ Там же, ЯПИ, оп. 4, д. 28, л. 108.

вместе с 3 исподами — 8 руб., кафтан пупчатый с собольим воротником — 15 руб.; исподы чаще оценивались по 60 коп., подскоры — по 30 коп., 1 руб., 1 руб. 50 коп. Преобладали более дешевые изделия. Одежда, приобретаемая у коренного населения Сибири, в среднем ценилась значительно дешевле. В Якутске в 1640 г. якутские собольи шубы оценивались в 2 руб. 50 коп., 3 руб., 3 руб. 50 коп., 5 руб. ¹⁶⁹ В Мангазее в 1636 г. остяцкие собольи шубы, правда, оценивались по 20 руб. ¹⁷⁰, но в среднем дешевле русских.

Преобладание мелких вещей над крупными, изделий из низких сортов ценной пушнины над высокосортными можно объяснить тем, что потребители дорогих меховых изделий предпочитали шить одежду на заказ в центрах Европейской России, а промышленники и торговцы, не обладавшие квалификацией столичных скорняков, портных и шапочников, без риска испортить ценное сырье охотнее брали в работу малоценные части шкурок и промысловый брак.

В Сибири промышленники использовали не только свободное время, но и возможность подбирать однородные меха путем обмена и скупки на местных рынках.

Эволюция меховой промышленности в Западной и Восточной Сибири была неодинаковой. В Западной Сибири в 1636—1671 гг. происходило возрастание удельного веса меховой одежды в общем стоимостном балансе продаваемых на тобольском рынке пушных товаров. О. Н. Вилков связывает это с увеличением товарного выхода Тобольского ремесла, ¹⁷¹ а также с развитием меховой промышленности нерусских народов: местное население в первой половине XVII в. чаще продавало пушнину, а не одежду из нее, во второй половине века оно стало продавать и одежду, сшитую из этой пушнины ¹⁷². В Восточной Сибири с 30—40-х годов XVII в. удельный вес меховой одежды падал главным образом за счет сокращения изделий из ценного меха. Развитие скорняжного и портняжного производства в Енисейске ¹⁷³ не оказало замет-

¹⁶⁹ Там же, д. 13, лл. 25 об. — 102, д. 10, лл. 28 об. — 106.

¹⁷⁰ Там же, СП, кн. 82, л. 133 об.

¹⁷¹ О. Н. Вилков. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке, стр. 226.

¹⁷² О. Н. Вилков. Промышленность нерусских народов Тобольского уезда в XVII в. «Сибирь XVII—XVIII вв.». Новосибирск, 1962, стр. 90.

¹⁷³ Во второй половине XVII в. енисейские скорняки и портные вполне были обеспечены работой. См. А. Н. Копылов. Указ. соч., стр. 150—151, 154—155.

ного влияния на меховую промышленность из-за преобладания в ней самих промышленников. Изделия нерусских народов не могли конкурировать с русскими на рынках Европейской России, хотя бы уже по несоответствию фасонов, а на местных рынках Восточной Сибири спрос на них вообще был невелик. У них охотнее покупали необработанную пушнину.

При сравнении соболиного промысла и производства меховых изделий из ценной пушнины в Восточной Сибири обнаруживается совпадение времени расцвета того и другого, что естественно, и в то же время непонятное, на первый взгляд, различие: расцвет меховой промышленности был много короче расцвета соболиного промысла, изготовление собольих шуб и кафтанов почти прекратилось еще в то время, когда соболей вывозили десятками тысяч. Объяснение всему этому надо искать в характере промыслового движения в Сибирь.

Массовый наплыв промышленников в Сибирь опережал по темпам сельскохозяйственное освоение края, спрос на рабочую силу вне промысла был невелик, поэтому промышленные и торговые люди в свободное время сами обрабатывали пушнину и изготавливали меховую одежду. Расцвет соболиного промысла привлек в Сибирь, наряду с охотниками-профессионалами, массу крестьян и посадских. Среди последних могли быть специалисты пушного дела. С истощением соболиных запасов, относительным промысловым перенаселением и одновременно с первыми успехами восточносибирского земледелия усилились самые различные связи промышленников с сельским хозяйством, от временной работы по найму до поселения на пашню, наконец, происходило оседание самих охотников в Сибирь, образование их собственного промыслового хозяйства, в той или иной мере натурального, — все это отвлекало промышленников от переработки пушнины, лишало меховую промышленность той примитивной рентабельности, которая по существу сводилась к целесообразному использованию досуга и основывалась на неразвитости разделения труда.

Изготовление меховых изделий в Сибирь не сложилось в крупную отрасль местной промышленности.¹⁷⁴ Все же сотни предметов меховой одежды в 30—40-е годы стоимостью до нескольких тыс. руб. усиливали значение промысла и способствовали более тесной связи его с экономикой Сибири.

¹⁷⁴ Этого не произошло и много позднее. В XIX в., как сообщает Ю. А. Гагемейстер, сами ловцы не одевались в дорожные меха, а городские жители Сибири получали выделанные меха более из России (Гагемейстер. Статистическое обозрение Сибири, ч. 1, стр. 250).

4. Некоторые особенности пушной торговли в Сибири в XVII в.

Пушная торговля в Сибири представляет отдельный от пушного промысла предмет исследования, поэтому здесь рассматриваются только некоторые ее особенности, имеющие отношение к промыслу и недостаточно изученные. Заслуживают внимания, в частности, цены встречных товаров, способы получения торговой прибыли и характер пушной торговли.

До тех пор, пока не будут исследованы цены товаров в разных районах Сибири и Европейской России, определенный интерес будут иметь даже разрозненные, но сопоставимые данные.

В 40-х годах XVII в. на Индигирке и Колыме соболей продавали и покупали, независимо от качества меха, по рублю за штуку, что составляет 45% от «разборной» цены. На Оленеке и в Жиганске в те же годы соболей продавали в среднем за сезон по 75, 76, 79 коп. (75% от «разборной» цены) и по рублю (в тот год 65% от «разборной» цены). В Якутске тогда продавали по 82 коп. (73% от «разборной» цены) и по 1 руб. 10 коп. (57% от «разборной» цены). В отдельные из 40-х годов на Олекме соболей продавали по 76 коп., на Чечуйском волокe — по 1 руб. 5 коп., в Верхотенске — по 70 коп., в Илимске — по рублю (140% от «разборной» цены) и по 1 руб. 22 коп.¹⁷⁵ В Томске в середине XVII в. продавали соболей 3 штуки за рубль¹⁷⁶, что составляет 55—70% от «разборных» цен 1647 и 1656 гг. В Сургуте в 1636 г. соболей продавали в среднем по 60 коп. (73% от «разборной» цены 1637 г.)¹⁷⁷. В Тобольске в 1639/40 г. соболи на рынке в среднем стоили по 97 коп.¹⁷⁸, значительно дороже средних «разборных» цен в уездах, откуда в Тобольск поступала основная масса соболей. В Сольвычегодске в 1634—1639 гг., по выборочным данным, соболей продавали в среднем по 96 коп. В 1640—1649 гг. соболей там продавали в среднем по рублю за штуку. Чаще всего цена приближалась к 40 руб. за 40 соболей¹⁷⁹. В Устьюге, по выборочным же данным¹⁸⁰, в 1634 г. со-

¹⁷⁵ См. подробнее в главе 4, табл. 10 и след.

¹⁷⁶ Г. Н. Потанин. Привоз и вывоз товаров города Томска в половине XVII столетия. «Вестник РГО», СПб., 1859, № 12, стр. 144.

¹⁷⁷ ЦГАДА, СП, кн. 75, лл. 943—982, кн. 95, л. 636.

¹⁷⁸ О. Н. Вилков. Указ, соч., стр. 230.

¹⁷⁹ И. С. Макаров. Пушной рынок Соли Вычегодской в XVII веке. стр. 155—156; ТКМГ, т. 1, стр. 299—402.

боли в среднем стоили по 1 руб. 32 коп., в 1635 г. — по 79 коп.¹⁸¹ Обычно там средняя цена была близка к 40 руб. за 40 соболей.¹⁸²

Сравнительный анализ рыночных цен затрудняется большим разнообразием пушно-меховых качеств соболей в зависимости от мест добычи, однако делу можно помочь сопоставлением рыночных цен с «разборными». Нельзя не обратить внимания на относительно низкие рыночные цены на Индигирке и Колыме по сравнению с якутскими, особенно с илимскими и в Сургуте по сравнению с тобольскими. В местах массового скопления промышленников соболей (вероятно, и другие звери) были относительно дешевле. Так, например, торговый человек И. Омосов Осколков 13 июля 1643 г. в Якутске купил 1503 соболя за 1643 руб. 39 коп., средней ценой по 1 руб. 11 коп., и 28 ноября того же года в Илимске продал 1432 соболя за 1800 руб. — по 1 руб. 26 коп., с разницей в цене на 13,5%.¹⁸³ Прибыль, если не считать накладных расходов, немалая. Переезд из Якутска в Илимск тоже требовал определенных затрат, но, по-видимому, не только этим определялась разница цен. В конкретных ситуациях торговым людям было выгоднее покупать дорогих соболей в Илимске, где формировались промысловые партии и поблизости размещалось земледельческое население, следовательно, был большой спрос на «русские» товары, чем ехать в Якутск за относительно дешевыми соболями. По той же причине покупали соболей дешевле их «разборной» цены в Сургуте и дороже — в Тобольске. Несомненно, что немалую роль играло соотношение спроса и предложения, направление и протяженность торговых путей.

Приведенных примеров недостаточно, чтобы говорить о движении цен на пушнину на разных этапах развития пушной торговли. Систематизированных данных о рыночных ценах в литературе нет. Таможенные оценки пушных товаров, которые лучше всего отражены в источниках, для изучения движения цен менее пригодны из-за их условности и неодинаковой степени отклонения от рыночных цен. Когда специалисты выя-

вят и обобщают данные о рыночных ценах, движение цен проследить будет не трудно. Пока приходится ограничиваться статичным материалом времени высшего расцвета промысла и торговли.

Совершенно неожиданными кажутся почти одинаковые цены соболей в Сольвычегодске, Устюге и на некоторых сибирских рынках. Частично это объясняется тем, что основной поток пушнины проходил северным путем, минуя Илимск и Тобольск с их относительно более высокими ценами по сравнению даже с поморскими рынками, главным же образом скоплением в Сольвычегодске и Устюге возвращавшихся на родину промышленников, которые предпочитали вывозить пушнину, а не деньги, потому что в местах добычи пушнина стоила все же дешевле. По определению И. С. Макарова, Сольвычегодская ярмарка была местом встречи непосредственных заготовителей пушнины с крупными торговцами, местом многолюдного, но очень дробного торга. В 1654—55 г. промышленники явили там $\frac{3}{4}$, а в 1655—56 г. около $\frac{7}{8}$ всей пушнины. И в Устюге в годы подъема пушной торговли главную массу торгующих мехами составляли промышленные люди, а покупателей пушнины всегда было меньше, чем продавцов.¹⁸⁴

В центре страны, куда охотники с пушным товаром не доходили, пушнина ценилась еще дороже. Если судить по отдельным примерам, то разница была громадной: казенные соболи на Свенской ярмарке продавались и за 100, 150, 180 и даже за 300 руб. сорок, или до 7 руб. 50 коп. за штуку.¹⁸⁵ С. В. Бахрушин приводит пример, когда соболи, купленные частным путем в Якутске за 720 руб., в Москве были оценены в 3600 руб. — в 5 раз дороже.¹⁸⁶ Но на отдельных торгах могли продаваться соболи выше среднего качества, а официальная оценка, как правило, была выше рыночной цены. Лучше ориентироваться на соотношение «разборной» московской и «разборных» уездных цен. Как видно из таблицы 11, в последних десятилетиях XVII в. сибирские казенные цены в среднем относились к московской как 1 : 1,21, в 30—40-х годах, по-видимому, несколько больше. Надо еще учесть стремление сибирских воевод завязать уездные «разборные» цены. И все же громадной, тем более многократной разницы цен пушнины в центре страны и в местах добычи не видно.

¹⁸⁴ И. С. Макаров. Указ. соч., стр. 161; А. Ц. Мерзон и Ю. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 279, 283.

¹⁸⁵ И. С. Макаров. Указ. соч., стр. 156.

¹⁸⁶ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. I, стр. 239.

¹⁸⁰ Соболей часто продавали вместе с другим пушным товаром, поэтому в тех случаях точную их цену определить невозможно.

¹⁸¹ ТКМГ, т. I, стр. 11—104, 192—228.

¹⁸² А. Ц. Мерзон и Ю. А. Тихонов. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII вв.). М., 1960, стр. 276.

¹⁸³ ЦГАДА, ЯПИ, оп. 4, д. 92, лл. 159—164, д. 128, л. 100 об.

Отсюда понятно, что торговым людям выгоднее было на деньги покупать соборы и другую пушнину в Поморье¹⁸⁷, а не в сибирских городах, куда они везли товары. Деньги в Сибирь торговые люди привозили скорее в порядке исключения, чем правила. В Енисейск в 1645/46 г. привезли товаров и денег на сумму 62533 руб., в том числе 6757 руб. (10,8%) деньгами, вывезли из Енисейска на 45705 руб., в том числе 4799 руб. (10,5%) деньгами, причем деньги в основном поступили из Тобольска, Тюмени и Томска, где были выручены от продажи «русских» товаров.¹⁸⁸ Ввоз в Сибирь больших сумм денег в 1659—1663 гг. был со спекуляцией медными деньгами.¹⁸⁹

Значительно большей была разница в ценах на привозные в Сибирь товары. Так, например, топоры на устьюжском рынке в 1634 г. стоили не выше 20 коп., а пешни около 10 коп. за штуку¹⁹⁰. В тобольской таможене в 1639/40 г. топоры оценивались в среднем по 32, пешни по 21 коп.,¹⁹¹ в Якутске в 1648 г. топоры в таможене оценивались по рублю, пешни по 50 коп.¹⁹² По утверждению якутского воеводы В. Н. Пушкина, в Енисейске «русские» товары стоили в 3—5 раз дороже, чем в Европейской России, а одежда — вдвое против Западной Сибири.¹⁹³ Правда, провоз этих товаров, по сравнению с пушниной, стоил дороже, тем не менее и реально такой разницы цен пушнины в обратном направлении никогда не наблюдалось. По подсчетам А. Н. Копылова, сольвычегодские цены на пушнину были выше енисейских всего на 10—15%¹⁹⁴.

Большую прибыль получали торговые люди от продажи промышленникам закупленного в Сибири хлеба.¹⁹⁵ Посредническая торговля хлебом при высоких ценах на привозные промышленные товары была дополнительным источником

¹⁸⁷ И. С. Макаров. Указ. соч., стр. 150.

¹⁸⁸ А. Н. Копылов. Указ. соч., стр. 236—238.

¹⁸⁹ О. Н. Вилков. Указ. соч., стр. 83; Д. И. Тверская. К вопросу о роли купечества в процессе формирования всероссийского рынка в XVII в. «Новое о прошлом нашей страны». М., 1967, стр. 294—300.

¹⁹⁰ 65 топоров, 50 пешен и 5000 уд стоили 17 руб.; 130 топоров и 100 пешен стоили 35 руб. (ТКМГ, т. I, стр. 30, 59).

¹⁹¹ О. Н. Вилков. Указ. соч., стр. 139.

¹⁹² ЦГАДА, ЯПИ, оп. 1, д. 9, лл. 1—220.

¹⁹³ В. А. Александров. Указ. соч., стр. 272.

¹⁹⁴ А. Н. Копылов. Указ. соч., стр. 234.

¹⁹⁵ В. А. Александров. Указ. соч., стр. 285—286; А. Н. Копылов. Указ. соч., стр. 191.

прибыли и в то же время стимулировала развитие товарности сельского хозяйства.

Высокие цены на привозные товары как главный источник торговой прибыли отмечает сибирская администрация. В 1660 г. якутский воевода на основании показаний таможенного головы Андрея Курдюкова, данных последним под присягой, писал в Москву, что приезжающие с Руси торговые люди и приказчики торгуют в Якутском остроге по рекам и за морем, «и те де русские товары и хлебные запасы продаются по рекам и за морем дорогими ценами, потому де у торговых и у промышленных людей чинится прибыль».¹⁹⁶

Якутская администрация приводит выписку из таможенных книг с 1652 по 1660 г., в которой в большинстве случаев указываются годы приезда торговых людей с товаром и отъезда с пушниной, что позволяет приблизительно определить время, затраченное на реализацию привозного товара и закупку пушнины. Из поддающихся такому учету привозных товаров и денег на сумму 35904 руб. 45 коп. в течение одного года было реализовано на 4704 руб. 16 коп. (13%), с разрывом между привозом и вывозом в один год — на 10122 руб. 58 коп. (28%), с разницей в два года — 11380 руб. 77 коп. (32%), с разрывом от одного до трех лет — на 1409 руб. 90 коп. (4%), в три года — 1527 руб. 54 коп. (4%) и с разницей в три года и выше — 6759 руб. 50 коп. (19%). В среднем торговая операция от привоза в Якутию товара до вывоза из края пушнины продолжалась не менее полутора лет. Если сравнить условные таможенные оценки, то средняя годовая прибыль в Якутии составит от 1/4 до 1/3 конечной цены привозного товара.

Однотипные к якутским данным есть по Илимскому уезду. В 1644 и частично 1645 гг. торговые и промышленные люди привезли в Илимск денег, товаров и хлеба по енисейской таможенной оценке на 5333 руб. 85 коп. На вырученные от продажи товаров и наличные деньги они купили пушнины по илимской таможенной оценке на 9163 руб. 17 коп.¹⁹⁷ Поуезд-

¹⁹⁶ ЛОИИ, ЯА, карт. 16, стлб. 35, л. 4. См. также И. И. Селиверстов. Торговля и промыслы русских в Якутии в 40—60 годах XVII века. Канд. дисс. (1952), стр. 210.

¹⁹⁷ ЛОИИ, ЯА, карт. 9, стлб. 4, лл. 49—66. Здесь не учитывается стоимость товаров тех торговых и промышленных людей, у которых «мягкой рухляди не объявилось».

ная приценка на разные и даже на одинаковые привозные товары, как и на пушнину, была различной.¹⁹⁸ За 1644—1645 гг. илимская оценка привозных товаров не обозначена. В илимской ценовой книге 1685 г. подробно перечислены товары торговых людей с обозначением енисейской оценки (на общую сумму 4592 руб. 26 коп., не считая денег) и илимской оценки (на 6805 руб. 62 коп.). Приценка отдельных партий товаров составляла от 27 до 100%, а в совокупности 48%.¹⁹⁹ Сопоставление одновременных показателей допустимо потому, что, как установил А. Н. Копылов, в Сибири до середины 80-годов XVII в. цены на большинство товаров, особенно на сельскохозяйственные и «русские» привозные, понижались, а таможенная оценка оставалась высокой.²⁰⁰ При 48-процентной приценке товары в Илимске в 1645 г. оценивались бы в 7894 руб., и прибыль от покупки на них пушнины составила бы 16%. При 40-процентной приценке прибыль составила бы 23%. Это раза в два меньше конечной прибыли от покупки пушнины в Якутском уезде, однако в небольшом Илимском уезде торговый капитал оборачивался быстрее, судя по рассматриваемой выписке из илимских ведомостей, в пределах одного года. Поэтому здесь конечная и средняя годовая прибыль совпадали и составляли, при сопоставлении формальных оценок, около 1/5 цены привозного товара. Разумеется, это была не чистая прибыль. Накладные расходы значительно снижали ее и, несомненно, относительно выравнивали в разных уездах.

В литературе есть отдельные сведения о действительной прибыли торговых людей от сибирской пушной торговли. И. С. Макаров высчитал, что в Поморье, откуда предпринимались поездки в Сибирь и где была выгодной торговля пушшиной на деньги, в 40—50-х годах XVII в. прибыль от промысла и торговля составляла 22—25%.²⁰¹ В 30-х годах в Устье у группы торговых людей годовая же торговая прибыль составила 22%.²⁰² Прибыль, конечно, распределялась не равно-

¹⁹⁸ Мангазейская таможенная оценка в 1636 г. была выше обдорской на 24 и 27%, в 1637 г. на 35—58% (ЦГАДА, СП, кн. 82, лл. 80—80 об., кн. 84, лл. 134—134 об.) в Верхотурье в 1644 г. таможенная оценка была выше илимской на 5, 14, 16%. (Там же, ЯПИ, оп. 4, д. 134, лл. 10 об.—12 об.).

¹⁹⁹ ЦГАДА, СП, кн. 836, лл. 303—333 об.

²⁰⁰ А. Н. Копылов. Условная оценка товаров в сибирских таможнях в XVII в. «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России». М., 1961, стр. 76.

²⁰¹ И. С. Макаров. Указ. соч., стр. 159, 162.

²⁰² ТКМГ, т. I, стр. 207.

мерно и зависела не только от конкретной конъюнктуры, но и от размеров торгового капитала. Историками убедительно доказано, что крупное купечество получало относительно большую прибыль. Легко представить себе, что при благоприятном стечении обстоятельств отдельные торговые люди быстро обогащались. И годовая прибыль в 20—25%, если примеры типичны, достаточно высока, но не баснословна, как можно ожидать при колониальном, неэквивалентном характере торговли с Сибирью. Громадные расстояния при отсутствии прямых водных путей чрезмерно удорожали доставку в Сибирь промышленных и продовольственных товаров.²⁰³ Обратный проезд налегке обходился дешевле, но владельцев пушнины подстерегали дополнительные расходы сверх дорожных затрат и многочисленных казенных налогов и пошлин. «Особую статью расходов, притом чрезвычайно тяжелую, — пишет С. В. Бахрушин, — составляли подарки представителям администрации, производившиеся либо совершенно открыто, в «почесть», или в форме фиктивных займов». С. В. Бахрушин приводит «ропись» товаров, в которой перечислены подобные приношения приказчика Г. Р. Никитина: подарки воеводам при приезде в город (в Нерчинске, Иркутске, Енисейске, Тобольске и Туринске), обязательные взятки таможенному гололе и другим представителям администрации. «Ждала подарков и воеводская дворня».²⁰⁴ Представление о размерах приношений дает ценовая роспись мягкой рухляди якутского воеводы Мих. Лодыженского и дьяка Фед. Тонково: служилые, торговые и промышленные люди принесли им «в почесть» 2000 соболей и 3 черно-бурые лисицы по «разборной» цене на 7108 руб. 50 коп.²⁰⁵ Таким образом значительная доля торговой (и промысловой) прибыли попадала не только непосредственно в государственную казну, но и в руки исполнителей государственной власти. И эта доля государства с его аппаратом едва ли была много меньше чистой прибыли купцов и

²⁰³ Один из приказчиков гостя Г. Р. Никитина на проезд от Москвы до Илимска издержал 978 руб. 9 коп. (С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. I, стр. 234).

²⁰⁴ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. I, стр. 248—249.

²⁰⁵ Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII в. Сб. документов. Л., 1936, стр. 62—63. В Сургуте в качестве «поминков» воеводе промышленные люди принесли в 1625 г. 160 соболей, в 1629 г. 102 соболя, в 1640 г. 165 соболей, 10 лисиц, 3 бобра, 1 росомуху (ЦГАДА, СП, кн. 1, л. 291, об.; кн. 19, л. 654, кн. 150, л. 742 об.).

промышленников. Наконец, в условиях массового промыслового движения в Сибирь и тесной связи сибирского промысла с Европейской Россией беспредельному росту торговой прибыли мешало непосредственное общение промышленников с поморскими рынками, встреча там добытчиков пушнины с покупателями. Это налагало заметный отпечаток на пушную торговлю в Сибири и в Поморье, особенно выразившийся в небольшой разнице цен пушного товара.

Говоря об относительно высоких ценах пушнины на сибирских рынках, нельзя не отметить еще одну особенность пушной торговли в XVII в. — слабую дифференциацию рыночных цен. В то время как «разборная» цена собольих шкурок при одновременной оценке партий казенных мехов разнилась в десятки и даже сотни раз, высшая и низшая рыночные цены, как уже отмечалось, в течение целого года даже на таких больших рынках, как якутский, редко разнились больше, чем в 2—2,5 раза, а во многих местах были стандартными. В Сольвычегодске на протяжении 50 лет цены на соболей колебались от 20 до 80 руб. за сорок, чаще всего приближались к 40 руб. Близостью конкретных цен к средним можно объяснить частое употребление условных цен. «Известно, — пишет И. С. Макаров, — что 40 руб. составляли условную цену за сорок средних по качеству соболей, и в исках в случаях кражи или незаконного присвоения меха истцы обычно оценивали сорок соболей в 40 руб.»²⁰⁶. Фактически условными были конкретные рыночные цены соболей на Индигирке и Колыме в 40-х годах XVII в. — по рублю за штуку.

* * *

При сближении реальных рыночных и условных цен операции по скупке и перепродаже пушнины на тех же рынках были невыгодны и в Восточной Сибири не часты. В 1643 г. на Оленеке из 113 человек, зарегистрированных в качестве продавцов или покупателей соболей, 69 человек только продавали, 36 человек только покупали и лишь 8 человек были покупателями и продавцами пушнины. При этом в двух случаях продажные и покупные цены совпадали, в трех были дешевле и в трех дороже покупных²⁰⁷. Трудно судить о прибыли от перепродажи, потому что продавали и покупали разных собо-

²⁰⁶ И. С. Макаров. Указ. соч., стр. 156.

²⁰⁷ ЦГАДА, ЯПИ, оп. 4, д. 101, лл. 19—32 об., 58.

лей²⁰⁸. Очевидно, промышленные и торговые люди извлекали какую-то пользу, даже если покупали дороже, чем продавали, или вынуждены были делать это по условиям какой-нибудь кабалы. Одной из целей таких операций могло быть «выравнивание» качественного состава пушнины.

Всего на Оленеке в 1643 г. было продано — куплено 2470 соболей, в том числе 281 соболь в продаже был дважды. В действительности в обращении было 2189 соболей. Перекуп в собственном смысле слова составил 12,8% от обращавшихся в продаже соболей.

В Жиганске в 1644 г. в обращении на рынке было 3102 соболя, из них 127 (4,1%) в продаже были дважды, а всего было продано — куплено 3229 соболей. Продавали соболей 148 человек, 40 человек покупали и 5 человек покупали и продавали²⁰⁹. Все без исключения соболи продавались по рублю за штуку. При стандартной цене массовая скупка соболей с целью перепродажи не имела смысла.

Большое число покупателей и продавцов показывает, что в продаже преобладали мелкие партии пушнины. На Оленеке в 1643 г. больше всего купили промышленные люди Сухан Иванов (291 соболь) и Антон Ивков (273 соболя) и торговый человек Вас. Курочкин (260 соболей).

Из явленных в таможенную 7713 промышленных соболей было куплено 2189, или 28,4%. В Жиганске в 1644 г. 1357 соболей в 19 партиях купил крестьянин Ф. Ф. Лихачева Осип Омонов Осколков, 817 соболей в 39 партиях купил крестьянин Соловецкого монастыря Яков Иванов, из остальных покупателей только двое купили свыше 100 соболей каждый. Процент скупленных у промышленников соболей определить не удастся, потому что сведения жиганской таможенной книги за 1644 г. не полны,²¹⁰ но, судя по данным 1642 г., когда на 21778 промышленных соболей приходилось 4342 перекупных (около 20%), в период расцвета соболинного промысла скупка пушнины у промышленников на Ленском Севере не была особенно развита. Несколько больше соболей покупали торговые люди на «заморских» реках²¹¹. Торговые люди охотнее поку-

²⁰⁸ Например, В. Демидов сначала продал, а затем купил соболей. 18 января он платил десятичную пошлину с 342 промышленных соболей. (Там же, л. 2 об.).

²⁰⁹ ЦГАДА, ЯПИ, оп. 4, д. 134, лл. 167—193 об.

²¹⁰ Там же, лл. 127—165 об. В этой книге показано 4849 промышленных и 789 перекупных соболей, между тем в продаже было свыше 3000 соболей. (Там же, лл. 167—193 об.).

²¹¹ ЦГАДА, ЯПИ, оп. 4, д. 415, лл. 56—72.

УДЕЛЬНЫЙ ВЕС РАЗНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ В
СКУПКЕ ПУШНИНЫ В ЯКУТСКЕ В СЕРЕДИНЕ XVII в.¹

Таблица 32

Год	Торговые люди		Крестьяне и другие	Промышленные люди	Служилые люди	Всего	Добыто соболей на 1 охотника
	привилегированные	непривилегированные					
1640	абс.	4397	12043	130	5972	22771	78
	%	19,3	52,9	0,6	26,2	100	
1644	абс.	6351	7616	6843	2441	23344	35
	%	27,2	32,6	29,3	10,5	100	
1646	абс.	8107	11263	7478	2226	29618	65
	%	27,4	38,0	25,3	7,5	100	
1648	абс.	10920	3856	2149	3260	20967	41
	%	52,1	18,4	10,2	15,6	100	
1651	абс.	4981	5437	24	337	10954	34
	%	45,5	49,6	0,2	3,1	100	
1654	абс.	2631	2891	2126	2141	10329	53
	%	25,5	28,0	20,6	20,7	100	
1657	абс.	431	4014	930	1885	7410	59
	%	5,8	54,2	12,5	25,5	100	
1659	абс.	2548	6151	193	1578	10516	86
	%	24,2	58,5	1,8	15,0	100	
1660	абс.	2143	6653	896	2844	13233	43
	%	16,2	50,3	6,8	21,5	100	

¹ ЦГАДА, ЯПИ, оп. 4, д. 9, лл. 2-145, д. 12, лл. 20-99 об., д. 117, лл. 2-68, д. 183, лл. 1 об. - 63, д. 269, лл. 3-143, д. 270, лл. 2-65, д. 410, лл. 3-56 об., д. 502, лл. 3-65, д. 592, лл. 56-130, д. 648, лл. 91-131 об., д. 699, лл. 105-198.

пали пушнину в Якутске, Мангазее (Туруханске), Енисейске и Илимске, в крупных центрах, а не на промыслах.²¹²

В табл. 32, составленной по таможенным приходным книгам, показано участие в скупке соболей в Якутске представителей разных социальных категорий. Нечеткость терминологии (название одних и тех же лиц в разных книгах промышленными или торговыми людьми, торговыми или крестьянами), невозможность в ряде случаев отличить самостоятельных торговых людей от приказчиков заставляет осторожно относиться к показаниям таблицы. И все же можно уверенно говорить, что первенство в скупке соболей принадлежало непривилегированному купечеству²¹³, на долю которого за 5 учетных лет из 9 приходилась половина и больше всех перекупных соболей, и только в 1648 г. оно оказалось позади привилегированных торговых людей, которым, бесспорно, принадлежало общее второе место. Впрочем, деление купцов на привилегированных и непривилегированных весьма условно. Среди последних были богатейшие люди. Но другого надежного критерия для выделения богатого и наиболее влиятельного купечества нет.

Много соболей скупали крестьяне отдельных крупных феодалов, тоже в большинстве торговые люди. Часто они и назывались просто торговыми людьми, поэтому резкое падение удельного веса их перекупной пушнины в отдельные годы частично объясняется терминологической нечеткостью таможенных документов. Примерно на таком же уровне, как торговые крестьяне, шли промышленные люди, доля которых в учетные годы колебалась от 3,1 до 26,2%. Совсем мало соболей (от 0,4 до 5,2%) покупали служилые люди.

За 20 лет не произошло заметных изменений в соотношении разных социальных групп, участвовавших в скупке пушнины в Якутске, о чем свидетельствует близость удельного веса их покупок в 1660 и 1640 гг. Резкие колебания по годам объясняются, помимо нечеткости источника, тем, что крупные торговые люди при медленном обороте капиталов не могли

²¹² Процент промышленных соболей от общей их массы, прошедшей через таможни Восточной Сибири, показан в 4 — 8 табл. приложения.

²¹³ И в Западной Сибири — в Тобольске — первое место в скупке пушнины принадлежало русскому непривилегированному купечеству. См. О. Н. Вилков. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке, стр. 245.

систематически поддерживать торговлю на одном уровне.²¹⁴ Присутствие или отсутствие на рынке, например, Босых или Осколков сразу же меняло удельный вес привилегированного купечества или крестьян. Прослеживается какая-то закономерность в участии промышленных людей в скупке пушнины — зависимость их торговой активности от добычливости промысла. Только в 1646 и 1659 гг. при высокой средней добыче промышленные люди купили мало и в 1660 г. при небольших промысловых успехах купили много соборей. В остальных 6 лет добычливость охоты и удельный вес промышленных людей в скупке соборей находились в прямой зависимости. Может быть, промышленные люди чаще заканчивали свою деятельность в Сибири в добычливые годы и уезжали на родину, закупив на резервные деньги соборей.

Таможенные приходные книги, ценные своей многочисленностью, оставляют в тени продавцов пушнины, да и о покупке дают лишь суммарные данные. Конкретный ход пушной торговли отражают книги сбора записных пошлин. Анализ этих книг по Центральной Якутии за 1640 и 1643 гг.²¹⁵ показывает, что самыми многочисленными продавцами соборей были промышленные люди — по 9 человек из каждых 10 продавцов. Им также принадлежало большинство проданных партий и соборей, но с последовательным снижением удельного веса: 8 из 10 партий пушного товара и $\frac{3}{4}$ общего количества проданных соборей. Половина остальных продавцов была представлена служилыми людьми, однако они продавали соборей самыми мелкими партиями, поэтому их роль, как поставщиков пушнины, в 40-х годах была мало заметной. Значительно больше (17—18%) соборей продавали непривилегированные торговые люди. Их было всего 3% среди продавцов, но партии пушного товара у них были в несколько раз крупнее, чем у промышленных и тем более у служилых людей. Привилегированные торговые люди систематически пушниной не торговали.

Промышленные люди составляли абсолютное большинство и среди покупателей пушнины (71% в 1640 и 51,6% в 1643 г.), но обычно их покупки были небольшими, хотя и среди про-

мышленных были крупные предприниматели и торговцы. Свыше 60% соборей покупали торговые люди, а вместе с крестьянами, которые тоже в большинстве были торговыми людьми, — около $\frac{3}{4}$. Соотношение доли привилегированного и непривилегированного купечества, как отмечалось выше, было непостоянным, но в целом в пользу последнего. Наибольшее количество и более крупные партии соборей в среднем приобретали торговые люди из привилегированных и крестьяне. Конкретные сделки и общее количество пушнины у отдельных торговых людей были неодинаковы, но совершенно очевидно, что хозяевами якутского пушного рынка были купцы, привилегированные и непривилегированные.

В. А. Александров, изучавший пушную торговлю в Енисейске в 40—80-х годах XVII в. и в Туруханске в 1678 г., пришел к несколько иному выводу о конкретном ходе торгова соборями: «Большая часть промышленников и служилых людей быстро продавала свои меха, и на рынке оставалась сравнительно небольшая группа перекупщиков и крупных скупщиков, между которыми завершались основные рыночные операции».²¹⁶ Вероятно, в Енисейске, который был не только промыслово-торговым, но и ремесленным, и земледельческим центром, наблюдались свои особенности пушной торговли. Имеет значение и хронологическое несоответствие сравниваемых явлений: в середине и третьей четверти XVII в. часть пушнины продавалась до уплаты промысловой десятинной пошлины и без поименной регистрации продавцов, в начале 40-х годов этого еще не наблюдалось. Практика оформления торговых сделок без поименной регистрации продавцов позволяла скупать пушнину повсеместно, хотя официально торговля разрешалась только на гостиных дворах и, очевидно, отражала возникшее торговое посредничество. В конце XVII в., когда прямые связи промышленников с Европейской Россией прекратились, а сами промышленники рассредоточились по тайге и тундре, обзавелись подсобным хозяйством и реже посещали крупные рынки, посредническая торговля приобрела широкий размах, причем в роли посредников часто выступали служилые люди. И. С. Гурвич считает, что в конце XVII в. все служилые люди якутского гарнизона были и промышленниками и подторговщиками.²¹⁷ Появились посредники в среде самих промышлен-

²¹⁴ Н. В. Базилевич. Крупное торговое предприятие в Московском государстве в первой половине XVII века. Л., 1933; В. А. Александров. Указ. соч., стр. 282, 284—285.

²¹⁵ Подробнее см.: П. Н. Павлов. Некоторые особенности пушной торговли в Восточной Сибири времени расцвета соборинного промысла (30—50-е годы XVII в.). «Из истории Сибири», вып. 5. Красноярск, 1971, стр. 99—107, табл. 2.

²¹⁶ В. А. Александров. Указ. соч., стр. 282.

²¹⁷ И. С. Гурвич. Русские на северо-востоке Сибири в XVII в. «Сибирский этнографический сборник», т. 5. М., 1963, стр. 87.

ников. Однако в середине XVII в. и несколько позднее непосредственные связи промышленников с крупными сибирскими и поморскими рынками еще не прекратились, а на этих рынках при слабой дифференциации цен для широкой посреднической торговли не было условий.

Допускаемое в литературе преувеличение посреднического торгового пушниной обусловлено и характером источников. Таможенные приходные книги не фиксировали ни число купленных партий, ни дату покупки пушнины, а время уплаты десятинной пошлины и время покупки не совпадали. Богатые купцы обычно не спешили с уплатой десятинной пошлины²¹⁸, вероятно, потому, что она вносилась оптом, раз-два в сезон после окончания всех или целой серии покупок²¹⁹.

Торговля пушным товаром или регистрация этой торговли производилась не ежедневно. В Якутске в 1643 г. соболями торговали 42 дня с 10 октября до 20 июля (и одна сделка 31 августа), десятинную пошлину за перекуп принимали 45 дней с 18 июня до 31 августа. В большинстве случаев дни торговли и уплаты десятинной пошлины не совпадали. Лишь 18 дней таможня регистрировала куплю-продажу и брала десятинную пошлину.

Напряженность торговых дней была неравномерной. В 1643 г. массовая скупка соболей началась в 3 последних дня июня, в первые дни июля активность снизилась, 7, 8 и 9 июля достигла апогея, затем после однодневного перерыва и некоторого спада наблюдался новый подъем, наконец, после кратковременного затухания, 20 июля торговля совсем прекратилась. С окончанием торговли началась массовая уплата десятинной пошлины.²²⁰ Для наглядности в таблице 33 пока-

²¹⁸ Так же поступали крупные предприниматели из торговых людей и с уплатой десятинной пошлины за промышленную пушнину. Это видно из сравнения явчей и приходной таможенных книг Якутска за 1657 г. Торговый человек Ем. Як. Ворыпаев с покрученниками с промысла в Якутск возвратился 17 мая. Покрученники десятинную пошлину платили 29 мая и 7 июня, а сам Е. Я. Ворыпаев — 10 июля. 17 же мая Матв. Як. Ворыпаев получил соболей с промысла от сына, а десятинную пошлину платил 31 августа, между тем как покрученник из той же ватаги платил 10 июля. Подобные примеры не единичны (ЦГАДА, ЯПИ, оп. 4, д. 592, лл. 15, 79 об., 90 об., 98, 26 об., 110 об., 97 об.).

²¹⁹ О времени уплаты десятинной пошлины за перекупных соболей разными социальными группами в Якутске в 1643 г., в Енисейске в 1647 г., в Мангазее — Туруханске в 1642 г. см.: П. Н. Павлов. Указ. соч., стр. 111—114, табл. 3.

²²⁰ П. Н. Павлов. Указ. соч., стр. 99—107, 111—114.

Таблица 33

ВРЕМЯ ПОКУПКИ СОБОЛЕЙ И УПЛАТЫ ЗА НИХ
ДЕСЯТИННОЙ ПОШЛИНЫ В ЯКУТСКЕ В 1643 г.
(в процентах)

Покупатели	Время покупки пушнины и уплаты пошлины									
	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь	январь	февраль	март	Итого
Торговые привилегированные	1,8	24,8	63,5	9,9	—	—	—	—	—	100
	—	3,1	—	—	—	—	38,8	58,1	—	100
Торговые люди	0,6	4,1	14,3	81,0	—	—	—	—	—	100
	—	4,8	1,0	—	40,1	27,9	12,6	13,6	—	100
Крестьяне	—	—	58,1	41,9	—	—	—	—	—	100
	—	3,5	—	—	—	96,5	—	—	—	100
Промышленные люди	0,3	21,6	4,8	73,3	—	—	—	—	—	100
	—	24,0	12,7	—	17,6	14,1	23,9	7,7	—	100
Служилые люди	39,7	0,2	58,1	—	—	—	—	—	—	100
	—	—	—	—	—	—	—	87,2	12,8	100

зано соотношение времени покупки соболей и уплаты десятинной пошлыны в 1643 г. в Якутске.²²¹ Раньше всего десятинную пошлыну платили промышленные люди, за ними непривилегированные торговые люди, затем крестьяне и, наконец, представители купеческой верхушки. Такой порядок уплаты десятинной пошлыны может создать впечатление о посреднической роли среднего и мелкого купечества. Однако по времени покупки соболей перечисленные группы шли почти в обратной последовательности: привилегированное купечество, крестьяне, промышленные и торговые люди, а до начала июля: привилегированные купцы, промышленные люди, торговые и крестьяне. При отсутствии разницы между оптовыми и розничными ценами в торговле выигрывал, очевидно, первый, а не последний по времени покупатель: при большом спросе могло не хватить соболей. Богатые купцы через своих агентов быстрее распродавали привозные товары и своевременно располагали наличными деньгами. При этом непременно надо учитывать ростовщические операции купечества, долговую кабалу многих промышленников, которые добычу продавали не тому, кто дороже платил, если даже и был такой выбор, а тому, кто ранее ссудил их деньгами или предметами снаряжения.

Массовой перекупки (покупки с последующей перепродажей) пушныны на якутском рынке в 40-х годах XVII в. не было, о чем можно судить хотя бы уже по тому, что $\frac{3}{4}$ соболей покупалось непосредственно у промышленных людей, и торговые люди, продававшие соболей, практически все занимались промыслом. Немногочисленные перекупные операции²²² по времени сделок и по своему характеру обычно были далеки от скупки соболей у промышленников с целью перепродажи их оптовикам.²²³

Громадное большинство торгующих либо только продавало, либо только покупало пушныну. Больше всех продал В. П. Курочкин — 1231 соболя, а купили больше всех Босые. Приказчики Кирилл Босого Л. И. Толстоухов, Яков Осипов, Б. И. Воронин, И. Е. Босой купили в Якутске в 1643 г. у 326 человек

12801 соболя на 13974 руб. 80 коп. не считая шуб и мелочи²²⁴.

Своеобразием сибирского пушного торгога—абсолютным преобладанием прямой скупки мехов у непосредственных добытчиков без посреднических операций—во многом объясняется очень медленный процесс формирования местного сибирского купечества. Сибирские торговые люди не имели никаких преимуществ перед купечеством европейской части страны. Покупая пушныну на месте, они вынуждены были продавать ее и покупать встречные товары на рынках Европейской России. Главная линия конкурентной борьбы проходила через торговлю «рускими» товарами, в которой приезжие были сильнее.

Во время массового промыслового движения пушныной на сибирских рынках торговали исключительно на деньги. Однако и тогда имел место прямой обмен пушныны на хлеб и промышленные товары,²²⁵ особенно когда товары забирались в долг. Позднее, по крайней мере на окраинах Сибири, меновая торговля стала господствующей формой обмена. В XIX в., по наблюдению Ф. Белявского, почти все русские жители Березова «доставляют себе пропитание посредством торгога с инородцами» на русские товары.²²⁶ Несколько позднее чиновник Н. В. Варадинов меновую торговлю в Туруханском крае объяснял тем, что там всегда был совершенный недостаток в монете, ее заменяла меновая сделка, и капиталы жителей состояли в одних звериных шкурах.²²⁷ Но самый недостаток денег создавался искусственно. Когда промышленники утратили прямую связь с крупными рынками, торговцы, пользуясь фактически монопольным положением, умышленно препятствовали свободной купле-продаже. Еще в начале XX в., как писал Я. М. Свердлов в «Очерках Туруханского края», некоторые торговцы-скупщики не принимали иначе ни рыбы, ни пушныны как в обмен на товары²²⁸. При такой торговле

²²⁴ ЦГАДА, ЯПИ, оп. 4, д. 92, лл. 1 об. — 123.

²²⁵ И. И. Селиверстов. Торговля и промыслы русских в Якутии в 40—60 гг. XVII в. Автореферат. Л., 1952, стр. 13.

²²⁶ Ф. Белявский. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833, стр. 30—31.

²²⁷ Н. Варадинов. История Министерства внутренних дел, ч. 2, СПб., 1862, стр. 267—268.

²²⁸ Я. М. Свердлов. Избранные произведения, т. 1. М., 1957, стр. 63.

даже номинальными эквивалентами пушнины были мука, табак²²⁹ и другие товары, а в тех случаях, когда при меновой торговле формально расчеты велись на деньги, номинальная цена пушнины не имела большого значения. Как отмечает Ю. А. Гегемейстер, тунгусы, даже задолжавшиеся у торговцев, отдают звериные шкуры по одной установленной ими цене. «Покупщику спорить нельзя, и он возмещает убыток (надо было сказать: получает прибыль.—П. П.) на цене товаров»²³⁰. В XIX в. откровенно колониальный характер пушной торговли на северных окраинах Сибири в равной мере распространялся на русское и нерусское промысловое население²³¹. В XVII в., во время расцвета соболиного промысла, меновая торговля относилась в основном к коренному населению Сибири, причем на громадной территории Сибири формы пушной торговли с местным населением варьировали от едва прикрытого грабежа до покупки пушного товара по одинаковым для всех ценам на деньги. Уже в 1604 г. «верхотурский жилец» торговый человек Василий Лучанин, по словам верхотурского «ямского охотника», «меняет соболи и лисицы на всякий мягкий товар, на сукна и на однорядки и на всякие товары с Вагуличи, а у кого сведает какой товар, и он перекупает, молотчим людям товару никакого купити не дает; сам деи на котором товаре дает рубли два или три, возмет рублей восемь и десять или пятнадцать...»²³².

Торговля русских с местным населением разрешалась обычно только после ясачного сбора и, как правило, лишь на гостиних дворах. Размеры ее в разных уездах были неодинаковы. В Западной Сибири, где, наряду с ясачными, были свободные от ясака служилые люди из нерусского населения и слабее была конкуренция со стороны русских промышленников, удельный вес пушнины, поставляемой на рынки аборигенами края, был значительным. В Тобольском уезде в 1639—1695 гг. «среди самих охотников-продавцов пушнины было больше татар и остяков, нежели русских».²³³ В Томске в

²²⁹ Г. П. Башарин. История аграрных отношений в Якутии (60-е годы XVIII — середина XIX вв.). М., 1956, стр. 190.

²³⁰ Гегемейстер. Статистическое обозрение Сибири, ч. 2, СПб., 1854, стр. 520.

²³¹ П. Н. Павлов. Потомки землепроходцев в Туруханском крае в первой половине XIX в. «Из истории крестьянства Восточной Сибири». Красноярск, 1966, стр. 113—114.

²³² АИ, т. 2, стр. 57—58.

²³³ О. Н. Вилков. Указ. соч., стр. 234.

1675 г. торговый человек Ф. А. Азовец пушнину «выбрал... из долгов и тотар и у калмыков... за привозные русские товары». Там же в 1684 г. гость Семен Лузин купил у татар 644 соболя и другую пушнину на 486 руб. 10 коп.²³⁴ Русские торговые люди, несмотря на правительственные запреты, приобретали пушнину в обмен на привозные товары и частично на деньги.²³⁵

В Восточной Сибири значительная официально зарегистрированная покупка соболей у местного населения имела место только в Енисейском уезде²³⁶. В основном пушнину скупали служилые люди в Предбайкалье и Забайкалье. В 1639 г. только официально учтенная покупка соболей у местного населения приближалась к ясачному сбору, в 1640, 1642—1647 гг. превысила ясачный сбор по всему Енисейскому уезду. Однако у русских промышленников покупали соболей в несколько раз больше. В 1650-е годы покупка соболей у местного населения сократилась, примерно, до 1000 в год, в 60-е годы держалась на уровне 400—650, в 70-е годы иногда достигала 700 штук, затем совсем прекратилась. Фактически под видом «покупки у иноземцев» служилые люди привозили в Енисейск захваченную при подчинении новых земель пушнину, чем и объясняется подъем такой «торговли» в 30—50-е годы. В Мангазейском уезде официальная покупка пушнины у местного населения производилась нерегулярно и в небольших количествах. Чуть больше покупали в Центральной Якутии, а на окраинах Якутского и в Илимском уезде таможенные приходные книги такую покупку совсем не отмечают²³⁷.

В Восточной Сибири практически все подвластное население было обложено ясаком, сбор ясака затягивался, поэтому торговые и служилые люди чаще действовали в обход правительственных постановлений. Часть нелегально купленной у ясачных людей пушнины, в том числе при посредничестве служилых людей, выдавалась за приобретенную на гостиних дворах в розницу без поименной регистрации продавцов, часть — за пушнину своего промысла.²³⁸ В обмен шло и промысловое снаряжение. В 1642 г. ясачные тунгусы на Вилею сообщили служилому человеку В. Горемыкину, что торговые и промышленные люди покупали у них соболей до ясачного

²³⁴ ПГАДА, СП, кн. 594, лл. 429 об. — 430, кн. 810, лл. 41—51.

²³⁵ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 2, стр. 94—96.

²³⁶ См. табл. 5 приложения.

²³⁷ См. 4, 6, 7 и 8 табл. приложения.

²³⁸ ЛОИИ, ЯА, карт. 11, столб. 38, л. 14.

сбора, говоря: «У казаков де нет вам ясти ничево, ни котлов де нет ничево, нечем де им торговать». Взяли они за котел 20 соболей, за другой 15 соболей, в пяти случаях по 8 соболей за котел, за топоры 3 и 5 соболей²³⁹. Бывало, что служилые люди принудительно навязывали свой товар ясачным людям в обмен на пушнину²⁴⁰. Нечего и говорить о неэквивалентном, грабительском характере такой торговли. В обмен на пушнину шли не только «русские» товары. В 1639 г. торговые и промышленные люди в Якутске сообщали, что они участвовали со служилыми людьми в походах на «непослушных людей» и захватывали у них скот, а потом меняли «на соболи с иноземцы»²⁴¹.

Временами, если не постоянно, тайная торговля принимала широкий размах. По данным якутской таможни, приведенным И. И. Селиверстовым, в 1643—1651 гг. торговыми людьми было куплено 12280 соболей и 4800 собольих пупков по таможенной оценке на 14401 руб. Из этого числа «лишку объявилось» сверх проезжих грамот всякой мягкой рухляди на 8403 руб. Из допроса и при проверке оказалось, что значительная часть пушнины была «иноземного промысла», а не покупки у служилых людей, как пытались доказать владельцы пушнины²⁴². Позднее якутский воевода И. В. Приклонский писал в Москву, что при прежних воеводах «ясачные сборщики, будучи в ясачных волостях, воровали, на малые свои и худые товары меняли и с ясачных людей имали лучших соболей и иного зверя на год сороков по 300 и больше, а вам великим государям в ясак имали сороков по 90»²⁴³. Воевода,

²³⁹ ЛОИИ, ЯА, карт. 3, стлб. 23, лл. 96—100.

²⁴⁰ С. А. Токарев. Указ. соч., стр. 269—270. Принудительный обмен иногда навязывали и местные жители русским. В 1652 г. на Нижней Тунгуске тунгусы «похинули» промышленным людям «сильно в стан 2 бобра да кошлочишко» и взяли взамен пешню да два топора. В 1654 г. тунгусы взяли у промышленных людей муку, за которую отдали 68 соболей (С. Б. Вахрушин. Снаряжение русских промышленников в Сибири в XVII веке. «Исторический памятник русского арктического мореплавания в XVII веке». Л.—М., 1951, стр. 89—90). В 1652 г. на р. Чае тунгусы взяли у промышленников 9 пудов муки, 4 топора, котел, 7 ножей, «а ровдужишка де нам покинули» (ЛОИИ, ЯА, карт. 13, стлб. 5, л. 53).

²⁴¹ ЦГАДА, ЯПИ, оп. 3, 1639, д. 18, л. 1.

²⁴² И. И. Селиверстов. Торговля и промыслы русских в Якутии в 40—60-е гг. XVII века. Канд. дисс., стр. 194.

²⁴³ С. А. Токарев. Указ. соч., стр. 269.

подчеркивая нерадение и «воровство» предшественников, сильно преувеличил размеры тайной торговли. В 1675 г. в Якутском уезде на заставах были проверены «пожитки» служилых людей, возвращавшихся в Якутск с казенной пушницей из Алазейского, Зашиверского, Верхоянского, Нижне-Янского, Жиганского и Чаринского зимовий. Всего у них оказалось 159 соболей, 26 лисиц, 11 волков, «санаях» волчий, «санаях» олений, 6 одеял заячьих, одеяло песцовое, мех песцовый, 35 оленьих ровдуг, 420 постелей оленьих и «недорослей» оленьих, а также рыба и рыбий жир²⁴⁴. По показаниям служилых людей, которым также нельзя полностью доверять, пушнина была либо собственного промысла, либо купленная у ясачных людей после ясачного сбора. Было бы ошибкой сводить промысел нерусского населения Восточной Сибири только к ясачному. Другое дело, что в качестве поставщиков пушнины на рынки Восточной Сибири русские промышленники явно преобладали. Размеры торговой прибыли зависели не только и даже не столько от ее нормы, сколько от масштабов операций. Торговые люди, не упуская случая обогатиться, местное население, в несколько раз больше пушнины приобретали у русских промышленников. После присоединения к России расширился обмен между народами Восточной Сибири. С. А. Токарев цитирует отписку казачьего десятника с Виллюя, в которой сообщается, что 1649 г. якуты приезжали на Виллюй целым караваном «человек со сто, а все с товаром... и ясачных тунгусов оторговали, соболи у них выкупили...»²⁴⁵. Ясачный режим сдерживал торговлю местного населения, консервировал примитивные ее формы.

На первый взгляд может показаться, что пушная торговля в XVII в., сыгравшая существенную роль в накоплении крупных купеческих капиталов в России, не оказала заметного влияния на экономику Сибири. Практически вся товарная часть сибирской пушнины вывозилась за пределы края, уходила из Сибири и торговая прибыль. На сибирских рынках господствовало купечество европейской части страны. Однако в действительности пушная торговля оказала достаточно глубокое воздействие по существу на все отрасли народного хозяйства Сибири.

На протяжении многих десятилетий пушнина в качестве единственного товара противостояла всем привозным товарам, которые покупались не только русскими промыс-

²⁴⁴ ЛОИИ, ЯА, карт. 28, стлб. 4, лл. 74—90.

²⁴⁵ С. А. Токарев. Указ. соч., стр. 156.

ленниками и нерусским населением в обмен на пушнину, но и крестьянами, посадскими, служилыми людьми. Высокие и слабо дифференцированные цены пушнины препятствовали наводнению Сибири дешевыми промышленными и продовольственными товарами, содействовали развитию местного земледелия и ремесла. Не случайно русские сибирские крестьяне и посадские долгое время слабо участвовали в пушном промысле и торговле, а промышленные люди в общей сложности массами садились на пашню или поселялись в сибирских городах. Занятия ремеслом и земледелием были выгодными.

* * *

Значение любой отрасли хозяйства в экономике страны или края определяются целым рядом факторов, но в первую очередь удельным весом ее продукции.

С присоединением Сибири пушная охота сразу приняла широкие масштабы. Уже в конце 20-х годов XVII в. стоимость годовой добычи в Сибири превысила 100 тыс. руб. по казенной «разборной» оценке. С середины 30-х до середины 70-х годов вся добытая пушнина стоила не менее 200 тыс. руб. в год, а в отдельные годы середины века — до 250 тыс. руб. Только во время кризиса пушного промысла в последней четверти XVII в. уровень добычи заметно упал, в конце 80-х — начале 90-х годов ниже 100 тыс. в год, однако в самом конце XVII в. общая добыча пушнины снова превысила 100 тыс. руб. и продолжала медленно нарастать. За столетие продукция пушного промысла в Сибири составила немного меньше 15 млн. руб. В том числе значительно больше половины пушнины добыто частным, преимущественно русским, промыслом, который только в последние десятилетия века, когда частная добыча составляла 40—45 тыс. руб. в год, временно уступал ясачному промыслу. Сравним это с производством хлеба, главного продукта земледелия — ведущей, по общему мнению, отрасли хозяйства в Сибири XVII в.

По расчетам В. И. Шункова, в конце XVII в. в Сибири ежегодно получали около 4 млн. пудов всякого хлеба, в том числе около 2 млн. пудов ржи²⁴⁶. В основном производящем

²⁴⁶ В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М., 1956, стр. 252. Это подтверждается также данными о казенных поставках хлеба в Сибири в конце XVII в. См. В. И. Шунков. К вопросу о характере хлебооборота Сибири в XVII в. «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России». М., 1961, стр. 79—80.

районе хлеб стоил дешево. В Тюменском и Туринском уездах пуд ржи в 80-е годы XVII в. — начале XVIII в. стоил 1,5—3 коп., в Верхотурском и Тобольском уездах несколько дороже, по 3—4 коп. В этих уездах площадь возделываемой земли составляла не менее трех четвертей общесибирской запашки, поэтому цена восточносибирского хлеба не оказывала решающего влияния на общую сумму. Впрочем, и в восточных уездах цена хлеба, при всех резких колебаниях по годам, была относительно невысока. В Енисейске в 40—50-е годы пуд ржи обычно стоил от 6 до 10 коп., иногда дороже, в последние десятилетия века дешевле, в 1687 г., например, всего 3 с четвертью коп. Примерно на таком же уровне держались цены в Красноярске. В Илимске в 50-е годы пуд ржи стоил 10—11 коп., в конце века дешевле. В Иркутске в 80—90-е годы пуд ржи стоил от 3 до 12 коп.²⁴⁷ Овес и ячмень везде стоили дешевле ржи. Считая в среднем пуд всякого хлеба по 2—3 коп., общий годовой сбор хлеба в Сибири в конце XVII в. должен был стоить около 100 тыс. руб., столько же или чуть меньше стоимости пушнины. Допуская, что земледелие, не испытывая в целом резких колебаний, развивалось по восходящей линии, стоимость его основной продукции за столетие можно определить в 5—6 млн. руб., в 2—3 раза меньше результатов пушного промысла. В пользу пушнины оказывается и сравнение только русского промысла с земледелием, почти исключительно русским. В середине XVII в. пушнина русского промысла стоила, по крайней мере, в 3 раза дороже хлеба русского производства, еще в в 70-х годах превосходила его и лишь в последней четверти XVII в. производство хлеба по стоимости быстро вышло на первое место, превосходя русский частный пушной промысел в конце века примерно в 3 раза.

Сопоставление более высоких «разборных» цен пушнины с рыночными хлебными особенно не нарушает пропорции, потому что, во-первых, сравнивается весь валовой сбор хлеба по

²⁴⁷ В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири, стр. 59, 252, 340—341; он же, География хлебных цен Сибири XVII в. «Вопросы географии», сб. 31. М., 1953, стр. 193—195; А. Н. Копылов. Енисейский земледельческий район в середине XVII в. и его значение для снабжения Восточной Сибири хлебом. «Труды Московского историко-архивного института», т. 10. М., 1957, стр. 129; В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня, т. 1. Иркутск, 1949, стр. 256—257; О. И. Кашик. Из истории заселения Иркутского уезда в XVII — начале XVIII вв. «Ученые записки Иркутского пединститута», вып. XVI. Благовещенск, 1958, стр. 269; В. А. Александров. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в., стр. 261.

существо только с товарной продукцией пушного промысла, к тому же далеко не полностью учтенной, и, во-вторых, цены хлеба при закупке на местах, по заимкам, были ниже рыночных. Но и в пересчете на рыночные цены стоимость пушнины до последней четверти XVII в. оказывается значительно выше стоимости хлеба.

Обобщающих данных по другим отраслям хозяйства пока еще нет. Значительным должен был быть удельный вес животноводства. Уже в середине XVII в. «прожиточные» крестьяне имели по 4 и больше лошадей.²⁴⁸ На рынки поступало мясо, сало, масло, кожи и другие продукты. На тобольский рынок в 1640-е годы поступало свыше 300 голов скота, в конце века — до 1600 голов ежегодно²⁴⁹, енисейские мясники в конце XVII в. являли на убой до 240 голов скота²⁵⁰. Широко распространена была торговля лошадьми. Товарная продукция животноводства в конце XVII в. должна была исчисляться многими тыс. руб. Выросло промышленное производство. В Тобольске на рубеже XVII и XVIII вв. товарная производительность только кожевенной промышленности достигала 4000—5000²⁵¹ кож стоимостью в 4—5 тыс. руб. Дальнейшие исследования позволят выявить соотношение отраслей хозяйства Сибири, но уже теперь можно утверждать, что пушной промысел играл крупную роль в экономике Сибири в целом.

Удельный вес пушного промысла в разных частях Сибири и на разных этапах был неодинаков. Несмотря на общесибирское распространение промысла, более или менее отчетливо прослеживается его географическое размежевание с сельскохозяйственным и промышленным производством. В Западной Сибири, где было сосредоточено свыше $\frac{3}{4}$ посевных площадей, уже в середине XVII в. стоимость всей пушнины в 2 с лишним раза, а добыча русского промысла в несколько раз уступала стоимости валового производства хлеба. К концу века это соотношение еще больше изменилось в пользу земледелия. Не сразу, но, по-видимому, еще в первой половине века частный товарный промысел оказался там позади ремесленного производства. В Восточной Сибири пушной промысел, в

²⁴⁸ История Сибири, т. 2, стр. 70.

²⁴⁹ О. Н. Вилков. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке, стр. 31.

²⁵⁰ А. Н. Копылов. Русские на Енисее в XVII в., стр. 170.

²⁵¹ О. Н. Вилков. Указ. соч., стр. 37.

том числе и только частный товарный, до конца XVII в. оставался ведущей отраслью хозяйства.

При сравнении пушного промысла с другими отраслями хозяйства Сибири XVII в. отчетливо выступают две особенности: необычайно быстрое его развитие, приведшее в середине века к наивысшему для феодальной эпохи уровню, и почти полная товарность, включая и продукцию принудительного ясачного промысла, которая пополняла царскую казну своеобразной валютой. Пушной промысел оказал огромное влияние на весь ход хозяйственного развития Сибири, особенно ее восточных районов, привлекая в Сибирь, наряду с охотниками-профессионалами, массу крестьян, посадских и служилых людей и втягивая Сибирь через пушную торговлю в систему зарождавшегося всероссийского рынка.

В силу своеобразия русского промысла, осуществлявшегося на протяжении многих десятилетий пришлыми охотниками и связанной с этим особенностью пушной торговли с извлечением основной прибыли от продажи привозных товаров, пушная охота долго не привлекала русских сибиряков, не стала монопольной отраслью хозяйства и не только не подавляла все другие отрасли, но и объективно содействовала их развитию. Поэтому можно считать, что значение пушного промысла в народном хозяйстве Сибири XVII в. было не меньше удельного веса его продукции.

СОКРАЩЕНИЯ

- ААН — Архив Академии наук в Ленинграде.
АИ — Акты исторические
АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России
ГАНК — Государственный архив Красноярского края
ГИМ — Государственный исторический музей
ДАИ — Дополнения к Актам историческим
ИПИ — Иркутская приказная изба (ф. 1121 ЦГАДА)
ЛОИИ — Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР
ПМ — Портфели Миллера
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РГО — Русское географическое общество
РИБ — Русская историческая библиотека
РИО — Сборник Русского исторического общества
СГТ и Д — Собрание государственных грамот и договоров
СП — Сибирский приказ (ф. 214 ЦГАДА)
ТМКГ — Таможенные книги Московского государства
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
ЯА — Якутские акты (ф. 160 ЛОИИ)
ЯПИ — Якутская приказная изба (ф. 1177 ЦГАДА)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оценка промысловой колонизации как в узком плане, так и в связи с общим ходом заселения и хозяйственного освоения Сибири не может быть однозначной.

Развитие пушного промысла, чисто экстенсивного даже при рациональных методах хозяйства, не только требует обширных территорий, но и вообще возможно лишь в определенных районах. Поэтому переселение (как и отхожий промысел) поморских промышленников в Сибирь с ее огромными и слабо используемыми пушными богатствами в целом было, безусловно, целесообразным. Вместе с тем почти безграничные на первых порах возможности выбора охотничьих угодий порождали хищническое отношение к природе, усиливаемое крупным промысловым предпринимательством и государственной политикой. Истребленное в значительной мере поголовье соболей, самое ценное пушное богатство Сибири, успешно восстанавливается только в наше время и далеко не везде еще достигло естественной нормы.

Не менее противоречиво воздействие пушного промысла на развитие других отраслей хозяйства, причем значение этого воздействия было неодинаково в разных частях Сибири на разных этапах развития промысла.

Земледелие и пушной промысел, главные отрасли русского хозяйства в Сибири XVII в., в громадной степени зависят от природных условий, а так как необходимые условия для обоих видов деятельности различны, естественно и географическое их размежевание. Однако в XVII в. это размежевание далеко не достигло естественных рубежей. Земледельческое освоение Сибири и теперь еще далеко не закончено, в XVII же веке «нельзя отметить даже тенденцию к более или менее сплошному освоению земельных площадей».¹

¹ В. И. Шунков. Географическое размещение сибирского земледелия в XVII веке. «Вопросы географии», сб. 20. М., 1950, стр. 232.

Три четверти пашни тогда размещалось в пределах относительно небольшого Верхотурско-Тобольского района.

Не достиг в XVII в. природных границ и профессиональный частный пушной промысел. До конца XVII в. промышленников не интересовала тундровая зона. В Западной Сибири было только два очага (Сургутский и Томский) относительно развитого промысла. Сплошной промысловый район ограничивался Мангазейским, Якутским, Енисейским и Илимским уездами, к которым позднее примыкали Иркутский и Нерчинский. В Сибири на протяжении всего XVII в. были обширные зоны вне сферы активной хозяйственной деятельности русских.

Границы развитого земледелия и пушного промысла соприкасались только в Енисейском и Илимском уездах. И все-таки сопоставление земледельческой Западной Сибири, где, включая Томский и Кузнецкий уезды, размещалось свыше 80% пашни, с промысловой Восточной Сибирью, дававшей свыше 90% пушнины частного промысла, вполне оправдано.

В Западной Сибири промысловый и земледельческий потоки переселенцев были параллельными, слабо взаимодействовали и имели различные цели и результаты. Земледельцы в массе оседали на восточных склонах Урала и в прилегающих районах, а охотники, не задерживаясь, шли в Восточную Сибирь. Западная Сибирь из-за этого определенно недополучала возможный контингент переселенцев. В то же время массовая покупка промышленниками западносибирского хлеба стимулировала там развитие товарного земледелия, так что отрицательные и положительные результаты более или менее уравнивались.

В Восточной Сибири пушной промысел до 20-х годов XVIII в. прошел два этапа, ограниченные 70-ми годами XVII в. Первый этап был временем развитого соболиного промысла, прошедшего через стадии возникновения, расцвета и упадка, вплоть до почти полного запрещения, за которым последовал кризис всего пушного промысла. Освоение пушных богатств шло тогда вместе с присоединением территорий Сибири к России, пушной промысел вступал в полосу расцвета обычно еще до полного утверждения царской власти. Это объясняется большим опытом колонизации промысловых окраин, возросшим спросом на пушнину, наличием массы промышленников и достаточных средств, в том числе крупных капиталов, наконец опорой промысла на развивавшееся в Сибири земледелие и ремесло.

На этом этапе общая добыча пушнины в 2—3 раза превышала по стоимости весь валовой сбор зерна, при этом соболий мех, наиболее ценный на рынках, никогда уже потом не играл такой большой роли в пушных заготовках: на его долю приходилось свыше 90% стоимости всей добываемой тогда в Сибири пушнины, а в Восточной Сибири в середине XVII в. — свыше 99%. С сибирским соболиным промыслом было связано накопление многих крупных и крупнейших купеческих капиталов в стране и яркий расцвет поморских рынков, а с кризисом соболиного промысла — обеднение ряда влиятельных купеческих фамилий и упадок северных торговых центров.²

Как показано в работах советских сибиреведов, избыточный поток промышленников, среди которых было много крестьян и посадских людей, не занимавшихся на родине профессиональной охотой, был главным резервом формирования крестьянского и посадского населения Восточной Сибири. Если для развития западносибирского земледелия промысловое движение было определенной помехой, то земледелие на Енисее в значительной мере, а дальше к востоку почти полностью было обязано ранним возникновением этому промысловому движению. Кроме того, полной товарностью продукции и выходом ее за пределы края пушной промысел способствовал развитию сельскохозяйственного и промышленного производства: когда промысел был по преимуществу отхожим, значительная часть мехов вывозилась из Сибири непосредственными добытчиками, поэтому продажные цены пушнины даже на отдаленных рынках были достаточно высокими; торговые люди, вынужденные дорого платить за пушнину, всемерно поднимали цены на привозные промышленные и продовольственные товары, а это благоприятствовало производству хлеба и некоторых промышленных товаров на месте. Торговля пушниной была тогда почти единственной нитью, связывающей Сибирь с хозяйством страны.

В целом пушной промысел, несомненно, оказал положительное влияние на развитие восточносибирского земледелия, но он усиливал его экстенсивный характер, что в исторической перспективе послужило одной из причин некоторой

² Н. В. Базилевич. Таможенные книги как источник экономической истории России. «Проблемы источниковедения», сб. первый. М.—Л., 1933, стр. 116; И. С. Макаров. Пушной рынок Соли Вычегодской в XVII веке. «Исторические записки», 1945, кн. 14, стр. 168.

застойности восточносибирской экономики, отмечаемой исследователями для конца феодальной эпохи.³

Кризис соболиного промысла не повлек за собой упадка всего народного хозяйства Сибири. Земледелие, промышленное производство, добывающая промышленность были на подъеме. Крепли межрайонные торговые связи в Сибири и расширялись связи Сибири и через Сибирь России со странами Азии.⁴ Не был слишком затяжным и кризис пушного промысла, причем условия для его изживания были подготовлены уже на первом этапе развития пушного промысла.

На втором этапе пушной промысел пошел тем же путем небыстрого, но с закреплением позиций развития, каким с самого начала шло земледелие, с той лишь разницей, что пушной промысел как присваивающая отрасль хозяйства в своем поступательном движении лимитировался природными возможностями края, постепенно сдавал позиции одной отрасли хозяйства за другой, но не терял при этом важного значения. Тогда окончательно завершилось превращение пушного промысла в органическую часть народного хозяйства Сибири. К концу периода охотничий промысел принял те формы, в которых он просуществовал до конца феодальной эпохи.

³ Ю. В. Кожухов. Русские крестьяне Восточной Сибири в первой половине XIX века. Л., 1967, стр. 381.

⁴ В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М., 1956, стр. 303—357; В. А. Александров. Русское население Сибири XVII—начала XVIII вв. М., 1964, стр. 268—294; А. Н. Копылов. Русские на Енисее в XVII в. Новосибирск, 1965, стр. 230—248; О. Н. Вилнов. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М., 1967; История Сибири с древнейших времен до наших дней, т. 2. Л., 1968, стр. 90—93, и др.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	
1. Пушной промысел и промысловая колонизация Сибири XVII в. в исторической литературе	3
2. Источники	34
Глава 1. Сибирь как поставщик пушнины до присоединения края к России	
1. Пушная охота в дорусской Сибири и выход сибирской пушнины за пределы края	40
2. Ранние связи Руси с Сибирью и проникновение русских в Сибирь до присоединения ее к России	51
Глава 2. Пушнина в торговле и финансах России	
1. Пушнина на внутреннем и внешнем рынках	69
2. Пушнина в государственном бюджете	97
3. Сибирская пушнина в XVII в. и последующее время	104
Глава 3. Естественные запасы пушных зверей в Сибири и степень их использования в XVII в.	
1. Численность соболей и расселение их в Сибири	122
2. Природные запасы несоболиной пушнины	150
Глава 4. Организация пушного промысла	
1. Техника и способы промысла пушных зверей	160
2. Экономика организации промысла	189
3. Эффективность пушной охоты	208
Глава 5. Место пушного промысла среди других отраслей народного хозяйства Сибири	
1. Расцвет соболиного промысла	231
2. Переход к интенсивному промыслу несоболиной пушны	259
3. Меха́вая промышленность в Сибири	306
4. Некоторые особенности пушной торговли в Сибири XVII в.	321
Заключение	346

Павел Николаевич Павлов

Пушной промысел в Сибири XVII в.
(Учебное пособие)

Сдано в набор 30. VI. 1972 г. Подписано к печати 17. X. 1972 г.
Объем 25,75 п. л., 23 уч.-изд. л.
Формат бумаги 60×84/16. Тираж 600 экз. Заказ 6214. Цена 1 руб. 80 коп. АЛ00260.

Тип. «Красноярский рабочий»,
г. Красноярск, пр. Мира, 91.